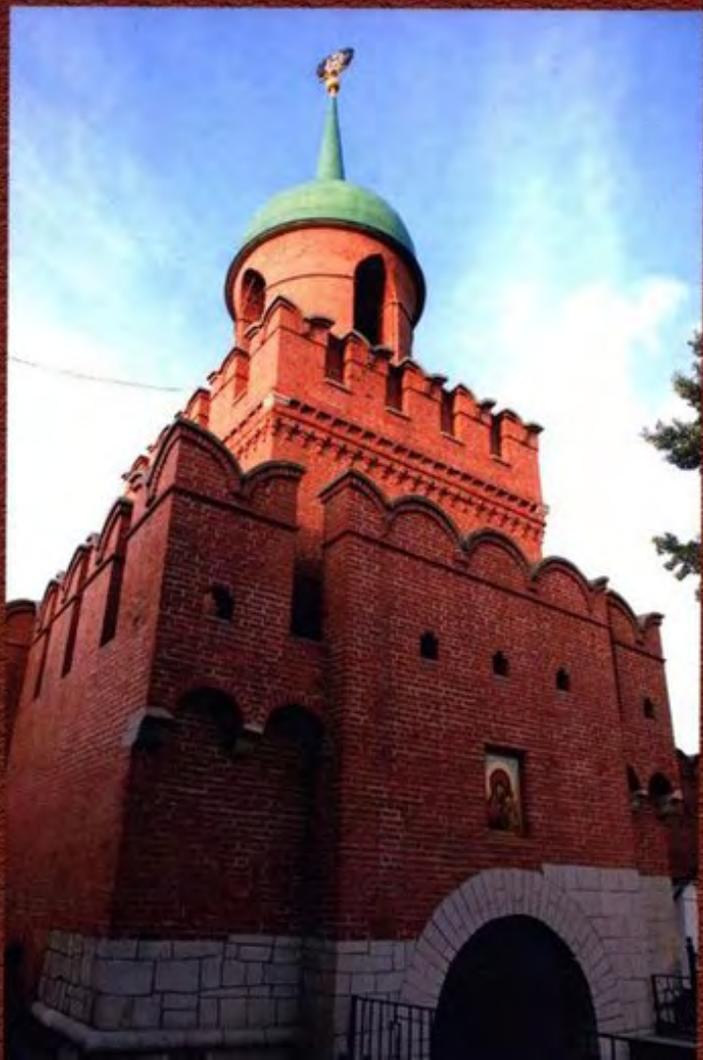

Тульский кремль и южные рубежи России

Институт российской истории Российской академии наук
Государственный исторический музей
Министерство культуры Тульской области

Тульский кремль и южные рубежи России

*Материалы
Всероссийской научной
конференции*

Москва
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т82

Редакционная коллегия:

В.Н. Захаров (ответственный редактор), А.К. Левыкин,
Д.В. Лисейцев, Ю.А. Петров, А.Д. Яновский

Т82 Тульский кремль и южные рубежи России (Материалы Всероссийской научной конференции). [Текст] / [отв. ред. В.Н. Захаров] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М. : Ин-т рос. истории РАН , 2020 . — 351, [1] с.

ISBN 978-5-8055-0383-3

Издание включает в себя статьи, подготовленные по материалам приуроченной к 500-летию возведения Тульского кремля всероссийской научной конференции, проходившей в 2019 г. в городе Туле. В центре внимания авторов статей — важнейшие страницы истории Тулы и южных оборонительных рубежей Российского государства в XVI—XVIII вв. Книга адресована специалистам и всем интересующимся отечественной историей.

*В оформлении обложки использованы фотографии К.С. Носова
«Одоевская воротная башня» и «Рокка Сфорцеско в Сончино»*

ISBN 978-5-8055-0383-3

© Институт российской истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

Содержание

От редколлегии	5
Раздел I. Тула и города южного порубежья в социально-экономической и политической жизни Российского государства XVI—XVIII вв.	
<i>А. В. Лаврентьев</i> Два «града»: к истории строительства Тульского кремля	9
<i>А. В. Виноградов</i> Посольский съезд и размен под Ливнами и Царёвым-Борисовым 1601—1602 гг.	33
<i>О. В. Новохатко</i> Служилые люди южного порубежья дома и на службе (XVII век)	44
<i>А. В. Беляков</i> Участие ногайских мирз в событиях Смутного времени. От Тулы до Калуги	57
<i>Д. В. Лисейцев</i> Тула в экономической жизни Московского государства первой половины XVII века	73
<i>Р. Н. Евдокимов</i> Служба казаков в полках Украинного разряда Российского царства в 1613—1645 гг.: от восстановления разрядной полковой организации до её передвижения к Белгородской черте	95
<i>А. В. Малов</i> Сквотрон ротмистра Христофора Рыльского в 1634 г. или появление гусарского «строя» в России	109
<i>О. В. Скобелкин</i> Учёт артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г.	136
<i>В. М. Брезгунова</i> Служебные функции черкас Воронежского края во второй половине XVII века	149

И. Н. Юркин

«Лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях...»: тульские засеки как малоизученная локация рудокопного промысла XVII—XVIII веков 157

Раздел II. Тула и Тульский край XVI—XVII столетий в зеркале материальных источников

К. С. Носов

Тульский кремль в кругу русских кремлей в итальянском стиле (конец XV — первая треть XVI в.): общее и особенное в оборонительном зодчестве 191

А. Н. Медведь

«Цвингер», «захаб», «косые ворота»: эволюция русских систем обороны крепостных ворот и европейский контекст ... 232

К. Н. Фомин

Формирование тульского городского посада XVI века по археологическим данным 243

И. Г. Бурцев, А. В. Дедук

Укрепления Тульских засек: выявленные объекты и перспективы дальнейшего поиска 268

Е. П. Васильева, М. И. Гоняный

Казачьи слободы Епифанского уезда и металлические кресты второй половины XVI—XVII вв., обнаруженные на их территории 299

Н. А. Счастливая, О. Н. Сотскова, Ю. В. Матвеева,

Е. Ю. Гузеева, А. О. Наумова, А. В. Савёлова,

Е. М. Волкова, Е. В. Барабанова, А. А. Мамонова

Изучение и реставрация знамени XVII в. (Одоевского?) из фондов Государственного Исторического музея 330

Сведения об авторах 349

От редколлегии

Славная история города-героя Тулы началась с тех далёких времён, когда она возникла в стратегически важном месте — на стыке владений великих князей московских, рязанских и литовских. Строившие российскую государственность московские князья отлично осознавали значение этого края, и вскоре по завершении создания централизованного Российского государства Тульская земля стала исключительно важным оборонительным рубежом на пути становившихся всё более мощными и опустошительными набегов крымских татар и ногайцев. Здесь, к югу от Оки, у слияния Тулицы и Упы пятьсот лет назад была воздвигнута мощная крепость, преградившая кочевникам путь на Москву. Тульский кремль стал ядром оборонительной системы, сложившейся в XVI столетии в протянувшуюся на десятки верст Большую засечную черту. В течение многих десятилетий русские воины, опираясь на эту оборонительную линию с центром в Туле, отражали многочисленные грабительские набеги со стороны «Поля», угрожавшие порой безопасности самой Москвы. Важно понимать также, что обеспечение безопасности этих мест вело к быстрому освоению окрестных территорий, развитию земледелия и ремесла, становлению городской жизни. История Тульского кремля и Большой засечной черты должна остаться в памяти поколений и продолжает привлекать внимание учёных.

30 сентября — 1 октября 2019 г. в Туле прошла организованная Институтом российской истории РАН при содействии Правительства Тульской области Всероссийская научная конференция «Тульский кремль и южные рубежи России». В ходе конференции участниками было сделано более двух десятков научных докладов, каждый из которых вызвал искренний интерес слушателей и оживлённую научную дискуссию. Этот научный форум стал одним из важных событий в серии мероприятий, посвящённых 500-летию завершения строительства Тульского кремля. Юбилей, широко отмечаемый на Тульской земле, не может оставить равнодушными тех, кому дорога память о замечательных страницах исторического прошлого России. Предлагаемая вниманию читателя кни-

га содержит материалы докладов, прочитанных на конференции «Тульский кремль и южные рубежи России». Основное внимание докладчиков было посвящено истории Тулы и российского южного пограничья в XV—XVIII вв. в преломлении новых письменных и материальных источников. Авторы и составители этого сборника статей надеются, что их коллективный труд поможет решить ряд дискуссионных и малоисследованных вопросов в богатой истории Тульского края и станет подарком жителям Тулы к 500-летию возведения одной из главных твердынь Российского государства — Тульского кремля.

Раздел I

Тула и города южного порубежья
в социально-экономической
и политической жизни
Российского государства XVI – XVIII вв.

А.В. Лаврентьев

Два «града»: к истории строительства Тульского кремля

Завершение к концу августа 1520 г. строительства «града на Туле камена», Тульского кремля¹ стало ключевой частью реализации общегосударственной программы по укреплению южного пограничья Великого княжества Московского, начатой великим князем Иваном III и продолженной его сыном, Василием III. М.И. Мильчик характеризует её как «фортификационный скачок»², когда за несколько десятилетий возвели ряд новых крепостей, в наши дни зачастую именуемых «кремлями»³, современниками же характеризовавшихся как «грады».

Все «кремли» России возводились из кирпича. К 1520 г., году завершения строительства Тульского кремля, их имелось всего три, Московский Кремль (1485—1495 гг.), детинец Новгорода Великого (1484—1499 гг.) и «кремль» Нижнего Новгорода, заложенный в 1500 г. и завершённый или в 1515, или после 1516 г.⁴

¹ Летописная дата окончания строительства — 7028 г. от Сотворения мира (ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 36; Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 401; Т. XXVI. М., 2007. С. 310; Т. XXXIV. М., 1978. С. 13). Принятый в России XV—XVII вв. сентябрьский год начинался 1 сентября, и время завершения строительных работ соответствует периоду между 1 сентября 1519 и 31 августа 1520 г. Эту датировку можно сузить, поскольку строительный сезон, как правило, длился всего пять месяцев, с середины апреля по середину сентября (*Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел. М., 1930. С. 66, 95; *Раппопорт П.А.* Строительное производство Древней Руси. СПб., 1994. С. 113). Встречающаяся в летописных памятниках иная датировка завершения работ, 1519 г. (ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 160; Т. XXXI. М., 1968. С. 127), равно как и известие Владимирской летописца о закладке Тулы в мае 1519 г. (ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 144), скорее всего, ошибочна.

² *Мильчик М.И.* Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна, 2009. С. 128—129; *Епифанов П.П.* Крепости // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977. С. 326.

³ *Кирпичников А.Н.* Кремли России // Кремли России. Тезисы докладов Всероссийского симпозиума (Москва, 23—26 ноября 1999 г.). М., 1999. С. 8—9.

⁴ *Носов К.С.* Русские крепости конца XV—XVII вв. СПб., 2009. С. 25—26; *Носов К.С., Петров Д.А.* Возведение Московского Кремля, Новгородского детинца и крепости Ивангород в контексте строительной ситуации в Московском государстве в 1480—1490-х гг. // Вопросы истории фортификации. 2013. № 4. С. 21—38; *Трофимов И.В., Кирьянов И.А.* Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 31. М., 1953; *Асафонов С.Л.* Нижегородский кремль. Нижний Новгород, 2008. С. 28 (коммент. Б.М. Пудалова).

Ещё в 3-й четверти XV в. традиционный строительный материал Северо-Восточной Руси с домонгольского времени, белый камень, перешёл на вспомогательные роли, уступив в русском зодчестве место кирпичу. Из белокаменных блоков с того времени клалась только нижняя часть стен, лом белого камня использовался для забутовки внутреннего пространства между кирпичными панцирями прясел, из него же изготавливали известь — основу связующих строительных растворов.

Тем не менее, кирпичные постройки по традиции определялись в России как «каменные», строительство носило название «каменного дела», зодчие именовались «каменных дел мастерами», а руководившее ими с конца XVI в. государственное учреждение называлось Приказом Каменных дел⁵.

Переход в России в последней трети XV в. с белого камня на кирпич имел и чисто материальную подоплёку. Его использование выгоднее белого камня в силу дешевизны⁶: белокаменный храм, по подсчётам исследователей, обходился дороже кирпичного в десять раз⁷. Даже при возведении кирпичных крепостей на добычу, перевозку и обработку необходимого для строительства, но не главного материала, белого камня, уходило более половины трудозатрат, в то время как на кирпичные работы — чуть более одной пятой⁸. Неудивительно, что единственными белокаменными городскими укреплениями, возведёнными в России во второй половине XV—XVI вв., были стены и башни Серпуховского кремля (1556 г.)⁹, не имеющие

⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 42—43. Ср.: «каменщик... мастеровой, занимающийся... стройкою из дикого камня или кирпича» (*Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 81).

⁶ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961. С. 469.

⁷ *Сперанский А.Н.* Указ. соч. С. 19; *Заграевский С.В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М., 2002. С. 141—143.

⁸ *Носов К.С.* Опыт расчёта трудозатрат на строительство Смоленской крепости. 1596—1602 годы // Проблемы отечественной истории. Сборник научных статей. М., 2008. С. 96, 100.

⁹ В письменных источниках Серпуховской кремль не упоминается, дата строительства, 1556 г., есть только в Словаре географическом Российского государства А. Щекатова (М., 1804). Она принята исследователями (*Симсон П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М., 1880. С. 96; История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 389). И.А. Воротникова и В.М. Неделин, без ссылки на источник, указывают более широкую дату, «с начала 1550 по 1556 г.» (*Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М., 2013. С. 272). Длина его стен 933 м при пяти оборонительных башнях (*Воротникова И.А., Неделин В.М.* Указ. соч.). В 1367 г. белокаменный московский кремль Дмитрия Донского, при длине стен, в два раза превышавшей серпуховские, 1 898 м, и девяти башнях, поста-

го аналогий в практике строительства своего времени, что, как кажется, поддается объяснению. Вблизи Серпухова, в Домодедовской волости Московского уезда, находились Мячковские каменоломни, а среди серпуховичей имелись собственные каменосечцы¹⁰. Оба эти фактора могли резко удешевить строительство белокаменной крепости, предопределив выбор, повторимся, уже не использовавшегося в это время в качестве основного материала белого камня.

Тула, как и все остальные города, где в конце XV—XVI вв. строились каменные крепости, в отличие от Серпухова не имела в момент начала работ ни собственных каменоломен, ни мастеров по обработке камня. Буквальное понимание летописной фразы, «градъ камень на Тулъ» как указания на материал, из которого возводился тульский кремль, неверно, а утверждение о том, что изначально он был целиком белокаменным, и «кирпичный... облик... кремля появился в результате кардинальной перестройки крепостных стен и башен в XVIII в.»¹¹, полностью противоречит как тому, что известно о развитии крепостного зодчества в России, так и простым экономическим расчётам.

Воскресенская летопись, созданная в великое княжение строителя Тулы, Василия III¹², «источник, которым пользовались... все историки Тулы»¹³, содержит два известия о «граде». Первое, под 1509 г., сообщает, что «повѣлениемъ великого князя Василя Ивановича поставленъ городъ на Тулъ деревянь» и «на пятое лѣто», т.е. пять лет спустя, в 1514 г. «поставиша градъ камень». О завершении строительства Тульского кремля Воскресенская летопись сообщает в другой статье, под 1520 г.: «свершиша городъ на Тулъ камень»¹⁴. Таким образом, в «летописной» истории Тулы присутствуют два «града», «деревянь» и «камень». Первый хронологически предшествовал второму (выстроен в 1509 г.). Каменный «градъ», в свою

вили всего за один летний сезон, 168 дней (*Воронин Н.Н.* Московский Кремль (1156—1367 гг.) // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М., 1958. С. 62—65). Поэтому шестилетний срок строительства Серпуховского кремля представляется сомнительным.

¹⁰ *Разумовский Ф.В.* Художественное наследие Серпуховской земли. М., 1992. С. 45.

¹¹ *Бурцев И.Г.* Город «каменной на Туле». Заметки к 500-летию тульского кремля // *Город Средневековья и Раннего Нового времени. История. Археология. Материалы 5 Всероссийского семинара.* Тула. Ноябрь 2013. Тула, 2016. С. 352—354.

¹² *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 472—473.

¹³ *Косточкин В.В.* Оборонительные сооружения древней Тулы // *Памятники культуры. Исследования и реставрация.* Т. 2. М., 1960. С. 45.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 250, 269; Т. XXVI. М., 2006. С. 301.

очередь, заложили в 1514 г. и завершили строительством шесть лет спустя, в 1520 г. — даты, в течение многих лет принятые в историографии¹⁵. Документов о строительстве русских «кремлей», включая самый большой, Московский, не сохранилось, так что историки вынуждены пользоваться лаконичными известиями русских летописей. Однако Туле повезло — кроме летописных данных существует и один документальный источник.

В течение XVI в. тульский кремль («город»), городской посад и сельская округа — уезд — неоднократно описывались¹⁶. До наших дней дошла только одна писцовая книга 1587—1589 гг., составленная через шестьдесят лет после постройки «града камена»¹⁷ (далее в тексте ПК. — *А.Л.*). В ней довольно подробно описана одна из частей посада Тулы, «старое тульское городище», сокращённо именуемое также «старым городищем» или просто «городищем», располагавшееся на противоположном от кремля берегу р. Упы при впадении в неё реки Тулицы¹⁸.

¹⁵ Литературу см.: *Косточкин В.В.* Оборонительные сооружения... С. 44. Примеч. 25; Тула. Памятники истории и культуры. Тула, 1973. С. 3—4; *Носов К.С.* Русские крепости... С. 27).

¹⁶ В 1551—1552 гг. (*Юшков А.И.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898. С. 149); 1567—1568 гг. (*Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. С. 338; 1563—1564 гг. (*Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рецензия на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. С. 166); 1585 г. (*Белоцерковский Г.М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1912. С. 15).

¹⁷ Известия Писцовой книги 1587—1589 гг. (далее в сносках ПК) сохранились в составе более позднего описания города и уезда, приправочной книги, «дозора» стольника С.С. Стрешнева «с товарищи», проводившегося по завершении Смуты, в 1619—1620 гг. (*Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование из истории кадастра и пошного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916. С. 635. Примеч. 2). Впервые ПК полностью издана Н.В. Калачовым (*Калачов Н.В.* Писцовые книги Московского государства XVI века. Кн. 1. Ч. 2. СПб., 1877. С. 1073—1259). Часть её текста с описанием кремля («города») и городского посада опубликована: Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 253—291. Г.М. Белоцерковский писцовое описание 1587—1589 гг. не точно относит к 1588—1589 гг., а несохранившиеся писцовые описания 1551—1552 и 1563—1564 гг. датирует только одним годом, в первом случае 1552-м и 1563-м во втором (*Белоцерковский Г.М.* Указ. соч. С. 14—15). Писцы могли заниматься своим делом только в тёплое время года. С этой точки зрения сентябрьский 1551/52 г., действительно, скорее всего, говорит о том, что работы проводились летом 1552 г., но по той же логике писцовые работы 1563/64 г. должны быть датированы исследователем летом 1564 г.

¹⁸ Города России XVI века... С. 276—278. В издании ПК, предпринятом Н.В. Калачовым, топоним пишется как «старое Тульское городище» (*Калачов Н.В.* Указ. соч. С. 1095).

Текст ПК подтверждает правоту одного из первых историков Тулы, сообщавшего, что «в настоящей окружности города есть место, *доднесь называемое городищем* (здесь и далее курсив мой. — А.Л.), которого... не осталось признаков, кроме названия», и находилось оно там же, где и «старое тульское городище» ПК, «на правой стороне Упы... при устье речки Тулицы»¹⁹. Так что «старое тульское городище» — не легенда²⁰, а реально существовавший ойконим, документально зафиксированный на посаде Тулы в XVI в. Имеет ли «старое тульское городище» отношение к истории появления двух «градов на Туле»? На самом деле, если с Тульским кремлем всё более-менее ясно, то предшествовавший ему деревянный «град» представляет известную загадку. В зависимости от того, связывали ли его с историей строительства XVI в. или же нет, историография поделилась на два направления.

Приверженцы первого полагают, что «старое тульское городище» — объект «домосковского» происхождения, со строительством XVI в. никак не связано, и «градъ камень» ставился на месте «града деревяна»²¹. Вторые, наоборот, считают «старое тульское городище» одним из двух «градов на Туль», местом дислокации деревянной крепости, полагая, что, в таком случае, «грады» стояли в разных местах²². Наиболее полно аргументы в пользу строительства крепости на одном месте приведены в фундаментальной работе о Тульском кремле выдающегося знатока русского оборонного зодчества В.В. Косточкина. Автор пришёл к выводу, что «деревянный кремль... был *заменён* каменным»²³, но описал последовательность

¹⁹ Левшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 г. Тула, 2006. С. 61.

²⁰ Ср.: «С его (А.В. Левшина. — А.Л.) лёгкой руки обрела жизнь в историографии легенда о “Старом тульском городище”» (Бурцев И.Г. Старое Тульское городище. К закрытию проблемы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 20).

²¹ Афремов И. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. С. 125—128; Косточкин В.В. Оборонительные сооружения... С. 44. Зачастую эта мысль выглядит как само-собой разумеющаяся: «В... Туле была... срублена деревянная крепость... она была перестроена в камне» (Носов К.С. Русские крепости конца XV—XVII вв. С. 27).

²² Екимов Ю. «Старое Тульское городище»: новая версия // Тульский краеведческий альманах. Тула. 2004. № 4. С. 5—11; Лаврентьев А.В. «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV — 1-й половины XV вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 211—235; Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI вв. М., 2011. С. 210—212.

²³ Косточкин В.В. Оборонительные сооружения... С. 45.

работ отличным от Воскресенской летописи образом и с иной начальной датой. Стены и башни Тульского кремля были, по его мнению, начаты строительством не в 1509, а в 1507 г., причём не в дереве, а сразу в кирпиче. С 1509 г. «в связи с активизацией крымцев и обострением напряжённой обстановки на юге... строительство приобрело иной характер: вместо камня городские мастера стали применять... дерево, что дало возможность ускорить темпы... работ», и в итоге «к 1512 г. ... Тула имела уже свой кремль... полукаменный-полудеревянный». Но в 1514 г. «строительство (Тулы. — *А.Л.*) в камне было продолжено и доведено... до конца... в 1520 г.»²⁴. Таким образом, крепость создавалась не в два, как пишет Воскресенская летопись, а в три этапа.

Городские укрепления комбинированного типа, в том числе каменно-деревянные, на самом деле в России известны²⁵. Замечу только, что если дело обстояло именно так, то Тульский кремль в этом смысле — исключение из правила: все прочие кремли России ставились сразу «каменными». Со времени появления исследования Косточкина «тульские» известия Воскресенской летописи во множестве публикаций признаются ошибочными, 1507 г. как дата начала строительства каменного тульского кремля постоянно присутствует в литературе, а его «смешанный», деревянно-кирпичный облик между 1509 и 1514 гг. считается доказанным фактом²⁶.

Так или иначе, но при таком подходе «старое тульское городище» оказывается выведенным за скобки изучения истории «градовъ на Тулѣ» XVI в., причём «градовъ» оказывается не два, как в летописном рассказе, деревянный и каменный, а три, каменный, дере-

²⁴ *Косточкин В.В.* Оборонительные сооружения... С. 45—47, 94—95.

²⁵ *Мокеев Г.* Древнерусские крепости комбинированного типа // Проблемы теории и истории архитектуры. Сборник материалов научной конференции молодых специалистов Научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. М., 1973. С. 78—85.

²⁶ Тула. Памятники истории и культуры. С. 28—29; *Муравьева А.Ф.* Тульский Кремль — памятник оборонного зодчества // Кремли России. Тезисы докладов Всероссийского симпозиума (Москва, 23—26 ноября 1999 г.). М., 1999. С. 65; *Муравьева А.Ф.* Этапы строительства Тульского кремля и его роль в защите южных рубежей Московского государства // III научно-практическая конференция «Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры». К 90-летию Серпуховского музея. Доклады, сообщения, тезисы. Мелихово, 2008. С. 216—221; *Шевчук А.* Из истории Тульского кремля // Тульский краеведческий альманах. Вып. 1. Тула, 2003. С. 34; *Ксенофонтов В.И.* Тульский кремль — форпост Московии. Тула, 2015. С. 3; *Зыкова Е.Г.* Тульский кремль в системе оборонительных укреплений Большой засечной черты // Тульский кремль и города Большой засечной черты. Краеведческий сборник к 500-летию возведения Тульского кремля. М., 2019. С. 8.

вокаменный и каменный. Соображения в пользу того, что первый «град на Туле», деревянный, выстроили на месте «старого тульского городища», привёл Ю.Г. Екимов. Исследователь предположил, что существовали два «града» с одинаковым названием, «расположенные в пределах единой территории». Деревянная крепость ставилась в 1507—1508/09 гг. и служила базой начатого в 1510 г. строительства тульского кремля; «с завершением в 1520 г. строительства, — заключает Екимов, — надобность в содержании деревянной крепости отпала... за постепенно ветшавшими укреплениями... давшими начало нынешней Туле... закрепляется название «старое Тульское городище»²⁷. Выводы Екимова о двух «градах», поставленных в разных местах, и деревянной крепости как военном и хозяйственном плацдарме при строительстве каменной, представляются обоснованными и справедливыми. С чем невозможно согласиться, так это с предложенной в публикации хронологией строительства. Если деревянная крепость действительно ставилась три года, между 1507 и 1509 гг., а кирпичная одиннадцать лет, с 1510 по 1520 гг., то Тула — чемпион русского средневекового долгостроя. Деревянные крепости в России рубились за один летний сезон, а, например, укрепления московского Кремля, в два с лишним раза превосходящие тульские длиной стен, количеством башен и всеми иными параметрами, поставили за тот же срок, 11—15 лет²⁸.

Нелишним будет ещё раз рассмотреть источники, на которые опирались как сторонники «двух градов на одном месте», так и считающие «грады» стоявшими отдельно. Начнём с первой точки зрения, наиболее аргументировано сформулированной Косточкиным. Интересно, что всего пятью годами ранее появления в печати фундаментальной работы по истории Тульского кремля тот же автор считал, как и его многочисленные предшественники, что «град камень» построили между 1514 и 1520 гг., а не заложили в 1507 г., и строительство не предполагало никакого промежуточного «полукаменного-полудеревянного» этапа²⁹. Первоначальное мнение маститого учёного изменили два обстоятельства: сопоставление исследователем разных летописных текстов о Туле и появление нового летописного памятника, предшественникам не известного, как полагал Косточкин, данными, кардинально меняющими картину строительства.

²⁷ Екимов Ю. Указ. соч. С. 5—11.

²⁸ Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Ч. 1. М., 1912. С. 30—33.

²⁹ Косточкин В.В. Крепостное зодчество конца XV — начала XVI вв. // История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 387—389.

Для начала следовало признать недостоверными хронологические выкладки столь популярной у историков Тулы Воскресенской летописи. Известия о постройке деревянного кремля и «замене» его через пять лет каменным помещены в одной статье, под 1509 г., что, по мнению автора «наводит на мысль о более поздней приписке» даты начала каменного строительства. Кроме того, в некоторых летописных текстах встречается только дата строительства «града деревяна», в других же только «камена». «Следовательно, — заключил В.В. Косточкин, — позднее происхождение известия о каменном строительстве 1514 г. становится ещё более очевидным».

На помощь автору в решении вопроса о датировке пришло известие краткого летописчика XVI в., составленного в Кирилло-Белозерском монастыре, относящее начало работ не к 1514, а к 1507 г.: «Лета 7015 поставлен город каменной на Туле»³⁰. Косточкин безоговорочно принял 1507 г. как наиболее точную дату начала строительства тульского кремля, известие же Воскресенской летописи о начале строительства в 1509 г. «града деревяна на Туле» истолковал как переход на другой строительный материал, достройку крепости в дереве, завершившуюся в 1514 г. созданием «полукаменных-полудеревянных» укреплений, впоследствии перестроенных к 1520 г. в целиком кирпичные. Ключевые выводы об этапах строительства сделаны Косточкиным на основе исключительно одного летописного текста, краткого Кирилло-Белозерского летописчика. С инвективами и предпочтениями исследователя в кругу памятников русского летописания XVI в. следует разобраться подробнее.

Во-первых, объединение в единой летописной статье двух разновременных известий об одном объекте и наличие только одного известия из этих двух в других летописях, показавшееся автору подозрительным, само по себе не означает, что Воскресенская летопись недостоверна. Связаны такого рода слияния и потери с самой техникой летописания: русские средневековые «историографы», соединяя разные источники, сокращая и редактируя их, в итоге создавали не собственно «летопись», погодное изложение событий, а «летописный свод», причём потери и соединения в тексте могли носить не только осмысленный, редакционный, но и чисто технический характер³¹. Во-вторых, В.В. Косточкин отнёсся

³⁰ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV—XVII вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 37.

³¹ *Лихачёв Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 370—371.

с полным доверием к дате краткого летописчика, исключив возможность ошибки в его тексте и проигнорировав как единичный характер такой датировки, так и то, что данный текст создавался как неофициальное, частное предприятие³², причём вдалеке от места описываемых событий³³. Примеров того, как в летописях, не только составленных вдалеке от Москвы и синхронных зафиксированным в ней событиям, пропускались и путались даты, имена и факты, великое множество. Для примера возьмём близкий тульскому сюжет, строительство Московского Кремля. Ключевое, например, событие, начало работ летом 1485 г., отсутствует в памятнике официального великокняжеского летописания, Московском летописном своде конца XV в.³⁴ и, в то же время, наличествует в связанном с ним Сокращённом московском летописном своде 1495 г. («6993 июля въ 19 заложена бысть стрѣлница на рѣцѣ на Москвѣ оу Чешковых воротѣ, а под нею выведенъ тайникъ а дѣлал ее Онтонъ Фрязинъ»)³⁵. Считается, что аналогичное известие прямо связанной с московским летописанием Симеоновской летописи изложено по Сокращённому своду 1495 г.³⁶, однако из текста первой выпал очень существенный топоним («іюля въ 19 заложена бысть на Москвѣ на рѣкѣ стрѣлница, а подъ стрѣлницею выведенъ тайникъ, а ставиль ее Онтонъ Фрязинъ»)³⁷. Аналогичное известие под «6993 июля 19» в изложении краткого летописца неизвестного происхождения XVI в. совершенно иначе передаёт фамилию архитектора («Антон Взязинъ»)³⁸, другой летописный свод XVI в. приписывает «Онтону Фрязину» строительство не одной башни, а двух и двух же «тайников», а тремя годами позже, «въ лѣто 6999» — ещё одной, третьей башни с тайным ходом³⁹. Количество примеров такого рода в русских летописях без труда можно умножить. Поэтому единичная в летописании дата начала строительства каменного кремля «на Туль», 1507 г., и сам характер краткого Кирилло-Белозерского летописчика не дают оснований считать его информацию единственно верной.

³² Там же. С. 335—336 («Утратив свой официальный характер, летописание сохраняется по областям, по монастырям и постепенно переходит в частные руки»).

³³ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 8.

³⁴ ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 331.

³⁵ Там же. Т. XXVII. С. 358.

³⁶ *Клосс Б.М.* Предисловие // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. III.

³⁷ ПСРЛ. Т. XXVII. С. 271.

³⁸ *Лурье Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 442.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXVII. С. 159.

Говоря о вероятности существования между 1509 и 1514 гг. «полукаменного-полудеревянного» тульского кремля, обратимся ко второму, «не летописному» аргументу Косточкина, внешнеполитическому. Смену спустя два года после начала работ кирпича на дерево исследователь связывал с возникшей необходимостью противостоять военной опасности, исходившей из Крыма, когда «крымские феодалы... вторглись в Воротынские и в Одоевские места»⁴⁰. Такое понимание логики взаимоотношений России и Крыма оказалось в литературе, посвящённой строительству крепостей юга, довольно живучим⁴¹.

Подчеркну важный аспект. Крепостное строительство, особенно каменное, продолжительное по времени и трудоёмкое, в зоне активных военных действий практически невозможно. Московский Кремль, например, начали строительством не после «Стояния на Угре», а пять лет спустя, в 1485 г., когда для России миновала не только татарская, но и литовская военная опасность⁴². Если, с другой стороны, срочная замена в 1509 г. кирпича деревом, как полагал Косточкин, действительно диктовалась «обострением напряжённой обстановки на юге», то в любом случае в 1514 г. «обострение» должно было смениться шестилетним «потеплением». Вряд ли в условиях военной угрозы из Крыма власти рискнули бы разобрать готовую деревянную часть крепостных построек и завершить к 1520 г. строительство «града» в первоначально планировавшемся материале, кирпиче. Так что и начало работ «на Туле», и их завершение проходили в относительно мирных условиях.

Немного о крымском «вторжении», которое имел в виду Косточкин. Оно никак не могло быть причиной ускорения работ, поскольку имело место не в 1509, а в 1507 г. Театр военных дей-

⁴⁰ Косточкин В.В. Оборонительные сооружения... С. 46.

⁴¹ См., напр.: «Около 1507 г. отношения между Московским государством и Крымским ханством... испортились... С этого времени крымские татары начинают совершать постоянные набеги на южнорусские земли, в том числе и на Заокские города» (Воротникова И.А., Неделин В.М. Указ. соч. С. 20); «Решение о начале строительства Тульского кремля было принято в тяжелое время разгрома в 1506 г. татарами русского войска, из 100 000 которого в живых осталось только 7 000 человек. После такого жестокого поражения в Москве опасались татарского вторжения, а сами татары с 1507 г. открыли новые военные действия... пытаясь заставить русских подписать выгодный для них мир» (Ключева Д.А. К вопросу об этапах строительства Тульского кремля // Карамзинские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. Белгород, 2017. С. 21).

⁴² Кучкин В.А. О начале перестройки каменных укреплений Московского Кремля при Иване III // Кремли России. М., 2003. С. 95—98.

ствий, «Воротынские и Одоевские места», располагался вдалеке от Тулы и к южным «рубежам» Руси отношения не имел. Верховья Оки были тогда зоной противостояния не Крыма и Москвы, а Москвы и Великого княжества Литовского, где Крым имел свои интересы, что, собственно и сделало его участником событий⁴³. Кстати, и последствия «вторжения» 1507 г. для русских земель описываются отнюдь не в катастрофических тонах⁴⁴. При этом хорошо известно, что в 1508 г., синхронно появлению «на Туль» крепости, хан Менгли Гирей, планируя поход на Астрахань, обращался за помощью к великому князю московскому⁴⁵. В 1509 г. крымская армия опустошала земли не Руси, а её военно-политического противника, Литвы и, едва ли не впервые, Польши, дойдя до Кракова⁴⁶. Ещё год спустя, в 1510 г., когда острота русско-крымских отношений, как будто бы годом ранее заставившая строителей тульского кремля начать спешную достройку укреплений в дереве, должна была находиться на пике, Василий III освободил из заключения под поручительство крымского хана и его семьи почётного пленника — казанского «царя» Абдыл-Летифа. За пленника ручалась его крымская родня, «царь Минлигирей и царица ево Нурь-салтана, мати Абдыл Летифа», а крымские послы в Москве великому князю «шertz дали Минлигиреевой душею». В том же году ханша Нур Салтан «съ своими детьми» проездом из Бахчисарая в Казань останавливалась в Москве как гостя Василия III, «и князь великий... встрѣтилъ ее честно з бояры»⁴⁷. Следовательно, год принятия российскими властями якобы вынужденного решения о спешной достройке каменного «града на Туле» в дереве, 1509-й, крымский хан пребывал с великим князем московским не только в мирных, но и в союзнических отношениях.

Почти трёхвековое военное и политическое противостояние России и Крыма началось не с образования в третьей четверти XV в. Крымского ханства, а много позже. Известна даже точная дата и этапное событие, целиком переменявшие эти отношения с мирных

⁴³ *Каргалов В.В.* На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое Поле: противостояние XIII—XVIII вв. М., 1998. С. 182.

⁴⁴ «Набег сам по себе был не очень опасен, но доставил много хлопот... правительству; шла война с Польшей и Литвой, и отвлечение даже незначительных сил на юг представлялось нежелательным» (*Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 187).

⁴⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 81, 508, 512; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 177—179, 184.

⁴⁶ *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 188.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 386; Т. XIII. М., 2000. С. 13.

или условно-мирных на конфронтационные. Речь идёт о первом походе крымского хана Магомед-Гирея за Оку в 1521 г.⁴⁸, предпринятом, когда тульский кремль уже год как был достроен. «Безбожный гордый Крымский царь, — отмечает в этом году русский летописец, — забывъ своеа клятвы правду... на ны воинствуетъ, ни дружбы первые ниже клятвы въспомянуль... прииде безвѣстно на великого князя отчину... повоевавъ и пълѣнъ не малъ собралъ»⁴⁹. Поминаемые летописью «клятвы» и «прежня дружба», забытые ханом в 1521 г. — не пустая декларация или фигура речи. До набега Магомед-Гирея в 1521 г. русско-крымские отношения выглядели мирно. Государства поддерживали интенсивные дипломатические контакты, в 1518 г. заключили очередной договор: хан «учинился съ великимъ княземъ въ крѣпкой дружбѣ и братствѣ въ всем... и на всѣхъ недруговъ учинился великому князю заодинъ». Согласно условиям договора, крымские войска ходили «на Лятцкую землю... дружа великому князю Василию Ивановичю»; как подчёркивает летопись, хан вторгся во владения польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I по «приказу» Василия III⁵⁰. Разумеется, действительность была разнообразнее. В 1512 г. «великого князя украины» подверглись неожиданному нападению «крымскихъ царевичевъ со многими людми». Масштабного столкновения удалось избежать, «князь великий... посла противу них... воеводъ многихъ. Татарове же... убоявся, вскорѣ отступиша»⁵¹. Набег был инспирирован, как полагали в Москве, не ханом, а Сигизмундом I. Ответные военные меры Василия III в связи с этим последовали в адрес Литвы, которую в Москве считали инициатором конфликта⁵².

Говоря о «крымском факторе» в истории строительства тульского кремля, отметим, что в набеге 1512 г. Тула как объект нападения не упоминается⁵³, первое же появление татар непосредственно у

⁴⁸ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 165; *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 205—222.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 38. О походе 1521 г. и его последствиях см.: *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 240—249; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 66—71.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 259, 265, 268, 269; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 188—194.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 15.

⁵² *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 170—171 (объекты нападения — Белёв, Одоев, Воротынский, Путивль, Брянск, Стародуб и Рязань); *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 190—191 (объекты нападения — Белёв, Одоев, Вортынский, Алексин и «земли далее по Оке в направлении Коломны и Каширы»).

⁵³ Татары «пришли на Белеву, и на Одоевъ, и на Воторынескъ, и на Олексинъ» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 15).

стен города летописи относят к 1517 г., когда 20 тыс. татар, «пришед на великого князя украину около города Тулы... начаша воевати»⁵⁴. Но и тут важно отметить одно обстоятельство. Перед набегом польский король отправлял посольство в Крым «съ великою казною», но не к хану, а к его детям, «царевичам», выступившим, как и в 1512 г., зачинщиками и организаторами нападения. В результате умелых действий воевод нападавших наголову разбили, и «такова убо бяше тогда... на Татарь побѣда, — якоже слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и от самыхъ Татарь которые приидоша опослѣ того ис Крыму яко отъ 20 000 и мало ихъ въ Крымъ приидоша, и тѣ пѣши и боси и наги»⁵⁵. В последовавших вскоре дипломатических контактах с Москвой хан подчёркивал свою непричастность к набегу, списав инцидент на своеволие родственников. Извинения были приняты, и в следующем 1518 г. Мухаммед-Гирей заключил с Василием III очередной, правда, последний в истории московско-крымских отношений, мирный договор⁵⁶.

Следовательно, говорить о масштабных потерях и военной угрозе из Крыма как об определяющем факторе в строительстве «града на Туле» оснований нет. Другое дело, что в Москве понимали хрупкость мира с бахчисарайскими «царями». И, похоже, на набег 1512 г. обратили серьёзное внимание. Тем более, что есть единичное известие Устюжского летописца о том, что крымцы в 1512 г. всё-таки появились, возможно, в районе Тулы — «кримские тотарове на Упѣ воевали»⁵⁷. Если это известие достоверно, то на Упу один из отрядов крымцев мог попасть Муравским шляхом, «главной полевой дорогой» из Крыма к Оке, которая «подходила... к верховьям Упы, пересекала Упу на Костомаровом броде и... по правому берегу Упы (курсив мой. — А.Л.) подходила к Туле. От Тулы можно было идти в любое место на среднем течении Оки»⁵⁸. Надо сказать, что именно на правом берегу Упы ПК помещает «старое тульское городище», напротив которого, на левом берегу, находится тульский кремль. Поэтому тревожная ситуация 1512 г.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 26 (1517 г.); Т. VI. Вып. 2. Стб. 408—409 (здесь 1516 г.). Уточнение даты см.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 173.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 26.

⁵⁶ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 173—174, 189—196.

⁵⁷ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 103.

⁵⁸ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 57. Ср.: «А в... Упу пала... Шиворонь... А выше Шиворони... на Упе на Муравском шляху Костомаров брод, а ходят в тот брод татарове, как бывает царев ход мимо Тулу» (Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 59).

могла стать причиной принятия решения о строительстве «на Туль» ещё одного града, «камена». Надо только помнить, что между принятием решения о строительстве и собственно началом работ должно было пройти не менее года, что хорошо известно по документам строительства Смоленской крепости. В 1595 г. указом царя Фёдора Ивановича боярину кн. В.А. Звенигородскому, дьякам и «городовому мастеру» Ф.С. Коню предписали ехать в Смоленск «на городовое дело» для подготовки «запасов» и организации строительства⁵⁹. Сами же работы начались только через год, в 1596 г., когда была готова смета, отпущены средства и мобилизованы кадры мастеров⁶⁰.

Мы ничего не знаем про принятие решений по Туле. Согласно летописным известиям, «каменное дело» началось в 1514 г., но административное лицо высокого ранга из окружения великого князя появилось и «на Туле», причём через год после набега 1512 г. и за год до начала строительства кремля, в 1513 г. Первым наместником Тулы был И.Ф. Тать-Хрипунов, назначенный в должность в 1526—1527 гг., однако ещё в марте 1513 г. «на Туле» побывал воевода великого князя Василия III Ф.Ю. Шука-Кутузов, которого Т.И. Пашкова считает тульским наместником⁶¹, что источниками как будто не подтверждается. Кутузовы — боярский род, принадлежавший к верхам московской аристократии. Отец Шуки, Юрий Фёдорович, служил боярином у великого князя Василия Тёмного. Высокие придворные позиции сохранил и его единственный сын, член Боярской думы, в 1512/13 воевода в Смоленском походе⁶². Что делал «на Туле» в 1513 г. крупный вельможа, источники не уточняют, но можно предполагать, что в его задачу входили организационно-финансовые заботы по подготовке строительства «града камена», начавшегося на следующий год после визита Ф.Ю. Шуки-Кутузова, в 1514 г., и продлившегося шесть лет.

Среди известий о завершении в 1520 г. строительства особого внимания заслуживает известие Никоновской летописи, ключевого памятника русского летописания начала XVI в. Свод был создан в год завершения строительства «града на Туле», и его сведения

⁵⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 450—451.

⁶⁰ Косточкин В.В. Государев мастер Фёдор Конь. М., 1964. С. 73—76.

⁶¹ Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 161.

⁶² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 430—431.

надо учитывать и в силу официального характера Никоновской летописи, и его высокой информативности⁶³. Рассказ о завершении строительства тульского кремля в ней завершает следующая фраза: «соверъшиша город камен на Тульѣ и именоваша его по прежнему его имени град Тула, а рѣка под нимъ Тула же»⁶⁴. Дело надо понимать так, что «прежнее имя», Тула, перешло к вновь построенному каменному «граду» от другого «града», стоявшего на реке того же названия («Тула же») и по этой реке наименованного. Летописец недаром подчеркнул преемственность в гидронимии названий «градов». Тульский кремль стоит, как известно, не на реке «Тула», а на Упе. «Тула, город каменной, стоит на реке на Упе на левом берегу», — описывает положение кремля русский географический справочник конца XVI в.⁶⁵

Стало быть, град с «прежним именем... Тула», передавший своё название Тульскому кремлю, располагался на р. Тулице — летописной «реке Туле», правом притоке Упы, впадающем в неё практически напротив тульского кремля. Именно там, «за рекою... Упою на усть речки Тулицы... по берегу», ПК локализует «старое тульское городище». В таком случае «прежним градом» — предшественником каменного, надо считать летописный «град древян на Тульѣ», располагавшийся на «старом тульском городище». Путаницу, однако, вносит тот факт, что в состав Тульского уезда XVI в. входила территория с близким «старому тульскому городищу» наименованием, «стан Старое Городище», один из восьми станов сельской округи города⁶⁶. В XVII в. здесь располагались двадцать шесть сёл, погостов и деревень при тридцати четырёх пустошах⁶⁷; земли стана Старое Городище размежевали в поместное владение тульским детям боярским⁶⁸. Храмов на весь стан было два, Рождества Богородицы в селе Рождественское, Чулково тож, и Великомученика

⁶³ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 3, 19—23; *Клосс Б.М.* Летопись Никоновская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 49—50.

⁶⁴ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 181; ПСРЛ. Т. XIII. С. 36.

⁶⁵ Книга Большому Чертежу. С. 59.

⁶⁶ *Калачов Н.В.* Указ. соч. Стб. 1097—1260.

⁶⁷ *Шепкина Е.Н.* Тульский уезд в XVII-м веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам // *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*. 1892. Кн. 4. I. Материалы исторические. С. 58—65; *Белоцерковский Г.М.* Указ. соч. С. 178—179, 188—189.

⁶⁸ *Белоцерковский Г.М.* Указ. соч. С. 142—143. Ср.: *Акты служилых землевладельцев XV—XVII вв.* М., 2008. С. 360—361; *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века. С. 162, 390.

География на погосте на р. Гледешке. Содержались обе церкви приходскими общинами («строение мирское») и в каждом служило по одному священнику⁶⁹.

Географическое расположение стана Старое Городище маркируют гидронимы, перечисленные в ПК: река Осётр, речки Тулка, Тулица, Малая Гледешка, Дубенка, Любанка, на его территории находился Венёв монастырь. Даже если стан включал в себя территорию одной из трёх соименных рек Тулиц («Тулка» и «Тулица» ПК), он явно располагался не под стенами тульского кремля. Река Любанка, например, современным географическим описаниям региона неизвестна, но есть село Любень на р. Бобрехе (возможно, название речки в XVI в. выглядело как Любенка), и от Тулы до него 70 верст⁷⁰.

Такое близкое соседство двух схожих, но не идентичных топонимов на территории одного уезда не должно удивлять. «Старое городище» — топоним на Руси распространённый, сёла с таким названием известны в Белгородском и Данковском уездах⁷¹, местности — в Лихвинском уезде⁷² и на р. Псел⁷³, слобода «Старое Городище» существовала под Тобольском, соименное селение — в Курской губернии. Известны многочисленные сходные по составу топонимы типа Старый Городок (слобода в Белгородском уезде), Старый Город (село в Темниковском уезде)⁷⁴.

Повторюсь, ПК хотя и сокращает оба топонима одинаково («старое городище»), но очевидным образом различает объекты описания, один в составе городского посада, другой же уездный «стан» в сельской округе Тулы. Считать их только на основании топонимического сходства одной и той же территорией оснований нет⁷⁵.

«Старое тульское городище», в отличие и от «стана Старое городище» и от густонаселённых туляками ближайших окрестностей

⁶⁹ Щепкина Е.Н. Указ. соч. С. 66.

⁷⁰ [Малицкий П.И.]. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 624.

⁷¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 2. СПб., 1902. Среднерусская черноземная область. С. 120, 470, 268—269.

⁷² Антонов А.В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 283.

⁷³ Книга Большому чертежу. С. 109, 186.

⁷⁴ Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии и уезды... Ч. 5. М., 1807. Стб. 245, 338, 1182.

⁷⁵ Бурцев И.Г. Город «каменной на Туле». Заметки к 500-летию тульского кремля. С. 347—349.

кремля, стояло пустым. Царским указом, на который ссылается ПК, на нём «отмерели под новой девич монастырь» участок земли, «в длину семдесят сажен, а поперег тритцать сажен»⁷⁶. Если взять средний стандарт сажени допетровского времени в современные два метра с небольшим⁷⁷, то новый монастырь должен был занять площадь почти в гектар пустыющей земли, и это явно не вся территория «старого тульского городища». Из построек на «старом тульском городище» по состоянию на 1580-е гг. наличествуют только два храма и шесть дворов церковного причта: «двор поп Онуфрей, двор поп Алферей, двор поп Богдан, двор дьякон Фадей, двор проскурницын, двор пономарев»⁷⁸ при полном отсутствии дворов посадских людей. Следующая по времени сохранившаяся писцовая книга Тулы 1625 г. отмечает здесь ту же ситуацию⁷⁹.

Храмы «старого тульского городища» заслуживают особого внимания. Их два — «теплая Введенья Пречистые Богородицы... да... студеная Введенье же Пречистые Богородицы», у тёплого Введенского храма «в приделе Воздвижение Честнаго Креста, да в другом пределе Николы Чюдотворца». В момент описания Тулы обе церкви пребывали в печальном состоянии — «ветхи, завалились». При этом если «студеная» Введенская церковь вообще стояла без служб, не имея ни причта, ни «строения» — необходимых для литургии икон, богослужебной утвари, книг и священнических одежд, то в тёплой Введенской церкви хранились всё необходимое. И это было совсем не рядовое «строение» прихожан, каковым обычно наполнялись посадские церкви Тулы, а «государево царево и великого князя строение»⁸⁰. «Государевым строением» называет его и писцовая книга по Туле 1626 г.⁸¹ Так что полуразвалившийся храм «старого тульского городища» строило первое лицо Российского государства. Определение «царь» как будто должно указывать на то, что «строение» принадлежит первому русскому царю Ивану Грозному (1547—1584 гг.)⁸², который лично первый и последний раз

⁷⁶ Города России XVI века... С. 277—278.

⁷⁷ Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017. С. 223—230.

⁷⁸ Города России XVI века... С. 276—277.

⁷⁹ Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 3.

⁸⁰ Города России XVI века... С. 276—277.

⁸¹ Тула. Материалы для истории города... С. 14.

⁸² Писцовое описание составлено в первые годы правления второго русского царя, сына Грозного, Фёдора Иоанновича (1584—1598 гг.), но сомнительно, чтобы новый монарх за считанные месяцы правления успел что-то пожертвовать в Тулу, да ещё в ветхие храмы.

побывал в Туле летом 1555 г. и провёл здесь два дня после разгрома «крымского царя» в сражении на Судбишах⁸³.

Местом двухдневного проживания государя и его двора был тульский кремль, где и тридцать лет спустя, согласно ПК, всё ещё стояли пустующие «двор государя царя и великого князя, а бывал преж того Посника Толстого», а также «двор пуст государев да 6 мест дворовых»⁸⁴, надо думать, предназначавшихся для временного размещения дворовых чинов. Ближайшими к «двору государеву» храмами были две церкви тульского кремля, в том числе Архангельский собор, первенствующий храм города и уезда. Тем не менее никаких царских вкладов в кремлёвские храмы ПК не фиксирует, отмечая всего лишь два «приклада» к местному образу «Собор архистратига Гавриила», оклад иконы, данный воеводой кн. Фёдором Ноготковым, и «приклад золотой, а приложил боярин и воевода князь Тимофей Романович Трубецкой»⁸⁵. Кн. Ф.А. Ноготков-Оболенский показан в Разрядных книгах «на Туле» весной 1586 г., а кн. Т.Р. Трубецкой отмечен в том же чине в полковой росписи весны 1580 г.⁸⁶ Кажется маловероятным полагать Грозного «строителем» «ветхой» Введенской церкви «старого тульского городища». «Государево царево и великого князя строение», о котором сообщает ПК, скорее всего, описка в тексте, и имеется в виду не «царь и великий князь», а «великий князь». Им, в таком случае, мог быть только строитель тульского кремля Василий III. Великокняжеские вклады в храм поступили в любом случае при его жизни, почти за полвека до писцового описания Тулы, и Введенская церковь «старого тульского городища» явно изначально не относилась к числу обычных приходских храмов города. Ещё одно обстоятельство, указывающее на особый статус «ветхой» и «завалившейся» церкви — необычно большой причт тёплого Введенского храма. В нём, сообразно числу престолов, служили три священника, «поп Онофрей..., поп Олферей..., поп Богдан», и он был не только больше любого обычного приходского храма, и не только Тулы, где причт обычно состоял из священника, дьякона, пономаря и просвирни, но и, что удивительно, превосходил числом причт двух храмов тульского кремля. Там тоже служили три священника, но не в одной, а в двух церквях, холодной соборной Архангельской с приделом св. Василия Парийского и тёплой Успенской⁸⁷.

⁸³ ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 238—239.

⁸⁴ Города России XVI века... С. 259, 260.

⁸⁵ Там же. С. 253.

⁸⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 341, 380.

⁸⁷ Города России XVI века... С. 253—254, 277.

В связи с вышеописанным, особый интерес представляет статус храма «старого тульского городища». ПК называет Введенский храм «церковью», но тот же документ перечисляет расположенные в тульском кремле осадные «клетки» городского духовенства, в том числе Введенского причта, определяя их как принадлежность воскресенского попа Онофрея Матвеева..., воскресенского же дьякона Фадея Терентьева..., *соборного попа воздвиженского Олферья Фомина*, да предельного никольского... Василья Игнатьева»⁸⁸. Именование «попа Олферья» «соборным попом» и, соответственно, церкви «старого тульского городища» соборным храмом, судя по всему, не описка документа. В XVII в. причт соборных церквей — первенствующих храмов уезда, как правило, состоял из трёх священников при одном дьяконе и пономаре⁸⁹.

Соборный статус храм «старого тульского городища» сохранял и позднее, в XVIII в. Согласно писцовой книге 1626 г. «за Упою р. на усть Тулицы р. на городище» все ещё стояла описанная ПК «*соборная церковь во имя Введения пресв. Б-цы*» с причтом, как и в XVI в. состоявшим из трёх священников⁹⁰. Её в какой-то момент сменил новый храм с иным посвящением, Воскресенский. Есть мнение, что это произошло «значительно ранее XVII в.», что очевидным образом не так. Но, так или иначе, на «старом тульском городище» поставили новую деревянную церковь, Городищенскую Воскресенскую, именуемую в документах «старым *собором* старого городища». У преемника Введенского храма отмечены два придела, Воздвиженский и Никольский⁹¹, куда, видимо, перенесли соименные престолы из ветхого Введенского храма. Судьба престола «Введенья Пречистые Богородицы» выглядит таинственно — Введенский придел пристроили к Воскресенскому собору лишь в 1771 г., причём два другие придела к тому времени исчезли⁹².

Соборная церковь, в отличие от городских и сельских приходских храмов, обычно была одна, являясь первенствующим храмом города и уезда. Вокруг соборов группировалось уездное духовенство и миряне, для кого последние «были центральными городскими церквями, в которых совершалась ежедневная служба; в соборах по очереди служили причтенные к ним городские священники, сюда приходили с крестными ходами общины от своих приходских церквей, здесь же

⁸⁸ Там же. С. 262.

⁸⁹ Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков. М., 1989. С. 161.

⁹⁰ Тула. Материалы для истории города... С. 14.

⁹¹ [Малицкий П.И.]. Указ. соч. С. 18.

⁹² Свящ. М. Покровский. Воскресенская церковь, что на Оружейном заводе // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 271.

заказывались сорокоусты и поминания»⁹³. Как видно, в Туле в XVI в. и позднее, вплоть до второй четверти XVII в., было два соборных храма, один в кремле, второй на «старом тульском городище». Существенное отличие заключалось только в том, что в кремлёвском соборе причт возглавлял протопоп, в соборе же «старого тульского городища» служили три равных в чине иерея. Соборный статус Введенского храма указывает на его первенство, судя по всему, к моменту составления ПК, т.е. к 1580-м гг., оставшееся в прошлом. Если высказанные предположения справедливы, то речь идёт о первом соборном храме Тулы, выстроенном в 1509 г. на территории первого тульского града «деревяна», стоявшего на «старом тульском городище». Уступив позднее первенство Архангельскому собору тульского кремля, Введенская церковь сохранила зримые следы былого первенства.

Судьба и «старого тульского городища», и его храма уходит далеко за рамки сюжета статьи. Отмечу только, что в дальнейшем, в XVIII в., его статус понизили до приходского⁹⁴. Здесь надо вернуться к изначально соборному, как выясняется, статусу Введенской церкви «старого тульского городища». Большинство соборов Русской церкви в XVI—XVII вв. находились под покровительством государства⁹⁵. Г.К. Котошихин все церкви подразделял на «царские соборные» — собственно соборы, и «простые» — приходские⁹⁶. Последние целиком находились на общинном попечении, соборные же, собственно приходских общин не имевшие, получали содержание от государя — «ругу»⁹⁷. Получателями «руги» выступал соборный клир, «ружные попы», которые «по *предълоть и по соборнымъ церквамъ* ругу емлютъ хлѣбъ годовой и денги, и пшеницу на проскуры, и воскъ на свечи»⁹⁸. Причт Архангельского собора тульского кремля, не имевшего приходской общины⁹⁹, как и прочие соборные

⁹³ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002. С. 296.

⁹⁴ В 1744—1747 гг., согласно Второй ревизии, городищенская церковь числилась приходской, «и при оном приходе 101 душа» (Тула. Материалы для истории города... С. 196—197).

⁹⁵ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 163.

⁹⁶ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 73, 81.

⁹⁷ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 178.

⁹⁸ Стоглав. Текст. Словоуказатель. М.; СПб., 2018. С. 65, 97.

⁹⁹ ПК фиксирует по ситуации на 1580-е гг. внутри периметра кремлёвских стен почти исключительно «осадные дворы» и «осадные клети», хранилища припасов на случай военных действий. Жили их владельцы вне кремля, дети боярские на своих поместьях в Тульском уезде, «воинские люди» — в слободах городского посада. Охранялись «осадные дворы» и «осадные клети» слугами-«дворниками»

храмы России, жил на «ругу государеву», выдаваемую деньгами, рожью и овсом¹⁰⁰. Клир Введенского собора «старого тульского городища», занимавший те же позиции, тоже, вероятно, был «ружным».

Всё указывает на то, что Введенский храм «старого тульского городища» изначально имел соборный статус, такой же, как Архангельский собор тульского кремля, его причт жил на «руге» и численно превосходил клир двух кремлевских храмов; храм «старого тульского городища» целиком «строен» великим князем Василием III. Объяснение столь необычной ситуации, скорее всего, лежит в истории строительства «града деревяна», не обеспеченной источниками. С завершением в 1520 г. работ по возведению Тульского кремля «град деревян» прекратил существование, и только ветхие церкви «старого тульского городища» ещё несколько десятилетий напоминали о том, где начиналась некогда история города.

Библиография

- Агафонов, С.Л.* Нижегородский кремль. Нижний Новгород: Кварц, 2008. 224 с. Акты служилых землевладельцев XV—XVII вв. Сост. *А.В. Антонов*. Т. IV. М.: «Древлехранилище», 2008. 632 с.
- Алферова, Г.В.* Русские города XVI—XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 213 с.
- Антонов, А.В.* К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М.: «Древлехранилище», 2001. С. 258—285.
- Антонов, А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М.: «Древлехранилище», 2002. 654 с.
- Афремов, И.* Историческое обозрение Тульской губернии... М.: Тип. В. Готье, 1850. 242 с.
- Бартенев, С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Ч. 1. М.: Изд. Министерства Императорского двора, 1912. 260 с.
- Белоцерковский, Г.М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев: Изд. Корчак-Новицкий, 1912. 164 с.
- Бурцев, И.Г.* Город «каменной на Туле». Заметки к 500-летию Тульского кремля // Город Средневековья и Раннего Нового времени. История. Археология. Материалы 5 Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2013. Тула, 2016. С. 344—367.
- Бурцев, И.Г.* Старое Тульское городище. К закрытой проблеме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 20—21.
- Веселовский, С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
- Веселовский, С.Б.* Сошное письмо. Исследование из истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М.: Склад изд. у автора, 1916. 726 с.

(Города России XVI века... С. 254—262). Прозвища многих «дворников» указывают на профессиональные занятия, требовавшие наличия производственных мастерских (хлебник, кузнец, мясник, полстовал и пр.), что в кремле было невозможно. «Дворники», постоянно жившие на посаде, принадлежали к приходским общинам посадских храмов и прихожанами кремлевских храмов не были.

¹⁰⁰ Города России XVI века... С. 254—255.

- Воронин, Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 560 с.
- Воронин, Н.Н.* Московский Кремль (1156—1367 гг.) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1958. № 77. С. 57—66.
- Воротникова, И.А., Неделин, В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М.: Буксмайт, 2013. 888 с.
- Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. Изд. подгот. *Е.Б. Французовой*. М.: Древлехранилище, 2002. 469 с.
- Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Изд-во «Русский язык», 1979. 799 с.
- Екимов, Ю.* «Старое Тульское городище»: новая версия // *Тульский краеведческий альманах*. Тула, 2004. № 4. С. 3—8.
- Епифанов, П.П.* Крепости // *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1977. С. 316—335.
- Загорский, В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. 270 с.
- Заграевский, С.В.* Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. М.: Алев-В, 2002. 158 с.
- Зимин, А.А.* Краткие летописцы XV—XVII вв. // *Исторический архив*. Т. 5. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 3—39.
- Иоасафовская летопись. Под ред. *А.А. Зимина*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.
- История русского искусства. Под общ. ред. *И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева*. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 745 с.
- Зимин, А.А.* Россия на пороге Нового времени. М.: Мысль, 1972. 451 с.
- Зыкова, Е.Г.* Тульский кремль в системе оборонительных укреплений Большой засечной черты // *Тульский кремль и города Большой засечной черты. Краеведческий сборник к 500-летию возведения Тульского кремля*. М.: Буки Веди, 2019. С. 7—11.
- Калачов, Н.В.* Писцовые книги Московского государства XVI века. Кн. 1. Ч. 2. СПб.: Изд. Имп. Русского географического общества, 1877. 1604 с.
- Каргалов, В.В.* На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое Поле: противостояние XIII—XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998. 443 с.
- Кирпичников, А.Н.* Кремли России // *Кремли России. Тезисы докладов Всероссийского симпозиума (Москва, 23—26 ноября 1999 г.)*. М., 1999. С. 8—9.
- Клосс, Б.М.* Летопись Никоновская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 49—50.
- Клосс, Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М.: Наука, 1980. 311 с.
- Клосс, Б.М.* Предисловие // *ПСРЛ*. Т. XVIII. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. V—VI.
- Ключева, Д.А.* К вопросу об этапах строительства Тульского кремля // *Карамзинские чтения. Сборник материалов научно-практической конференции, посвящённой 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина*. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2017. С. 18—21.
- Книга Большому чертежу. Подгот. к печати *К.Н. Сербиной*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 228 с.
- Косточкин, В.В.* Государев мастер Фёдор Конь. М.: Наука, 1964. 174 с.
- Косточкин, В.В.* Оборонительные сооружения древней Тулы // *Памятники культуры. Исследования и реставрация*. Т. 2. М.: Наука, 1960. С. 42—95.
- Косточкин, В.В.* Крепостное зодчество конца XV — начала XVI вв. // *История русского искусства*. Под общ. ред. *И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова, В.Н. Лазарева*. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 371—380.

- Котошихин, Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археографическая комиссия, 1906. 215 с.
- Ксенофонтов, В.И.* Тульский кремль — форпост Московии. Тула: Неография, 2015. 32 с.
- Кучкин, В.А.* О начале перестройки каменных укреплений Московского Кремля при Иване III // Кремли России. М., 2003 (Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Т. 15). С. 94—100.
- Лаврентьев, А.В.* «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV — 1-й половины XV вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 31—40.
- Лаврентьев, А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI вв. М.: Квадрига, 2011. 243 с.
- Левшин, В.А.* Топографическое описание Тульской губернии. 1803 г. Тула: Пересвет, 2006. 391 с.
- Лихачёв, Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 499 с.
- Лихачёв, Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л.: Наука, 1983. 639 с.
- Лурье, Я.С.* Краткий летописец Погодинского собрания // Археографический ежегодник за 1962 г. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 431—444.
- [*Малицкий, П.И.*] Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула: Тульское епархиальное братство св. Иоанна Предтечи, 1895. 781 с.
- Мильчик, М.И.* Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна: Издательский дом «Лига», 2009. С. 128—146.
- Милюков, П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рецензия на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб.: Тип. Академии наук, 1892. 183 с.
- Мокеев, Г.* Древнерусские крепости комбинированного типа // Проблемы теории и истории архитектуры. Сборник материалов научной конференции молодых специалистов Научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. М.: [б. и.], 1973. С. 72—85.
- Муравьева, А.Ф.* Тульский Кремль — памятник оборонного зодчества // Кремли России. Тезисы докладов Всероссийского симпозиума (Москва, 23—26 ноября 1999 г.). М.: Изд-во «Прометей» МГПУ, 1999. С. 65—67.
- Муравьева, А.Ф.* Этапы строительства Тульского кремля и его роль в защите южных рубежей Московского государства // III научно-практическая конференция «Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры». К 90-летию Серпуховского музея. Доклады, сообщения, тезисы. М.: Мелихово, 2008. С. 216—222.
- Носов, К.С.* Опыт расчёта трудозатрат на строительство Смоленской крепости. 1596—1602 годы // Проблемы отечественной истории. Сборник научных статей. М., 2008. С. 5—32.
- Носов, К.С.* Русские крепости конца XV—XVII вв. СПб.: Нестор-История, 2009. 247 с.
- Носов, К.С., Петров, Д.А.* Возведение Московского Кремля, Новгородского детинца и крепости Ивангород в контексте строительной ситуации в Московском государстве в 1480—1490-х гг. // Вопросы истории фортификации. 2013. № 4. С. 21—38.
- Пашкова, Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 215 с.
- Платонов, С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М.: «Памятники исторической мысли», 1995. 469 с.

- Свящ. *М. Покровский*. Воскресенская церковь, что на Оружейном заводе // Святыне храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Сб., сост. под ред. *Н.И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева*. Тула, 1888. С. 270—276.
- Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М., 2001; Т. VIII. М., 2001; Т. XIII. М., 2000; Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910; Т. XXV. М., 2004; Т. XXVI. М., 2007; Т. XXVII. М., 2007; Т. XXIX. М., 2009; Т. XXX. М., 2009; Т. XXXI. М., 1968; Т. XXXIV. М., 1978.
- Разрядная книга 1475—1598 гг. Подгот. текста, вводная статья и ред. *В.И. Буганова*. М.: Наука, 1966. 617 с.
- Разумовский, Ф.В.* Художественное наследие Серпуховской земли. М.: Искусство, 1992. 190 с.
- Раппопорт, П.А.* Строительное производство Древней Руси (X—XVIII вв.). СПб.: Наука, 1994. 158 с.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. *В.П. Семенова*. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1902. 717 с.
- Романова, Г.Я.* Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 291 с.
- Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. 766 с.
- Симсон, П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М.: Тип. Т. Рис, 1880. 346 с.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
- Сперанский, А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел. М.: РАНИОН, 1930. 221 с.
- Стефанович, П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М.: Индрик, 2002. 349 с.
- Стоглав. Текст. Словоуказатель. Подгот. текста *Е.Б. Емченко*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 319 с.
- Трофимов, И.В., Кирьянов, И.А.* Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 31. М., 1953. С. 318—346.
- Тула. Памятники истории и культуры. Под общ. ред. *В.Н. Аишуркова*. Тула: Приокское книжное изд-во, 1973. 205 с.
- Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подгот. к печати и ред. *К.Н. Сербиной*. М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950. 128 с.
- Хорошкевич, А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М.: Едиториал УРСС, 2001. 333 с.
- Шевчук, А.* Из истории Тульского кремля // Тульский краеведческий альманах. Вып. 1. Тула, 2003. С. 33—37.
- Щекатов, А.М.* Географический словарь Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии и уезды... Ч. 5. М.: Вольная тип. Федора Любия, 1807. 1296 стб.
- Щепкина, Е.Н.* Тульский уезд в XVII-м веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1892. Кн. 4. I. Материалы исторические. С. 1—312.
- Юшков, А.И.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1898. 434 с.

А.В. Виноградов

Посольский съезд и размен под Ливнами и Царёвым-Борисовым 1601 – 1602 гг.

Одной из главных особенностей дипломатических отношений Московского царства и Крымского ханства XVI—XVII вв. являлось сочетание военно-политической конфронтации с непрерывающимися дипломатическими «ссылками». Формально между двумя государствами, точнее государями, сохранялись отношения «дружбы и любви». Ввиду стремительно меняющейся ситуации дипломатические «ссылки» с Крымом требовали от руководства Посольского приказа принятия особых мер. Маршрут следования дипломатических миссий прокладывали, минуя основные маршруты крымских набегов. Русские и крымские дипломатические миссии в большинстве случаев следовали совместно, что отчасти гарантировало их безопасность.

Большую проблему представляло следование посольств, вёзших в Крым «поминки» хану и представителям династии Гиреев, а также «жалование» крымской знати. К 1550-м гг. стал складываться «посольский обычай», согласно которому размен посольств происходил только по предварительной договоренности у Путивля на реке Сейм. Крымское посольство к месту размена сопровождал особый ханский посол, принадлежащий к фамилии беков Яшлавских — «князей Сулешевых». Посольская «размена» осуществлялась лишь в периоды, когда между двумя сторонами отсутствовала открытая военно-политическая конфронтация.

С течением времени проблема обеспечения безопасности следования дипломатических миссий в Крым стала осложняться нападениями приднепровских казаков («черкас»). В результате погрома, учинённого посольству кн. Михаила Фёдоровича Барятинского летом 1582 г., прежний маршрут признали небезопасным. К 1585—1586 гг. определился порядок проведения посольских размен у крепости Ливны на реке Быстрая Сосна. Маршрут Москва—Калуга—Новосиль—Ливны представлялся наиболее оптимальным по нескольким причинам, и в первую очередь благодаря отдалённости от основных укрепленных линий — «засечных черт». Основ-

ной «тыловой базой» на пути к Ливнам была хорошо укреплённая Калуга. Для обеспечения безопасности посольских разменов русская сторона приняла дополнительные дипломатические шаги.

Летом 1593 г. в ходе переговоров Б.Ф. Годунова с посланником Ямгурчеем-аталыком решили, что в ходе посольского размена крымский «разменный посол» принесёт шерть (клятву) на тексте разработанной в Москве «шертной грамоты». Этот документ являлся как предварительным договором с крымскими ханами, так и личным обязательством клана Яшлавских, претендовавших на «амиатство»¹. Предусматривалось, что крымский «разменный посол», принадлежавший к семейству Яшлавских, обеспечит следование московского посольства в Крым. Однако и другие роды крымской знати могли быть представлены своими послами. Всем участвующим в размене гарантировалось «разменное жалование». При посольском размене в Крым хану следовало посылать «запросные деньги» в количестве 10 тыс. руб. Оговаривалось, что московские «разменные послы» будут иметь полномочия на проведение переговоров политического характера². Так посольские размены трансформировались в посольские съезды и размены.

С начала 1590-х гг. началось неуклонное повышение статуса московских «разменных послов»: ими стали назначать видных представителей государева двора, часто в чине окольничего. Первый успешный проведённый посольский съезд и размен состоялся под Ливнами в ноябре 1593 г.³ Тогда и определились основные черты будущих посольских съездов и разменов: по возможности синхронный подход посольских караванов к реке Быстрая Сосна (что достигалась путём обмена гонцами между миссиями) и порядок проведения предварительных переговоров на возводимом через Быструю Сосну мосту. Дальнейшие переговоры проходили на «московской стороне» реки в шатрах. Там крымские «разменные послы» приносили шерть на тексте предварительного мирного соглашения. С крымской стороны изначально ход посольских съездов и разменов контролировался «князьями Сулешевыми». Главным «разменным послом» хана

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века М.; Л., 1948. С. 19.

² Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1591—1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 46—47.

³ Виноградов А.В. Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань, 2015. С. 65—66, 68—77.

в 1593 г. был бек Ахмед-паша «князь Сулешев». После посольского съезда и размена в Москву двинулось посольство бека Ишмамета Ширинского, а в Крым — посольство князя М.А. Щербатова, заключившее в апреле 1594 г. «докончание» с ханом Гази-Гиреем II, принёсшим шертъ на тексте разработанного в Москве договора в присутствии русского посольства⁴. Русско-крымские «докончания», как и все межгосударственные акты этого периода, являлись личными договоренностями монархов и в случае заинтересованности сторон подлежали «обновлению» при смене лиц на престоле.

В 1596—1598 гг. в Москве и Бахчисарае почти одновременно сменились правители, что сопровождалось внутривосточными катаклизмами. Хан Гази-Гирей II был смещён Портой и заменён собственным братом — калгой (наследником престола) Фетх-Гиреем. Путём изошёренных политических комбинаций Гази-Гирей сумел добиться отмены этого решения. Попытка Фетх-Гирея сохранить престол завершилась его гибелью. Менее драматично, но достаточно сложно развивались после кончины царя Фёдора Ивановича события в Москве; на царство избрали Бориса Фёдоровича Годунова. С момента своего первого водворения на бахчисарайском престоле в 1588 г. Гази-Гирей II поддерживал плотные дипломатические контакты с Годуновым (как «официальные», так и «тайные», вне рамок принятого дипломатического протокола).

В 1598 г. Б.Ф. Годунов и Гази-Гирей II разыграли (с большой долей вероятности — по предварительной договоренности) военно-политическую демонстрацию, известную как «Серпуховской поход царя Бориса Фёдоровича». Вместо крымской орды во главе с ханом, в то время уже почти два месяца находившимся на войне в Венгрии, к лагерю Бориса Годунова двигалось крымское посольство вместе с возвращающейся миссией Л. Лодыженского. Посольского размена и съезда под Серпуховом как такового не было. Крымское посольство после переговоров, вероятно, вернулось в Крым. Следование посольства Л. Лодыженского в Крым прошло без посольского размена, хотя, по косвенным данным, по предварительному соглашению с ханом.

Под Серпуховом достигли предварительного соглашения о посольском размене. Его реализация затянулась в связи с отсутствием хана в Крыму, в очередной раз по приказу Порты отправивше-

⁴ *Виноградов А.В.* Посольство князя М.А. Щербатова в Крым и заключение русско-крымского договора 1594 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 9. Казань, 2017. С. 38—59.

гося в поход в Венгрию. Целью проведения посольского съезда и размена, окончательно согласованного в ходе пребывания крымских гонцов в Москве к лету 1601 г., являлось восстановление дипломатических связей в полном объёме. Предполагалось, что отправляемое в Крым посольство приведёт к шерти хана Гази-Гирея и, т.о., будет заключено новое «докончание» взамен утратившего силу договора 1594 г., заключённого Гази-Гиреем с царём Фёдором Ивановичем.

Местом проведения съезда и размена по предварительному приглашению с крымской стороны вновь выбрали реку Быстрая Сосна под Ливнами, куда посольство кн. Г.К. Волконского и дьяка М. Огаркова выступило в июле 1601 г.⁵ «Разменными послами» стали окольнічий Иван Михайлович Бутурлин, кн. Василий Михайлович Лобанов-Ростовский, Иван Михайлович Пушкин, Михаил Михайлович Путятин и дьяк Григорий Иванович Клобуков. Назначение первым «разменным послом» И.М. Бутурлина не случайно: он участвовал в подготовке съезда и размена 1593 г. как ливенский воевода. В разрядах указано, что для участия в посольском размене его отозвали из Смоленска. Кн. В.М. Лобанова-Ростовского и М.М. Путятин в дальнейшем отослали, и непосредственно в посольском съезде и размене под Ливнами участвовали только И.М. Бутурлин, И.М. Пушкин и Г.И. Клобуков, что зафиксировано в разрядах в записи об их возвращении в Москву вместе с крымским посольством летом 1602 г.⁶ В переговорах с крымцами под Царёвым-Борисовым помимо Бутурлина активно участвовал только дьяк Клобуков, имевший определённый дипломатический опыт⁷.

Летом 1601 г. хан Гази-Гирей II в послании с гонцом Сеит-Казы-аталыком известил царя Бориса Фёдоровича об отправлении посольства Мустафы-мурзы и назначении разменными послами бека Ахмед-паши «князя Сулешева» и его брата Ибрагим-мурзы. Посол Мустафа-мурза был их племянником. Клан Яшлавских полностью контролировал посольский размен. Послы других кланов крымской знати в 1593 г. в переговорах практически не участвовали, и следовало ожидать, что так будет обстоять дело и теперь. Однако хан, как

⁵ ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 56.

⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК 1475—1605) Т. IV. Ч. 1. М., 1994. С. 112, 137.

⁷ В январе и августе 1600 г. участвовал в церемониальной части приема иранского посла (РК 1475—1605. С. 82, 105). Ранее участвовал в посольской миссии в Швецию (*Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 606).

и в 1593 г., приставил к Яшлавским своё доверенное лицо — Ислам-оглана, сына Ак-Мухаммед-оглана (Ахмед-улана), видного приближённого казанских ханов из династии Гиреев, а затем крымского хана Девлет-Гирея I. В Москве его знали как «князя Федора»: с раннего детства он был фактическим заложником, попав в Россию в свите смешённого малолетнего казанского хана Утямыш-Гирея. Несмотря на крещение, в феврале 1572 г. после настойчивых требований хана Девлет-Гирея I его отпустили в Крым⁸. Ислам-оглан как доверенное лицо хана получил ряд конфиденциальных поручений во время посольского съезда под Ливнами в 1593 г.

Сведения о подготовке посольского съезда и размена 1601 г. отсутствуют, но в столбцах 123 фонда РГАДА за 1601 г. имеются отдельные донесения послов и сохранившийся в полном объёме статейный список⁹. В Москве предполагали, что, как и в 1593 г. посольства подойдут к реке Быстрая Сосна одновременно. Гонец Сейит-Казы-аталык при переговорах в Посольском приказе говорил, что «Ахмед-паша князь Сулешев и крымские послы Мустафа-мурза с товарищи у Ливен будут вскоре»¹⁰. С посольством отпустились все задержанные русские гонцы. Предполагалось, что они будут «разменены» с крымским посольством. Крымские гонцы отпустились из Москвы «группами» по порядку их прибытия.

С августа по октябрь 1601 г. разменные послы вместе с посольством кн. Г.К. Волконского и дьяка М. Огаркова пребывали у Ливен в ожидании известий о приближении крымцев. Сведений не поступало. По согласованию с Москвой решили прояснить ситуацию, но «расспросы» крымских гонцов ничего не дали. Они уверяли, что были извещены о подготовке к отправлению в Москву посольства. В августе в Крым выехал гонец Иван Брехов. В сентябре от него прибыли служилые татары с известием, что крымская сторона предлагает местом размена Царёв-Борисов. 22 сентября последовало распоряжение о проведении рамена «В Новом Борисове городе»¹¹. В начале октября было предписано отпустить в Крым из Ливен всех возвращающихся крымских гонцов с провожатыми. Последние крымские гонцы пришли в Ливны 14 октября, а 15 октября их отпустили. 27 октября в Ливны прибыл посланный ранее

⁸ *Зайцев И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Фёдор // Золотоордынское обозрение. 2013. Т. 2. С. 146—156.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1601 г.). Л. 1—5; Д. 2. Л. 1—176.

¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 62.

¹¹ Там же. Л. 24.

в Крым гонец И. Брехов. Он сообщил, что везёт послания от хана Гази-Гирея II и Ахмед-паши царю Борису Годунову. Отдельное послание Ахмед-паши адресовалось разменным послам. Содержание послания и сообщенные «словом» сведения Брехова объясняли причину задержки крымского посольства. В июле 1601 г. в Крыму разразился династический кризис: «от царя к турецкому побежал брат его калга»¹². По этой причине Ахмед-паше, уже выступившему из Перекопа вместе с посольством Мустафы-мурзы, пришлось вернуться. В тот же день согласно указаниям, полученным из Москвы, послы двинулись в Царёв-Борисов, прибыв туда 18 ноября¹³.

Пребывание послов в Царёве-Борисове продолжалось до весны 1602 г. В это время воеводами в городе числились окольныйчий кн. Андрей Иванович Хворостинин и кн. Семён Семёнович Гагарин-Ветчина, назначенные туда 25 августа 1600 г. на смену Семену Романовичу Олферьеву¹⁴. Кн. А.И. Хворостинин был крупным военным и административным деятелем, происходившим из семьи, пользовавшейся доверием Бориса Годунова¹⁵. Его брат, кн. Федор Иванович, был в ноябре 1593 г. первым разменным послом под Ливнами, за что его пожаловали боярским чином. Кн. А.И. Хворостинин был озабочен угрозой возможного крымского нападения и обеспокоен уходом своих людей из крепости для охраны посольского размена. Сведения о положении дел в Крыму отсутствовали, и в марте по указанию из Москвы в Крым из Царёва-Борисова послали сына боярского Фёдора Челюскина¹⁶.

К началу апреля послы расположились на берегу Донца под охраной контингента из Царёва-Борисова. «Казна», «поминки», «запросные деньги» и «жалование» крымской знати (как «рядовое», так и «разменное») оставались в Царёве-Борисове. «Ссылки» послов с воеводами и вопросы подготовки к посольскому размену возложили на Якова Лавровича Лодыженского, находившегося в Царёве-Борисове¹⁷. В отдельных случаях он отправлялся в посоль-

¹² Там же. Л. 37. Речь шла о бегстве в Стамбул калги Селамет-Гирея. На самом деле в июле 1601 г. в Крыму имел место крупномасштабный заговор знати и некоторых «царевичей» Гиреев с целью смещения с престола хана Гази-Гирея II, подавленный им с невероятной жестокостью.

¹³ Там же. Л. 41.

¹⁴ РК 1475—1605. С. 105.

¹⁵ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 56.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1601 г.). Л. 51.

¹⁷ Упомянут в списке выборных дворян по Козельску начала XVII в., затем в 1602—1603 гг. упомянут как жилец; отмечено его пожалование за службу в

ский стан. Отношения послов с воеводами складывались трудно. Они весьма неохотно согласились предоставить лошадей и подводы для предполагаемого следования крымцев к Москве¹⁸. Воеводы отказывались также выделять охрану для сопровождения регулярно отправляемых в крымские улусы российских служилых татар.

4 апреля служилые татары доставили разменным послам вести от Фёдора Челюскина¹⁹. Одновременно прибыли и гонцы от Ахмед-паши, следовавшие в Москву с посланиями к царю Борису. Отдельная грамота адресовалась И.М. Бутурлину. Ахмед-паша информировал о своём скором выступлении к Царёву-Борисову. Воеводы, однако, надолго задержали крымских гонцов. Наконец, часть из них отпустили²⁰. Обратной же в крымские улусы направили пять казаков и одного из задержанных гонцов Ахмед-паши; им предписали ждать крымское посольство у реки Камюс. Простояв несколько дней в ожидании, казаки упустили татарина, ухитрившегося сбежать, увидев вдаль неизвестных всадников, очевидно, татар²¹.

В середине апреля подготовка к размену активизировалась. Воеводы в Царёве-Борисове и послы стали более активно координировать свои действия с помощью прямой переписки. К Камюсу вновь выехали служилые татары и казаки. 20 апреля они вернулись с известием о приближении крымского посольства, что подтвердил и прибывший в Царёв-Борисов 22 апреля гонец от Фёдора Челюскина, которого Ахмед-паша продолжал удерживать у себя²². Прибытие крымского посольства в район Царёва-Борисова ожидалось к 24 апреля. В течении двух дней велись поиски удобного места для проведения посольского съезда. Для этого предстояло построить мост через Северский Донец. 24 апреля послы безуспешно пытались завязать «ссылки» с прибывающим посольством, спустя два дня, 26 апреля, подошедшим к одному из «перевозов» через Донец²³. В тот же день в крымский лагерь с предложениями вести переговоры на «московском берегу» поехал толмач Разгилдей Бученков. Однако Ахмед-паша заявил, что за Донец ему «ехать не приказано». Вечером для ведения переговоров к послам явился Ислам-оглан с ранее от-

Царёве-Борисове (Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004. С. 360).

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1601 г.). Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰ Там же. Л. 57, 64—65, 69.

²¹ Там же. Л. 72—73.

²² Там же. Л. 74—75, 77, 81.

²³ Там же. Л. 87.

пущенным из Москвы «младшим» крымским гонцом Епроком, отправленным в начале года к царевичу Фёдору Борисовичу, а также с доверенным лицом Ахмед-паши Аллой-аталыкком. Ислам-оглан подтвердил, что Ахмед-паша имеет приказ хана вести переговоры только в крымском лагере, не переходя Донца, но не исключил, что глава клана Яшлавских может согласиться на переговоры на середине моста. 29 апреля в крымский лагерь несколько раз ездил Разгилдей Бученков и другие толмачи. Наконец решили строить мост, где предстояло состояться переговорам. 30 апреля мост был возведён. К этому времени под усиленной охраной из Царёва-Борисова в посольский стан доставили всю «государеву казну», а на русском берегу разбили шатры. 1 мая на мосту начались напряжённые переговоры с Ахмед-пашой, отказавшимся не только ехать на «русский берег», но и принести «предварительную шерть», мотивируя свою позицию недостаточностью присланных послами «запросных денег»²⁴. Проведение посольского размена оказалось под угрозой срыва. Безрезультатными переговоры остались и 2 мая, хотя русские послы уже не требовали от Ахмед-паши шертования. Последний же угрожал отправить через мост посольство Мустафы-мурзы, не приняв посольства кн. Г.К. Волконского²⁵.

Вечером 2 мая после очередного визита толмачей в крымский лагерь переговоры на мосту возобновились. На этот раз Ахмед-паша потребовал, чтобы «разменное жалование» ему и мурзам отдали «за рекою», т.е. отправили в крымский лагерь до посольского размена. Послы заявили, что согласно наказу жалование может быть отдано только в шатре на московской стороне реки²⁶. Всё это время переговоры с крымской стороны вёл только Ахмед-паша, прочие мурзы и ханский эмиссар Ислам-оглан стояли в отдалении.

3 мая в крымский лагерь послали толмачей с угрозами лишить Яшлавских особого положения в ссылках с Москвой в случае срыва посольского размена. Особое давление оказывалось на крымского посла в Москву Мустафу-мурзу, которому заявили, что в случае несогласованного перехода на русскую сторону крымскому посольству будет «утеснение», и оно не доберётся до Москвы. Это возымело действие. В тот же день на середине моста поставили шатёр, где

²⁴ Там же. Л. 92—99, 101—124. Сумма «запросных денег» была меньше оговорённой в 1593 г., хотя общее количество денег, предназначавшихся хану, превышало 14 тыс. руб. (*Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 47).

²⁵ Там же. Л. 129—139.

²⁶ Там же. Л. 139—141.

Ахмед-паша и крымские мурзы получили «жалование». Ахмед-паша в устной форме, но без принесения шерти, подтвердил своё намерение и в дальнейшем содействовать «доброму делу»²⁷.

4 мая в шатре на мосту шли переговоры относительно порядка посольского размена и о претензиях крымской стороны, связанных с пребыванием татарских гонцов в Москве. Однако послы предупредили Ахмед-пашу о полученных от новых воевод Царёва-Борисова сведениях о возможном крымском нападении во главе с самим ханом. Информацию доставил бежавший из Азова русский полоняник. Ахмед-паша категорически это отрицал²⁸. 5 мая посольства кн. Г.К. Волконского и Мустафы-мурзы, наконец, поочередно переправились по мосту через Северский Донец, а из крымского лагеря отпустили Фёдора Челюскина. Послы настояли, чтобы крымские послы в Москву получили «встречное жалование» на «московском берегу в съезде шатре». Однако размен опять оказался под угрозой срыва, так как Ахмед-паша предъявил претензии относительно недостаточного количества «жалования». Толмачу Семейке Судакову удалось договориться с Ахмед-пашой о том, что встреча с послами состоится уже после размена²⁹. Последние переговоры послов с Ахмед-пашой, уже после перехода посольств через мост, ознаменовались очередными препирательствами. Ахмед-паша, недовольный количеством «жалования», напоследок заявил, что, будь его воля, он бы «на розмену не ехал» и «государю вашему послов не отпустил»³⁰.

7 мая послы сообщили государю о завершении «размены». В Москву «посольскую крымскую дорогою» отправлялось посольство Мустафы-мурзы. Всего для совершения размена и сопровождения посольства к Москве задействовали 83 детей боярских, 230 стрельцов «украинных городов» и более 750 казаков. Ахмед-пашу сопровождали свыше тысячи человек, хан предоставил также 70 своих «янычар»-сейменов³¹.

Московские послы до последней возможности стремились обеспечить предварительное принесение шерти Ахмед-пашой, однако это им не удалось. Жёсткая позиция крымской стороны определялась как раздражением хана Гази-Гирея II невыплатой в полном

²⁷ Там же. Л. 145—146.

²⁸ Там же. Л. 149—165.

²⁹ Там же. Л. 166, 168.

³⁰ Там же. Л. 167.

³¹ Там же. Л. 170, 171.

объёме запросных денег, так и личными амбициями Ахмед-паши, опасавшегося за положение своего клана в Крыму. Всё это, в свою очередь, стало следствием угрозы очередного династического кризиса в Крыму и возможного смещения с престола хана Гази-Гирея II³².

Главная задача при этом была решена: посольство кн. Г.К. Волконского сумело в июне 1602 г. привести хана к шерти, заключив новое русско-крымское «докончание». В реестре шертных грамот крымских ханов А. Малиновского документ обозначен (№ 32 реестра) как «Шертная грамота Крымского Царя Казы-Гирея, данная Царю Борису Федоровичу Годунову пред Российскими в Крыму посланниками князем Волконским и дьяком Огарковым, на основании прежде бывших постановлений между Российскими Государями и Крымскими Царями, относительно взаимной дружбы, общего спокойствия и свободного послам и купцам проезда». Документ опубликован Ф.Ф. Лашковым³³.

Борис Годунов учёл уроки посольского съезда и размена под Царёвым-Борисовым. Выплаты «запросных денег» хану и «разменного жалования» знати при каждом посольском размене старались избегать. Поскольку ввиду очередного отбытия хана из Крыма на театр военных действий посольство кн. Г.К. Волконского отпустили без ответной татарской миссии, царь Борис Фёдорович в ноябре 1603 г. отпустил посольство Мустафы-мурзы без согласованного с крымской стороной посольского размена. С Мустафой-мурзой в Крым выехало посольство кн. Ф.П. Барятинского и дьяка Д. Бохина. Пребывание миссии в Крыму ознаменовалась тяжёлым конфликтом, в том числе и из-за очередной недоплаты «запросных денег». Русских послов выдворили из Крыма без посольского размена, что привело к началу «полосы напряженности» в русско-крымских отношениях, лишь частично преодоленной с приездом в Москву в 1604 г. посланника Джан-Ахмеда-Челеби³⁴. В связи с началом вторжения сил Самозванца, однако, вопроса о

³² Новосельский А.А. Указ. соч. С. 47—48.

³³ Малиновский А. Реестр шертным грамотам Крымских ханов, записям послов их и другим постановлениям, с крымскими татарами бывшими // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Т. IX. Симферополь, 1891. С. 10—31; Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. IX. Симферополь, 1891. С. 9—60.

³⁴ Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2007. С. 249—252.

новом посольском съезде и размене уже не поднимали. Следующий посольский съезд состоялся только в 1614 г. — вновь под Ливнами, хотя уже в другой внешнеполитической ситуации. Но преемственность была налицо: крымским разменным послом вновь выступал Ахмед-паша, а русским послом, отправленным в Крым, опять стал кн. Г.К. Волконский³⁵.

Библиография

- Виноградов, А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614—1615 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158—174.
- Виноградов, А.В.* Посольство князя М.А. Щербатова в Крым и заключение русско-крымского договора 1594 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 9. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2017. С. 38—59.
- Виноградов, А.В.* Русско-крымские отношения 1591—1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 18—50.
- Виноградов, А.В.* Русско-крымский посольский съезд под Ливнами осенью 1593 года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 62—77.
- Зайцев, И.В.* Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Фёдор // Золотоордынское обозрение. 2013. Т. 2. С. 146—156.
- Лашков, Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. X. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1891. С. 9—60.
- Лисейцев, Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула: Гриф и К°, 2009. 792 с.
- Лисейцев, Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2007. С. 238—282.
- Малиновский, А.* Реестр шертным грамотам Крымских ханов, записям послов их и другим постановлениям, с крымскими татарами бывшими // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Т. IX. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1891. С. 10—31.
- Новосельский, А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 448 с.
- Павлов, А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб.: Наука, 1992. 278 с.
- Станиславский, А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII вв. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 505 с.

³⁵ *Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614—1615 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 158—174.

О.В. Новохатко

Служилые люди южного порубежья дома и на службе (XVII век)

Обыденная жизнь служилых людей по отечеству, военного сословия России XVII столетия, причём его основной части, имевших чины от стольника и ниже, вплоть до городских дворян, не часто становится объектом внимания историка. Одним из самых ярких и достоверных источников для изучения этой темы является частная переписка. Она полнее, чем официальная деловая корреспонденция или акты, знакомит со всеми мелочами повседневной жизни служилых людей, с тем, что составляло их деловой и домашний уклад. При этом русская частная корреспонденция XVII в. представляет собой не только вид исторического источника, но и самостоятельное социальное явление, игравшее в жизни общества, и, в том числе, служилых людей, особенную роль. Сознательно обильное цитирование источника иллюстрирует сделанные в исследовании наблюдения и фундирует его выводы.

Если говорить о неслужебных делах представителей потомственного военного сословия, то в первую очередь это было, разумеется, поместье и вотчинное хозяйство. Находясь в полку, в походе, служилые люди с помощью корреспонденции продолжали управлять своими землевладениями. Их адресатами были прежде всего вотчинные управляющие — приказчики и старосты, от которых владельцы получали детальные и систематические отчёты. Так, Е. Макеев, староста козельской вотчины стольника И.И. Киреевского, жившего в то время в Москве, писал своему господину о конфликте с крепостными его соседа по поместью и о прочих делах¹: «Государю Ивану Ивановичу крестьянинишка твой староста Ермошка Макеев челом бьет. Здравствуй, государь, на множество летъ. А по милости своей изволишь о вотчине своей ведать, и в вотчине, государь, твои все дал Богъ здорово. Только, государь, буди милости твоей ведамо: касили мы со крестьяны на твой боярской обиход сена на лугу на Чистом, и Осиповы люди Юрасо-

¹ Здесь и далее орфография источника сохранена; буква «й» используется по правилам современного правописания.

ва Петрушка Скворець с товарищи нас всех побили и пограбили, а называют своими дачми по Митюковской лугь, а нам, государь, от них стало тесно и нужно, и очишатца нам или справлеватца без милости твои не мочно. И естли, государь, милости твои да нас не будет, и нам стало краткое житие. Да буди, государь, милости твоей ведамо: Микитка Андреев земли твоей боярской не похал, потому что не на чем, а миром не пашут. За сем писавый челом бьем»².

Ф. Шестаков, староста из деревни Келина, информировал владельца, яблоновского сына боярского И.А. Пузикова: «Государю Исаю Ондреевичю старостишка Фетка Шестаков. Въ даму твою милостию Божию дал Богъ в деревни Келине задарова. Посьлоно, государь, пять четвериков муки арженой да пять полоть вичины, да посьлона, государь, сыр да кушин съметаны да хоршек творугу, да посьлона, государь, двесте еиць, да средней горшечик масъла, да посьлона тузь соленой грибовъ, да посьлон кружечик воську из большева улья. А гречиху, государь, посеели десеть нив, а вышыла гречи пять четвертей съ полосминою, а нива не сеена, а в астатках, государь, осталось гречи три четверика неполна. А отдал я, государь, Марке ржи съ полосьминною пять четвертей въ житницы, а невелиной ржи, государь, нет, вся изашла. А месичана, государь, даходит сърок, давать нечева»³.

Из сообщений поместных и вотчинных управляющих служилые люди получали не только бесстрастные списки произведенных и высланных продуктов — перед глазами господина предстала ежедневная жизнь его владений и принадлежавших ему крестьян. Особенно выразительными были рассказы о столкновениях вотчинных управляющих (например, двух приказчиков или приказчика и старосты), которые апеллировали к владельцу в своём споре. Так, староста алексинской вотчины Самариных написал госпоже, супруге стольника А.Н. Самарина: «Государыни Ксеньи Семеновнай бьет челом и плачетца сира твой крестьянинишка и старатиска твой деревни Меншикавай Сенька Лукьянов. Жалоба мне сира твоему на Казьму Курандина. Сараи ваши боярские стали переправлевать, а ево прикащикъ отпустилъ к празднику к Покраву и з детми с невесками, и он Казьма праздновалъ боля недели. И в те поры стался грех над авцами, требуха лежит под заборами, а авы не бывала. И загналъ я баб вашей боярской капусты сечь, и он Казь-

² Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964. С. 23—24.

³ Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969. С. 35.

ма прислал девку семи лет, и я взял ее да послал домой, а Казмина снаха стала меня матерна бранить, и я за то ее прутом трожда и угрить. И мужь ее меня за врат зреб да свекар и хатели меня абухами прибить, шлюсь я, государыня, на Федотку Макарава пасынка. Три катки капусты секли семь дней, какая, государыня, работа? А прикащик с ними патакает заодна. Весною ныне, государыня, он прикащик Михайла выльгал у меня полосмины семя альленова, сказал, будта воево алексинскому дать, а отдашь на Калюпанвку прикащику Ивана Михайловичу Пушкину. Ныне в Петровки собралъ я с крестьян трицать чотыря барана и баярских з баранамъ десеть, я на племя пусиль баранана четырех лет, а он ево угнал к Москве и продал в Серпухаве, а места таво аставиль худенкава да дву баранав покинулъ на дороге к Москве, не пригналь, а дамой не бывали. Своих утят, государыня, онъ прикащик приель да места своихъ наметиль твоих баярских петерых утак, а мне сказали хажельницы про то дело; была, государыня, без дву петьдесят, асталась толка тритцать. А гаварить, государыня, нельзе — бранит, и кукиш кажет, и в бородау плюет, и всячуну сарит он, прикащик, ис твоева дому баярскава. В том, государыня, как ты изволишь, чтобы мне, государыня, от нево прикащика не погинуть. Верхавские крестьяня увезли с поля две капны авса, а он прикащик таво и не сыскаль. Да он жа навель на меня сальдат, и салдаты меня разарили да канца, кавтаны побрали и кур поели, онъ им в городе сулит, а я бес твоево приказу дать не смею. Государыня Ксения Семенова, смилуйся»⁴.

В хозяйственных делах вотчины или поместья переписка между землевладельцами и приказчиками или старостами занимает основное место. Однако жёны служилых людей также играли далеко не последнюю роль в управлении поместьями и вотчинами. Мужья направляли им, как и приказчикам, указания по ведению дел, при этом доверяя своим супругам даже больше, чем вотчинной администрации. Стряпчий Ф.Д. Толбузин писал из Москвы жене, жившей в их поместье, селе Гошь в Карачевском уезде: «Ат Василья Григорьявича жене моей Фекле Дмитревной с любовью поклон, а детям моим Федору, Прасковьи, Марьи, Анне мир и благослования мое. Живи, душа моя, какъ тебя Господь Богъ на разум наставит. Хлебъ и сена, какъ тебя Господь помощи дасть, прячь такъ и прячь, такъ жа и вели сеять хлебъ, как Богъ помощи

⁴ Источники... С. 202—203.

дасть. Да писал я, свет моя Дмитревна, к брату в новину, хотя бы он приказаль из мояво хлеба варку винца выварить да ко мне бы он пожаловаль, будет езда к Москве будет, такъ самъ бы привезъ или кемъ прислать бы. Такъ же и писалъ к дяди Зоту Федоровичю, чтобы он другую варку винца велель выварить с мояво хлеба и приказаль бы Ивану брату Зотовичю ко мне привестъ к Москве. И ты, душа моя Дмитревна, для Бога, будет ане по хлебъ пришлют, дай имъ хлеба в новину брату Федору да дядюшку Зоту Федоровичю. За семь здравствуй на веки з детки. А мне вино зело нужно надомно, посулиль за дела. Побей челом сама брату и дядюшке Зоту Федоровичю, чтобы ане приказали выварить своим крестяномъ, а за провар, свет, хотя вином заплоти»⁵.

Супруга жильца Д.И. Маслова, бывшего по делам службы в Москве, получила от него в их карачевском поместье письмо с хозяйственными распоряжениями: «От Дмитрея Ивановича жене моей Агафье и з детьми своими великое челобитье. Какъ вас Бог милуетъ? А про меня изволитя ведать, и я на Москве дал Бог живъ февраля въ 19 день. Да послал я к тебе крестянина своего Оську Коптева. Да что я к тебе писал преж сего грамотку с первыми крестяны, что в той грамотки писана про лес, и против бы той тебе грамки все зделать. А что я велел человеку быть Федьке на Федоровой недели з дети боярскими з Дюкаревыми, и ты ево канешно не мешкай, присылай к Москве с Ываном Коломниным... А вино вели варить беспрестанно, чтоб аброчныя вины были выварены, да вели бондарырю бочки делать хорошие и крепкие и старыя б починиваль. А старосте вели самому ходить за вином, какъ и при мне ходиль; какъ спрашаю, в каторой бочке много ль ведер, и он бы то знал и много ль варь. Да во Брянске вели навазить крестяномъ по последнему пути дров на дворъ, чтоб дворница а дровах не печалилась. А бережных бы кабыл вели ходить за ними особе и вели ихъ ставить аспе ж, чтобы их не зашибли. Да по томъ вам много челом бью»⁶.

В ответ служилым людям приходили письма от жён, где они находили полные отчёты о положении дел в поместье или вотчине. А.С. Маслова сообщала супругу об активных действиях, которые она предприняла в деле о земле в Карачевском уезде: «Государю моему Дмитрею Ивановичю женишка твоя Агафьица з детишка твоими челом бьет. Здравствуй, государь, на ево великого службе.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Там же. С. 112.

А про дом свои изволишь вспомянуть, и в дому твоём дал Богъ все здорова. А что бил челом Иван Лвов на примерную землю и приехав в Клинское стрельца прислал, чтобы вышли на землю, и я крестьян всех до одново человека посылала, а он Иван, поехав вперед с подьячим Михайлою Казминым, Рыбицкой и Богданов и Меловой и Казачей шлях отказал, а крестьян наших на земли ни стрельца [н]е даждал и крестьяном не показался; и крестьяне изкали ево целой день, не нашли, убежал на Клинское и назвал ту землю диким полем. И я послала Фёдку в Карачевъ подать на нево отсрочную челобитную, чтобы ту землю оспорить, а Овдотья послала список с книгъ. И я от той кручины чють жива. И хлеб, как сеели при тебя и по твоему приказу государя моего, и ныне так же посеели. А челобитную воевода к делу принел»⁷.

Стольник И.И. Киреевский, бывший по служебным делам в Москве, получил от жены, Марии Дмитриевны грамотку из села Долбино Козельского уезда (3 февраля 1716 г.): «А в степны деревни, государь, послала человека Семена Лукьянова, приказала, государь, против твоего приказу молотить рож на продажу в корачевской деревни и в орловской деревни приказала перемолотить скирдъ ржи, приказала, государь, молотить старосте да Ивану Жильцову... А слуга нашъ, государь, Меркулей приехал ис Курска на другой день после милости твоей, только, государь, ездит пать да напрасно лошадей поморили, а дабра ничево не изделал. А в Козелескъ, государь, посылали солдата шестова человека, и лонрат не принел, а за что не принел, про то Богъ весть. Одно на милость твою сердить, что не изволил быть самъ в Козельски, хотя ди вы приводитя хотя дватцать человекъ, н[иско]лько де не приму. За провиантъ, государь, Морк... заплоти все денги девять рублей ш... ал четыре денги, плотили з дыму [по] четыре гривны, а за иные зборы денги збираем. Изволил ты, государь, приказать отправлять крестьяном мельнику с товарищи, и они ништо не гледат. А Андрей Краснобаевъ сидит в Козельске за кораулом с тех местъ, как водил салдата. Сена, государь, не продали, для това что купцов нет. Изволишь ты писать, чтобы к Васильюшку запас готовить в Поречья, и ты изволь, государь, тово человека прислать, кому с тем запасом итить в Ригу на стругу, и подводы изволь прислать суздальския, на чем тот запас весть. А в Долбине, государь, подвод нетъ, изволь, государь, пирслать не помешкав. А я, государь, поеду к Москве на

⁷ Там же. С. 100.

второй недели Великого поста, чтоб м... опять сим путем быть в деревню... о мне нужда повидатца с Настею. Овес, государь, обмолотили, вылотили только пятнатцать четверте, гречихи вывеели из ухвосков три четверти, ячменя дамолачевом, мяса, государь, суздальское посалили»⁸.

Дела поместья и вотчины играли очень важную роль в жизни служилого человека, но главное место, безусловно, принадлежало военной службе. Посредством переписки служилые люди, бывшие в Москве, передавали информацию родным и знакомым в провинцию о важных этапах службы: назначении на полковую службу, времени выступления в полк (в действующую армию во время войны или на ежегодную службу на границе). Из этого следует, что личная корреспонденция выполняла функцию средства мобилизации служилых людей на военную службу. Например, сосед по поместью сообщал брянскому сыну боярскому И.А. Маслову из Москвы: «государь, была ведама, государь нас пожалавал велел росписать на Москве двесте человек, двесте человек на береговую службу, жить по переменам по сту человек — тем Брянска не знать, а семдесят человек указал государь быть во Брянску — тем на береговой службе не быть»⁹. Жилец Д.И. Маслов, живший в своем карачевском поместье, получил грамотку от знакомого также из столицы: «А служба, государь, нам сказана: быть в полку боярина твоео князя Григорья Григорьевича Ромодановского с товарищи, а намъ, замосковным городом, указано стать Троицынь день в Курске»¹⁰. Стольник И.И. Киреевский в грамотке из своей вотчины в Козельском уезде брату своей жены в Москву настаивал: «Да пожалуй, государь, прикажи ко мне отписать, не быть ли нам ныне на службе великого государя»¹¹.

Прибывшие к пункту сбора своего полка старались узнать, в какой город и полк назначены их родные или знакомые. Так, стольник И. Яблочков отправил письмо из Нового Оскола своему родственнику, стольнику И.И. Киреевскому в Козельский уезд: «Да прошу твоего жалованья, Иван Ивановичъ, пожалуй прикажи ко мне писать, в котором полку вамъ ныне быть и котором городе приездъ записывать»¹².

⁸ Там же. С. 32—33.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 25.

В провинции новости о служебных назначениях помещики и вотчинники узнавали не только из грамоток, отправленных непосредственно из столицы, но также от соседей, приехавших домой из Москвы и рассылавших письма уже в самом уезде. Например, жилец Я.Г. Сафонов в ответной грамотке соседу, жильцу Д.И. Маслову сообщил: «Приятель мой Дмитрий Иванович, здравстуи на веки, Яшья Сафонов челом бьет. Присылал ты ка мне крестьянина своево для весто[к] московских, и у меня еще люди не бывали с Масквы. По сем тебе прятелю своему челом бью»¹³.

Белевскому вотчиннику П.А. Киреевскому пришло письмо от брата, в котором особенно выразительно показана повседневная жизнь городской служилой корпорации, в которую входили большие семейные кланы. Это послание также весьма наглядно демонстрирует роль частной переписки в военной мобилизации служилых людей: «Братецъ Прокофей Артемьевич, здравствуй з батюшком и с матушкою на многия лета. Да сказана ныне служба в Ызюм городок на Изюмскою черту вал валить, и брату Василью быть. И ты, братецъ, побей челом дяде Игнатию Кириловичю, будет он пойдет на службу, чтоб взял Василья с собою, хотя на нашей клячи. А будет Игнатей Кирилович не пойдет, и ты побей челом Тимофею Тимофеевичю Киреевскому, ему быть же, и тетки Настасье Ивановне, ево матери, побей челом, либо велит не покинуть. А пробыть не возможно, и имя Васильево в жилой чети отмечено. А ты к Москве не приезжай. Да ныне ж велено быть на службе Семену Микифоровичю з братом да Офонасью Дмитриевичю да Федору Петровичю Киреевским да Василью Никитичю Киреевскому да Михаилу Осиповичю Карпову. И ныне быть лутчи на службе, а на лета будет пуща, а будет, чаешь, что ныне к нам в деревню писець... будет ино ты, Прокофей, поезжай вместо Василья или хотя с Михаилом Карповым ехать... а срок поставлен маяя 23 число стать в Ызюме»¹⁴.

Понятно, что официальные указы о мобилизации городских служилых людей направляли из Москвы в городские воеводские избы, и несомненно, что самой свежей и надежной информацией в уезде располагали подьячие этих изб. Получив документы из Москвы, они тут же передавали новости своим знакомым служилым людям. Например, А. Савичев, служивший в 1672—1679 гг. подья-

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 54.

чим в Карачевской приказной избе, уведомлял жильца Д.И. Маслова короткой грамоткой: «Дмитрей Иванович, государь, здравствуй на многие лета з домом своимъ благодатным. Ведомость тебе государю буди: поезжай к Москве сентября къ 1-му числу, а написаны Якав Григорьевич Софонов, Иван Иванович Опухтинъ да ты, государь Дмитрий Иванович, а иных много написано, мы не знаем, а во Брянску нет в росписи. Тебе государю моему кармильцу смея и не смея Антошка Савичевъ челом бью»¹⁵. Как видно из этой записки, служащие приказной избы писали о новостях, относящихся не только к адресату послания, но и касающихся его знакомых, которым он, в свою очередь, передавал эту информацию.

Как конкретно это осуществлялось, показывает письмо дворянина И.Ф. Толбузина его родственнику и соседу по брянскому поместью, дворянину по московскому списку Ф.Д. Маслову: «Пристой мой приятель государь Федотъ Дмитревич, множество летъ о Господе здравствуй с матушкою и с супругою своею и з детушки своими. Присылал ты ко мне, приятель мой, крестьянина о ведамасти к Москве сезде, и ко мне сынъ пишет: брянские помещики поехали, с воскресенья едут, и нам бы в скорех числах. А какъ приедет иза Брянска, и я к тебе учиню ведамасть, каторой день выезжат сыну моему. По сем Изотка Толбузин челом бью»¹⁶.

Готовясь к походу, помещики и вотчинники брали займы друг у друга оружие, амуницию и другие вещи, которых у них не было. Корреспонденция и в этом случае была основным способом взаимодействия. Так, стряпчий Р.Б. Давыдов отправил своего крестьянина к соседям по карачевскому поместью и родственникам с просьбой одолжить припасов для похода: «Прошу, государыня матушка и Федотъ Дмитреевичъ, милости, пожалуйста ссудите меня на службу великих государей деньгами и виномъ, а я для таго послалъ нарочна к милости вашей крестьянина своего Якушку Аленина. А мне государи, ей, нужна надобна, потому что вскоре сказанъ указ великих государей и выссылають бессрочно и я бреду в воскресения, июля въ 7 день»¹⁷.

Брянский сын боярский И. Брусилов, собираясь в полк, послал своего человека с запиской также к родственнику и соседу, брянскому же сыну боярскому Д.И. Маслову: «Государю моему милоствому брату Дмитрею Ивановичю братишка твой Игнашка Бру-

¹⁵ Там же. С. 108—109.

¹⁶ Там же. С. 134.

¹⁷ Там же. С. 115.

силов челом бьеть. Буди, государь, здоров на многия лета со всем своим праведным домом. Послал я к тебе, братецъ, норочно человека своево Ивашку побить челом: пожалуй, братецъ, суди меня ковтаном суконным да пожалуй епончи своей лазоревой да епончи да шубы одеваальной да узды пожалуй хотя лютской, войлоковъ пот седло, каковывых изволишь, да сабли хотя лютской. Я к тебе, братецъ, как поворачю своих людей назад, то твое, братец, все поворачю к тебе государю своему. Да пожаи, государь сему писму письму верь. Записаль с грамотку Алешка Евъдокимов»¹⁸. Здесь, как мне кажется, особенно любопытно отметить, насколько детально служилые люди знали гардероб своих родных и соседей.

Подготовившись к походу, служилые люди посредством такой же переписки условливались о том, чтобы вместе, в один день выдвинуться из своих владений к назначенному для них месту сбора. Так, брянский помещик, жилец Д.С. Панютин сообщал своему зятю, живущему в том же уезде, жильцу Д.И. Маслову: «Да ведомость тебе чиню: прислана великого государя грамота, велено нам на службе быть и приездъ записовать указано маяя 9 число в Севску Николин день. И тебе б на службу збиратца. А мы поедем на службу до сроку за неделю и к тебе заедемъ, а ты нас даждидайся»¹⁹.

Переписка продолжалась между служилыми людьми и во время боевых действий. Особый интерес с точки зрения военного администрирования представляет собой сообщение между военачальниками разного ранга, которое происходило не только через официальную переписку, но и через частную. Неформальная корреспонденция, несмотря на то, что приказное делопроизводство было весьма оперативным, ещё более ускоряла, и, что не менее важно, упрощала передачу информации, а это имело первостепенное значение в ходе военных действий.

В 1677 г., во время первой русско-турецкой войны, городской воевода Севска стольник Л.Р. Неплюев в частном письме извещал воеводу большого полка боярина кн. В.В. Голицына о новостях с фронта: «Государю моему князю Василью Васильевичю Левка Неплюев челом быю. Пожалуй, государь мой, прикажи ко мне писать о своемъ многолетном здоровье, какъ тебя государя моего Богъ милостью своею хранить. А о мне, государь мой, изволишь напаметовать, и я на службе великого государя в Севску сентября въ

¹⁸ Там же. С. 89—90.

¹⁹ Там же. С. 102.

18 день жив, а впредь воля великого Бога. Писал, государь, ко мне з Белагорода Иванъ Лихарев: которыя тотаровя были в оскольских местех, и тех де тотар князь Петр Иванович Хованской верхъ речки Нежеголи побил многихъ. За сем тебе государю моему рабской челом бью»²⁰.

Личное послание, не заменяя официального, заключало в себе и более обстоятельные сведения о деле, а также разъясняло некоторые места уже отправленного официального донесения. К примеру, воевода города Валуйки М.А. Апухтин извещал в частном послании своего начальника, боярина кн. П.И. Хованского, командированного для валового строения на южной границе: «В отписке, государь, твоей ко мне написано, чтоб мне ехать от Волуйки до Царева-Борисова города, и отволокусь к Усерду для досмотру и отписи валового дела. Прошу, государь, милости твоей, только возможно тебе, государю моему, от такой волокиты меня убогаго отставить; удиви милость свою.

Ей, государь, от многих посылок и от походов чуть клячи волочатся, а иныя и попадали. Октября в 9 день еще буду в поход за воинскими людьми, вниз по Осколу реке, а по каким вестям бреду, того в отписке приписать не успел: октября в 8 день прибежали волуйчя 14 человек на Волуйку, а в распросе сказали, будто они сидели в осаде от воинских людей в Дуванном Боераке, прождав до ночи, из того Боерака побежали на Волуйку, покинув обоз, а было де воинских людей человек с семьдесят о дву конь, и пошли от них вниз по речке по Товолжанцу к реке Осколу к Двуреченскому городку.

И о сем милости у тебе государя, прошу: в отписке для поспешенья приписано немного меж строк, не положи в дурость, приписавы для поспешенья своею рукою»²¹.

Понятно, что только в личной переписке, особенно, если корреспонденты были близки друг с другом или же находились приблизительно на одном уровне социальной иерархической лестницы, служилые люди могли весьма вольно излагать свои мысли и впечатления о служебных делах, в некоторых случаях не останавливаясь перед критикой (хотя и очень сдержанной) адресата-на-

²⁰ Грамотки... С. 143.

²¹ Частная переписка князя П.И. Хованского, его семьи и родственников // Старица и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 10. М., 1905. С. 38.

чальника. Так, валуйский воевода стольник В.М. Дмитриев писал боярину кн. П.И. Хованскому, возглавлявшему строительство Изюмской засечной черты: «Писал, государь, я к милости твоей ныне об государских делах отписки и послал, государь, к тебе нарочно побить челом о своих нуждах Федора Еремеева сына Чаплина. Пожалуй, государь мой милостивой, милость свою надо мною удиви и дураков плутать уйми, чтоб, государь, впредь им было плутать нельзя, и государския б дела не стали. Да и о сем прошу милости твоей: прислана ко мне государева грамота, что велено тебе по своему рассмотренью отпустить ко мне в полк начальных людей и полковых припасов, и я прошу, милостивой мой государь, милости твоей к себе, пожалуй, государь, вели ко мне отпустить нужицу мою, чтоб мне с кем его государская служба служить... А что ты, государь, писал ко мне и велел починивать вал, и я твоей воли не преслушник, только, государь, мне делать некем и приказать некому. Да смотреть изволь, государь, своего полку ко мне начальных людей, кого изволишь, прислать по своему рассмотренью, а я б, государь, что знал, им указал... Да сего ж, государь, числа прислана ко мне от тебя отписка вестовая, и пишешь, государь, чтоб мне черта беречь, и я к тебе, государю своему, от том же пишу, чтоб было с кем одержать. И вестно тебе чиню, что людей ко мне не высылают, которым по указу великого государя велено быть у меня в полку, и государскому указу ослушны. За сем писавы искатель твоего жалованья Васька Дмитриев, милости прося, челом быю»²². Частное письмо здесь (как и во многих других случаях) сопутствует официальным донесениям, направленным тому же адресату, но в нём существо дела изложено гораздо более открыто и ясно.

В личной переписке стольник С.Ф. Толочанов, белгородский воевода, откровенно пишет полковому воеводе боярину кн. П.И. Хованскому о деятельности служащих городской воеводской избы и указывает на причины задержек в делах: «Писал ты, государь мой, ко мне о присылке дьяка Петра Исакова и о сметных книгах и о подьячих. И по твоему, государь, приказу дьяк к тебе, государю, отпущон, и сметные книги с подьячим с Дементьем Белым, отдалав в совершение, к тебе, государю, отпустил же. А мешкота, государь, сметным книгам учинилась за неприсылкою из городов воевод.

²² Там же. С. 50—51.

И о том тебе, государю, известно наперед сего было, и о том я к тебе, государю, писал; естли, государь, воеводы впредь будут делать так, и никогда государева дела спора не будет. А истинно к тебе, государю, пишу, что книги делали безвыходно денно и ночми.

А подьячей Андрей Ортельной не послан затем, что дела отдаст, а как дела отдаст, и я его Андрея к тебе, государю, пришлю.

А естли возможное дело, сотвори, государь, милость для убогаго моего прошеньишка, чтоб его Андрея не послать к Москве. И о том, государь, что на то изволение будет, изволь ко мне приказать отписать.

А подьячих, государь, в Белегороде нет никого, а которые и есть, и те, государь, все пьяные. И о том, как на то твое изволение будет.

По сем тебе, государю своему, работник твой Сенька Толочанов челом бью.

А Толкочова, государь, затем не послал, что и отписки написать будет некому»²³.

Частные грамотки также помогали устранить несогласования, которые содержалась иногда в указаниях руководителей. Так, дьяк П.А. Исаков в личном письме кн. П.И. Хованскому уточнял у боярина его распоряжение относительно места, куда его направили на службу: «А изволишь, государь, милостиво о мне напамятовать, и я в Белегороде октября по 8 число в суетах своих жив до воли Божии. Беспрестанно сидел за счетными и росписными списками. А Полуехт Истомина по се число в Белегороде не бывал, и как будет, про то не ведомо. А в отписке, государь, твоей писано: велено меня выслать к тебе, государю, в полк в то время, как Полуехт приедет и меня во всем сочтет. А ныне, государь, по приказу твоему, государя моего, пишет ко мне тесть мой, Петр Васильевич, чтоб мне к тебе, государю, ехать в полк на Вольном, не замотчав. И мне, государь, по прежней твоей отписке, не расписався с Полуехтом, буде твоей, государя моего, отписки о высылке моей не будет, ехать опасно. И о том как воля твоя, государя моего?»²⁴.

Стольник И.П. Скуратов (сын окольного и воеводы П.Д. Скуратова), также занимавший в своё время должность белгородского воеводы, писал в частном письме к тому же кн. П.И. Хованскому по схожему поводу: «Полковники, государь,

²³ Там же. С. 81—82.

²⁴ Там же. С. 51—52.

пехотные к прежним припасом просят многого, а взять негде и купить нечем. А без твоего, государь, ведома из городов иметь и давать им не смею.

Да по городу, государь, караулили белгородские стрельцы и городовые дети боярские, а ныне по твоему письму велено стрельцам быть с тобою в походе, а наперед, государь, сего во время твоего походу, при батюшку, были из городов, из Карпова, из Болхового, стрельцы и казаки. И о том к тебе, государю моему, писал в отписках. Милости у тебя, у государя, прошу, вели мне о сем великих государей указ учинить»²⁵.

Тем не менее, из обоих посланий видно, что оба городовые воеводы, невзирая на то, что обращались к своему руководителю с частными письмами, просили его направить к ним официальные письменные указания. Это свидетельствует о том, что личная корреспонденция носила вспомогательный характер по отношению к официальной, хотя и была широко распространена.

Таким образом, частная переписка служилых людей по отечеству южного порубежья раскрывает перед нами яркую и подробную картину их жизни и деятельности и во время службы, и вне её. На примере рассмотренных документов можно видеть, что без управления хозяйствами по переписке служилое сословие не имело бы возможности осуществлять свои государственные обязанности — в первую очередь, военные, которые также во многом строились на основании личной корреспонденции, что делает её одним из способов функционирования и государственных структур.

Библиография

Грамотки XVII — начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 415 с.

Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М.: Наука, 1964. 313 с.

Частная переписка князя П.И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн. 10. М.: Тип. Синодальная, 1905. С. 1—182.

²⁵ Там же. С. 81.

А.В. Беляков

Участие ногайских мирз в событиях Смутного времени. От Тулы до Калуги

Одним из политических образований, возникших после распада Золотой Орды, стала Ногайская Орда. Во главе неё стояли потомки золотоордынского беклярбека Едигея (Идигей, Эдигей), происходившего из эля мангыт. Его потомки, Едигеевичи, не были Чингисидами, поэтому не имели права на ханский титул и именовались биями (князья в русской дипломатической традиции). Остальные члены сильно разросшейся семьи назывались мирзами. На протяжении XVI в. Ногайскую Орду неоднократно раздирали междоусобицы, вызванные борьбой за власть между отдельными кланами. Проигравшие стороны часто покидали ногайские степи и искали убежище в соседних государствах. Многие мирзы находили его в Московском государстве. Здесь дети и внуки прирожденных государей традиционно занимали высокий социальный статус и по своему положению стояли несколько ниже служилых татарских царей и царевичей (Чингисидов). Им полагались обширные поместья или значительный подённый корм. В случае принятия православия (далеко не всегда добровольного) мирзы автоматически становились князьями и рождались с первостатейной московской знатью. В XVI в. подобные новокрещены пополняли ряды служилых князей. С конца XVI в. при принятии православия их жаловали в стольники и дворяне по московскому списку. Наиболее известными из ногайских выходцев в России до настоящего времени остаются князья Юсуповы и Урусовы. Однако на самом деле количество ногайских (мангытских) родов значительно больше.

Участие служилых ногайских мирз (князей) в событиях Смутного времени остаётся слабо изученным сюжетом отечественной истории, хотя отдельные сюжеты, в первую очередь участие князя Петра Урусова в убийстве Лжедмитрия II, в исследовательской литературе поднимались неоднократно. Как правило, об этом периоде жизни ногайских выходцев в России есть только случайные сообщения. Необходимо обобщение всех имеющиеся в нашем рас-

поряжении свидетельств. Для удобства я группирую всех героев по родовым прозвищам и буду освещать их биографии отдельно.

На рубеже XVI—XVII вв. в Большой Ногайской Орде началась очередная смута, вызванная борьбой за титул бия между потомками Едигея. К рассматриваемому времени на главенство над ногаями претендовали исключительно правнуки и праправнуки бия Исмаила бин Мусы. В конечном итоге власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской Ордой оказалась в руках у Иштерека бин Дин-Ахмеда, поддерживаемого Москвой. Для прекращения междоусобицы в Москву вывезли главного смутьяна — Джан-Арслан бин Урус бин Исмаила и некоторых его детей. В конце 1604 г. мирзу, а с ним и часть семьи, отпустили в степь¹. Однако в России заложниками остались два сына Джан-Арслана — Урак и Зорбек, к тому времени уже принявшие православие и ставшие князьями Петром и Александром.

Впервые стольник князь Пётр Ерусланович упоминается в июле 1604 г. При встрече царского посла Андрея Логау он и А.Р. Плещеев «пить государю наливали»². По росписи русского войска 1604 г. Урусов должен был выставить 47 конных даточных людей³. На основании этого можно говорить о том, что поместья новокрещёного князя и приданные вотчины его жены в общей сложности составляли не менее 4700 четей земли. Петра женили «не по ево воли» на вдове князя Александра Ивановича Шуйского Anne Григорьевне, урождённой Годуновой⁴. В боярском списке 1606/07 г. Пётр стоял первым среди стольников, что указывало на его высокий статус в служилой среде Московского государства⁵. Петр-Урак принял активное участие в событиях Смутного времени, хотя проследить жизненные перипетии князя в тот период можно только пунктирно. В литературе встречаются утверждения о том, что на начальном этапе Смуты он возглавлял отряд казанских, арзамасских и романовских служилых татар. Однако документальных свидетельств тому не приводится; к тому же это противоречит нашим знаниям о внутренней организации служилых татар в Московском государстве. В каждой из перечисленных служилых корпораций

¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 388—392.

² Разрядная книга 1475—1605. Т. IV. Ч. 2. М., 2003. С. 74.

³ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004. С. 379.

⁴ *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. II. СПб., 2018. С. 228.

⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 293.

имелись собственные лидеры, не желавшие делиться властью с пришлыми чужаками. Это прекрасно понимали в Кремле и учитывали сложившиеся взаимоотношения в местах компактного проживания неправославного населения. В России, несмотря на завидное положение в среде высшей служилой элиты, князь не задержался. При первом удобном случае, воспользовавшись Смутой, Пётр в 1607 г., бросив русскую жену, отъехал из-под Тулы в Крым⁶, а оттуда в ногайские улусы. Вскоре он вернулся во главе отряда юртовских татар. Осенью 1608 г. он уже в Тушинском лагере, а затем в Калуге. Лжедмитрий II сделал его своим стольником⁷. По сообщению «Нового Летописца», в 1609 г. Пётр Урусов с юртовскими татарами стал виновником хлебной дороговизны в Москве: он контролировал поставки хлеба по Слободской дороге⁸. Речь идёт о дороге на Ярославль⁹. В декабре 1610 г. в Калуге он убил самозванца и окончательно покинул территорию России¹⁰. Интересно, что из Калуги с ним побежали не только татары, но и русские казаки (видимо, астраханцы)¹¹. Данное наблюдение является важным, позволяя скорректировать устоявшиеся представления о составе военных отрядов тех или иных участников Смуты. Партнёрские отношения между астраханскими казаками и ногаями известно и по другим источникам. При этом, похоже, основное командование в таких подразделениях принадлежало ногайским князьям-мирзам.

Существует несколько описаний убийства Лжедмитрия. Когда Пётр Урусов узнал про убийство касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана по приказу «Царика», он пожелал отомстить за смерть Чингисида. Конечно, могла сказаться и личная обида мирзы, публично выпоротого по приказу Лжедмитрия, и родственные связи с Ураз-Мухаммедом. Он находился в дальнем родстве с женой царя царицей Салтан-бике, дочерью ногайского мирзы на русской службе Али бин Кутума бин Шейх-Мухаммеда бин

⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 87, 123, 145, 174, 220.

⁷ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 550; Шепелев И.С. Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. II: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Волгоград, 2012. С. 83.

⁸ ПСРЛ. Т. XIV. М., 2000. С. 93.

⁹ Шепелев И.С. Указ. соч. Т. II. С. 442. И.О. Тюменцев, однако, утверждает, что это было Коломенское направление (Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 550).

¹⁰ ПСРЛ. Т. XIV. С. 76, 93, 104—105.

¹¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. II. СПб., 1875. Стб. 618.

Мусы. Усыпив настороженность самозванца, он выбрал момент, когда тот выехал гулять в поле и, напав с многочисленной толпой вооружённых татар, убил его и многих людей из свиты¹². К. Буссов и П. Петрей описывают обстоятельства, толкнувшие П. Урусова на убийство самозванца, практически одинаково. После убийства Ураз-Мухаммеда князь узнал о доносе сына касимовского царя на отца и хотел его убить, когда тот ночью поедет от Лжедмитрия II к себе домой. Но ему попался другой татарин, по платью и внешности похожий на царевича Мухаммед-Мурада¹³, и он снёс саблей ему голову. За это самозванец приказал бросить в тюрьму Петра Урусова и еще 50 других татар, сильно мучил их несколько дней, после чего отпустил на волю¹⁴. Невозможно сказать, что это были за люди. Это могли быть как приближенные к князю люди, так и наиболее знатные татары. Второй вариант видится более отвечающим тогдашним реалиям. Ю. Видекинд в своем сочинении в целом повторяет ту же версию развития событий, но, однако, утверждает, что при убийстве «Царика» ногайский князь сначала выстрелил в самозванца¹⁵.

Зорбека (Александра) также крестили при Борисе Годунове¹⁶. Далее он отмечен стольником в боярском списке 1606/07 г.¹⁷ Никоновская летопись сообщает, что он изменил государю вместе со

¹² «С ним [Лжедмитрием II. — А.Б.] ехало 300 конных татар, над которыми был старшим татарин Петр Урусов, несколько московских бояр, с коими было несколько десятков человек. Он приказал вести за собой двое саней различных напитков, меда, водки, коими в поле чествовал бояр и знатнейших татар, но в особенности этого Урусова (потому что он встретил тот отряд, поймал больше всех пахоликов и громил роту Чаплинского). В поле он был в хорошем расположении духа, возле его саней выпускали зайцев, охотились, напивались. Этот Урусов думал о другой охоте, и в такой игре со своими [приспешниками] окружил несколько десятков людей, прежде всего московских бояр, а сам с другими [пустился] прямо на государя. Схватив коня и возницу, его убили там, сидящего в санях. Сначала один на скаку отрубил ему плечо с левой рукой, потом другие, спрыгнув с коней, ужасно изрубили и сразу же содрали одежду» (*Эйльбарт Н.Э.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 144—145; Русский архив Яна Сапег 1608—1611 годов. Волгоград, 2012. С. 616—617).

¹³ В документах сын касимовского царя только единожды назван по имени.

¹⁴ Буссов К. Московская хроника // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 139; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. СПб., 1997. С. 357.

¹⁵ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 153.

¹⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2 (1617 г.). Л. 1.

¹⁷ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 294.

своим братом Петром под Тулой¹⁸. Позднее он также оказался в Тушинском лагере и в Калуге, затем отъехал к своему отцу под Астрахань, а позднее оказался с братом в Крыму.

Мирзы (князья) Шейдяковы (потомки ногайского бия Саид-Ахмеда бин Мусы) — наиболее многочисленный клан знатных выходцев из Большой Ногайской Орды в России. Предположительно в конце XVI в. в России оказались Еналей (Джан-Али) мирза, Каплан мирза и Алей мирза Тугановы дети Шейдяковы, их мать Девлет-тотай и их дядя, Теникей мирза. О Теникее известно, что он был Оксаров (Аксаров) сын¹⁹. Его, возможно, следует искать среди детей или внуков Саид-Ахмеда бин Мусы. Являлись ли Туган и Теникей родными братьями — не вполне понятно.

В Русском архиве Я. Сапеги содержалось письмо касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана от марта 1609 г., где он называет некоего Каплан мирзу своим племянником²⁰. По контексту документа, этот человек должен быть ногайским мирзой. Из известных персонажей Каплан Туганов более всего подходит на эту роль. Ураз-Мухаммед происходил из казахских Шибанидов²¹, но при этом приходился пасынком сибирскому хану Кучуму²² и, возможно, большому сибирскому караче Мамету (Мухаммеду) и/или Тайбугиду Саид-Ахмеду бин Бекбулату. Поэтому мать (или же мачеха) мирзы могла иметь как казахское, так и сибирское происхождение. Браки ногайских мирз с казахскими царевнами известны: в частности, Шейх-Мамай бин Муса был женат на Бултур-ханым, сестре казахского хана Хак-Назара бин Касима²³.

Алей и Каплан впервые встречаются в документах за 1609/10 г.²⁴ Показательно, что в источнике отсутствует Еналей. Сделаю осторожное предположение о том, что Еналей и Алей — это одно лицо. Еналей погиб под Москвой при Василии Шуйском «как стоял под Москвою Вор». Судя по всему, перед нами пример полуправ-

¹⁸ ПСРЛ. Т. XIV. С. 76.

¹⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1 (1622 г.). Л. 4.

²⁰ Русский архив Яна Сапеги. № 92. С. 123.

²¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 117—520.

²² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1 (1600 г.). Л. 1—2; *Беляков А.В.* Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372—391.

²³ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 199; *Атыгаев Н.А.* Казахские женщины при дворах иностранных правителей // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1 (9) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/645> (дата последнего обращения: 20.01.2020).

²⁴ *Сухотин Л.М.* Четвергички Смутного времени (1604—1617 гг.). М., 1912. С. 309.

ды, свойственной участникам Смуты. Алея Шейдякова 11 декабря 1610 г. в отместку за смерть Лжедмитрия II убили в Калуге казаки²⁵.

В 1630-х гг. в России известна вдова некоего Сафаралея (Сафар-Али) мирзы Арасланова (Арсланова, Урусланова) сына Шейдякова²⁶. По другим документам становится известно имя вдовы — Бохты-ханыш (Бохлы-ханыш), дочь царевича Сеиткула (Сеит-Кула)²⁷, скорее всего — из казахских Чингисидов. В документах упоминается тётка касимовского царя из казахских царевичей Бохты Сеиткулова дочь Шепелева (известен казахский царевич Сеит-Кул сын Шигаи хана)²⁸. Но в одном из источников Бохты называет себя сестрой казахского царевича, в дальнейшем касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана. По моему мнению, её следует считать теткой касимовского царя. В «сестру» она превратилась исключительно благодаря особенностям приказного языка. В данном случае «сестра» или же «сестры», это женский род обращения «моей братье», что далеко не всегда указывает даже на родственные отношения. В деле о назначении ей поденного корма также отмечается двойное написание имени её свекра — Арслан и Излам (Ислам?)²⁹. Здесь же отмечается факт испомещения мирзы Сафаралея в Юрьев-Польском уезде уже в 1606/07 г. В том же источнике содержится фраза, позволяющая перенести выезд на ещё более ранний срок: «А покаместа он был не испомещен, и ему поденный корм и питье давали ис Большого приходу по памятем ис Посольского приказу»³⁰. В 1609 г. в документах упоминается зять касимовского царя Ураз-Мухаммеда Сафар-Али мирза Изла-

²⁵ *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 175; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. II. СПб., 1841. № 307. С. 367—368.

²⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7 (1636 г.). Л. 4; Ф. 141. Оп. 1. Д. 59 (1626 г.). Л. 74—82; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 78, 104, 156, 299.

²⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7 (1649 г.). Л. 1, 3; 1659 г. Д. 6. Л. 1—3; Д. 3 (1640 г.). Л. 15.

²⁸ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 40. С. 47—48; *Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Нижний Новгород, 2007. С. 29—60; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. 1. Алма-Ата, 1961. № 8. С. 11—12.

²⁹ Данный факт ещё ждет интерпретации. Как рабочую версию можно предположить усыновление Сафар-Али. В таком случае это имя отца и отчима. В подтверждение этих построений приведу пример из родословия ногайских мирз, хранящегося в Посольском приказе. В нём среди детей Асана бин Тинбая отмечен Ян-Мамет мирза; о нём сказано, что он Абдул мирзин сын (РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 4).

³⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 59 (1626 г.). Л. 77—82.

мов. По-видимому, это одно лицо с нашим героем³¹. Мирзу убили 11 декабря 1610 г. в Калуге казаки в отместку за смерть Лжедмитрия II³². Но со слов вдовы и её человека, всё было иначе: «И Сафаралея де мурзу Шейдякова убили на государеве службе под Московью литовские люди при царе Василье, как стоял в Тушине Вор»³³.

Приняли участие в Смуте и представители второго рода мирз (князей) Шейдяковых, родом из Казыева улуса (Малая Ногайская Орда), потомков Саид-Ахмеда бин Мухаммеда бин Исмаила бин Мусы. В боярском списке 1606/07 г. значится стольник князь Дмитрий Салтанаш мирзин сын Шейдяков³⁴. Можно предположить, что Дмитрий впервые выехал в Россию ещё на рубеже XVI—XVII в. Следующий раз он отмечен в Туле в 1613/14 г.³⁵; в 1615/16 г. он вспоминал о своих поместном окладе и годовом денежном жаловании при Василии Шуйском³⁶. После 1614/15 г. (правильнее в 1616 г.) он бежал, по-видимому, в ногайские улусы³⁷, но через некоторое время был пойман. В августе 1621 г. по государевой грамоте князя Дмитрия отпустили из Кирилло-Белозерского монастыря, где, возможно, он проходил обряд исправления веры после отказа от православия, в Москву³⁸.

В 1614/15 г. крестили Дивея (Семёна) мирзу Шейдякова, позднее «побежавшего» с князем Дмитрием [Султанашевым сыном] Шейдяковым³⁹. Вскоре его смогли пленить. Опального князя сослали в Устюг. Там он, по-видимому, и умер ранее 29 марта 1621 г. На его похороны «и на полусорочины, и на сорочины» дали 4 руб., по церквям на молебны — также 4 руб.⁴⁰

В Смуту в боярском списке 1606/07 г. отмечен некто новокрещен стольник князь Михаил Шейдяков⁴¹. О нём известно, что

³¹ Сборник князя Хилкова. № XLVI. С. 52—53.

³² *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 175; АИ. Т. II. № 307. С. 367—368. Не была ли мать Сафар-Али вторым браком за Джан-Арсланом бин Урусом? Данная гипотеза объясняет появление второго отчества и даёт ответ на вопрос — почему мирза в конце 1610 г. оказался в Калуге.

³³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 59 (1626 г.). Л. 78.

³⁴ Народное движение в России в Эпоху Смуты начала XVII века, 1601—1608. М., 2003. С. 134.

³⁵ РИБ. Т. XXVIII. М., 1912. Стб. 32—33.

³⁶ Акты Московского государства. Т. I. М., 1890. С. 139.

³⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 12 (1621 г.). Л. 1.

³⁸ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601—1637 гг. М., 2010. С. 211.

³⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 12 (1621 г.). Л. 1.

⁴⁰ Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С. 390—391.

⁴¹ Народное движение в России... С. 134.

21 июля 1608 г. он во главе 14 татар изменил, «отъехал»⁴². По мнению И.О. Тюменцева, отъезд произошел в Тушине⁴³, хотя прямых свидетельств его присутствия там нет. Неизвестно, к какой линии Шейдяковых (из Большой или же Малой Ногайских Орд) следует отнести этого человека. Помета «новокрещен» указывает на то, что он не мог быть сыном Петра или же Афанасия Шейдяковых, рождённым в России. Данное сообщение имеет для нас дополнительную ценность, указывая на численность татарского отряда князя. На основании этого можно предположить, что первоначально дворяры знатных ногайских выходцев, даже принявших православие, по преимуществу состояли из рядовых ногаев. Большинство из них, возможно, выехали вместе со своими мирзами и традиционно, на протяжении нескольких поколений, поддерживали определённую ветвь потомков рода Едигея. Но, это также могли быть и казаки⁴⁴, по тем или иным причинам вынужденные покинуть родные улусы и сбившиеся под руку такого же ногайского изгнанника. Более поздние документы позволяют предположить, что во дворах крещённых ногайских мирз уже преобладали русские люди.

В боярском списке 1606/07 г. отмечены стольники князя Пётр Акназар мирзин сын Шихмамаев и Григорий Келмамет мирзин

⁴² Белокуров С.А. Разрядные записи... С. 176, 253.

⁴³ Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 551.

⁴⁴ Не следует их путать с казачеством более позднего периода. В.В. Трепавлов отмечает, что появление казачества во второй половине XV в. как заметного элемента социальной структуры и участника политических событий следует рассматривать как показательный признак деградации государственности Золотой Орды (позднее — Большой Орды). Казаки того периода — это маргинальные группы степняков (именно так их воспринимали современники: «множество татар, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют козаками»). Они, по мнению автора, может быть номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя всё более независимо. Сведения об их жизненном укладе свидетельствуют о кочевническом, т.е. татарском этнокультурном первоисточнике вольного казачества. В те времена казачьи общины представляли собой обычные для кочевых степей мигрирующие сообщества. Однако наряду со скотоводством их основным занятием стала война. Принадлежали казаки, очевидно, к разным элям, проживая при этом смешанно, в общих поселениях. Славянский элемент казачества в значительных размерах, по мнению исследователя, появился только в XVI в. (Joannis Dlugosii annals seu cronicae Regni Poloniae. Lider duodecimius, 1462—1480. Cracoviae, 2005. S. 243—244; Трепавлов В.В. Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010. С. 24—27). Рассматриваемые нами ногайские мирзы в большинстве до выезда в Россию также являлись подобными казаками. Однако благодаря своему статусу мирз, полученному по происхождению, они становились центрами притяжения для менее знатных соплеменников. Хотя в казакующем мире происхождение далеко не всегда имело решающее значение. Лидерские качества, удачливость и личная отвага в бою порой имели куда большее значение.

сын Шихмамаев, а также дворянин московский Иван⁴⁵. Речь идёт о потомках бия Шейх-Мамай бин Мусы. Пётр приходился правнуком бию. Его родословная выглядела следующим образом: Хак-Назар бин Бай бин Шейх-Мамай⁴⁶. Григорий, скорее всего, также приходился правнуком бию, но неизвестно — от какого из его сыновей. Иные сведения об этих людях отсутствуют. Можно предположить, что они «отъехали» в 1607 г. из-под Тулы вместе с Петром Урусовым или бесследно погибли в последующих событиях Смуты.

В боярской книге 1606/07 г. упомянут стольник «князь Михайло Конай мурзин сын Кинбаев»⁴⁷. Возможно это искаженное Тинбаев. В таком случае его родословная выглядит следующим образом: Михаил (Гази) бин Канай бин Динбай бин Исмаил⁴⁸. В Новом летописце имеется информация о некоем Михаиле Канай мирзине сыне, который «в королевичев приход» стал образцом воинской доблести и погиб в 1619 г.⁴⁹

20 августа 1598 г. в Сибири в плен русским воеводам попала большая группа детей, жён и внуков хана Кучума. Всех их вскоре вывезли в Москву. Среди них отмечены малолетние внук, Зен-Магмет, и внучка, Лалтак, сибирского хана⁵⁰. Имя их матери неизвестно, отцом был ногайский мирза Бегай бин Ханбай бин Исмаил. Через какое-то время, по-видимому, он добровольно выехал в Россию. 9 октября 1609 г. в выписи, сделанной в Смоленске, «каковы были дорогобужци и вязмичи дворяне и дети боярские к хлебному жалованью, сколько у ково, у дворян и у детей боярских написано людей, и тому роспись» читаем: «Бегая мурзы Смайлова семья человек»⁵¹. Значит до начала событий Смутного времени Бегая испоместили в Дорогобуже. В результате военных действий семья Смайлевых вместе с русскими служилыми дорогобужцами оказалась в Смоленске. 21 августа боярин и воевода князь Д.М. Черкасский, руководивший осадой города, сообщал, что «выехали из Смоленска на государево имя з Бигей мурзою Смайлевым Осан Кучюмов з же-

⁴⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 294, 296, 302.

⁴⁶ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 285.

⁴⁷ Народное движение... С. 134.

⁴⁸ *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 324; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4 (1627 г.). Л. 3.

⁴⁹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 401.

⁵⁰ АИ. Т. П. С. 5, 17, 18.

⁵¹ СПбИИ. Колл. 174. Оп. 2. Д. 326.

ною и з детми да племянники иво, Мочак да Маметкул Екимовы дети Кучюмова, и они послали их ко государю к Москве»⁵². Вскоре мирзу испоместили в Суздальском уезде «под Болохною»⁵³.

Во второй половине XVI в. в Романовском уезде известен мирза Ахмала мирзе Биштовов, владевший поместьями в Здравовецком и Колохоцком станах (1203,5 чети). Однако в 1593 г. этот помещик уже неизвестен в уезде⁵⁴. В 1609 г. в Ростовском уезде упоминается Касым мирза Ахметев⁵⁵. Контекст документа не оставляет сомнений, что это ногайский мирза. В первой половине XVII в. среди ярославских кормовых иноземцев значится Пантелей мирза Касымов Ахметев⁵⁶. В 1625 г. отмечен Досай Касымов⁵⁷. Несколько позднее Досай упоминается как Кангилдеев⁵⁸. Из другого дела известно, что за какую-то вину около 1616 г. Пантелея Касимова и Досая Ангилдеева сына Муратова посадили в тюрьму. На Пасху 1619 г. (28 марта) их отпустили, но поместья им не вернули. Мирз определили в ярославские кормовые татары. У Пантелея были мать, племянник с женой (Досай Кангилдеев) и десять людей, у Досая — шесть людей⁵⁹. Рискну предположить, что это представители одной семьи. В таком случае становится понятным как могла сложиться судьба иных мирз Романовского уезда XVI в.

Потомок бия Малой Ногайской Орды Барангази бин Саид-Ахмед бин Мухаммед имел трёх сыновей — Бия, Каплана и Зора. Каплан выехал на имя Бориса Годунова и крестился с именем Фёдор. В документах (1606/07 г.) он известен как князь Фёдор Барангазьев мирзин сын Шидохметев⁶⁰. В Смутное время его судьба оказалась связана с Петром Урусовым. С ним он попал в Тушино, а затем в Калугу. После убийства «Вора» оба князя бежали в Крым. Позднее он перебрался в Малую Ногайскую Орду, а оттуда переселился под Астрахань. В 1630/31 г. его взяли в плен астраханские служилые люди. Здесь он прошёл обряд исправления веры — после

⁵² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 4 (1622 г.). Л. 2—8.

⁵³ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 337.

⁵⁴ Антонов А.В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593—1594 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 574—601.

⁵⁵ Русский архив Яна Сапеги. № 283. С. 380.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 4 (1626 г.). Л. 4; Д. 3 (1628 г.). Л. 7; Д. 7 (1636 г.). Л. 4; Д. 1 (1637 г.). Л. 31; Д. 3 (1641 г.). Л. 3.

⁵⁷ Там же. Д. 5 (1625 г.). Л. 1—5.

⁵⁸ Там же. Д. 6 (1627 г.). Л. 5.

⁵⁹ Там же. Д. 1 (1619 г.). Л. 1—4.

⁶⁰ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 296.

подначальства в Троицком монастыре архиепископ Астраханский и Терский Макарий миропомазал его. После этого князь Фёдор вновь оказался в Москве⁶¹.

Считается, что романовские мирзы представляли собой некий монолит, выступая, в том числе и в событиях Смуты, единым фронтом. Однако данное утверждение можно поставить под сомнение. В Романове Иван Грозный поселил дядю Эль (Иль) бин Юсуфа (от него пошли Юсуповы) и его племянников Али бин Кутума (его потомки — Кутумовы) и Айдар бин Али⁶². Мирзы содержали свой военный отряд в 225 человек (125 человек у Эль мирзы и по 50 у его племянников)⁶³. Несмотря на то, что во всех военных кампаниях XVI в. романовские татары отмечены как единое подразделение, мирзы пользовались определённой автономностью по отношению друг к другу. Так и в Смуту их пути разделились. При этом отчётливо заметно влияние на принимаемые решения позиции их собственников по женской линии. У Айдара бин Кутума отмечено в 1604 г. двое сыновей — Еналей и Кузей⁶⁴. Вероятно, они погибли в Смуту, хотя нельзя отбрасывать и вариант об их возможном бегстве из-под Тулы в 1607 г. У Али были два сына, Ахмед и Барай, а также дочь Салтан-бике, жена трёх касимовских царей, сменивших по очереди друг друга: Мустафы-Али бин Абдулы, Ураз-Мухаммеда бин Ондана и Арслана бин Али⁶⁵. Ахмед, по-видимому, погиб в Смуту. Возможно, в калужских событиях осени-зимы 1610 г. Как шурин касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана, он постоянно фиксируется в его окружении. Далее известен один Барай, наследовавший отцу. Интересный факт: вначале Смуты он почти не заметен. Барай непродолжительное время пребывал на стороне Лжедмитрия II — он упомянут в жалованной грамоте от имени «Царика» в 1610 г., но, похоже, пытался дистанцироваться от основных событий, а позднее перешёл на сторону II Ополчения⁶⁶.

⁶¹ *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения... С. 323.

⁶² Там же. С. 320—353.

⁶³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII веков. Т. I. М., 1997. № 307. С. 298—299.

⁶⁴ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 404.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 10 (1616 г.). Л. 6—11; 1620 г. Д. 11; Русский архив Яна Сапеги. № 92. С. 123; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 404; *Беляков А.В.* Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007—2008. М., 2009. С. 35—55.

⁶⁶ *Акчурина М., Ишеев М.* Татары Верхнего и Среднего Поволжья — участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань, 2010. С. 42—64.

Позиция Эль мирзы Юсупова не столь однозначна. Исследователи всегда безоговорочно включают мирзу в лагерь сторонников Лжедмитрия II. Весной 1609 г. Лжедмитрий II пожаловал касимовского царя Ураз-Мухаммеда поместьем Эль мирзы в Романовском уезде, Богородицкой волостью с деревнями, мимо его прямых наследников. Но в августе 1610 г. «тушинский вор» жалует эти поместья уже Эль мирзе⁶⁷. Возможно этот парадокс объясняется родственными связями мирзы, одним из браков женатого на дочери астраханского царевича Абдулы (Кайбулы) бин Ак-Кобека Ахтанай (в крещении Ульяна). Интересно, что Ахтанай приходилась родной сестрой касимовскому царю Мустафе-Али бин Абдуле, первому мужу касимовской царицы Салтан-бике. Отмечу ещё одну интересную связь с астраханскими Чингисидами. Сестра Эль мирзы, казанская и касимовская царица Сиюн-бике в разное время являлась супругой братьев Джан-Али бин Шейх-Аулеара и Шах-Али бин Шейх-Аулеара. Известно, что за царевича Абдулу бин Ак-Кобека выдали некую племянницу царя Шах-Али. Можно предположить, что это дочь его брата Джан-Али. Тогда это дочь или падчерица Сююн-бике⁶⁸. Это единственная известная супруга царевича Абдулы. Поэтому можно полагать, что именно она приходилась матерью всем многочисленным сыновьям и дочерям царевича. Данный факт не мог не оказывать влияния на выбор позиции Юсуповичами. Летом 1611 г. дети уже умершего Эль мирзы, Сиюш мирза и Ибай мирза поддерживали руководителей I ополчения⁶⁹. В завершающий этап Смуты мирзы Кутумовы и Юсуповы верой и правдой служили юному царю Михаилу Фёдоровичу.

Ногайские мирзы и князья приняли деятельное участие в событиях Смутного времени начала XVII в. При этом в ряде случаев можно говорить о неких типичных сценариях поведения. Их имена, за редким исключением, упоминаются в связи с событиями осады войсками Василия Шуйского отрядов Ивана Болотникова в Туле в 1607 г. и убийством в декабре 1610 г. в Калуге Лжедмитрия II. Князь Пётр Урусов являлся для многих ногайских мирз неформальным лидером: с ним они «отъехали» из Московского государства. Похоже, это произошло одновременно. Вместе с Петром Урусовым присягу нарушили его родной брат Александр, Фёдор Барангазыев и, возможно, Пётр, Григорий и Иван Шихмамаевы.

⁶⁷ *Моисеев М.В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 198, 201.

⁶⁸ *Беляков А.В.* Политика Москвы... С. 35—55.

⁶⁹ *Моисеев М.В.* Указ. соч. С. 201—202.

На самом деле этот список, похоже, был шире. Бегства из ослабленной Смутой России фиксировались и позднее.

Показательно, что через короткое время часть мирз вновь оказались в Московском государстве, в Тушинском лагере. Похоже, мангыты решили, что в условиях гражданской войны у них появился замечательный способ заработать и вновь вернуться в ногайские степи. В Тушино, а затем и в Калуге известны Пётр и Александр Урусовы, Фёдор Барангазыев.

Нельзя не отметить ещё одно интересное и на настоящий момент загадочное совпадение. Ряд мирз (Дмитрий и Семён Салтанашевичи Шейдяковы) бежали или совершили неудачную попытку побега из России (Досай Ангилдеев сын Муратов, Ахмет Пантелеев сын Касимов) в 1616 г. Похоже, это не случайное совпадение. В апреле все того же года территорию Московского государства пытался безуспешно покинуть знатный сибирский выходец Исиней Карамышев сын Мусаитов⁷⁰. Можно предположить, что это звенья одной цепи событий, повлекших за собой так называемое Еналеевское восстание. В конце лета 1615 г. большая группа служилых татар, посланных с воеводой кн. Д.М. Пожарским на борьбу с отрядами А.Ю. Лисовского под Орёл, по неизвестным причинам совершила стремительный рейд в Поволжье и осадила Казань⁷¹.

Важным моментом в этой истории является факт ненадежности ногайских выходцев. У значительной их части присутствует стремление вернуться в родные ногайские степи. Кочевая жизнь прельщала их больше, нежели гарантированный высокий материальный и социальный статус в России. Мирз устраивала ситуация, когда у «белого царя» можно было пережить тяжелые времена или же приезжать к нему время от времени в качестве наёмников для участия в войнах с Речью Посполитой или Швецией. Побегι случались не только в Смуту: они имели место и в XVI в., и в 1620—1650-х гг.⁷² Только начиная со второго поколения, выросшего или даже родив-

⁷⁰ *Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы, 2019. С. 175—178; РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 2. Л. 173—179 об.

⁷¹ *Димитриев В.Д.* Восстание ясачных людей Среднего Поволжья и Приуралья 1615—1616 годов // Труды НИИ языка, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Вып. 105. Чебоксары, 1980. С. 109—119; *Лисейцев Д.В.* Новые сведения о «татарской войне» 1615—1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания // Золотоордынское обозрение. 2020. № 8(1). С. 107—126.

⁷² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разрядного стола. Д. 199 (1653—1699 г.). Л. 58—82; Ф. 127. Оп. 1. Д. 3 (1628 г.). Л. 1—177.

шегося в Московском государстве, данная тенденция напрямую уже не наблюдается. В определённой степени ногайский взгляд на сложившуюся ситуацию в концентрированном виде изложил С. Немоевский, вложивший в уста Эля Юсупова следующие слова: «Вы ещё можете вскоре отсюда выехать, по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына. Но я, прибывши сюда добровольно лет сорок назад, Бог весть, увижу ли ещё свою отчизну»⁷³. Существовала ли подобная тяга всегда, или она возникла со временем? На этот вопрос ответить непросто. Стремления к отъездам из России у ногайских мирз в первой половине XVI в. не прослеживается⁷⁴. При этом длительное время выехавшие мирзы сохраняли относительную свободу передвижения и участвовали в патрулировании степной границы Московского государства, совершая подчас самостоятельные военные акции. Отдельные мирзы иногда покидали территорию Русского государства. По-видимому, это происходило с согласия Москвы. Ситуация стала меняться после 1570 г. Тогда после ссоры с опричником Романом Пивовым в Литву, а оттуда в Крым в сопровождении 130 казаков бежали князь Ибрагим Юсупов с сыном, Ахмала Биштотов, Наделы Алеев и Тинолей Юнусов, испомещённые незадолго до этого в Романовском уезде⁷⁵. Как реакция на это последовало крещение (в ряде случаев, возможно, насильственное) ряда оставшихся мирз. Тогда же ужесточили контроль за их действиями. Возможно, именно этот шаг московских властей способствовал возникновению стремления к «отъездам» у части ногайских мирз.

Отмечу ещё один момент. Москва настойчиво стремилась заполучить знатных беглецов обратно. Их отлавливали в степях (Фёдор Барангазыев), к ним посылали грамоты с предложением вернуться, обещая вознаграждение за их заслуги в событиях Смуты (Пётр и Александр Урусовы)⁷⁶.

Ногайские мирзы оставили заметный след в истории русской Смуты начала XVII в. Но нынешняя источниковая база не позволяет до конца восстановить ход событий с их участием и понять

⁷³ Цит. по: *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // *Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана.* № 2. Уфа, 1997. С. 58—59.

⁷⁴ *Беляков А.В.* Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI—XVII вв. // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2017. № 9. С. 15—20.

⁷⁵ *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом.* 1571—1577 гг. М., 2016. С. 63.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1614 г.). Л. 24—25.

мотивы поступков того или иного героя. Надежду на исправление сложившейся ситуации даёт лишь поиск новых документальных свидетельств.

Библиография

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 438 с.
- Акты Московского государства. Т. I. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890.
- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII веков. Т. I. М.: Археограф. центр, 1997. 431 с.
- Акчури, М., Ишеев, М.* Татары Верхнего и Среднего Поволжья — участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 42—64.
- Антонов, А.В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593—1594 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 574—601.
- Атыгаев, Н.А.* Казахские женщины при дворах иностранных правителей // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1(09).
- Белокуров, С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1907. 311 с.
- Беляков, А.В.* Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI—XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 9. Казань, 2017. С. 15—20.
- Беляков, А.В.* Политика Москвы по заключению браков служилых Чингисидов // Тюркологический сборник: 2007—2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 35—55.
- Беляков, А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 29—60.
- Беляков, А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019.
- Беляков, А.В.* Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372—391.
- Беляков, А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 510, [1] с.
- Буссов, К.* Московская хроника // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 9—160.
- Вельяминов-Зернов, В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. 498 с.
- Видекин, Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М.: Памятники ист. мысли, 2000. 652, [1] с.
- Горбатов, Е.Н.* Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 496 с.
- Димитриев, В.Д.* Восстание ясачных людей Среднего Поволжья и Приуралья 1615—1616 годов // Труды НИИ языка, истории и экономики при СМ Чувашской АССР. Вып. 105. Чебоксары, 1980. С. 109—119.
- Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сб. 1. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.
- Лисейцев, Д.В.* Новые сведения о «татарской войне» 1615—1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания // Золотоордынское обозрение. 2020. № 8(1). С. 107—126.
- Мархоцкий, Н.* История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. 222, [1] с.
- Моисеев, М.В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 197—202.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601—1608. М.: Наука, 2003. 490, [1] с.

- Новый летописец // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. 603 с.
- Павлов, А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. II. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 622, [1] с.
- Петрей, П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. Москва: Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт, 1997. С. 151—465.
- Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571—1577 гг. М.: Фонд «Марджани», 2016.
- Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601—1637 гг. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2010. 756, [1] с.
- Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М.: Наука, 1983. 479 с.
- ПСРЛ. Т. XIV. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 154 с.
- Разрядная книга 1475—1605. Т. IV. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, Институт российской истории РАН, 2003. 146 с.
- Русская историческая библиотека. Т. II. СПб.: тип. Братьев Пантелеевых, 1875. 1228 стб.
- Русская историческая библиотека. Т. XXVIII. М.: Археографическая комиссия, 1912. 1012 стб.
- Русский архив Яна Сапеги 1608—1611 годов. Волгоград: Изд-во Волгоградского фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 687 с.
- Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. 631 с.
- Станиславский, А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 505, [1] с.
- Сухотин, Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604—1617 гг.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. 399 с.
- Трепавлов, В.В.* Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории. Тула : Гриф и К, 2010. 108, [2] с.
- Трепавлов, В.В.* История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- Трепавлов, В.В.* Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана, № 2. Уфа, 1997. С. 58—59.
- Трепавлов, В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320—353.
- Тюменцев, И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 600 с.
- Шепелев, И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. II: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Волгоград: «Перемена», 2012. 507 с.
- Эйльбарт, Н.Э.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2013. 399, [1] с.
- Joannis Dlugosii annals seu cronicae Regni Poloniae. Lider duodecimus, 1462—1480. Cracoviae: Polska Akademia Umiejętności, 2005. 658 s.

Д.В. Лисейцев

Тула в экономической жизни Московского государства первой половины XVII века

XVII в. стал особым временем в истории Российского государства, богатым на громкие события и социальные потрясения; это столетие ознаменовалось зарождением новых экономических и политических явлений. Разорённая в Смутное время страна на протяжении первой половины столетия восстанавливала вошедшую в состояние глубокого кризиса экономику, и видную роль в этом процессе играли города. В рамках этой статьи рассматриваются некоторые аспекты возрождения городской экономики в России первой половины XVII в. на примере одного из ключевых для Окского региона центров — Тулы.

События Смутного времени нанесли городу тяжёлый удар. Став главным центром сопротивления правительственным войскам в финальной части восстания Ивана Болотникова, Тула сильно пострадала в 1607 г., и полученные раны не торопились затягиваться. Была полностью сожжена Заупская слобода, сгоревший там кабак не был восстановлен даже к весне 1613 г. Жители вернулись на родные пепелища, но ещё неоднократно подвергались разорению «от татарские войны и от литвы, и от Лисовскаго с товарищи, и от русских воров»¹. В первые годы царствования Михаила Романова разорение города продолжалось. Если в 1612/13 г. четвертные и кабацкие доходы Тулы составляли 527 руб., то к 1616/17 г. сократились на 16% — до 442 руб.² В 1616 г. в основательно опустошённом городе числилось 250 посадских дворов, 34 захребетника и 21 запустевший двор³ (порядка 1 400 человек). На исходе Смуты тяжёлым бременем на плечи населения Тулы легла «пятина» — экстраординарный налог, неоднократно взимавшийся в начале царствования Михаила Фёдоровича. В 1616 г. с тулян было назначено взять 1 500 руб. «пятинных де-

¹ РГАДА. Ф. 396 («Архив Оружейной палаты»). Оп. 1. Д. 37902. Л. 8, 11.

² Там же. Д. 37890. Л. 5; Д. 38948. Л. 24—26.

³ *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев, 1919. С. 46—47.

нег», тогда как обыкновенные налоги вряд ли давали в казну более 750 руб.: экстраординарный налог, который правительство взыскивало с тульского посада, вдвое превосходил годовые сборы с Тулы. Подать оказалась неподъёмной — к августу 1616 г. удалось собрать лишь 911 руб., и 16 дворовладельцев подались в бега⁴ (это означало потерю городом около 90 человек). Сборы «пятинных и запросных денег» повторялись и в 1617—1618 гг. Итог фискальной политики правительства Михаила Фёдоровича оказался плачевным. В 1625 г. тульский посад насчитывал только 153 тяглых двора, 69 дворов убогих и 65 запустевших (не более 1 200 человек). Причина запустения Тулы чётко указана в дозорной книге — туляне бежали от непомерных податей⁵. Численность способных платить налоги посадских людей сократилась по сравнению с 1616 г. на 39%⁶. Сокращение численности посадского населения компенсировалась ростом городского гарнизона⁷. В 1616 г. он не превышал 300 человек (120 стрельцов, 21 иноземец и 66 днепровских казаков, около 60-ти черкас и порядка полусотни пушкарей, воротников, кузнецов, плотников и рассыльщиков)⁸. К 1632 г. в связи с начавшейся Смоленской войной гарнизон Тулы вырос до 672 человек (243 стрельца, 338 днепровских казаков, черкас и немцев, количество пушкарей, кузнецов и воротников достигло 91 человека)⁹. По завершении войны служилое на-

⁴ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38507. Л. 5.

⁵ Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 46—47.

⁶ Для сравнения: соседняя Калуга, подвергшаяся на исходе Смуты, в 1618 г., разорению отрядами запорожских казаков гетмана Сагайдачного, с 1617 по 1628 гг. потеряла около 30% тяглых дворов. Тула в последние годы Смутного времени не подвергалась вражеским нападениям, но деятельность собственного правительства оказалась для неё разорительнее вражеского нашествия (Лисейцев Д.В. Калужский посад в экономической жизни Московского государства первой половины XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV — начале XVII в. Калуга, 2019. С. 350—351).

⁷ Подсчёт численности тульского гарнизона затрудняется тем, что разные категории служилых людей подчинялись и получали жалование из разных столичных приказов: стрельцы — из Стрелецкого, немцы, черкасы и днепровские казаки — из Иноземского, донские и яицкие казаки — из Разрядного.

⁸ РГАДА. Ф. 210 («Разрядный приказ»). Оп. 13. Д. 1 (1618 г.). Л. 37—38; Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Воронеж, 2015. С. 248.

⁹ РГАДА. Ф. 96 («Сношения России со Швецией»). Оп. 9. Д. 96. Ст. 2. Л. 181; Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 159; Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 30; Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 209—211.

селение Тулы усилилось за счёт трёх с половиной сотен донских и яицких казаков (через несколько лет их численность сократили вдвое). К 1646 г. уровень численности торгово-промышленного населения 1616 г. был преодолен примерно на 10% — на посаде числилось 277 дворов и, кроме того, там проживало 50 дворников (всего около 1 600 человек), а количество постоянно живущих в Туле ратных людей превысило 1 000 человек¹⁰.

Вместе с ростом численности населения Тулы постепенно увеличивались и налоговые поступления с этого города в государственный бюджет. В 1616/17 г. они вряд ли превышали 750 руб. По завершении Смуты, в начале 1620-х гг., с тульских откупов и промыслов поступало чуть более 1 000 руб., к середине 1630-х гг. — около 3 600 руб. В начале 1640-х гг. денежные поступления с Тулы достигли своего пикового значения, примерно 6 000 руб., а к началу 1650-х гг. сократились до 5 500 руб.¹¹ Мы можем констатировать существенное увеличение денежных поступлений в казну (с начала 1620-х гг. до середины XVII в. — в 5—6 раз). Была ли эта динамика исключительной, или она отражала общую тенденцию экономического восстановления страны после длительной гражданской войны? Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют утверждать, что рост доходов, поступающих с Тулы в государственный бюджет Московского царства, едва ли не уникален. Денежные поступления с Нижнего Новгорода и Пскова с начала 1620-х до середины 1640-х гг. выросли в 1,3 раза; с Архангельска, Великого Устюга, Тотьмы, Суздаля, Шуи, Старицы, Белгорода, Воронежа, Ельца, Курска и Свияжка — приблизительно в полтора раза; с Арзамаса и Вятских городов — в 1,8 раза. Более значительный рост — в 2,2—2,6 раза — мы видим за этот период в Великом Новгороде, Соли Вычегодской, Вязме, Переславле-Залесском и Рьльске, в 3 раза — в Ростове и Можайске, в 3,4 раза — в Соли Камской, в 3,8 раза — в Вологде¹². Однако и эти города по темпам увеличения налоговых сборов существенно отставали от Тулы.

¹⁰ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 159.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38948. Л. 24—25; Ф. 233 («Печатный приказ»). Оп. 1. Кн. 4. Л. 267 об., 314, 496—496 об.; Кн. 25. Л. 82, 167 об.; Кн. 38. Л. 265 об. — 266, 293—293 об.; Кн. 48. Л. 103—103 об.; Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

¹² Там же. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1. Нижний Новгород. Кн. 5. Л. 20 об.; Новгород. Кн. 13—6. Л. 14—14 об.; Кн. 28. Л. 489, 490, 508, 509, 515, 516, 521, 522 об., 539, 540; Кн. 29. Л. 167; Кн. 30. Л. 16 об., 32 об., 59—60 об., 83 об., 124, 125 об.; Устюг. Кн. 6. Л. 18—30; Кн. 72. Л. 22—24, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 66, 66 об., 69, 69 об., 73—80, 95, 96, 99, 99 об., 105—108, 438; Ф. 141. Оп. 1. Д. 4 (1621 г.). Л. 109, 240, 276; Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 77. Л. 10, 36, 37, 41, 58, 83;

Тула выглядит безусловным лидером и среди городов Окского региона. Сопоставление поступавших с неё в государеву казну кабацких и таможенных доходов с аналогичными сборами в других городах на Оке за начало 1630-х — начало 1650-х гг. (для предыдущего десятилетия эпизодичность сохранившихся сведений затрудняет сопоставление) подтверждает выводы, сделанные на материалах других регионов Московского царства. В начале — середине 1630-х гг. Тула по размеру уплачиваемых в казну податей лишь немного уступала Коломне и заметно отставала от Калуги. При этом Тула существенно обгоняла Муром, вдвое опережала Зарайск и в два с половиной раза — Серпухов. К началу — середине 1640-х гг. Тула уже в полтора раза обошла по уплачиваемым податям Коломну, в два с половиной — Муром и Серпухов, а Зарайск отставал от неё по этому показателю втрое. К началу 1650-х гг. Тула безусловно лидировала среди городов Окского региона, обойдя (хоть и не на много) Калугу. Из перечисленных городов по темпам роста собираемых податей мог соперничать с Тулой только Серпухов¹³.

Приведённые факты указывают на то, что фискальная прибыльность Тулы увеличивалась в первые три десятилетия по завершении Смуты аномально высокими темпами, опережая в этом отношении наиболее динамично развивавшиеся города в 1,5—2 раза. При этом население Тулы к середине XVII в. выросло лишь в 1,7 раза, поэтому ответ на вопрос о причинах столь существенного увеличения фискальных сборов в городе следует искать за пределами его демографии.

Денежные сборы с Тулы на фоне других городов по Оке выглядят значительными. Однако их не хватало даже на уплату жалования

Кн. 276. Л. 2, 3 об., 14—14 об., 37—37 об.; Кн. 304. Л. 3—6 об., 84—84 об.; Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 31, 195 об., 445—445 об., 530, 538, 545, 582 об., 583, 586 об.; Кн. 5. Л. 48 об., 54 об., 471—471 об.; Кн. 8. Л. 190 об.; Кн. 40. Л. 45 об., 297, 892—892 об., 1152 об.; Кн. 41. Л. 57—57 об., 81—81 об.; Кн. 43. Л. 10, 160, 370 об., 392, 812, 984 об.; Кн. 44. Л. 142—142 об.; Кн. 671. Л. 10 об., 255—256; Ф. 396. Оп. 1. Д. 40020. Л. 45; Д. 40274. Л. 603; Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С. 62—65, 243, 280, 282, 284, 285, 287, 310, 329, 334, 336—338, 356—358, 376, 380—382; *Раздорский А.И.* Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017. С. 117, 118, 123, 158, 166, 175, 178, 193.

¹³ Резкий скачок денежных сборов в Серпухове пришёлся на тот же отрезок времени, что и в Туле (вторая половина 1630-х — начало 1640-х гг.). Это обстоятельство позволяет заподозрить взаимосвязь экономических процессов, протекавших в этих двух городах. Предварительно предположу, что причиной роста кабацких и таможенных сборов в Серпухове стало прохождение через город во время вызванной Азовским осадным сидением «военной тревоги» значительного количества ратных людей, следовавших к месту службы под Тулу.

Таблица 1

**Денежные поступления (таможенные и кабацкие)
с городов верхнеокского региона в 1630—1650-е гг.**

	Начало 1630-х гг.	Середина 1630-х гг.	Начало 1640-х гг.	Середина 1640-х гг.	Начало 1650-х гг.
Тула	3 195 руб. (1631/32 г.)	3 371 руб. (1634/35 — 1635/36 гг.)	6 252 руб. (1641/42 г.)	6 279 руб. (1644/45 г.)	5 118 руб. (1649/50 г.)
Калуга	3 772 руб. (1632/33 г.)	3 900 руб. (1635/36 г.)	?	?	4 853 руб. (1651/52 г.)
Муром	2 574 руб. (1629/30 г.)	?	2 452 руб. (1642/43 г.)	2 543 руб. (1645/46 г.)	2 689 руб. (1649/50 г.)
Коломна	3 064 руб. (1631/32 г.)	3 409 руб. (1635/36 г.)	4 382 руб. (1640/41 г.)	?	?
Зарайск	1 567 руб. (1631/32 г.)	1 698 руб. (1635/36 г.)	2 031 руб. (1641/42 г.)	2 261 руб. (1645/46 г.)	2 272 руб. (1649/50 г.)
Серпухов	839 руб. (1631/32 г.)	1 305 руб. (1636/37 г.)	2 355 руб. (1641/42 г.)	2 429 руб. (1645/46 г.)	?

Составлено по: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 11. Л. 365 об.; Кн. 13. Л. 13 об. —14, 256; Кн. 15. Л. 88, 300 об., 303—303 об.; Кн. 16. Л. 133 об. — 134; Кн. 17. Л. 236 об.; Кн. 18. Л. 9; Кн. 19. Л. 192—192 об.; 226; Кн. 24. Л. 146 об.; Кн. 25. Л. 82, 167 об., 171 об., 211 об., 228—229; Кн. 26. Л. 178; Кн. 30. Л. 14—14 об.; Кн. 36. Л. 71; Кн. 38. Л. 265 об. — 266, 293—293 об., 306, 312—312 об., 324, 331; Кн. 39. Л. 1186; Кн. 41. Л. 63, 306 об. — 307; Кн. 43. Л. 162, 983—983 об.; Кн. 48. Л. 63, 103—103 об.; Кн. 56. Л. 46 об.; Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16; Кн. 61. Л. 202 об. — 203; Кн. 64. Л. 7 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 40479. Л. 164, 314, 315.

городскому гарнизону. Такая картина фиксируется документально уже на исходе Смуты. В 1616 г., в частности, когда денежные сборы с Тулы не превышали 750 руб., на жалование несущим в городе службу стрельцам, черкасам, днепровским казакам и немцам из собранных в соседней Калуге «пятинных денег» пришлось отправить 790 руб. 25 коп.¹⁴ Спустя два десятилетия, в 1634/35 г., на кормовое жалование служившим в Туле донским и яицким казакам (их было в городе на тот момент около 350-ти) за девять месяцев пришлось отправить из Москвы 5 078 руб. 87 коп. Следовательно, годовое содержание лишь этой категории служилых людей тульского гарнизона обходилось казне примерно в 6 800 руб. (по 18 руб. 25 коп. на человека)¹⁵, что почти вдвое превосходило фискальный потенциал Тулы на тот

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38522. Л. 16.

¹⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 289. Л. 262 об. — 263, 264, 267—267 об., 268 об., 269, 270 об., 271 об., 274—275.

момент. В ходе строительства Белгородской засечной черты около половины донских и яицких казаков переселились в новые крепости на южном рубеже. Но и остававшимся в Туле в 1638/39—1640/41 гг. 180-ти казакам на кормовое жалование причиталось порядка 3 400 руб. в год¹⁶. С 1641 г. правительство сократило жалование тульским казакам на 20% (до 4 коп. в день или 14 руб. 60 коп. в год), но и после этого годовое содержание этих ратных людей обходилось казне примерно в 2 700 руб.¹⁷, т.е. на него должна была уйти примерно половина всех денежных сборов с Тулы. Неудивительно, что уплата кормовых денег казакам осуществлялась в значительной степени из денег, присылаемых из Москвы. Расходные книги Разрядного приказа 1630—1640-х гг. ежегодно фиксируют отправление кормовых денег тульским казакам за 7—9 месяцев. Следовательно, корм за 3—5 месяцев уплачивался тульским казакам из местных средств (на что должно было расходоваться, учитывая численность донских и яицких казаков и размер их кормового жалования, до 1 400 руб.). Помимо них в состав тульского гарнизона в 1634/35 г. входили также 338 черкас, днепровских и смоленских казаков и солдат пеших полков¹⁸. Жалование этим категориям служилых людей (годовое и хлебное) платили более скромное — порядка 10 руб. в год, что даёт общую сумму около 3 400 руб. Ещё дешевле обходилось годовое обеспечение стрельца (около 6 руб. в год). На жалование тульским стрельцам (а их в первой половине 1630-х гг. было две с половиной сотни) нужно было израсходовать порядка 1 500 руб. На фоне перечисленных выше трат денежное обеспечение находившихся в ведении Пушкарского приказа тульских пушкарей, затинщиков, воротников, казённых кузнецов и плотников (90 человек) обходилось казне совсем недорого — около 200 руб. в год. Всего, таким образом, в середине 1630-х гг. уплата годового денежного и кормового жалования ратным людям тульского гарнизона (около 1 000 человек) обходилось казне в 12 000 руб. Денежные сборы с Тулы покрывали лишь треть необходимой суммы, свыше 8 000 руб. приходилось перенаправлять из доходов, поступавших с других регионов страны. К середине XVII в. стоимость содержания тульского гарнизона за счёт его численного сокращения (до 800 человек)¹⁹ и уменьшения размера жалования отдельным категориям служилых людей сократилась до 8 700 руб., но и в этих обстоятельствах (даже с

¹⁶ Там же. Кн. 292. Л. 260—260 об., 266 об.

¹⁷ Там же. Кн. 293. Л. 280, 296 об.; Кн. 297. Л. 265 об. — 266, 272—272 об.

¹⁸ Там же. Ф. 96. Оп. 9. Д. 96. Л. 181; *Евдокимов Р.Н.* Указ. соч. № 5. С. 30.

¹⁹ *Смирнов П.П.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 46—47, 159.

учётом заметного увеличения кабацких и таможенных сборов) тульских доходов на содержание ратных людей категорически не хватало, и из Москвы ежегодно приходилось запрашивать на эти цели до 4 000 руб.

Тем не менее на фоне прочих городов Окского региона Тула в 1630—1640-е гг. выглядит городом с динамично развивающейся экономикой. Но не будем торопиться с выводами — рассмотрим, из чего главным образом складывался этот впечатляющий экономический подъём.

Структура доходов, получаемых государством с Тулы, типична для городов Московского государства в целом. По состоянию на середину 1630-х гг. город приносил казне около 3 630 руб. в год. Наибольшую долю — примерно 2/3 (2 348 руб.) — давали тульские кабаки, откуда деньги поступали в приказ Новой четверти. Вдвое меньше (1 084 руб.), т.е. около 1/3 денег, давала тульская таможня — её сборы шли в приказ Большого прихода. И, наконец, относительно небольшую сумму — около 200 руб. (5%) — получала с Тулы Владимирская четверть (сюда шли т.н. четвертные доходы — сошные деньги и сборы с мелких промыслов и откупов)²⁰. Даже зарождавшаяся в те годы в окрестностях Тулы российская промышленная металлургия прибыльностью сильно уступала тульским кабакам. 14 июля 1636 г., в частности, голландский торговец Андрей Виниус взял здесь в откуп добычу железной руды и доменные печи на 10 лет, обязавшись заплатить в казну по 42 руб. 16 коп. в год²¹.

Проследим, как менялись с течением времени сборы основных составляющих тульских денежных доходов — таможенных и кабацких денег. Таможенные сборы, теоретически, должны отражать деловую активность населения, тогда как кабацкие — изменения уровня благосостояния населения и его численности. Население Тулы с середины 1620-х гг. до начала 1650-х гг. увеличилось примерно в 1,7 раза. За тот же промежуток времени в городе существенно выросли таможенные сборы — в общей сложности в 3,2 раза, что, в принципе, указывает на значительное оживление торговли в городе. Но нельзя не заметить, что этот рост не был равномерным: за 1620-е гг. таможенные сборы в Туле поднялись приблизительно на 25% (или на 147 руб. в денежном выражении). В первой половине 1630-х гг. в Туле наблюдается существенный прирост таможенных

²⁰ РГАДА. Ф. 137. Владимир. Кн. 1-д. Л. 19—22 об., 83—94 об.; Ф. 233. Оп. 1. Кн. 25. Л. 82, 167 об.

²¹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 29. Л. 42.

Таблица 2

Таможенные сборы в Туле в 1620—1650-е гг.

1621/22	1626/27	1629/30	1631/32	1636/37	1641/42—1642/43	1643/44—1644/45	1645/46—1649/50	1650/51—1652/53
578 руб. 79 коп. 1,5 д.	616 руб. 25 коп. 1,5 д.	725 руб. 66 коп. 0,5 д.	1 040 руб. 66 коп. 1 д.	1 136 руб. 55 коп.	1 583 руб. 32 коп. 1 д.	1 599 руб. 7 коп. 1 д.	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д.	1 866 руб. 87 коп. 1 д.

Составлено по: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 314; Кн. 9. Л. 241 об.; Кн. 11. Л. 227 об., 281 об.; Кн. 16. Л. 28; Кн. 29. Л. 159 об.; Кн. 38. Л. 293—293 об.; Кн. 40. Л. 26 об.; Кн. 43. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.; Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

Таблица 3

Кабачкии сборы в Туле в 1620—1650-е гг.

1620/21	1621/22	1630/31	1631/32	1633/34	1640/41	1641/42—1642/43	1643/44	1648/49—1649/50
447 руб. 55 коп.	472 руб. 30 коп.	1 913 руб. 60 коп. 1,5 д.	2 155 руб. 27 коп.	2 202 руб. 35 коп. 1,5 д.	4 092 руб. 48 коп. 1 д.	4 669 руб. 98 коп. 1 д.	4 680 руб. 48 коп. 1 д.	3 456 руб. 16 коп.

Составлено по: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 44 об. — 45, 496—496 об.; Кн. 13. Л. 196; Кн. 16. Л. 133 об. — 134; Кн. 20. Л. 104; Кн. 38. Л. 265 об. — 266; Кн. 40. Л. 26 об. — 27; Кн. 48. Л. 103—103 об.

сборов — на 358 руб. (49%). К началу 1640-х гг. таможенные сборы увеличились ещё на 499 руб. (на 46%). За 1640-е гг. таможенные доходы Тулы выросли незначительно — всего на 79 руб. (5%).

Более динамичным оказался рост кабацких сборов. За 1620-е гг. они увеличились в 4,3 раза (на 1 466 руб.). Столь значительный их подъём может отчасти объясняться усилением контроля за деятельностью питейных заведений: во время Смуты и в первые годы по её завершении в городах имели место случаи занижения реальной прибыльности кабаков с целью укрытия крупных денежных средств от казны²². К середине 1630-х гг. кабацкие сборы выросли ещё на 434 руб. (22,7%), а к началу 1640-х гг. взлетели на рекордную высоту, увеличившись на 2 322 руб. — практически вдвое. В течение 1640-х гг. кабацкие сборы заметно сократились — на 1 214 руб. (на четверть).

Нельзя не заметить, что плавность роста таможенных сборов была дважды нарушена: первый раз — в начале 1630-х гг., второй — в конце 1630-х гг. Оба эти момента совпадают с периодами серьёзной военно-политической напряжённости — началом Смоленской войны и Азовским осадным сидением. Тульские кабаки демонстрировали устойчивый рост доходности до середины 1640-х гг. Мы, к сожалению, не знаем, сопровождалось ли начало 1630-х гг. существенным увеличением питейных прибылей, но во время Азовского осадного сидения резкий — почти двукратный — взлёт доходности кабаков в Туле не заметить невозможно. С середины 1640-х гг. очевидно падение кабацких сборов. В своей высшей точке (первая половина 1640-х гг.) питейные прибыли выросли в сравнении с началом 1620-х гг. десятикратно, и даже после снижения к середине XVII в. кабаки своей доходностью в семь раз опережали показатели тридцатилетней давности.

Динамика увеличения количества поступавших в казну тульских денег в течение тридцати лет после завершения Смуты заставляет задуматься. Трёхкратное увеличение таможенных сборов при увеличении численности населения в 1,7 раза (а экономически активного — посадского — на 10%) может свидетельствовать как о росте благосостояния жителей Тулы, так и о вкладе в эту часть казённых сборов приезжих торговцев. Но десятикратное увеличение кабацких сборов лишь этими причинами объяснить невозможно. Частичным объяснением может служить предположение о том, что в первые

²² Лисейцев Д.В. «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610—1620-х гг. // Российская история. 2018. № 4. С. 90—110.

годы после Смуты в Москве ещё не очень чётко представляли себе реальный уровень прибыльности кабаков в провинции, чем жители провинциальных городов пользовались. Но к началу 1630-х гг. столичные власти уже вполне владели ситуацией, и обманывать руководство Кабацкого приказа было уже проблематично. Тем не менее, в 1630—1640-е гг. питейные прибыли в Туле выросли в 2—2,5 раза, тогда как таможенные доходы за тот же период — только в полтора раза. И если на начало 1630-х гг. взрослый тулянин оставлял в кабаке в среднем до 3 руб. 42 коп. в год (около годового прожиточного минимума), то к середине 1640-х гг. — уже примерно 5 руб. 80 коп.²³

Вклад тулян в пополнение государственной казны, разумеется, не исчерпывался исправным посещением государева кабака. Наиболее экономически активные из них приносили бюджету прибыль, беря в откуп кабаки и таможи как в родном городе, так и за его пределами. На исходе Смуты мне удалось обнаружить лишь один случай участия тулянина в подобных операциях — тульский посадский человек Ламачка Лазарев откупил на 1616/17 г. кабак в Крапивне за 4 руб., однако откупной суммы не уплатил и бежал из города²⁴. Некоторое увеличение откупной активности тулян наблюдается в 1620-х гг. Тульский посадский человек Семён Носов на пару с черкашенином Насоном Лычковым в 1621/22 г. эксплуатировали таможенную город Михайлова за 26 руб.²⁵ Тулянин Никон Харланов в 1625 г. взял в откуп кабак и таможню в Лебедяни, заплатив за три месяца 19 руб. 55 коп. Он собирался продлить откуп и на следующий год, давая казне около 80-ти руб., но не выдержал конкуренции своего земляка — торгового человека Митрофана Данилова сына Филиппова, перебившего его цену на 3 руб.²⁶ Относительно крупный откуп в это десятилетие мы видим лишь за одним тулянином — посадским Иваном Тимофеевым, получивший в свои руки на 1626/27 г. тамож-

²³ Сдаваемая в казну питейная прибыль представляла собой чистый кабацкий доход. Однако для его получения были необходимы крупные затраты (на изготовление или покупку готовой алкогольной продукции, отопление и освещение кабака, плату кабацкому дьячку за ведение кабацкой документации и т.д.). Для компенсации этих расходов в кабак (при условии изготовления алкогольных напитков непосредственно при заведении) должно было поступить примерно в 1,7 раз больше денег, чем поступало в итоге в государственную казну. Если же алкоголь закупался в кабаке у уговорщиков, его цена оказывалась на 30—50%. Известно, что по меньшей мере в начале 1630-х гг. вино на тульские кабаки закупалось у уговорщиков (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 51. Л. 335. Благодарю А.В. Дедука за указание на этот факт).

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38940. Л. 43.

²⁵ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 5. Л. 83.

²⁶ Там же. Кн. 7. Л. 269, 359, 359 об.; Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 80. Л. 158 об.

ню в самой Туле за 616 руб.²⁷ Всего известны четыре случая откупов с участием четырёх тульских посадских в Михайлове, Лебедяни и Туле на общую сумму 740 руб. (крупным был лишь откуп тульской таможи). Картина становится масштабнее в 1630-е гг. Тульских откупщиков в это десятилетие обнаруживаем уже в восьми городах, включая Тулу, где в 1629/30 г. таможня была откуплена коллективно всем посадом. Кроме того, туляне отметились в Алексине (таможня, 1635/36 г.), Венёве (кабак, 1630/31 и 1635/36 гг.), Дедилове (кабак, 1631/32 г. и таможня, 1636/37 г.), Донкове (кабак, 1630/31 г.), Каширском уезде (кабак, 1629/30 и 1631/32 гг.), Крапивне (кабак и таможня, 1629/30—1630/31 гг.) и Черни (кабак, 1629/30—1632/33 гг.). За это время туляне выступили в роли откупщиков 15 раз, общая сумма взятых ими откупов составила почти 1 540 руб., а участвовало в откупах 11 человек. Любопытно, кстати, сопоставить деятельность тульских откупщиков с аналогичной активностью их соседей — калужан. За те же 1630-е гг. они брали откупа 8 раз (вдвое реже тулян), причём участвовали в них лишь три представителя калужского посада. Однако суммарная стоимость откупов, взятых калужанами за 1630-е гг., достигла 5 700 руб. — в 3,7 раза выше, чем стоили все откупа тулян за то же десятилетие.

Большая часть этих откупов приходится на первую половину 1630-х гг. — после Смоленской войны такие случаи редки. Откупная активность тульского населения с середины 1630-х гг. заглохла на десять лет. А со второй половины 1640-х гг. началась мощная экспансия тулян на рынки соседних городов. За неполное десятилетие (1645/46—1652/53 гг.) мы видим жителей Тулы откупщиками в собственном городе (таможня, 1645/46—1652/53 гг. и кабаки в 1648/49—1651/52 гг.), Валуйке (кабак и таможня, 1651/52—1652/53 гг.), Венёве (кабак, 1650/51 г. и таможня, 1651/52 г.), Гремячем (кабак, 1650/51—1651/52 гг.), Дедилове (кабак, 1647/48—1648/49 гг.), Ельце (кабак и тамга, 1650/51—1652/53 гг.), Епифани (кабак, 1648/49—1649/50 гг.), Ефремове (кабак, 1649/50—1651/52 гг. и таможня, 1651/52—1652/53 гг.), Калуге (кабаки, 1650/51—1651/52 гг.), Крапивне (кабак, 1650/51—1651/52 гг.), Михайлове (таможня, 1649/50—1650/51 гг.), Одоеве (таможня, 1645/46—1647/48 гг.), Печерниках (таможня, 1652/53 г.), Черни (кабак, 1646/47—1647/48 и 1650/51—1652/53 гг.). Всего за восемь лет насчитывается 48 откупов, взятых тулянами (10 человек), на общую сумму около 42 300 руб.

²⁷ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 9. Л. 241 об.

Всплеск предпринимательской активности туляян, безусловно, колоссален и заслуживает анализа. Обращает на себя внимание то, что численность участников откупных операций по сравнению с 1630-ми гг. практически не изменилась, а вот состав откупщиков обновился полностью. Очень активной выглядит деятельность представителей семьи Собининых. Один из них, Григорий Савинов сын, на протяжении восьми лет (с 1645/46 по 1652/53 гг.) был откупщиком тульской таможни, ежегодно уплачивая за неё от 1 662 до 1 867 руб. Его компаньоном выступал его родной брат Насон Савинов сын, в 1650/51—1651/52 гг. известный как откупщик в Крапивне. Другого члена этой семьи — Зиновия Григорьева сына — видим в 1649/50—1651/52 гг. откупщиком кабака и таможни в Венёве и кабака в Ефремове. Сидор Яковлев сын Собинин в 1651/52—1652/53 гг. откупал таможню в Ефремове. В общей сложности представители этого семейства за означенный период времени взяли откупов на общую сумму около 15 700 руб. Семья Собининых продолжала играть видную роль в экономической жизни региона и в дальнейшем. Не случайно уже в 1670-е гг. первые её представители попали в Гостиную сотню²⁸. Ещё более мощной фигурой был тульский посадский человек Никита Терехов — в 1647/48—1651/52 гг. он держал на откупе кабаки в Туле, Калуге и Дедилове, заплатив за них в казну за эти пять лет почти 20 тыс. руб. Заметно отставал от Терехова и Собининых, хотя и явно выделялся на фоне прочих тульских откупщиков, Герасим Ермолин, три года подряд державший за собой кабаки и таможню в Ельце, уплатив за их эксплуатацию в казну около 4 400 руб. Прочие тульские откупщики оперировали деньгами гораздо более скромными — никто из них не вышел за пределы суммы в 450 руб.

Очевидно, что к середине 1640-х гг. в Туле появилось несколько предпринимателей с очень весомыми капиталами, притом, что ранее ни они, ни члены их семей в откупном деле замечены не были. Предположу, что их средства были накоплены именно в течение десяти предшествующих лет, когда вследствие «военной тревоги» 1637—1642 гг. Тула и окрестные города были местом массовой концентрации ратных людей, что неизбежно оживляло торговую жизнь в регионе. Именно тогда достигли своего пикового уровня кабацкие и таможенные сборы в Туле. В таком случае, возникает вопрос: почему туляне не воспользовались моментом, отчего всё это время мы не видим их откупщиками в Туле и прилегающих

²⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 377, 422.

к ней городам? Вероятно, тульский посад не мог противостоять устремившимся на этот перспективный рынок московским торговым людям. Между серединой 1630-х и серединой 1640-х гг. в регионе уверенно лидируют представители московской Кадашёвской слободы, заметны также москвичи Казённой, Конюшенной и Садовой слобод, а также патриаршие крестьяне. Ослабление напряжённости на южных рубежах (уже с 1643/44 г. расходы на оборонные нужды здесь стали сокращаться и упали примерно вдвое)²⁹ привело к уходу из откупного дела в этом регионе столичных предпринимателей. Освободившаяся ниша была тут же занята тулянами, успевшими сколотить капитал за предыдущее десятилетие.

Горизонты предпринимательской активности тульских посадских людей в откупной сфере нельзя назвать широкими. Наиболее состоятельные из них предпочитали извлекать прибыль на месте, откупая кабаки и таможду непосредственно в Туле. Почти все их откупные операции протекали в пределах круга радиусом в 180 вёрст от Тулы. Особняком стоит единственный известный мне выход за пределы этого ареала, когда в 1651/52 г. тулянин Трофим Душкин взял откуп в Валуике, отстоящей от Тулы примерно в 450 верстах.

Подведу итог изложенному. Доходы, получаемые государством с города Тулы в течение тридцати лет после Смуты, существенно увеличились, но большая доля этого взлёта обеспечивалась быстро растущими кабацкими сборами. Кабацкие сборы, в свою очередь, росли за счёт увеличения численности городского населения (прежде всего — военно-служилого), а также высокой концентрации ратных людей в Туле и её окрестностях во время обострения военно-политической ситуации на южных рубежах. Превращение Тулы в один из ключевых оборонительных центров способствовало обогащению верхушки городского посада, сумевшей за годы «военной тревоги», связанной с Азовским осадным сидением, сколотить крупные капиталы, вероятно, на торговле со стянутыми под Тулу ратными людьми. К середине 1640-х гг. снижение военной угрозы заставило покинуть регион столичных откупщиков, и их место было занято разбогатевшими за предыдущее десятилетие тулянами. Благополучие Тулы и региона в целом, таким образом, в рассматриваемый период напрямую было

²⁹ Лисейцев Д.В. Расходы Московского государства на оборонные нужды в порубежных уездах в 1620—1650 гг. (по приходо-расходным книгам Разрядного приказа) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 307—311.

связано с военно-политической обстановкой на южных границах: город богател в периоды её обострения, а ослабление военной опасности, вызывая отток ратных людей, отрицательно сказывалось на денежных сборах, поступавших в государственный бюджет с Тулы.

Приложение 1. Откупа тульской таможи, 1621 – 1653 гг.

Год	Откупщик	Сумма откупа
1.03.1621 — 1.03.1622	Откупщики Клим Тетюхин, Богдан Тетюхин	578 руб. 79 коп. ³⁰
1.03.1622 — 1.03.1623	Откупщик Клим Тетюхин	588 руб. 79 коп. ³¹
1626/27	Откупщик тулянин пос. чел. Иван Тимофеев	616 руб. 25 коп. 1,5 д. ³²
1629/30	Откуп за посадом	725 руб. 66 коп. 0,5 д. ³³
1630/31	Откупщик Фома Билибин ³⁴	
1631/32	Откупщик Василий Обидимский	1 040 руб. 66 коп. 1 д. ³⁵
1635/36	Откупщик кадашевец Дмитрий Иванов	1 084 руб. 5 коп. ³⁶
1636/37	Откупщик кр-н б. кн. И.Б. Черкасского Тит Тимофеев	1 136 руб. 55 коп. ³⁷
1641/42	Откупщик московский пушкарь Матвей Иванов	1 583 руб. 32 коп. 1 д. ³⁸
1642/43		
1643/44	Откупщик пушкарь Федот Логинов	1 599 руб. 7 коп. 1 д. ³⁹
1644/45		
1645/46 1646/47 1647/48 1648/49 1649/50	Откупщик тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁴⁰
1650/51 1651/52 1652/53	Откупщики туляне пос. люди Григорий и Насон Савиновы Собинины, торг. чел. Суконной сотни Малюта Филимонов	1 866 руб. 87 коп. 1 д. ⁴¹

³⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 267 об., 314.

³¹ Там же. Кн. 5. Л. 210 об.

³² Там же. Кн. 9. Л. 241 об.

³³ Там же. Кн. 11. Л. 227 об.

³⁴ Там же. Кн. 15. Л. 88.

³⁵ Там же. Л. 281 об.; Кн. 16. Л. 28.

³⁶ Там же. Кн. 25. Л. 82.

³⁷ Там же. Кн. 29. Л. 159 об.

³⁸ Там же. Кн. 38. Л. 293—293 об.

³⁹ Там же. Кн. 40. Л. 26 об.

⁴⁰ Там же. Кн. 43. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁴¹ Там же. Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

Приложение 2. Откупа тульского кабака, 1612–1650 гг.

Год	Откупщик	Сумма откупа
1612/13 1.09.1613 — 1.12.1613	Голова Семён Амосов	243 руб. 56 коп. (или 279 руб.) ⁴² 106 руб. 74 коп. ⁴³
1.12.1613 — 1.12.1614	Откупщик кашашевец Прохор Трифонов	320 руб. 66 коп. ⁴⁴
1.01.1616 — 1.01.1617	Откуп	299 руб. 54 коп.
1.01.1617 — 1.01.1618		331 руб. 05 коп. ⁴⁵
1620/21 1621/22	Откупщик кашашевец Иван Кононов	447 руб. 55 коп. ⁴⁶ 472 руб. 30 коп. ⁴⁷
21.11.1630 — 21.11.1631	Откупщик кашашевец Фома Билибин	1 913 руб. 60 коп. 1,5 д. ⁴⁸
21.11.1631 — 21.11.1632	Откупщик кашашевец Фёдор Луковников	2 155 руб. 27 коп. ⁴⁹
1.12.1632 — 1.12.1633	Откупщик кашашевец Игнатий Афанасьев	2 199 руб. 85 коп. 1,5 д. ⁵⁰
1.12.1633 — 1.12.1634	Откупщик Богдан Пчелна	2 202 руб. 35 коп. 1,5 д. ⁵¹
1.12.1634 — 1.12.1635	Откупщик пос. чел. Юрьевца-Повольского Никифор Антонов	2 [...]87 руб. [...]52
1.12.1635 — 1.09.1637 1640/41	Откупщик кашашевец Григорий Гусятников	4 109 руб. 41 коп. 0,5 д. ⁵³
		4 092 руб. 48 коп. 1 д.
1641/42 1642/43 1643/44 1647/48	Откупщик кашашевец Фома Билибин	4 669 руб. 98 коп. 1 д. ⁵⁴
		4 680 руб. 48 коп. 1 д. ⁵⁵
		3 387 руб. 91 коп.
1648/49 1649/50	Откупщик тулянин пос. чел. Никита Терехов	3 456 руб. 16 коп. ⁵⁶

⁴² РИБ. Т. XXVIII. Стб. 30—31.

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37902. Л. 14.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Д. 38948. Л. 24—25.

⁴⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 44 об. — 45.

⁴⁷ Там же. Л. 496—496 об.

⁴⁸ Там же. Кн. 13. Л. 196.

⁴⁹ Там же. Кн. 16. Л. 133 об. — 134.

⁵⁰ Там же. Кн. 18. Л. 117 об. — 118.

⁵¹ Там же. Кн. 20. Л. 104.

⁵² Там же. Кн. 25. Л. 167 об.

⁵³ Там же. Кн. 26. Л. 50 об.

⁵⁴ Там же. Кн. 38. Л. 265 об. — 266.

⁵⁵ Там же. Кн. 40. Л. 26 об. — 27.

⁵⁶ Там же. Кн. 48. Л. 103—103 об.

Приложение 3. Участие тулян в откупах кабаков и таможен (1616/17 – 1652/53 гг.)

Год	Объект откупа	Откупщик	Стоимость откупа
1616/17	Крапивна, кабак	Тулянин пос. чел. Ламачка Лазарев	4 руб. ⁵⁷
1621/22	Михайлов, таможня	Тулянин пос. чел. Семён Носов и черкашенин Насон Лычков	26 руб. ⁵⁸
1.06—31.08.1625	Лебедаень, кабак и таможня	Тулянин пос. чел. Никон Харланов	19 руб. 25 коп. ⁵⁹
1625/26	Лебедаень, кабак и таможня	Тулянин пос. чел. Митрофан Данилов сын Филиппов	80 руб. 69 коп. 1,5 д. ⁶⁰
1626/27	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Иван Тимофеев	616 руб. 25 коп. 1,5 д. ⁶¹
1629/30	Тула, таможня	Откуп за всем тульским посадом	725 руб. 66 коп. 0,5 д. ⁶²
	Крапивна, таможня и кабак	Тульский пушкарь Филипп Антипов	71 руб. 23 коп. ⁶³
	Каширский уезд, кабак у св. Антония на Тульской дороге	Тульский пушкарь Данило Антипин	5 руб. 25 коп. ⁶⁴
	Чернь, кабак	Тульский засечный сторож Петр Клевцов	32 руб. 55 коп.
1630/31	Донков, кабак	Тулянин торг. чел. Митрофан Данилов сын Филиппов	53 руб. 75 коп. 1,5 д. ⁶⁵
	Крапивна, кабак	Тулянин пос. чел. Третьяк Бельский	66 руб. 34 коп. ⁶⁶
	Чернь, кабак	Тулянин Никифор Сидоров Кадушкин	36 руб. 75 коп. ⁶⁷
	Венёв, кабак	Тулянин торг. чел. Фома Васильев	147 руб. 69 коп. ⁶⁸

⁵⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 38940. Л. 43.

⁵⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 5. Л. 83.

⁵⁹ Там же. Кн. 7. Л. 269, 359, 359 об.

⁶⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 80. Л. 158 об.

⁶¹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 9. Л. 241 об.

⁶² Там же. Кн. 11. Л. 227 об.

⁶³ Там же. Л. 341 об. — 342, 372 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40479. Л. 251—252.

⁶⁵ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 11. Л. 338.

⁶⁶ Там же. Л. 341 об. — 342.

⁶⁷ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40479. Л. 149—152.

⁶⁸ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. Кн. 17. Л. 364.

1631/32	Дедилов, кабак	Тулянин пос. чел. Абакум Осетров	178 руб. 45 коп. ⁶⁹
	Каширский уезд, кабак у св. Антона на Тульской дороге	Тульский пушкарь Данило Антипин	7 руб. 87 коп. 1 д. ⁷⁰
	Чернь, кабак	Тулянин Никифор Сидоров Кадушкин	37 руб. 80 коп. ⁷¹
1632/33	Крапивна, таможня	Тулянин пос. чел. Третьяк Бельский	3 руб. 73 коп. 0,5 д. ⁷²
	Чернь, кабак	Тулянин Никифор Сидоров Кадушкин	39 руб. 90 коп. ⁷³
1635/36	Алексин, таможня	Тульский самопальный ма- стер Потап Полуктов	44 руб. 88 коп. ⁷⁴
	Венёв, кабак	Тулянин Прохор Никонов сын Харланов	57 руб. 86 коп. ⁷⁵
1636/37	Дедилов, таможня	Тулянин пос. чел. Олфим Титов	31 руб. 33 коп. 0,5 д. ⁷⁶
1645/46	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁷⁷
	Одоев, таможня	Тулянин пос. чел. Трофим Душкин	27 руб. 35 коп. ⁷⁸
1646/47	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁷⁹
	Одоев, таможня	Тулянин пос. чел. Трофим Душкин	54 руб. 70 коп. ⁸⁰
	Чернь, кабак	Крестьянин тулянина С. Крюкова Лазарь Красногла- зов	125 руб. 37 коп. 0,5 д. ⁸¹

⁶⁹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 15. Л. 211.

⁷⁰ Там же. Л. 222.

⁷¹ Там же. Л. 176 об. — 177.

⁷² Там же. Кн. 18. Л. 99.

⁷³ Там же. Кн. 17. Л. 190 об.

⁷⁴ Там же. Кн. 26. Л. 122 об.

⁷⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. Кн. 28. Л. 431.

⁷⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 29. Л. 40 об. — 41.

⁷⁷ Там же. Кн. 43. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁷⁸ Откуп взят на полгода (Там же. Л. 497 об.).

⁷⁹ Там же. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁸⁰ Там же. Кн. 43. Л. 497 об.

⁸¹ Там же. Л. 996 об.

1647/48	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁸²
	Деделов, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	449 руб. 5 коп. 1 д. ⁸³
	Одоев, таможня	Тулянин пос. чел. Трофим Душкин	54 руб. 70 коп. ⁸⁴
	Чернь, кабак	Крестьянин тулянина С. Крюкова Лазарь Красноглазов	125 руб. 37 коп. 0,5 д. ⁸⁵
1648/49	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁸⁶
	Тула, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	3 456 руб. 16 коп. ⁸⁷
	Деделов, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	449 руб. 5 коп. 1 д. ⁸⁸
	Епифань, кабак	Тульский сторож земельного дела Савва Архипов	52 руб. 58 коп. ⁸⁹
1649/50	Тула, таможня	Тулянин пос. чел. Григорий Собинин	1 662 руб. 6 коп. 1,5 д. ⁹⁰
	Тула, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	3 456 руб. 16 коп. ⁹¹
	Епифань, кабак	Тульский сторож земельного дела Савва Архипов	52 руб. 58 коп. ⁹²
	Ефремов, кабак	Тулянин пос. чел. Зиновий Собинин	310 руб. 25 коп. ⁹³
	Михайлов, таможня	Тулянин пос. чел. Семён Винников	103 руб. 42 коп. 1,5 д. ⁹⁴

⁸² Там же. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁸³ Там же. Кн. 45. Л. 324 об.

⁸⁴ Там же. Кн. 43. Л. 497 об.

⁸⁵ Там же. Л. 996 об.

⁸⁶ Там же. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁸⁷ Там же. Кн. 48. Л. 103—103 об.

⁸⁸ Там же. Кн. 45. Л. 324 об.

⁸⁹ Там же. Кн. 48. Л. 49.

⁹⁰ Там же. Кн. 43. Л. 43; Кн. 45. Л. 66—66 об.

⁹¹ Там же. Кн. 48. Л. 103—103 об.

⁹² Там же. Л. 49.

⁹³ Там же. Кн. 50. Л. 334.

⁹⁴ Там же. Л. 358.

1650/51	Тула, таможня	Туляне пос. люди Григорий и Насон Савиновы сыновья Собинины, торг. чел. Суконной сотни Малюта Филимонов	1 866 руб. 87 коп. 1 д. ⁹⁵
	Тула, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов ⁹⁶	
	Венёв, кабак	Тулянин пос. чел. Зиновий Григорьев	280 руб. 70 коп. 0,5 д. ⁹⁷
	Гремячий, кабак	Тулянин пос. чел. Семен Винников	106 руб. 57 коп. 1 д. ⁹⁸
	Елец, кабак и таможня	Тулянин Герасим Ермолин	1 468 руб. 86 коп. 1,5 д. ⁹⁹
	Ефремов, кабак	Тулянин пос. чел. Зиновий Собинин	310 руб. 25 коп. ¹⁰⁰
	Калуга, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	2 637 руб. 5 коп. 1,5 д. ¹⁰¹
	Крапивна, кабак	Тулянин пос. чел. Насон Собинин	186 руб. 8 коп. 1 д. ¹⁰²
	Михайлов, таможня	Тулянин пос. чел. Семён Винников	103 руб. 42 коп. 1,5 д. ¹⁰³
	Чернь, кабак	Откупщик тулянин пос. чел. Лазарь Красноглазов	130 руб. 2 коп. 1 д. ¹⁰⁴

⁹⁵ Там же. Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

⁹⁶ Там же. Кн. 64. Л. 2 об.

⁹⁷ Там же. Кн. 56. Л. 264—264 об.

⁹⁸ Там же. Л. 284.

⁹⁹ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 99. Л. 45, 103.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 50. Л. 334.

¹⁰¹ Там же. Кн. 56. Л. 346 об.

¹⁰² Там же. Л. 374 об.

¹⁰³ Там же. Кн. 50. Л. 358.

¹⁰⁴ Там же. Кн. 56. Л. 177.

1651/52	Тула, таможня	Туляне пос. люди Григорий и Насон Савиновы сыновья Собинины, торг. чел. Суконной сотни Малюта Филимонов	1 866 руб. 87 коп. 1 д. ¹⁰⁵
	Тула, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов ¹⁰⁶	
	Валуйка, кабак и таможня	Тулянин пос. чел. Трофим Душкин	424 руб. 65 коп. ¹⁰⁷
	Венёв, таможня	Тулянин Зиновий Собинин ¹⁰⁸	
	Гремячий, кабак	Тулянин пос. чел. Семён Винников	106 руб. 57 коп. 1 д. ¹⁰⁹
	Елец, кабак и таможня	Тулянин Герасим Ермолин	1 468 руб. 86 коп. 1,5 д. ¹¹⁰
	Ефремов, кабак	Тулянин пос. чел. Зиновий Собинин	310 руб. 25 коп. ¹¹¹
	Ефремов, таможня	Тулянин пос. чел. Сидор Яковлев сын Собинин	80 руб. 61 коп. ¹¹²
	Калуга, кабак	Тулянин пос. чел. Никита Терехов	2 637 руб. 5 коп. 1,5 д. ¹¹³
	Крапивна, кабак	Тулянин пос. чел. Насон Собинин	186 руб. 8 коп. 1 д. ¹¹⁴
	Чернь, кабак	Откупщик тулянин пос. чел. Лазарь Красноглазов	130 руб. 2 коп. 1 д. ¹¹⁵

¹⁰⁵ Там же. Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

¹⁰⁶ Там же. Кн. 64. Л. 2 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 99. Л. 80 об.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 60. Л. 327 об.

¹⁰⁹ Там же. Кн. 56. Л. 284.

¹¹⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 99. Л. 45, 103.

¹¹¹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 50. Л. 334.

¹¹² Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 99. Л. 131—131 об.

¹¹³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 56. Л. 346 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 374 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 177.

1652/53	Тула, таможня	Туляне пос. люди Григорий и Насон Савиновы сыновья Собинины, торг. чел. Суконной сотни Малюта Филимонов	1 866 руб. 87 коп. 1 д. ¹¹⁶
	Валуйка, кабак и таможня	Тулянин пос. чел. Трофим Душкин	424 руб. 65 коп. ¹¹⁷
	Елец, кабак и таможня	Тулянин Герасим Ермолин	1 468 руб. 86 коп. 1,5 д. ¹¹⁸
	Ефремов, таможня	Тулянин пос. чел. Сидор Яковлев сын Собинин	80 руб. 61 коп. ¹¹⁹
	Печерники, таможня	Тулянин пос. чел. Семён Винников	10 руб. 71 коп. ¹²⁰
	Чернь, кабак	Откупщик тулянин пос. чел. Лазарь Красноглазов	130 руб. 2 коп. 1 д. ¹²¹

Библиография

- Веселовский, С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М.: Синодальная типография, 1908. 234 с.
- Голикова, Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.
- Евдокимов, Р.Н.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 26—42.
- Лисейцев, Д.В.* Калужский посад в экономической жизни Московского государства первой половины XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV — начале XVII в. Калуга: Калужский государственный университет развития образования, 2019. С. 350—357.
- Лисейцев, Д.В.* «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610—1620-х гг. // Российская история. 2018. № 4. С. 90—110.
- Лисейцев, Д.В.* Расходы Московского государства на оборонные нужды в порубежных уездах в 1620—1650 гг. (по приходо-расходным книгам Разрядного приказа) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 307—311.

¹¹⁶ Там же. Кн. 57. Л. 38; Кн. 58. Л. 16.

¹¹⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 99. Л. 80 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 45, 103.

¹¹⁹ Там же. Л. 131—131 об.

¹²⁰ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 65. Л. 32 об.

¹²¹ Там же. Кн. 56. Л. 177.

- Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М.: Наука, 1983. 479 с.
- Раздорский, А.И.* Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городовых таможенных и кабацких книг). М.: «Старая Басманная», 2017. 263 с.
- Скобелкин, О.В.* Западные европейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Воронеж, 2015. 557 с.
- Смирнов, П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. Количество и движение населения. Киев: Типография Университета святого Владимира, 1919. 353 с.

Р.Н. Евдокимов

Служба казаков в полках Украинного разряда Российского царства в 1613–1645 гг.: от восстановления разрядной полковой организации до её передвижения к Белгородской черте

В первой половине XVII в. перед Российским царством остро стояла проблема восстановления полноценной организации вооружённых сил, разрушенной событиями Смутного времени. Частью этой проблемы являлся т.н. «казачий вопрос», заключавшийся в том, что казачью вольницу, бывшую одной из самых крупных в военно-политическом отношении сил и, вместе с тем, одним из самых активных зачинщиков общественного противоборства в эпоху Смуты, следовало поставить под контроль путём включения в систему регулярных государственных, в том числе военных, институтов.

Одним из способов такого «включения» правительство сделало привлечение казаков к участию в обороне границ в Диком Поле, основное место в которой занимал Украинный разряд с центром в Туле¹. Сформированный ещё осенью 1573 г. и воссозданный в 1613 г., он служил передовой группировкой российских войск на южном направлении. Охватывая территорию уездов, располагавшихся на польской стороне верховий Оки и её притоков, Украинный разряд прикрывал центральные земли страны от набегов та-

¹ Украинный разряд также именовался Тульским, Береговым разрядом или просто Украиной (Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук (далее — АМГ). Т. I. СПб., 1890. С. 202, 212, 214, 318. Т. II. СПб., 1894. С. 29; Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярией (далее — ДР). Т. I. СПб., 1850. Стб. 133, 159, 172, 211, 266, 388, 469, 501, 518, 544, 625, 666, 806, 883, 948, 949—950, 972, 973, 983, 991, 996, 997—998; Т. II. СПб., 1851. Стб. 47—48, 170, 195, 196, 322, 386, 452, 567, 604, 625, 655, 673, 701, 734; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (Далее — РИБ). Т. IX. СПб., 1884. С. 413, 430, 530, 544; Т. X. СПб., 1886. С. 23, 69, 123, 156, 157, 160, 190, 206, 214, 216, 251, 263, 264, 412, 444, 456; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976. С. 274, 279, 287, 298, 318—319, 324, 327, 330, 334, 336, 337, 340, 342, 347, 350, 354, 367, 377, 396, 407, 415; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 277, 279, 314.

тар. Лишь после постройки Белгородской засечной черты в 1636 г., отодвинувшей границу далеко на юг, он постепенно стал терять значение пограничного округа, когда ему на смену в 1658 г. пришёл Белгородский разряд².

В первое время после восстановления — в 1613—1637 гг. — организация Украинного разряда представляла собой структуру, составленную из двух частей: Тульского и находившегося у него в подчинении Рязанского разряда с центром в Переяславле-Рязанском. Основой разрядных сил являлись воеводские полки, представлявшие собой соединение частей и подразделений разных типов и видов войск и родов оружия. Они базировались в ключевых городах, меняя расположение в зависимости от оперативно-стратегической необходимости. Так, в Тульском разряде в 1613—1618 гг. полки располагались: Большой — в Туле, Передовой — во Мценске, Сторожевой — в Новосиле. В 1619—1637 гг. из-за возможной активности татар, а более — из-за передвижения границы Речи Посполитой по Деулинскому перемирию на восток, полки стали сосредотачиваться севернее и ближе друг к другу, чтобы использовать их как против крымцев, так и против поляков и литовцев. Большой полк по-прежнему располагался в Туле, Передовой же — в Дедилове, Сторожевой — в Крапивне. В июле 1622 г. из-за угрозы набега ногайцев дополнительно по Оке развернули: Большой полк — в Серпухове, Передовой — в Алексине, Сторожевой — в Кашире (по другим данным — в Серпухове, Кашире и Коломне). С 1620 г. появился также Прибылой полк, стоявший во Мценске. В 1628 г. некий полк упоминается в Кашире, а в 1636—1637 гг. — в Новосиле. Рязанский разряд в данный период сохранял относительное постоянство: в 1614—1616 гг. Прибылой, — в отношении Тульского разряда, — а с 1617 г. — Большой полк находился в Переяславле-Рязанском, Передовой с 1616 г., — в Михайлове, Сторожевой с 1619 г. — в Пронске. С 1638 г. разделения Украинного разря-

² Белоцерковский Г.М. Населённость городов Тульского края в XVII и XVIII веке // Казачество Тульского края. М., 2010. С. 151; Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 36, 38—39, 46—48; Богоявленский С.К. Местное управление // Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. С. 422; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 74; Пенской В.В. Военная революция в Европе и вооружённые силы России второй половины XV—XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М., 2004. С. 175—176; Чернов А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954. С. 170.

да на Тульский и Рязанский не прослеживается. Теперь его общие полки располагались в Туле, Одоеве, Крапивне, Венёве, Переяславле-Рязанском, Мценске и Новосиле и именовались по названиям этих городов³.

В 1643—1645 гг., отметившихся крупными татарскими набегами в районе Белгородской черты, разрядные полковые контингенты стали периодически выдвигаться ей на помощь. Например, в 1643 г. ратники Тульского полка несли службу в Ливнах, а в 1645 г. — Рязанского полка — в Ельце и Осколе. С 1646 г. правительство, стремясь укрепить оборону Белгородской черты, стало реализовывать проект по созданию там единого войскового объединения с центром в Белгороде, начав перемещать туда основные силы Украинного разряда. Три новых полка разворачивались: Большой — в Белгороде, Передовой — в Карповом сторожевье, Сторожевой — в Яблонове. Из-за удалённости этих городов действовала сезонная смена полковой дислокации. Зимой и весной 1646 г. Большой полк стоял в Ливнах, Передовой — в Курске, Сторожевой — в Ельце. Летом и осенью полки занимали предписанные им изначально места расположения: Большой — в Белгороде, Передовой — в Карпове (с сентября в Яблонове), Сторожевой — в Осколе. В декабре они вновь отошли на зимовку в прежние города. В то же время сохранялись и «старые» полки, превратившиеся в стратегический тыл: они стояли в Туле, Переяславле-Рязанском,

³ По причине своей двусоставности Украинный разряд иногда именовался Украинным Рязанским. АМГ. Т. I. С. 199—202, 212—214; *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе... С. 40—42, 45—46; Источники. С. 49—52, 56—58, 78, 84; ДР. Т. I. Стб. 133, 159—160, 172, 211, 213, 214, 256—258, 266—270, 301, 351, 388—390, 443, 445—446, 469—471, 501—504, 518—520, 544—547, 549, 555—557, 583—584, 587—590, 594—602, 625, 648—651, 653, 654, 667—670, 709, 710, 755—756, 791—796, 809, 810, 821, 883—890, 892—893, 895, 896, 898, 901—902, 931, 948—950, 952, 972, 973, 983—985, 987—988, 991—994, 997—998; Т. II. Стб. 30, 47—48, 123—125, 130, 170—171, 195—196, 268, 322—323, 386—388, 451—452, 476—477, 497—501, 530—533, 547, 554, 567—568, 570, 590, 604—606, 624—626, 655—656, 673, 680—681, 692, 701—702, 734—735, 742, 752—753; Т. III. СПб., 1852. Стб. 3, 22—26; РИБ. Т. IX. С. 393, 394, 413—417, 465—466, 493, 500, 530; Т. X. С. 23—26, 50—51, 69—78, 110—115, 123, 127, 163, 190—200, 206—210, 214; Казачество Тульского края. М., 2010. С. 49; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 102—103, 150—160; Разрядная книга 1550—1636 гг. С. 274, 279, 287, 298, 318—319, 324, 327—328, 330—331, 334, 336—338, 340, 342—343, 347, 350, 354, 367, 377—378, 396, 407—408, 413, 415—418; Разрядная книга 1637—38 года. М., 1983. С. 22—23, 35, 47—48, 59—60; Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 259—260, 262, 263; Разрядные книги 1598—1638 гг. С. 277—279, 287—288, 314—316, 323—324.

Крапивне, Венёве и Мценске⁴. Таким образом, началась ломка прежней системы обороны российской границы в Диком Поле и наступил переходный период (1646—1658 гг.), заключавшийся в преобразовании территориально-полковой организации Украинного разряда в будущий Белгородский разряд.

Общее число казаков, служивших в украинских полках, определить точно довольно сложно, так как имеющиеся документы сохранили сведения в отрывочном и разрозненном виде. Более-менее полно освещены лишь 1625—1627 и 1636—1640 гг. Осенью 1626 г. казаки составляли чуть менее 10% от общего полкового состава, осенью 1636 г. — около 14%, и в 1638—1640 гг. — от 2 до 4% (в зависимости от времени года). При этом количество казаков в полках, видимо, оставалось относительно постоянным. В тёплые месяцы — с мая по октябрь, т.е. в периоды максимальной опасности татарских набегов, их было 800—1000 человек. Это свидетельствует о практике постепенного увеличения полковых сил с конца 1630-х гг. за счёт именно неказачьих формирований, прежде всего иноземного строя — солдат и драгун, участвовавших в Смоленской войне и имевших свежий опыт борьбы с европейским противником. Тем самым московское правительство стало реализовывать замысел большой военной реформы, заключавшейся в формировании современной системы пограничной обороны в Диком Поле, основанной на регулярных порядках европейской военной организации, призванной заменить собой традиционную русскую, становившуюся всё менее эффективной⁵.

Общая масса казаков, относившаяся к полкам Украинного разряда, состояла из различных по своему положению, порядку службы и происхождению групп и сообществ и представляла собой срез служилого казачества как общественного слоя во всём многообразии его видов и типажей, являя наглядный пример особенностей

⁴ АМГ. Т. II. С. 128, 190; ДР. Т. III. Стб. 27—31, 34—37, 47—48, 50—53; *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // *Российская история*. 2015. № 5. С. 30; *Евдокимов Р.Н.* Смоленские казаки в 30—50-е гг. XVII в. // *Вопросы истории*. 2016. № 9. С. 145—146; *Загорский В.П.* Указ. соч. С. 8—9, 69, 73; РИБ. Т. X. С. 326, 327—329, 332; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 312, 315—323, 325, 326, 331—342, 348—357, 371—372; *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001. С. 115—116.

⁵ АМГ. Т. I. С. 199—202, 212—214; Т. II. С. 106—107; РИБ. Т. IX. С. 413—417; Т. X. С. 23—26, 50—51, 69—78, 110—115, 190—200, 206—210; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 293—307; *Пенской В.В.* Указ. соч. С. 176—180, 183—184; *Чернов А.В.* Указ. соч. С. 137.

Таблица 1

Численность и процентное соотношение казаков с другими служилыми людьми

Время	Дислокация полков	В полковых людях		В осадных людях		Всего
		Количество казаков (их процентное соотношение с общим составом полковых и осадных людей)	Всего	Количество казаков (их процентное соотношение с общим составом полковых и осадных людей)	Всего	
Осень 1626 г. Осень 1637 г.	Тула	Около 100 (10,18%)	—	—	Около 100 (5,99%)	
	Дедилов	130 (23,17%)	—	—	130 (16,14%)	
	Крапивна	70 (14,79%)	—	—	70 (13,01%)	
	Мценск	—	50 (13%)	—	50 (4,7%)	
	Переяславль-Рязанский	44 (5,26%)	—	—	94 (7,43%)	
	Михайлов	207 (26,3%)	—	—	207 (24,06%)	
Пронск	24 (5,67%)	—	—	24 (3,6%)		
Всего	Болезь 475 (10,05%)	100 (4,67%)	—	Болезь 575 (9,83%)		
— Начало лета 1637 г. Конца весны	Тула	Болезь 30 (5,19%)	?	—	Около 160 (более 4,28%)	
	Дедилов	20 (1,64%)	—	80 (25%)	100 (6,51%)	
	Крапивна	62 (6,63%)	—	—	62 (5,12%)	
	Мценск	—	—	—	—	
	Новосиль	5 (0,55%)	—	200 (49,75%)	205 (15,64%);	
	Переяславль-Рязанский	10 (1,16%)	—	49 (20,58%)	59 (5,39%);	
	Михайлов	—	—	307 (52,74%)	307 (26,41%)	
	Пронск	16 (6,17%)	—	—	16 (0,34%)	
	Всего	Болезь 143 (3,55%)	Болезь 636 (более 21,66%)	—	Болезь 779 (более 8,55%)	
	Осень 1638 г. Осень 1639 г.	Тула	Болезь 198 (3,45%)	—	150 (9,85%)	150 (2,46%)
Одоев		21 (1,63%)	—	—	21 (1,38%)	
Крапивна		—	—	90 (32,72%)	90 (9,62%)	
Венёв		16 (0,5%)	—	85 (28,1%)	101 (2,93%)	
Переяславль-Рязанский		24 (2,47%)	—	49 (16,72%)	73 (5,77%)	
Мценск		—	—	—	—	
Всего	Болезь 259 (2,29%)	374 (13,01%)	—	Болезь 633 (3,95%)		
Начало лета 1639 г. Конца весны	Тула	Болезь 247 (3%)	—	49 (16,72%)	Болезь 247 (2,63%)	
	Переяславль-Рязанский	64 (1,59%)	—	83 (28,13%)	113 (2,61%)	
	Венёв	15 (0,34%)	—	90 (32,72%)	98 (2,1%)	
	Крапивна	167 (8,8%)	—	—	257 (11,83%)	
	Одоев	57 (2,2%)	—	—	57 (2,14%)	
	Мценск	132 (6,13%)	—	—	132 (6,13%)	
Всего	Болезь 672 (2,73%)	222 (10,06%)	—	Болезь 904 (3,49%)		
Начало лета 1640 г. Осень 1640 г.	Тула	Около 130 (12,24%)	—	85 (32,44%)	Около 130 (5,61%)	
	Крапивна	—	—	—	85 (21,62%)	
	Одоев	20 (8,29%)	—	—	20 (4,21%)	
	Переяславль-Рязанский	23 (2,16%)	—	50 (14,49%)	73 (5,4%)	
	Венёв	14 (1,52%)	—	—	14 (1,23%)	
	Мценск	—	—	—	—	
Всего	Болезь 57 (4,03%)	135 (5,86%)	—	Болезь 192 (4,64%)		

Составлено по: РИБ. Т. IX. С. 413—417; Т. X. С. 69—78, 110—115, 190—200, 206—210.

его включённости в систему вооружённых сил Российского царства. По социально-правовому статусу казаки украинских полков разделялись на четыре крупные категории.

К первой из них относились поместные атаманы и казаки (260—290 человек), по своему фактическому состоянию стоявшие близко к городovým детям боярским украинских городов. В 1632 г. примерно половину из них выделили в особую казачью корпорацию — белозёрцев, уже юридически приравнивавшуюся не только к городovým детям боярским, но и, частично, к дворовым. Создание данной корпорации имело целью через организационное обособление способствовать сохранению поместного казачества в уездах, где оно имело ограниченное право распоряжаться своими землями и могло их потерять, не выдержав соперничества с помещиками из московских чинов. Название «белозёрцы» связано, видимо, с тем, что в Белозёрском уезде до 1612 г. отсутствовало не только служилое поместное сообщество, но и светское феодальное землевладение вообще⁶. К белозёрцам по статусу приближалась «Степанкова станица Кругового» (до 15 человек) — казачье подразделение, состоящее из ушедших в Литву в начале 1619 г. сторонников королевича Владислава, вернувшихся в Россию в 1624 г., присягнув на верность царю Михаилу⁷. В первую категорию можно включить 85 псковских и опочецких вёрстанных казаков, упоминаемых в Крапивенском полку в 1639 г.⁸

⁶ АМГ. Т. I. С. 376; *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Фёдоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 16, 18, 20; *Евдокимов Р.Н.* Корпорация белозёрцев как пример решения проблемы привлечения казачества к государственной службе Московского царства в период преодоления последствий Смутного времени (20—40-е гг. XVII в.) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4—5 октября 2017 г.). Ростов-н/Д., 2017. С. 57—59; Казачество Тульского края. С. 131; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. 56, 86 об. — 87 об., 96 об., 98, 99, 138 об. — 139, 145 об., 149 об. Д. 2. Л. 100 об. — 103 об. Д. 3. Л. 189, 202—206, 210—211; Д. 5. Л. 544—546, 566 об. — 567; «Сметный список 139 году» // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. С. 19, 20, 47; Смета военных сил Московского государства на 1632 год. («Сметный список 140-го году») // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 9—10. Киев, 1910. С. 61—62, 78; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 98, 100, 224—226.

⁷ ДР. Т. I. Стб. 621; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 3. Л. 189—211 об.; Д. 5. Л. 482 об. — 483, 500; Оп. 13. Д. 12. Л. 94—104, 128—147, 201—202, 205—212, 229—238; Смета военных сил Московского государства... С. 69, 85; *Станиславский А. Л.* Указ. соч. С. 164—167, 195—198, 240.

⁸ РИБ. Т. X. С. 197; Смета военных сил Московского государства... С. 65.

Вторую категорию составляли служившие по прибору белёвские бобриковские (около 130 человек) и все казаки осадной службы (от 100 до 600 в разное время), находившиеся на положении стрельцов⁹. С 1634 г. на службе в украинских полках появилась третья казачья категория — вольница, представленная принятыми на службу в начале Смоленской войны и переведёнными затем в Тулу донскими и яицкими казаками, образовавшими единое сводное соединение, насчитывавшее от 170 до 200 человек¹⁰.

К четвёртой категории относились две казачьи общины — днепровская (около сотни) и смоленская (порядка 30 человек), причисляемых к иноземцам нового выезда. Днепровские казаки уже с первого десятилетия XVII в. проживали в Туле (первое упоминание о них, связанное с постройкой Царёва-Борисова, относится к 1599—1600 гг.). Корни днепровских казаков известные источники определить не позволяют. Видимо, они как-то были связаны с Днепром, а точнее — Заднепровьем, но с какой его областью — неясно. История смоленских казаков, поселенных в Туле в 1635 г., известна. Они имели, по-видимому, происхождение от вольного казачества и, будучи сторонниками королевича Владислава, ушли с ним в Литву, где их расселили в Смоленском уезде. В начале Смоленской войны, в 1632 г., они перешли на сторону России¹¹. Интересен вопрос о причинах отнесения данных казачьих общин к иноземцам. Если «иноземский» статус определялся фактором их иностранного происхождения или нахождения на службе иностранного государства, то в отношении днепровцев прояснить что-либо невозможно, а в отношении смоленцев непонятно, почему, к примеру, станица Кругового, служившая Речи Посполитой, осталась в числе «русских людей».

Как и весь личный состав полков Украинного разряда, казаки в плане общего военно-стратегического и оперативного управления

⁹ Белоцерковский Г.М. Указ. соч. С. 152; Беляев И.Д. О русском войске... С. 19; Казачество Тульского края. С. 93—95; «Сметный список 139 году». С. 21—25; Смета военных сил Московского государства... С. 69—72, 84; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 13, 16; Чернов А.В. Указ. соч. С. 88, 128—129.

¹⁰ РИБ. Т. X. С. 71, 193; Казачество Тульского края. С. 72—78; Карнов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Уральск, 1911. С. 202; Приложение. С. 49—50; Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1856. Стб. 758, 764, 767, 838, 849; Разрядная книга 1637—38 года. С. 15, 16, 29, 42, 54, 66, 77, 90. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 186. Л. 1—66, 83—134.

¹¹ АМГ. Т. I. С. 196, 622; Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки... С. 27, 36; Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки... С. 144—145; Казачество Тульского края. С. 72, 73, 79.

подчинялись Разрядному приказу. В военно-административном же смысле они управлялись пятью приказами: 1) Разрядным — поместные атаманы и казаки, белозёрцы украинских и замосковных городов, станица Степана Кругового, вольные казаки, псковские и опочецкие казаки; 2) Казанского дворца — белозёрцы алатырские помещики (70—80 человек); 3) Стрелецким — белёвские бобриковские и казаки осадной службы (кроме рязанских беломестных); 4) Иноземским (Панским) — днепровские и смоленские казаки; 5) Казачьим — рязанские беломестные казаки (около 50 человек)¹².

Казачьи формирования украинских полков представляли собой конницу. Исключением могли являться днепровские казаки, до 1638 г. представлявшие собой, возможно, пехоту¹³. Их военно-административная штатная организация разделялась на четыре типа: 1) поместного войска, предполагавшая роспись по сотням, вместе с дворянами и детьми боярскими под началом сотенных голов (поместные атаманы и казаки и белозёрцы); 2) стрелецкого войска — со стрельцами под началом казачьих и стрелецких голов и, иногда, сотников (белёвские бобриковские и казаки осадной службы, кроме рязанских беломестных, а также, до 1638 г., днепровские казаки); 3) станичной организации — во главе с атаманами и есаулами (донские, яицкие, станица Кругового и рязанские беломестные и смоленские казаки, а также, по-видимому, псковские и опочецкие вёрстанные казаки); 4) ротной организации драгунской службы под командованием ротмистра (с 1638 г. днепровские и смоленские казаки, причём последние в составе роты по-прежнему сохраняли станичную структуру)¹⁴.

¹² Белоцерковский Г.М. Указ. соч. С. 150; Беляев И.Д. О русском войске... С. 18, 20; Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки... С. 27; Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки... С. 144; Евдокимов Р.Н. Корпорация белозёрцев... С. 58; РИБ. Т. X. С. 251; «Сметный список 139 году». С. 20—25, 39, 47; Смета военных сил Московского государства... С. 61—62, 65, 69—72, 85.

¹³ Белоцерковский Г.М. Указ. соч. С. 152—154; Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки... С. 28, 30; Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки... С. 145, 146; РИБ. Т. IX. С. 416—417; Т. X. С. 71, 197; Казачество Тульского края. С. 52—53; Разрядные книги 1598—1638 гг. С. 277; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 86 об. — 87 об.; Д. 2. Л. 100 об. — 101 об.; Д. 3. Л. 202—206, 210—211 об.; Д. 5. Л. 482 об. — 483, 544—546; «Сметный список 139 году». С. 21—23; Смета военных сил Московского государства... С. 65, 70—71.

¹⁴ АМГ. Т. I. С. 199, 200, 213; Евдокимов Р.Н. Днепровские казаки... С. 27—28, 30; Евдокимов Р.Н. Смоленские казаки... С. 145, 146; Евдокимов Р.Н. Корпорация белозёрцев... С. 59; РИБ. Т. IX. С. 414; Т. X. С. 26, 71, 74, 77, 112, 114, 128, 193, 195, 197, 200, 206, 251; Казачество Тульского края. С. 51—53; Разрядная книга 1637—38 года. С. 26, 39, 50—51, 62, 72, 73; Разрядные книги 1598—1638 гг. С. 278; «Сметный список 139 году». С. 22; Смета военных сил Московского государства... С. 65, 70, 84.

Организация службы казаков в полках Украинного разряда была общей для всех приписанных к ним служилых людей. По географическому положению местожительства, связанного с правилами мобилизации, они относились к украинным, замосковным и мещёрским городам¹⁵. В отношении служебных обязанностей казаки, как и прочие ратники, разделялись на полковых людей, входящих в штаты полков, и осадных людей, относившихся к постоянным гарнизонам городов, где эти полки располагались. По срокам действительной службы состав казаков из полковых штатов, как и состав прочих категорий поместной конницы, разделялся на половины. При отсутствии вестей о приходе неприятеля половины служили следующим образом: в украинских городах — примерно по три месяца, т.е. первая половина с апреля по июнь, вторая — с июля по сентябрь, меняясь на следующий год. В замосковных и мещёрских городах половины служили по полгода: с конца апреля до конца лета, меняясь через год. Иногда бывали исключения. Например, в 1637 г. рязанцы делились на трети, служившие по два месяца. После отпуска осенью по домам основного полкового контингента и до наступления зимы в полках сохранялось минимальное число ратников из украинских городов, нёсших службу, в зависимости от необходимости, либо по две недели, переменяясь в четыре перемены, либо по два месяца, — в две перемены. В случае же появления вестей о приходе неприятеля все служилые, независимо от очерёдности, выступали на службу. Зимнее время отводилось на отдых и подготовку, когда проводились смотры и роспись ратников. Кроме того, в конце зимы, до наступления распутицы, помещики замосковных городов обеспечивали подвоз запасов в города, где стояли их полки¹⁶.

¹⁵ АМГ. Т. II. С. 107, 193, 212—214; ДР. Т. I. Стб. 648—651, 755—757; РИБ. Т. IX. С. 393, 413—417, 461, 466, 501; Т. X. С. 7—8, 23—27, 62, 70—78, 111—112, 115, 155—157, 191—200, 206—208, 214, 251, 264—266, 283—284, 326—330, 353, 357, 359, 428, 442, 459, 476; Разрядная книга 1637—38 года. С. 23, 35, 48, 49; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 140, 142.

¹⁶ АМГ. Т. I. С. 193, 196, 199—202, 212—214, 318; Т. II. С. 106—107, 205; *Беляев И.Д.* О русском войске... С. 22—23; ДР. Т. I. Стб. 648—651, 666—667, 791; Т. II. Стб. 93—94; РИБ. Т. IX. С. 385, 393, 413—417, 500—501; Т. X. С. 10, 31, 50, 70—78, 112—115, 123, 127, 151—157, 183, 191—192, 194, 195, 196—197, 198—199, 200, 206—210, 214, 223, 244, 247—248, 250, 251, 263—265, 277, 279—284, 326—330, 371, 414—417, 438, 459, 465; *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 110—112, 114, 116—119; Разрядные книги 1637—38 года. С. 11—12, 14—16, 23—25, 35—36, 48—49, 60—61, 72; Разрядные книги 1598—1638 гг. С. 277; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 56; Д. 2. Л. 100 об., 101 об.; Д. 3. Л. 206 об., 256; Д. 5 Л. 455, 458, 486, 487 об., 544, 566 об.

Для казаков-помещиков служба в полках была тяжела как физически, так и экономически, что приводило к проблеме нетчиков. В июле 1625 г. в нетях оказалось: в Крапивне — 16 казаков (26,2 % от списочного штата, из них — вологодских и белозёрских помещиков — 8 человек, перемышльских помещиков — 8 человек); в Мценске — 6 белёвских бобриковских казаков (21,4 % от общего состава); в Переяславле-Рязанском — 31 казак (35,2 %, из них казаков — рязанских помещиков 20, алатырских поместных казаков — 11); в Пронске — 3 казаков рязанских помещиков (23 % состава). Первейшая причина «нетства» — бедность, ставшая причиной отсутствия 30-ти казаков. Немалая часть казаков не явились в полки, хотя служить могли. На это решились вологодские, белозёрские и перемышльские помещики — 28,5 % всех казачьих нетчиков. Прочие казаки оказались в нетях из-за правежа (три человека), двое по болезни¹⁷. В 1641 г. в Переяславле-Рязанском во второй половине в нетях оказалось четыре белозёрца рязанских помещика (30,7 % от общего состава — один из-за бедности, два, видимо, дезертировали, один умер)¹⁸. Тогда же в Туле в нетчиках среди белозёрцев оболенских помещиков было десять человек (40 % состава: четверо из-за бедности, четверо — из-за воровства, один — болел, один служил в задворных конюхах)¹⁹. В 1645 г. в Туле среди белозёрцев оболенских и тарусских помещиков и казаков станицы Кругового в нетях числились семеро — 23,3 % состава²⁰.

Материально-экономическое обеспечение казаков полков Украинного разряда осуществлялось следующими способами: 1) все поместные атаманы и казаки и белозёрцы, а также примерно четверть станицы Кругового, как и дети боярские, служили с вотчин и поместий, разделяясь по поместным и денежным окладам на три статьи; 2) три четверти станицы Кругового, днепровские, смоленские, донские и яицкие казаки были кормовыми, т.е. обеспечивались денежным и хлебным жалованьем; 3) белёвские бобриковские и казаки осадной службы служили с земель. Среди последних выделялись рязанские беломестные казаки, не платившие со своих земель налогов²¹.

¹⁷ АМГ. Т. I. С. 199—202.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 56, 86 об. — 87 об., 96 об., 98, 99, 138 об. — 139, 142, 145 об., 147 об. — 148 об., 149 об.

¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 100 об. — 103.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 482 об. — 483, 500, 544—546, 566 об. — 567.

²¹ АМГ. Т. I. С. 193, 199—202, 213; *Беляев И.Д.* О русском войске... С. 16, 19, 21; ДР. Т. I. Стб. 648—651, 755—757; *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки... С. 32—34; *Евдокимов Р.Н.* Смоленские казаки... С. 146; РИБ. Т. IX. С. 413—414, 416—417; Т. X. С. 24—26, 51, 70—74, 77—78, 111—115, 192, 194—195, 197, 199, 206—209, 327—329; Казачество Тульского края. С. 74—78, 131; Разрядная книга 1637—38 года. С. 22,

Таблица 2

Служба казаков в полках Украинного разряда

Казачьи общины	Годы службы	Места службы
1	2	3
<i>Украинных городов</i>		
Казаки каширские помещики (каширские атаманы и казаки)	1624—1637 1638—1640	Дедилов Одоев
Казаки медынские помещики	1624—1626 1636—1640	Тула Крапивна
Казаки мешовские помещики	1636—1637	Крапивна
Казаки оболенские помещики	С 1624	Тула
Казаки одоевские помещики	1625—1637 1638—1640	Крапивна Одоев
Белозёрцы (атаманы и казаки) перемышльские помещики	1624—1640	Крапивна
Казаки рязанские помещики Каменского стана	1624—1636 1637 1638—1640	Переяславль, Пронск Пронск Венёв
Белозёрцы рязанские помещики Окологородного стана	1637—1641	Переяславль
Белозёрцы тарусские помещики	1645	Тула
Белёвские бобриковские казаки	С 1624	Мценск
Днепровские казаки	С 1614	Тула
Смоленские казаки	С 1635	Тула
<i>Замосковных городов</i>		
Белозёрцы (атаманы и казаки) белозёрские помещики	1624—1640	Крапивна
Белозёрцы (атаманы и казаки) вологодские помещики	1624—1640	Крапивна
Белозёрцы (казаки) звенигородские помещики	1637—1638	Крапивна
Белозёрцы (казаки) клинские помещики	1626—1640	Крапивна
Белозёрцы (казаки) ростовские помещики	1636—1637 1638—1640	Новосиль Крапивна
Казаки станицы Кругового	1637 1638 1639 1640—1645	Тула, Крапивна Крапивна Тула, Крапивна Тула
Псковские вёрстанные казаки	1639	Крапивна
Опочецкие вёрстанные казаки	1639	Крапивна

1	2	3
<i>Мещёрских городов</i>		
Белозёрцы (атаманы и казаки) алатырские помещики	1624—1641	Переяславль
<i>Вольные казаки</i>		
Донские казаки	1637—1639	Тула
Яицкие казаки	1637—1639	Тула
<i>В осадных людях</i>		
Венёвские казаки	1614 1638—1639	Тула Венёв
Дедиловские казаки	1624—1637	Дедилов
Крапивенские казаки	1614 1626—1640	Тула Крапивна
Михайловские казаки	1624—1637	Михайлов
Мценские казаки	1626	Мценск
Новосильские казаки	1636—1637	Новосиль
Пронские казаки	1624—1637	Пронск
Рязанские беломестные казаки	1626—1640	Переяславль
Казаки на Туле (?)	1638	Тула

Составлено по: АМГ. Т. I. С. 193, 199—202, 212—214; Т. II. С. 107, 155—159; *Белоцерковский Г.М.* Указ. соч. С. 151—154; ДР. Т. I. Стб. 625, 648—651, 755—757; *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки... С. 27—28, 30; *Евдокимов Р.Н.* Смоленские казаки... С. 144—146; *Евдокимов Р.Н.* Корпорация белозёрцев... С. 59; РИБ. Т. IX. С. 413—417; Т. X. С. 23—26, 50—51, 69—78, 110—115, 190—200, 206—210; Казачество Тульского края. С. 51—53, 71—78, 131; Разрядная книга 1637—38 года. С. 22, 35, 48, 60; РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 1. Л. 56, 86 об. — 87 об., 96 об., 98, 99, 138 об. — 139, 142, 145 об., 147 об. — 148 об., 149 об.; Д. 2. Л. 100 об. — 103; Д. 3. Л. 189, 202—206, 210—211 об.; Д. 5. Л. 482 об. — 483, 500, 544—546, 566 об. — 567.

Конность и оружность казаков были различными. Поместные казаки, в том числе белозёрцы, а также «круговцы» обеспечивали себя самостоятельно, что обуславливало большое разнообразие: они служили на конях, мерилах и меринках. Часть казаков оказывалась без лошадей, например, в 1641 г. в Туле в первой половине из 15-ти белозёрцев оболенских помещиков шестеро были пеши. Холодное оружие представлено исключительно саблями; огне-

35, 48; РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 186. Л. 1—66, 83—134; Оп. 5. Д. 1. Л. 56, 86 об., 96 об., 99, 138 об., 142, 145 об., 147 об., 149 об.; Д. 2. Л. 100 об. — 103 об.; Д. 3. Л. 189, 202—206, 210—211; Д. 5. Л. 481—483, 500, 544—546, 566 об. — 567; «Сметный список 139 году». С. 20—25, 47; Смета военных сил Московского государства... С. 61—62, 69.

стрельное, которым обладали не все казаки, состояло в основном из пистолей, пищалей, самопалов и карабинов. По всей видимости, наиболее полно и качественно вооружением и лошадьми из всех казаков Украинного разряда обеспечивались днепровцы и смоленцы (в силу своего иноземческого статуса, гарантировавшего более пристальное внимание со стороны государства, особенно после их верстания в драгунскую службу, требовавшую «регулярности», а значит и единообразия обеспечения воинов)²².

На примере полковой организации Украинного разряда 1613—1645 гг. можно утверждать, что в течение царствования Михаила Фёдоровича русское казачество в целом успешно включилось в служебную систему Российского государства. Разделение общей казачьей массы на различные по социально-правовому и экономическому положению, системе управления и характеру службы части, создавшее предпосылки к её общественному расслоению и, соответственно, разобщению, позволило правительству достичь двух важных целей. Первая из них — использование казаков как профессионального военного сообщества для усиления обороноспособности и колонизационной активности в районе Дикого Поля. Вторая цель заключалась в ликвидации потенциальной угрозы участия казачества в антиправительственных и антифеодальных выступлениях.

Библиография

- Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. Под ред. Попова Н.А. Т. 1, II. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890, 1894. [2], XLIV, 766, [1] с.; [2] XLV, 773 с.
- Белоцерковский, Г.М.* Населённость городов Тульского края в XVII и XVIII веке // Казачество Тульского края. Под ред. Лепёхина А.Н. М.: Витязь, 2010. С. 148—158.
- Беляев, И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Фёдоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М.: Университетская тип., 1846. [2], 118 с.
- Беляев, И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская тип., 1846. [2], 56, 86 с., кар.
- Богоявленский, С.К.* Местное управление // *Богоявленский С.К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 413—424.
- Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I—III. СПб.: Тип. II

²² *Беляев И.Д.* О русском войске... С. 23—24; *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки... С. 28, 30; *Евдокимов Р.Н.* Смоленские казаки... С. 146; Казачество Тульского края. С. 52—53; *Карпов А.Б.* Указ. соч. С. 221. Приложение. С. 50—51; РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 186. Л. 1, 15 об. — 16, 55 об., 56; Оп. 5. Д. 1. Л. 86 об. — 87 об.; Д. 2. 100 об. — 101 об., 103—103 об.; Д. 3. Л. 210—211 об.; Д. 5. Л. 482 об. — 483, 544—546.

- Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850, 1851, 1852. [2], XXVI, [2] с., 1224, XII стб.; [2], IV, 222 с., 976 стб., II с.; [2], IV, [2] с., 1656 стб., [3] с.
- Загоровский, В.П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. 304 с., ил., кар.
- Евдокимов, Р.Н.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служивых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 26—42.
- Евдокимов, Р.Н.* Смоленские казаки в 30—50-е гг. XVII в. // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 144—149.
- Евдокимов, Р.Н.* Корпорация белозёрцев как пример решения проблемы привлечения казачества к государственной службе Московского царства в период преодоления последствий Смутного времени (20—40-е гг. XVII в.) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4—5 октября 2017 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 56—62.
- Казачество Тульского края. Под ред. Лепёхина А.Н. М.: Витязь, 2010. 223 с., ил.
- Карпов, А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Уральск: Войсковая тип., 1911. 904, [2], 96, V, 3 с.
- Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1856. 1398 стб.
- Новосельский, А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 447 с., кар.
- Новохатко, О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 447 с.
- Пенской, В.В.* Военная революция в Европе и вооружённые силы России второй половины XV—XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М.: Московский институт управления Правительства Москвы, 2004. 283 с.
- Разрядная книга 1550—1636 гг. Под ред. Буганова В.И. Т. II. Вып. 2. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1976. [1] с., с. 242—492.
- Разрядная книга 1637—38 года. Под ред. Буганова В.И. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1983. 188 с.
- Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). Под ред. Белокурова С.А. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1907. [3], XXVIII, 312 с.
- Разрядные книги 1598—1638 гг. Под ред. Буганова В.И. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. 398 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. IX. Записные книги Московского стола 1636—1663 гг. Под ред. Тимофеева А.И. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. X. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884, 1886. С. 383—576; [4], IV, 587 с.
- Смета военных сил Московского государства на 1632 год. («Сметной список 140-го году»). Под ред. Сташевского Е.Д. // Военно-исторический вестник, издаваемый при Киевском отделе Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. № 9—10. Киев: Тип. Штаба Киевского военного округа, 1910. С. 49—85.
- «Сметный список 139 году». Под ред. Беляева И.Д. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Под ред. Беляева И.Д. Кн. 4. М.: Универ. тип., 1849. III. Смесь. С. 18—51.
- Станиславский, А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270, [2] с., [8] л., ил.
- Чернов, А.В.* Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1954. 223 с.

А.В. Малов

Сквадрон ротмистра Христофора Рьльского в 1634 г. или появление гусарского «строя» в России

Россия, понесшая во время Смуты крупные территориальные потери, не могла с ними смириться, равно как и с неснятыми претензиями польского королевича на российский престол: Деулинское перемирие 1618 г. рассматривалось лишь как временная передышка. России предстояла схватка с сильным противником, находившимся в зените могущества. В этих условиях правительству Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета предстояло не просто восстановить армию после Смуты¹, но и существенно её усилить. Первым шагом в этом направлении стало формирование наёмного корпуса во главе с полковником Александром Лесли, нанявшим в Европе несколько солдатских полков. За этим последовало формирование русских полков солдатского строя с наёмными офицерами и урядниками. Следом за пехотой появились и конные подразделения — рейтарский, а позже и драгунский полк². Формирование

¹ *Чернов А.В.* Строительство вооружённых сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). Дисс. ... док. ист. наук. М., 1949. Л. 157—224.

² *Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632—34. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 55—149, 318—321; *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. Л., 1947. С. 96—102; *Чернов А.В.* Строительство... Л. 226—324; *Чернов А.В.* Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв. (С образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий очерк. М., 1954. С. 134—139; *Малов А.В.* Знамена войск нового строя // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 15. 2001. № 3. С. 6—10; *Малов А.В.* Знамена войск нового строя: Символика креста // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 16. 2001. № 4. С. 2—7; Государственность России: словарь-справочник. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. — февраль 1917 г.: в 2 т. М., 2005. Ч. 1: А—Л: Гусары. 1; Драгуны; Ефрейтор. 2; Капитан. 2; Капитан-поручик. 1 [*Малов А.В.*]. С. 266—268, 306—310, 324—325, 420—422, 430—431; Ч. 2: М—Я: Начальные люди; Полковой писарь 1; Поручик. 1; Прапорщик 1; Приказные люди меньшего чина 1; Рейтары; Ротмистр. 2, 3; Солдаты; Урядники. 1, 2; Урядничьего чина люди [*Малов А.В.*]. С. 78—79, 173—175, 191—192, 216—217, 245—246, 286—289, 292—295, 330—333, 422—425. М., 1996. *Малов А.В.* Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118—131; *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до оконча-

в России с 1630 г. полков нового строя стало началом создания принципиально новой военной организации³. Опубликованные мною работы по истории конницы нового строя и командования войсками нового строя 1628—1636 гг. в российской армии вк-
пе с трудами по номенклатуре и содержанию чинов нового строя позволяют сократить вводную часть этой статьи⁴. Настоящее ис-

ния русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М., 2014. С. 90—101.

- ³ Чернов А.В. Строительство вооружённых сил... Л. 299, 529—539; Чернов А.В. Вооружённые силы... С. 136—137; Перевод с галанскового письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому райтарского строю полковник Исак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех вопросов — ответ // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XIX вв. Т. VI. М., 1995. С. 7—9; Малов А.В. Социальный состав московских выборных полков и вопрос о природе войска нового строя (на примере московского полка Аггея Шепелева) // Политические институты и социальные страты России (XVI—XVIII вв.). Тезисы Международной конференции 2—3 октября 1998 г. М., 1998. С. 82—85; Малов А.В. Начало выборных полков — предшественников петровской гвардии // «За веру и верность». 300 лет Российской императорской гвардии. Тезисы научной конференции. СПб., 2000. С. 56—59; Малов А.В. Русско-шведская война 1656—1658 гг. и военное строительство в России. // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орёл и лев. Россия и Швеция в XVII веке», 15—17 мая 2001 г. М., 2002. С. 126—149; Малов А.В. Конница нового строя... С. 118—131; Малов А.В. Командиры частей нового строя в 1628—1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после её окончания) // Археографический ежегодник за 2009—2010 гг. М., 2013. С. 126—143; Малов А.В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628—1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598—1618—1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 221—238; Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х — 1660-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Бабулин И.Б. Полки нового строя в Смоленской войне 1632—1634 // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 22 (10/2005). С. 12—26; Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 г. М., 2006. С. 18—34; Курбатов О.А. Очерк истории конных полков... С. 90—92, 96—101, 135—136; Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х — начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 25—36; Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 12—44, 177—184; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 391—407, 538; Пенской В.В. От лука к мушкету: вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV — XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008. С. 128—143, 233—237.
- ⁴ Государственность России: Ч. 1: А-Л: Гусары. 1 [Малов А.В.] С. 266—268; Малов А.В. Конница нового строя... С. 118—131; Малов А.В. Командиры частей нового строя в 1628—1636 гг. С. 126—143; Малов А.В. Командный состав частей... С. 221—238.

следование посвящено проблеме появления в вооружённых силах России XVII в. конницы гусарского строя⁵ — вопросам организации, структуры и персонального состава чинов в командовании «скwadрона» ротмистра⁶ Христофора Рьельского⁷.

Первые сведения о формировании скwadрона ротмистра Рьельского датируются началом января 1634 г., когда его отставили от роты служилых поляков, литвинов и черкас, сражавшейся в тот момент на тульских рубежах с отрядами крымских татар, и отозвали в Иноземский приказ. На его место в начале февраля 1634 г. «по выбору всей роты» назначили ротмистра служилых иноземцев Григория Врославского.

В столице Рьельского без повышения чина назначили командиром трёх формируемых рот — гусарской, рейтарской и драгунской⁸. Конница рейтарского строя и драгуны к тому моменту уже существовали в лице сражавшегося под Смоленском рейтарского полка наёмного полковника Шарля Самуила Делиберта (д'Эберта) и формируемого с мая 1633 г. драгунского полка Александра Гордона⁹. Новшеством стало появление гусарского строя по образцу элитной ударной кавалерии Речи Посполитой. Шашевский, упоминая гусарскую роту Рьельского, ошибочно полагал её частью драгунского полка Гордона. Впрочем, и польских гусар того времени исследо-

⁵ *Цвиркун В.И.* Гусары в русском войске XVII века // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 69—71. Автор очерка, к сожалению, не только не знал диссертационного исследования А.В. Чернова, но и, не разобравшись в полной мере с найденными источниками, допустил ряд досадных неточностей, по сути смешав польско-литовскую гусарию с перешедшими на русскую службу венгерско-молдавскими гусарами рубежа XVII—XVIII вв., представлявшими собой совсем другой вид конницы, сильно разойдясь в своём развитии с польско-литовской гусарией по меньшей мере с конца XVI в.

⁶ О чине ротмистра см.: Государственность России: Ч. 2: М—Я: Начальные люди; Ротмистр. 2, 3 [*Малов А.В.*]. С. 78—79, 292—295.

⁷ *Малов А.В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613—1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции Москва, 24—26 октября 2012 г. М., 2016. С. 235; *Малов А.В.* Командный состав частей... С. 140—141.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Ч. II. Л. 1178—1179.

⁹ *Шашевский Е.Д.* Смоленская война... С. 115—117, 120, 130—143, 147—149; *Чернов А.В.* Строительство вооружённых сил... Л. 283—324; *Чернов А.В.* Вооружённые силы... С. 136; Государственность России: Ч. 1: А—Л: Драгуны; [*Малов А.В.*]. С. 306—310; Ч. 2: М—Я: Рейтары [*Малов А.В.*]. С. 286—289; *Малов А.В.* Конница нового строя... С. 118—131; *Малов А.В.* Командиры частей нового строя в 1628—1636 гг. С. 126—143; *Малов А.В.* Командный состав частей... С. 221—238; *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков... С. 92—98; *Курбатов О.А.* Военные реформы в России второй половины XVII в. С. 73, 77—78.

ватель, похоже, не отделял от венгерских, а в организации рот служилых поляков и литвы, по его мнению, правительство сохраняло «польский строй»¹⁰. Ошибка Сташевского переключала в работу А.В. Чернова, прямо написавшего о драгунском полке Гордона: «он же гусарский»¹¹. Гусарская кавалерия Речи Посполитой представляла собой ударную тяжёлую латную копейную кавалерию. В ней примерно со времен короля Стефана Батория воплотился практически идеальный баланс достижений европейской рыцарской тактики копейного удара, традиционного для польского рыцарства¹² и литовских латников¹³ и восточной маневренности, привнесённой в польское военное искусство сербскими «рацами» (от них и ведут происхождение первые польские гусары)¹⁴. С конца XVI в. на поле боя польско-литовские гусары наносили почти неотразимый удар, выстоять под которым без специального инженерного оборудования позиций оказались не способны войска ни одной из соседних с Речью Посполитой стран. Лишь лёгкая восточная конница оказывалась для гусар конца XVI—XVII вв. недостижимой в силу своей маневренности¹⁵. Правда эти блестящие результаты достигались лишь при благоприятных тактических условиях, близких к идеальным. Во многом именно благодаря ударной мощи польско-литовской гусарии достигнуты все или почти все победы польско-литовских войск последней трети XVI—XVII вв.

Основное наступательное оружие гусара составляла длинная и лёгкая полая внутри гусарская пика, дополнявшаяся саблями, кончарами, палашами и пистолетами. В вопросе об использовании в бою знаменитых крыльев польско-литовской гусарией в польской

¹⁰ *Сташевский Е.Д.* Смоленская война... С. 58—59, 135.

¹¹ *Чернов А.В.* Строительство вооружённых сил... Л. 298.

¹² *Boldyrew A.* Produkcja i koszty uzbrojenia w Polsce XVI wieku. Warszawa, 2005. S. 248—269; *Szymczak J.* Pojedynki i harce, turnieje i gonitwy. Wałki o życie, cześć, sławę i pieniądze w Polsce Piastów i Jagellonów. Warszawa, 2008. S. 28—47 i inn. О сложении системы чинов в польской кавалерии, по крайней мере к 1570-м гг., см.: *Plewczyński M.* Skład chorągwi jazdy koronnej w latach 1501—1572 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Т. XXXV. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. S. 33—56.

¹³ *Бохан Ю.М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Мінск, 2002. С. 232—240; *Бохан Ю.М.* Вайскова справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 306—317.

¹⁴ *Plewczyński M.* Wkład Serbów w rozwój staropolskiej wojskowości (1450—1570) // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Т. XXXVI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. S. 3—22.

¹⁵ *Cefalli S.* Relacja o stanie politycznym i wojskowym Polski przez Sebastiana Cefali sekretarza Jerzego Lubomirskiego. Relacje nuncjuszow apostoskich i innych osob o Polsce. Т. II. Berlin; Poznan, 1864. S. 328—334.

историографии нет единого мнения, но, по общему мнению, не всегда и не все гусары были крылатыми¹⁶. Нет упоминаний о крыльях и у первых российских гусар 1634 г.

Знамёна и гусарские прапорцы к 1630-м гг. имели устоявшуюся форму, изображённую на т.н. «стокгольмском свитке», изображающем церемониальный марш по случаю свадьбы короля Сигизмунда III Вазы. Знамёна, прапорцы и «завесы» к трубам для сквадрона Рыльского, вероятно, изготавливались в самом сквадроне, для чего Казённый приказ отослал материю в Иноземский приказ для выдачи ротмистру. По памяти от 5 февраля отослали тафту трёх цветов на 100 прапорцов — «шахматные: в серетках белая да красная тафта, хвосты — белая да черная тафта — все широкие тафты; а сколь долги и широки те прапорцы, и тому послан к тебе образец»¹⁷. Дьяку Г. Облезову надлежало сметить количество материи, необходимой на кроение и шитье 100 прапоров по присланному образцу, после чего отослать тафту в Иноземский приказ. По этой памяти и дьячьей смете отослали 12 аршин тафты червчатой, белой и гвоздичной. Однако дьячья смета себя не оправдала, и через пять дней Иноземский приказ вновь прислал в Казённый память о дополнительной тафте на гусарские прапоры, а также о ткани на два знамени — в рейтарскую и в драгунскую роты. Теперь уже сметы количества тафты сделали в Иноземском приказе, и Казённому оставалось лишь выполнить заказ. Любопытно, что знамя гусарской роты не упоминается. Возможно, Рыльский для главной гусарской роты и всего сквадрона использовал своё прежнее сотенное знамя, по выражению Сташевского, «польского строя» роты служилых поляков и литвы, или даже личное. Все запрашиваемые

¹⁶ *Górski K.* Historia jazdy polskiej. Kraków, 1895. S. 21—22, 64—65; *Bocheński Z.* Ze studiów nad polską zbroją husarską // Rozprawy i sprawozdania Muzeum Narodowego w Krakowie. T. VI. 1960. S. 12—50; *Cichowski J., Szulczyński A.* Husaria. Warszawa, 1981. S. 102—105; *Солдатенко А.* Польская гусария 1500—1776 гг. // Военно-исторический журнал «Орёл». № 3. 1993. С. 17—24; *Васильев А.* Польско-литовская гусария XVII века // Цейхгауз. Военно-исторический журнал. 1998. № 7. С. 2—6; *Квитковский Ю.В.* Великолепные латники. Ч. 1 // Армия и битвы. 2002. № 1. С. 34—38; *Jeske M.* Jeszcze o husarii... (na marginesie książki Anny Wasiłkowskiej „Husaria”) // Studia do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Cz. XII. Kraków, 2005. S. 18—19; *Brzezinski R.* Polish Winged Hussar 1576—1775. Oxford, 2006 [Warrior. 94]. S. 19—23; *Głąbowski W.* Skrzydła husarskie — prawda i legenda // Wojny północne w XVI—XVIII wieku w czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem // Toruń, 2007. S. 281—288; *Sikora R.* Z dziejów husarii. Warszawa, 2010. S. 51—60.

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 2290. Л. 1. (Опубл.: *Яковлев Л.* Русския старинныя знамёна. Ч. III. Подробная опись русских старинных знамён. Приложения. М., 1865. С. 109); Оп. 2. Кн. 289. Л. 371 об. — 372.

174 аршина широких тафт выдали тафтами виницейками: 77,5 арш. белой, 77 арш. чёрной (дана гвоздичная), 18 арш. красной (дана кармазин) и 1,5 арш. рудо-жёлтой¹⁸. Формы знамён европейских «строев» к 1630-м гг. уже вполне сложились и устоялись: рейтарское знамя делалось одноцветным (вероятнее всего белым или чёрным/гвоздичным) с «признаками» (это мог быть двуглавый орёл или заменяющий его восьмиконечный степенной крест), вшитыми в полотнище или написанными на нём чернилами, красками или выстиланными листовым сусальным золотом или серебром. Обязательным «прикладом» к рейтарскому знамени являлись шелковая бахрома по краю и крепившиеся к древку два шёлковых шнура с кистями. Драгунское знамя могло быть двух- или трёхцветным опять же с «признаками», аналогичными рейтарским. Поскольку рот в скwadроне было по одной, логично предположить отсутствие среди «признаков» звёзд, своим числом указывавших номер роты. В то же время символика знамён новых для России «строев» ещё не устоялась, и вместо двуглавого орла или степенного креста нельзя исключать и иных изображений, включая небесных покровителей, или просто фантазию ротмистра.

Формирование скwadрона Рыльского шло параллельно завершению формирования драгунского полка А. Гордона, что и ввело в заблуждение Сташевского. По памяти от 17 марта 1634 г. Приказ приказных дел (Сбора даточных людей) во главе с боярином кн. Д.П. Пожарским и дьяком Г.М. Волковым отослал в Иноземский приказ 200 руб. на оплату «немецким» купцам «за карабины, и за пистолеты, и за мушкеты, и за шпаги, и за латы»¹⁹ — это партия оружия в равной степени могла предназначаться как для полка Гордона, так и для скwadрона Рыльского, хотя формирование и обеспечение вооружением и лошадьми драгунского полка Гордона с его рейтарскими ротами началось заметно раньше.

Подразделение Рыльского стало и первым опытом создания формирования, промежуточного между полком и ротой — «скwadрона» (позже — «шкwadроны», предшественника батальона имперского периода), объединявшего несколько рот под единым командованием. В этом первом российском скwadроне его командир

¹⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 2294. Л. 1—1 об. (Опубл.: Яковлев Л. Русские старинные знамёна. Ч. III. Подробная опись русских старинных знамён. Приложения. С. 109); Оп. 2. Кн. 289. Л. 389 об. — 390.

¹⁹ Арсеньев Ю.В. Оружейный приказ при царе Михаиле Фёдоровиче. Материал, извлечённый из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории. Вып. XV. СПб., 1903. № 22. С. 358—359.

в чине ротмистра был одновременно командиром первой — гусарской роты (обычная практика всех европейских армий), а также рейтарской и драгунской рот. Отмечу, что позже при формировании или назначении на службу командир «шкvadроны» никогда не совмещал функций командиров нескольких рот²⁰, как в случае Рыльского в 1634 г.

Вероятно, сквадрон Рыльского был попыткой удешевления войск нового строя, где непривычная для России развитая система командования офицерского («начальные люди») и подофицерского («урядники») уровня особенно дорого обходилась казне. Поэтому и назначение Рыльского командиром сквадрона не привело к производству его в более высокий чин, соответствующий подразделению — подполковника («полуполковник») или майора («маеор») ²¹. В дальнейшей истории русской армии новой модели мы также не встретим сквадронов (шкvadрон), которыми командовали бы чины ниже майорского. Однако в этой «оптимизации» войск новых «строев» нельзя не заметить переключки с уже чисто русским проектом стряпчего И.А. Бутурлина, хотя и забракованным на правительственном уровне, но отразившим распространённые в служилой среде взгляды²².

При формировании подразделений новых для России «строев» практика формирования рейтарского и драгунского полков указывает на встречную инициативу правительства и приказной бюрократии, с одной стороны, и иноземных командиров, с другой²³. В силу гибели большей части архива Иноземского приказа²⁴, вероятно, мы никогда не узнаем, кому конкретно и какой стороне принадлежала первичная инициатива «заведения» в России того или иного строя. Хотя все проекты разрабатывались в данном случае наёмными офицерами (в 1630 г. — Александром Лесли и Ген-

²⁰ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М., 2006. С. 427—553.

²¹ Государственность России: Ч. 2: М—Я: Майор. 1 [Карнеев И.В.] С. 13—14; Подполковник [Карнеев И.В.]. С. 157.

²² Лантева Т.А. «Что в государстве делаетца дурно». Государево дело стряпчего И.А. Бутурлина. 1634 г. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 178—186; Курбатов О.А. Очерк истории конных полков... С. 92—95.

²³ Курбатов О.А. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 231—249.

²⁴ Лантева Т.А. Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. 1994. С. 109—127.

рихом Фандамом)²⁵, но исходная инициатива должна была исходить из правительственных кругов. До сих пор не исследована роль в этом процессе управлявшего войсками нового строя Иноземного приказа²⁶ и его судьи с 1622 по 1642 г. боярина кн. Ивана Борисовича Черкасского²⁷, дьяка Осипа Андреевича Коковинского²⁸, а также переведённого в приказ в самом начале формирования скvadрона дьяка Василия (Юрия) Макарьева (Пятого) сына Ртищева²⁹.

Ближайшими помощниками ротмистра являлись поручики³⁰, по сути командовавшие ротами за ротмистра, пока ему приходилось решать дела всего скvadрона: Адам Комаровский — в гусарской роте, Матвей Светицкий — в рейтарской и Корнилий Крюковский — в драгунской. Прапорщиками³¹ стали: в гусарской роте — Иван Шелпотынский, в драгунской — Григорий Сорочинский. Имя прапорщика рейтарской роты неизвестно; подпрапорщиком же в одной

²⁵ *Сташевский Е.Д.* Смоленская война... С. 60—83, 91—94, 105—108, 114—117, 122—128, 134—136, 143—144, 147—149; *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война... С. 96—99, 101; Перевод с галансково письма... С. 7—9; *Курбатов О.А.* Роль служилых «немцев»... С. 18—34; *Курбатов О.А.* Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 316—335; или несостоявшиеся попытки найма нескольких полков в Европе на рубеже 1650/60-х гг. (*Малов А.В.* Русско-шведская война 1656—1658 гг. С. 126—149).

²⁶ *Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. М., 2006. С. 71—72; *Лисейцев Д.В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI — начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV—XVII веках. М., 2006. С. 59—69; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 674; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011. С. 226; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 69.

²⁷ *Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат... С. 301; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 70, 82, 269; [*Павлов А.П.*] Государев двор в первой половине XVII в. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 308—372; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства... С. 350, 623, 624, 677, 683; *По М.Т.* Российская элита в 17-ом веке. Т. 1. Хельсинки, 2004. С. 84—137; *Эскин Ю.М.* Печати членов Боярской Думы в 1633 году: К истории русской «предгеральдики» // *Russia mediaevalis*. Т. X, 1. München, 2003. P. 205—223.

²⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 249.

²⁹ *Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат... С. 72; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 452; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства... С. 127; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 484; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия... С. 133, 195, 226, 388, 405.

³⁰ Государственность России: Ч. 2: М—Я: Поручик. 1 [*А.В. Малов*] С. 191—192.

³¹ Государственность России: Ч. 2: М—Я: Прапорщик. 1 [*А.В. Малов*] С. 216—217.

из рот скwadрона служил Семён Земеровский. Возможно, именно он какое-то время и исполнял обязанности прапорщика у рейтар.

В скwadрон Рьельского 1634 г. зачислили служилых иноземцев, новокрещёнов и русских людей³² (возможно, иноземского происхождения). Важным новшеством, получившим позже развитие в войсках нового строя, стало комплектование не только рядового, но и всего командного состава исключительно подданными русского царя.

Служилый кормовой иноземец (поляк?) Адам Комаровский выехавший в Россию в 1629 г. вместе со своим пахоликом, первоначально получил за выезд 18 руб. и сукно доброе, поверстан окладом в 300 чети, 12 руб., с кормом в 15 ден. на день; пахолику вручили 3 руб. и сукно. По челобитью о несоответствии оклада его статусу, Комаровскому назначили жалованье в 30 руб. и велели отослать в Нижний Новгород служить с нижегородскими иноземцами, поскольку ранее он «жил у Гасевского»³³. С осени 1632 по весну 1633 г. он служил поручиком в роте служилых поляков, литвы и черкас Христофора Рьельского с окладом в 400 чети, 23 руб., кормовым жалованьем по гривне на день и конским кормом на две лошади по 24 алт. на месяц; он также получал по три чарки вина, две кружки меда и две кружки пива на день. В мае 1632 г. «для тульской службы» он получил жалованье вперёд на май—июль, августовское жалованье получал уже в Туле³⁴. К началу февраля 1634 г. его записали в гусарскую роту Рьельского, по списку которой он получал жалованье по ноябрь того же года³⁵. В июле 1635 г. «для тульской службы» Комаровский получил жалованье вперёд на август—сентябрь³⁶. В 1635/36 г. он написан поручиком служилых иноземцев с окладом 400 чети, 23 руб. и кормовым по 6 руб. на месяц³⁷. В 1650/51 г. Комаровский написан ротмистром, командиром роты служилых иноземцев с окладом в 650 чети, 40 руб. и кормовым по 10 руб. в месяц с конским кормом в зимнее время с 1 ноября по 1 мая на две лошади по 20 алт. на лошадь в месяц³⁸. В янва-

³² Горбатов Е.Н. Гусары и рейтары в жилецком списке 1635/36 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 605—609.

³³ Сташевский Е.Д. Смоленская война... С. 20.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. II. Л. 851—851 об.

³⁵ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 541—541 об.

³⁶ Там же. Кн. 48. Л. 991.

³⁷ Там же. Кн. 49. Л. 952.

³⁸ Там же. Кн. 53. Л. 370, 382 об.

ре 1650 г. Комаровский выводил свою роту на смотр Иноземского приказа; его рота расписана в Иноземском приказе и в 1652/53 г.³⁹

Служилый беспоместный поляк Матвей Светицкий 4 декабря 1618 г. выехал на царскую службу, дезертировав из «Лисовского полку» на пути под Суздаль. Опередив «Лисовское войско», он и ещё двое перебежчиков предупредили воевод кн. Ф. Лыкова и В. Давыдова об опасности⁴⁰. На допросе в Москве Матвей Светицкий представился шляхтичем Перемышльского повета, служившим казачью службу на одном коне в полку Хвостовецкого (Хвостовца). Под Москву он пришёл с армией королевича Владислава, а после отхода от Троице-Сергиева монастыря Хвостовец с полковником Плетцким, проигнорировав грамоты королевича и гетмана Ходкевича, присоединились с полками к лисовчикам и вместо выхода из России двинулись за добычей к Суздалю. За выезд Светицкому 7 января 1619 г. пожаловали 6 руб. и доброе сукно — 4 арш. без чети сукна настрафила лазеревого стоимостью в 2 руб.⁴¹ Вскоре он изъявил желание креститься в православную веру, за что его вновь пожаловали⁴². По разбору служилых иноземцев 1630/31 г. Светицкий имел оклад 25 руб.⁴³; в 1632 г. служил в роте ротмистра Юрия Кулаковского, где по указу от 26 мая по выбору всей роты произведён в поручики с окладом в 30 руб. С ноября 1632 г. он служил в том же чине в роте Христофора Рьльского (на его место в роте Кулаковского выбрали в поручики Якова Трусова)⁴⁴ с окладом 400 чети, 23 руб., кормом по гривне на день и конским кормом на 2 лошади, а также питейным жалованьем по 3 чарки вина, 2 кружки меда и 2 кружки пива на день. Жалованье на май — июль 1632 г. Светицкий получил вперёд «для тульской службы», а на август — уже в Туле⁴⁵. С начала 1633/34 г. он вновь поручик в роте Кулаковского, а ко 2 февраля 1634 г. — поручик рейтарской роты скwadрона Рьльского⁴⁶. В конце ноября 1634 г. он получил выслуженное жалованье за прошлые месяцы. В июле 1635 г. «для тульской службы» получил жалованье вперёд на август—сентябрь⁴⁷. С тем же окладом поручика в

³⁹ Там же. Кн. 54. Л. 327—345.

⁴⁰ РГАДА. Оп. 13. № 7. Л. 118; *Малов А. В.* Выходцы из Речи Посполитой... С. 230—231.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 7. Л. 121; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 206. Л. 229—229 об.

⁴² Там же. Ф. 210. Оп. 13. № 7. Л. 408, 426, 428, 429, 441, 442, 459.

⁴³ Там же. Оп. 6. Кн. 45. Л. 350.

⁴⁴ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 1225.

⁴⁵ Там же. Л. 852.

⁴⁶ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 542—542 об.; Ч. II. Л. 1191.

⁴⁷ Там же. Кн. 48. Л. 991.

400 чети, 23 руб. и кормом по 6 руб. на месяц Светицкий значился он в списках Иноземского приказа в 1635/36 г.⁴⁸

Поручик драгунской роты Корнилий Крюковский в 1634—1635 гг. получал жалованье в Иноземском приказе. В июле—сентябре 1635 г. он — поручик на «тульской службе»⁴⁹; в 1635/36 г. имел оклад 350 чети, 20 руб. и корм по 6 руб. в месяц⁵⁰. К 1650/51 г. его произвели в ротмистры служилых иноземцев с окладом в 550 чети, 33 руб., испоместив на Белоозере. В июне 1651 г. он получил придачу к окладу «за Яблоновскую службу» — 100 чети и 5 руб. Наконец, 28 августа 1651 г. его пожаловали службой по московскому списку⁵¹.

Прапорщика гусарской роты кормового иноземца Ивана Шелпотынского, как и поручика Комаровского, Христофор Рыльский взял из своей роты служилых иноземцев. По разбору 1630/31 г. он написан рядовым роты служилых иноземцев с окладом в 25 руб. По указу от 26 мая 1632 г. по выбору роты служилых поляков и «литвы» Шелпотынского произвели в прапорщики в роту Кулаковского с окладом 28 руб.⁵² В мае 1632 г. «для тульской службы» он получил жалованье вперёд на май—июль, августовское жалованье получал уже в Туле⁵³. С ноября 1632 г. служил уже в роте Рыльского в том же чине с окладом 400 чети и 20 руб. К началу февраля 1634 г. его перевели в гусарскую роту Рыльского⁵⁴. В сентябре 1634 г. он получил кормовое жалованье в 4,5 руб. и конский корм на 2 лошади с 1 ноября по 1 мая⁵⁵. В 1634/35 г. написан прапорщиком в роте Кулаковского, а в 1635/36 г. переведён в роту Г. Врославского прапорщиком «без места» с окладом в 450 чети, 22 руб., кормовым в 5 руб. в месяц и питейным из Новой чети, а также конским на 2 лошади с 1 ноября по 1 мая (по 24 алт. в месяц на лошадь)⁵⁶.

О прапорщике драгунской роты Григории Сорочинском удалось найти лишь одно упоминание в окладной книге Иноземского приказа — он с сентября по октябрь 1634 г. написан с окладом поместным в 300 чети и денежным в 15 руб., получал кормовое жалованье в размере 3,5 руб. на месяц⁵⁷.

⁴⁸ Там же. Кн. 49. Л. 952.

⁴⁹ Там же. Кн. 48. Л. 991.

⁵⁰ Там же. Кн. 49. Л. 952.

⁵¹ Там же. Кн. 53. Л. 169.

⁵² Там же. Кн. 45. Л. 350.

⁵³ Там же. Кн. 46. Ч. II. Л. 854.

⁵⁴ Там же. Кн. 47. Ч. I. Л. 544—544 об.

⁵⁵ Там же. Кн. 48. Л. 399—399 об.

⁵⁶ Там же. Кн. 49. Л. 514.

⁵⁷ Там же. Л. 966.

Из урядников сквадрона окладные книги Иноземского приказа называют квартирмейстера гусарской роты беспоместного немчина Якова Бодимова (Бодилова?). Первоначально по представлению полковника Делиберта от 1 июля 1632 г. его произвели в ротные квартирмейстеры («по-русски ротный околничий») рейтарского полка с окладом в 15 руб., в каковом чине он прослужил весь 1633 г., приняв участие в боях под Смоленском⁵⁸. Присланный из полков в Москву, в 1634 г. (не позднее июля) Бодимов записан в ротные заимщики (квартирмейстеры) гусарской роты Рыльского. С ноября 1634 по июль 1635 гг. в Иноземском приказе он сохранял за собой чин и жалованье, запись в августе констатировала его смерть⁵⁹.

Из других урядников сквадрона книги Иноземского приказа сохранили сведения о поляке Семёне Земеровском, в ноябре 1634 г. как подпрапорщик одной из трёх рот получившем выслуженное жалованье за июль-октябрь того же года и получавшем его по август 1635 г.⁶⁰ В том же 1634/35 г. он упоминается в драгунской роте Рыльского без указания чина, а в 1635 г. — в чине сержанта с окладом поместным в 250 чети и денежным в 12 руб., подённым кормом 2 алт. 1 ден. и конским на одну лошадь с 1 ноября по 1 мая по 24 алт. на месяц. Умер он в первых числах апреля 1636 г.⁶¹

К людям урядничьего чина помимо урядников относились обеспечивающие некомандные чины в лице ротных подьячих и музыкантов. В сквадроне Рыльского известны два ротных подьячих, один сурнач (флейтист) и два трубача. Оба ротных подьячих — Фёдор Елизаров и Богдан Савин — 17 мая 1634 г. получили в Иноземском приказе по 5 руб. на месяц вперёд для службы на май-август того же года⁶². Сурнача драгунской роты сквадрона Ивана Темлякова написали в Иноземском приказе в сентябре-октябре 1634 г. с окладом в 40 алт. на месяц, а 15 ноября его товарищи сообщили в приказе, что не пришедший для получения жалованья сурнач похолопился и уже «служит во дворе» боярина Ф.И. Шереметева⁶³. Трубачи сквадрона Ананий Звенигородец и Яков Неклюдов записаны в окладной книге Иноземского приказа с сентября 1634 по июль

⁵⁸ Там же. Кн. 45. Л. 62 об, 63 об., 66 об. — 67; Кн. 46. Ч. I. Л. 358 об.

⁵⁹ В ноябре 1634 г. он получил в Иноземском приказе жалованье за июль-октябрь (Там же. Кн. 48. Л. 1022).

⁶⁰ Там же. Кн. 48. Л. 1040.

⁶¹ Там же. Кн. 49. Л. 495, 1063.

⁶² Там же. Кн. 47. Ч. II. Л. 1178 об.

⁶³ Там же. Кн. 48. Л. 1105.

1635 г. с кормовым жалованьем 10 денег на день и в июле получили жалованье вперёд на август-сентябрь 1635 г. «для тульской службы»⁶⁴. В книгу следующего 1635/36 г. оба записаны с прежним кормовым жалованьем, но уже в «безместных» трубачах⁶⁵.

Первое упоминание о самом командире скwadрона Христофоре (Хриштопе, Криштопе) Фёдорове сыне Рыльском датируется серединой 1619 г. — в начале июля он с другими польско-литовскими выходцами свидетельствовал перешедшего на русскую службу пленного поляка из московского гарнизона Андрея Осипова сына Шестовского, ранее состоявшего в московском гарнизоне и в полку Яна-Петра Сапеги⁶⁶. Это позволяет предполагать выезд на русскую службу самого Рыльского в Смутное время и, возможно, указывает на его связь с полком Сапеги. Из-за позднейшего конфликта с иноземцем Михаилом Барышевским стало известно, что Рыльский выехал на Русь вместе с матерью.

В начале апреля 1622 г. Христофора Рыльского крестили по православному обряду под именем Софрона⁶⁷, под которым даже в официальных документах он почти никогда не упоминался. 11 апреля Рыльский возглавил список из 11-ти новокрещёных иноземцев, кому Казённый двор отослал в Стрелецкий приказ в жалованье «для крещенья» по портицу (4 арш. без чети) сукна настрафиля разных цветов (по 2,5 руб. портище)⁶⁸. В 1621/22 г., возможно по разбору, Рыльского пожаловали в иноземцы московского списка⁶⁹.

В 1626 г. по челобитью Рыльского с ним послана грамота к воеводе в Нижний Новгород «о управе» на мордву Кежманка Матвеева с товарищами, запечатанную 16 марта⁷⁰. 18 марта Рыльский уже запечатывал следующую грамоту — на Курмыш «разбойных дел сыщиком», чтобы ему из тюрьмы выдали его крестьянина Данилка «на чистую поруку»⁷¹. Криминальная история его курмышских крестьян на этом не закончилась, и 29 апреля Рыльский запечатал грамоту к курмышскому подьячему и к «розбойных дел сыщику» о передаче всего дела о татьбе его крестьян в Москву в Разбойный приказ:

⁶⁴ Там же. Л. 1103, 1104.

⁶⁵ Там же. Кн. 49. Л. 890.

⁶⁶ Там же. Оп. 13. № 7. Л. 207, 209.

⁶⁷ Там же. Оп. 9. № 801. Л. 76. Имя и адрес информации любезно указаны Д.В. Лисейцевым, которому, пользуясь случаем, выражаю признательность.

⁶⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 207. Л. 336 об. — 337 об.

⁶⁹ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 208.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 8. Л. 351 об.

⁷¹ Там же. Л. 370.

«про крестьян ево татбу — привод, и распросные речи, и все дело»⁷². То ли передачу татебного дела в Москву оспорили, то ли крестьяне Рыльского оказались закоренелыми рецидивистами, но 8 сентября 1629 г. ему вновь пришлось запечатывать грамоту о переводе татебного дела его крестьян из Курмыша в Москву: «изветную челобитную Мурашки тое бы волости на крестьян на Софонка да на Пронку и привод и распросные речи»⁷³. Причём грамота адресовалась уже не безымянным сыщикам и подьячему, а воеводе, которому надлежало забрать дело у сыщиков и прислать в Москву. Почти через год 3 октября 1630 г. Рыльский вместе с нижегородским иноземцем Михаилом Лундским запечатали грамоту к нижегородскому воеводе о ссылке в Москву очередного криминального дела их крестьян: «про крестьян их насилства сыск и роспросные речи»⁷⁴.

С 1628/29 г. по конец 1634 г. тянулся конфликт Христофора Рыльского со служилым иноземцем ротмистром Михаилом Барышевским. Последний к концу 1620-х гг. писался уже старовыезжим, хотя выехал примерно в те же годы, что и Рыльский. Во всяком случае, они одновременно крестились в православие и пожалованы «для крещения». Однако 11 апреля 1622 г. Барышевский, в отличие от Рыльского, за крещение получил не сукно доброе, а пожалован платьем в 30 руб., стоимость которого получил деньгами⁷⁵. Конфликт между двумя служилыми поляками, видимо, не сразу вылился в судебное дело, поскольку первое разбирательство по челобитью Барышевского имело место в 1629/30 г.⁷⁶, а встречные обвинения Рыльского в первом бесчестье датированы 1628/29 г. Тогда, по словам Рыльского: «в Панском приказе перед дьяки тот Михайло мать мою лаел и называл блядью и сводницаю»⁷⁷. В 1629/30 г. Михаил Барышевский «искал» на Рыльском бесчестья жены — вдовы Ивана Мневского и его детей — своих пасынка и падчерицы. Но выписку по судебному решению этого дела Барышевский получить не успел, поскольку «был сослан в твоей царьской опале, а побить челом было некому». Челобитные об этом Барышевский подал уже по возвращении из ссылки в сентябре и октябре 1634 г.⁷⁸ В ноябре 1630 г. служилый иноземец Леонтий Вы-

⁷² Там же. Л. 488 об.

⁷³ Там же. Кн. 10. Л. 77 об.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 13. Л. 60.

⁷⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 207. Л. 336 об. — 338 об.

⁷⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 13. № 45. Л. 88, 91—93.

⁷⁷ Там же. Л. 89.

⁷⁸ Там же. Л. 88—88 об, 90—90 об.

соцкий бил челом на вдову и сына Ивана Мневского в занятых их покойным мужем и отцом 43 рублях. Долг кредитор пытался взыскать с наследников заёмщика⁷⁹. Из возникшего по челобитью дела известно, что покойного заёмщика Ивана Мневского убил Христофор Рьльский: «убил, государи, тот Христофор отца моего родного Ивана Мневского». Причём ни о каком обычном в таком случае наказании Рьльскому, кроме обязательства оплаты всех долгов убитого, неизвестно: «а по вашему государскому и святителскому указу велено ему, убойцы отца моего, долги всякие платить, и в том он, Христофор, дал на себя и запись з зарядом». Фёдор Иванов сын Мневский требовал выполнения условий этой записи и перевода долга на Рьльского⁸⁰. К сожалению, неизвестно окончание дела, но поскольку спорная сумма, судя по всему, представляла годовой оклад Высоцкого (Мневский получил для него деньги, но не донёс их до адресата), можно предположить, что убийство Мневского произошло незадолго до челобитья Высоцкого.

В 1629 г. два выходца из Речи Посполитой Марк Антонов и запорожский казак Сенька Иванов, первоначально записанные служить с черкасами, били челом «во двор» к ротмистру Христофору Рьльскому⁸¹. В окладной книге Иноземского приказа 1630/31 г. он написан служилым иноземцем, помещиком по Нижнему Новгороду и ротмистром у поместных поляков и литвы старого и нового выезда с окладом в 35 руб.⁸² Запечатанная 19 февраля 1631 г. Рьльским в Печатном приказе проезжая грамота от Москвы до Курмыша и обратно: «велено людей ево з запасы пропускать»⁸³ — свидетельствует о его служебном пребывании в Москве, где он мог заниматься делами роты, а также выявлением среди прибывающих наёмников подданных польского короля.

14 июня 1631 г. Казённый приказ отослал в Иноземский тафты виницейки трёх цветов: 1 арш. чёрной, 1 арш. без чети белой и 0,5 арш. жёлтой (по 26 алт. 4 ден. арш.), «а поделявать тою тафтою знамя Христофору Рьльскому»⁸⁴. Под этим знаменем рота служилых поляков и литвы ротмистра Рьльского в 1631 г. была на береговой службе⁸⁵. В том же году по челобитью ротмистра из его роты выписа-

⁷⁹ Там же. Оп. 13. № 45. Л. 87.

⁸⁰ Там же. Л. 95.

⁸¹ *Сташевский Е.Д.* Смоленская война... С. 20.

⁸² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 179.

⁸³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 14. Л. 109.

⁸⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 286. Л. 336 об. — 337.

⁸⁵ *Сташевский Е.Д.* Смоленская война... С. 46—47.

ли 11 человек — увечные и «бражники и зерншики»⁸⁶. В январе-апреле 1632 г. по неизвестной причине его оклад уменьшили до 30 руб.⁸⁷

В 1632 г. Рыльский выявлял среди нанятых в Европе солдат подданных польского короля — поляков, литвинов и пруссаков — 32 человека таковых по указу от 9 июня отослал в Архангельск для отправки обратно в Европу⁸⁸. В Туле, куда он выступил на береговую службу с ротой, у него произошёл конфликт с местными стрельцами (возможно, в связи с исполнением обычных для стрельцов полицейских обязанностей). Во всяком случае, уже 27 июля 1632 г. Рыльский запечатал грамоту к тульскому стрелецкому голове о постановке на Москве его стрельцов Ивашки Павлильца с товарищами⁸⁹. В окладных книгах Иноземского приказа 1632/33 г. и 1633/34 г. Рыльский написан помещиком в Нижнем Новгороде и на Курмыше и ротмистром у служилых поляков, литвы и черкас с окладом в 550 чети и 30 руб.⁹⁰ 21 ноября 1633 г. Рыльский запечатал отказную грамоту в Коломну о даче ему в поместье 219 чети, а 14 декабря — раздельную на двор в Коломне⁹¹.

По указу от 7 января 1634 г. Рыльского назначили ротмистром трёх рот (сквадроны) гусарского, рейтарского и драгунского строя. 9 марта ротмистр получил в Иноземском приказе жалованье за тульскую службу 1632/33 г. и убитого татарина, «а под ним ранили коня», придачи 150 чети и 20 руб., после чего его оклад составил 700 чети и 50 руб. Тогда же он получил жалованье на февраль-апрель, а 16 мая — за май 1634 г.⁹² После подписания Поляновского мира 1634 г. squadron Рыльского, судя по всему, не распустили, поскольку на украинную службу следующего 1634/35 г. гусар и рейтар с Москвы на Тулу 19 июля привёл именно ротмистр Рыльский⁹³.

С 1635/36 г. по 8 февраля 1637 г. Христофор Рыльский держал воеводство в Перми Великой⁹⁴. 29 и 30 декабря 1637 г. в Печатном

⁸⁶ Там же. С. 55.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 349—349 об., 457 об.

⁸⁸ *Сташевский Е.Д.* Смоленская война... С. 107.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 17. Л. 177 об.

⁹⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Ч. II. Л. 850—850 об.; Кн. 47. Ч. I. Л. 540—540 об.

⁹¹ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 20. Л. 102, 126.

⁹² Там же. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Ч. II. Л. 1178—1179.

⁹³ Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. СПб., 1894. С. 33.

⁹⁴ *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. М.: Старая Басманная, 2010. С. 209; РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 2. 1636 г. № 81. Л. 47 (любезно указано Д.В. Лисейцевым).

приказе ему запечатали грамоты на Курмыш и в Нижний Новгород с одинаковым указом в отношении тяглецов, с которыми у него произошли конфликты: «дать на поруку — поставить на Москве»⁹⁵. В первом случае противником служилого иноземца выступает земский дьячок курмышских дворцовых сел Гришка Ребров, а во втором — нижегородские крестьяне Петра Глядкова (Гляткова) Васька Филинцев с товарищами. В «подлинных» боярских списках 1637/38 и 1638/39 гг. Рыльский написан по списку новокрещённых иноземцев 1621/22 г. с пометой о пребывании на южной украинской службе («на Туле»), но во втором списке помету вымарали, что может указывать на его возвращение со службы⁹⁶. 22 января 1639 г. книги печатных пошлин вновь зафиксировали конфликт Рыльского, но уже с владимирскими ямщиками Давыдкой Ильиным с товарищами. Наказная память предписывала дать на поруки обидчиков шляхтича и поставить их к суду на Москве⁹⁷. Не прошло и месяца, как 15 февраля в Печатном приказе Рыльскому запечатали ввозную грамоту на «меновное» нижегородское поместье в 57 чети с осминой⁹⁸. В боярской книге 1639/40 г.⁹⁹ он написан с московскими новокрещёнными иноземцами, «которые по государеву указу писаны в список с 130 году»¹⁰⁰. 16 марта 1642 г. книги печатных пошлин фиксируют очередной конфликт Рыльского, в этот раз — из-за мельничного места со вдовой Ивана Змеева Катериной и её крестьянами. Интересы патрона в приказе представлял деловой человек Рыльского Гришка Аметев, а интересы его противников — Пётр Белемишев. Грамота указывала «мельничного места осмотреть»¹⁰¹.

К середине апреля 1641 г. Рыльский обменял у Алексея Голеницкого своё коломенское поместье в 110 чети на поместье такого же размера в Алатырском уезде¹⁰². 7 сентября 1643 г. об отпуске в нижегородскую деревню к своему дяде Христофору Рыльскому

⁹⁵ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 34. Л. 309, 317 об.

⁹⁶ «Подлинный» боярский список 1637/1638 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. V. М., 2019. С. 87; «Подлинный» боярский список 1638/1639 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. VI. М., 2019. С. 209.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 35. Л. 123 об.

⁹⁸ Там же. Л. 285 об.

⁹⁹ Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. М., 2004. С. 31—33.

¹⁰⁰ Боярская книга 1639 г. С. 208.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 38. Л. 40.

¹⁰² Рыльский запечатал в Печатном приказе отказную грамоту на Алатырь 14 апреля, а Голеницкий в Коломну — 22 апреля (РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 38. 113 об., 130—130 об.).

«на колко ты, государь, укажешь» бил челом Фёдор Ястремский¹⁰³, из чего можно предположить, что Рьльский оказался в России не только с матерью, но и с сестрой.

Весной 1644/45 г. воевода Г. Водорацкий писал из Темникова о приходе в уезд 3 000 «крымских нагайских людей», прорыве ими засек с целью воевать Темниковский и Кадомский уезды. По его отписке, полученной в Москве 19 мая 1645 г., Казанский дворец нарядил Христофора Рьльского воеводой «по вестям» с темниковскими мурзами и татарами «для обереганья» тех двух уездов с базой в Керенском остроге: «а стояти, ему, Христофору, с государевыми ратными людьми в Керенском остроге»¹⁰⁴. По сведениям региональных историков, принятых на веру И.А. Воротниковой и В.М. Неделиным, в 1645 г. Керенский острог разорили ногайские татары¹⁰⁵, хотя, Новосельский и Загоровский обошли вниманием начальный период истории Керенского острога (первое упоминание — 1639 г.)¹⁰⁶.

В 1646 г. полковник Рьльский сформировал и повёл рейтарский полк в поход на Ливны против «крымских и нагайских людей». Полк усилили четырьмя драгунскими ротами и полковой артиллерией, изготовленной по собственному проекту Рьльского — «арганки и пушечки». 1 мая 1646 г. полковник Рьльский получил в Казённом приказе ткани «в драгунские роты на 4 знамени»¹⁰⁷. Вскоре после того полковник бил челом о даче ему в полк для Ливенской службы с боярином кн. Н.И. Одоевским полковой артиллерии — «арганок и пушечек»: «велено мне делать органки и пушечки на образец для скорого походу против крымских и нагайских людей; и как я те арганки и пушечки зделал и привес к тебе к Москве с собою вместе с твоей государевой службы ис Керенска острошку, и... те арганки и пушечки взяты к боярину Борису Ивановичю Морозову в Стрелецкой приказ... вели мне те арганки и пушечки ис Стрелецково приказу выдать на твою службу и отпу-

¹⁰³ Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича (1645 г.) // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. IV. М., 2018. С. 81.

¹⁰⁴ АМГ. Т. 2. № 238. С. 148.

¹⁰⁵ Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М., 2016. С. 428.

¹⁰⁶ Новосельский, А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 332—357; Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 85—114.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 301. Л. 190—191 об.

стить со мною... на Ливны»¹⁰⁸. По записи на челобитье, 8 мая просимые органы и пушечки указали ему выдать¹⁰⁹.

Одновременно поминаются сданные по возвращении в Москву из похода Рыльским в Оружейный приказ шпаги: 12 апреля 1647 г. Оружейный приказ выдал в московский стрелецкий приказ Авраама Никитича Лопухина под роспись пятисотного дьячка 11 шпаг «новых в ножнах с поясы». Помета на обороте уточняла: «даны шпаги, что прииманы Рыльского полку»¹¹⁰.

В июле 1632 г. Рыльский бил челом в Поместном приказе и получил указную грамоту об отделе ему выморочного поместья нижегородского иноземца Дениса Фанемина (Фан-Немена), скрыв, что у покойного осталась вдова с двумя дочерьми. Поместье в 93 чети «в поле, а в дву потому ж» ему отписали в его оклад в 550 чети к нижегородскому и курмышскому поместьям в 308 чети. Однако вдова Анна Фанемина обжаловала этот отдел, получив 10 сентября в Поместном приказе грамоту об отделе ей с дочерьми Анюткой и Катеринкой прожиточного поместья в 70 чети, после чего Рыльскому отделили только 23 чети¹¹¹. Как дворовладелец в конце 1640-х гг. он безуспешно судился со стольником Иваном Васильевым сыном Олферьевым за вотчину в Перемышльском стане Московского уезда¹¹². Его алатырские владения к 1686 г. оказались в вотчинах Троицкого Макарьева Желтоводского унженского монастыря¹¹³.

В 1648 г. Рыльский сформировал рейтарский полк для ногайского похода¹¹⁴, а по возвращении в следующем 1649 г. — драгунский полк (частично из рейтар своего полка), которым командовал в 1650 г. «во ржевской посылке», когда его направили против восставших Новгорода и Пскова. К 1649/50 г. Христофор Фёдоров сын Рыльский значится служилым иноземцем по московскому списку¹¹⁵.

¹⁰⁸ *Арсеньев Ю.В.* К истории Оружейного приказа в XVII веке. II. Оружейничество боярина Григория Гавриловича Пушкина (1647—1655). Материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории. Вып. XVI. СПб., 1904. С. 146.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 3590. Л. 10—10 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹¹ Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства). Сборник документов. Н. Новгород, 2009. С. 107—109.

¹¹² Послушную грамоту Олферьеву на его старинную вотчину запечатали 14 декабря 1649 г.: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 52. Л. 179 об. (любезно указано Д.В. Лисейцевым).

¹¹³ Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А—И. М., 2016. С. 25—26, 28—29.

¹¹⁴ *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков... С. 98.

¹¹⁵ *Белюсов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник: в 2-х тт. Т. 2. Казань, 2009. С. 343.

Осенью 1649 г. в ротмистры полка Рыльского произвели служилого иноземца Степана Пушинского «у нововерстаных иноземцов, которые были в драгунском строе в Христофорове полку Рыльского ротмистра ж на Мартиново место Вольского». В июле 1650 г. выяснилось, что рота Пушинского не имеет знамени, потому что прежний ротмистр «приехав з государевы службы, знамя отдал в Оружейную палату с ружьем». По памяти от 25 июля в Оружейном приказе дьяк приказал дать знамя «ис тех знамен, что взяты в ружейном анбаре Иноземского приказу, которые знамяна были в иноземских ротах, как иноземцы были на государеве службе в Белгороде». 3 августа 1650 г. Разряд направил память в Оружейный приказ: «прислать в Розряд шестьсот мушкетов драгунских, а из Розряду по государеву указу те мушкеты велено дать новоприборным драгуном, которым быть во ржевской посылке с Христофором Рыльским». По этой памяти 5 августа Оружейный приказ выдал в полк Рыльского «ружья нового дела 545, да с стволы и замки немецкие 55 пищалей», по расписке взятые из приказа двумя партиями — в 400 и 200 мушкетов. При получении в Оружейном приказе 12-ти протазанов сержантом 1-й роты полка Рыльского Фёдором Назаровым по памяти от 8 августа прямо указывалось: «велено те протазаны дать для псковские посылки Христофору Рыльскому». По памяти из Разряда, датированной 9 августа, сержант его же полка Воин Лыганский забрал из Оружейного приказа 300 лядунок («ладунек») новоприборным драгунам Рыльского «для псковские посылки»¹¹⁶.

К 1651/52 г. Христофора Рыльского пожаловали в дворяне московские¹¹⁷. В 1652—1653 гг. по указу царя Алексея Михайловича полковник Рыльский, используя опыт первого в России гусарского (гусарско-рейтарско-драгунского) скwadрона, а также навыки формирования и командования рейтарским и драгунским полками, создал первый в России гусарский полк, усиленный рейтарскими и драгунскими ротами¹¹⁸, принявший участие в государевом смоленском походе 1654 г.¹¹⁹ (включая парадную церемонию выступления в поход из Москвы)¹²⁰ и в церемонии капитуляции перед царём

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 3991. Л. 67, 68—70 об. (Опубл.: *Арсеньев Ю.В.* К истории Оружейного приказа... С. 161, 164, 169).

¹¹⁷ *Белоусов М.Р.* Боярские списки... Т. 2. С. 343.

¹¹⁸ *Курбатов О.А.* Очерк истории конных полков... С. 103, 109—110, 113—114.

¹¹⁹ *Бабулин И.Б.* Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. М., 2008. С. 26, 42—43, 213.

¹²⁰ Чему была посвящена изготовленная по указу царя и не дошедшая до нас «лицевая» книга; упоминания о ней удалось найти в документах несколько лет назад.

польско-литовского гарнизона Смоленска. Во время похода полковник, не сдержав буйного нрава, поссорился с одним из первых бояр — воеводой Большого полка кн. Я.К. Черкасским, жаловавшимся, что на его замечание полковник отвечал «невежливо, и говорил мне с болшим шумом и невежеством, и тем меня, холопа твоего, обесчестил». Вероятно, конфликт стал причиной, по которой в следующем государеве рижском походе Рьльский участвовал уже в чине обозного головы, а в боевых действиях 1654 г. гусарский полк не задействовали¹²¹. В наличном, подлинном и половинном боярских списках 1652/53 г. Рьльский написан по списку московских дворян с пометами: «в Ыноземском полковник», «в Ыноземском приказе в полковникех». Но уже в боярском списке 1653/54—1654/55 гг. написанная на полях помета «полковник» вымарана, что может указывать на расформирование гусарского полка не позже августа 1655 г. В боярских списках с 1656/57 по 1660/61 гг. у московского дворянина Христофора Рьльского полковничий чин уже не упоминается¹²². В боярской книге 1657/58 г.¹²³ Рьльский написан по списку московских дворян после князя Ивана Волконского и перед князем Иваном Кейкуватовым¹²⁴. В 1661 г. в связи с приездом имперских послов во главе с бароном Августином Мейербергом 14 мая Рьльский как голова 1-й московской конной сотни получил в Разрядном приказе знамя «саженое» на древке по наряду против польской встречи грузинского царя Теймураза Давидовича: «тафтяное розных цветов, тафты рудо-желтая и зеленая и сахарный цвет, на нем крыж тафты таусинной»¹²⁵.

Умер Христофор Фёдорович Рьльский в 1661/62 г.¹²⁶, находясь уже в преклонном возрасте — не моложе 70 лет. Естественно, что командир, начавший свою командирскую карьеру с роты служилых иноземцев, а на её пике командовавший рейтарским, драгунским и гусарским полками, за свою долгую и бурную жизнь не мог не скопить небольшого личного арсенала. После смерти бездетных или конфискации имущества опальных их личные арсеналы отписывались на государя и разбирались и оценивались служащими Оружейной палаты. За первую половину — середину столетия наиболее известен богатый арсенал дяди Михаила Фёдоровича — боярина

¹²¹ *Бабулин И. Б.* Смоленский поход... С. 53—54.

¹²² *Белоусов М.Р.* Боярские списки... Т. 2. С. 343.

¹²³ *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века. С. 35—37.

¹²⁴ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 151.

¹²⁵ АМГ. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660—1664. СПб., 1901. С. 359—360.

¹²⁶ *Белоусов М.Р.* Боярские списки... Т. 2. С. 343.

И.Н. Романова¹²⁷. Арсенал служилого иноземца не мог равняться с боярским, но всё же «ружейная казна» Рьльского представляет собой единственный личный арсенал полковника XVII в., роспись которого на сегодня известна, хотя и не введена в научный оборот. 18 июня 1662 г. арсенал Рьльского расписали в Оружейной палате в 17 позиций, и по приказу окольничего и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово от 19 июня разобрали и оценили. Вся оружейная казна Рьльского оценена в 105 руб. 26 алт. 4 ден. и разделена на две неравные части: большая часть (12 позиций) взята в Оружейную палату, а меньшая (7 позиций) возвращена, вероятно, вдове. Ещё до оценки три позиции первоначального списка отбраковали: «буздуган железной, оправлен серебром», «меч простой в ножнах» и карабин с шотландским замком в оценочный список не попали. Вместо них принесли ещё четыре позиции, в первоначальном списке отсутствовавшие, три из них приняли в Оружейную палату: «винтовка», по оценке в 6 руб.; «пищаль винтовальная, голыденка», по оценке в 2 руб.; пара пистолей с литовскими замками, оцененные в 4 руб.; и, наконец, четыре лядушки «лютцких», оценённые в 10 алт. и пропавшие с момента оценки в Оружейной палате из арсенала Рьльского. 4 июля 1662 г. Б.М. Хитрово, заслушав доклад по итогам разбора и оценки «ружья» Рьльского, указал «того ружья отдать назад, которое в государеву казну взять не пригодилось»: «саадак пистолной, замки потайные, на нем 4 лва г(оловы) по м(естам) золочены», по оценке в 30 руб.; «пара пистолей, оправлены серебром 6 м(ест)... один станок преломлен, замки шкоцкие, золочены, и стволики», по оценке в 15 руб.; пищаль «енчарка», по оценке в 2 руб.; 7 мушкетов, по оценке в 4 руб.; 3 «стволины» мушкетных, по оценке в рубль. В Оружейную палату из первоначального списка арсенала Рьльского взяли «карабин, оправлен серебром в 5 м(естех), ствольина золочена, замок литовской», по оценке в 12 руб.; два карабина с колесными литовскими замками, по оценке в 4 руб.; две пары пистолей «росхожих» с колесными литовскими замками, по оценке в 4 руб.; три карабина с колесными литовскими замками по оценке в 23 алт. 2 ден. карабин; три пищали «гладких бараберских», по оценке в 5 руб.; семь карабинов колесных, по оценке в 7 руб.; две пары пистолей «маленьких», по оценке в 3 руб.; пистоль «медная», по оценке в 1,5 руб.; два карабина русских, по оценке в 20 алт. ка-

¹²⁷ Барсов Е.В. Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души. 1655 г. // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 3. С. 1—128.

рабин¹²⁸. Под саадаком пистольным, в списке возвращаемых вещей названном просто саадаком, я склонен видеть поясную португею с парой пистолетов, хотя нельзя исключить и того, что писец назвал так полный комплект седельных пистолетов в ольстрах. Примечательно, что в казну взяли поточное массовое оружие, в то время как индивидуальное, вроде меча, и даже статусное (буздыган), видимо, не заинтересовало оценщиков Оружейной палаты, скорее всего, в силу «простоты» исполнения. Подробный анализ арсенала Христофора Рыльского не является задачей настоящей работы, однако стоит отметить, что ни один из упомянутых предметов не имеет прямого и однозначного отношения к гусарской «службе», хотя буздыган вполне мог служить статусным оружием полковника Рыльского (а возможно и ротмистра), что вполне вписывается в традиции польско-литовской гусарии. В мече же можно усмотреть аналог использовавшихся гусарами кончаров и палашей в седельных ножнах (возможно, он и представлял собой палаш).

Впервые применённый в скwadроне Х. Рыльского опыт сочетания в одном подразделении конных копейщиков — гусар, огнестрельной кавалерии — рейтар и ездящей пехоты — драгун, судя по всему, оказался столь удачным и эффективным, что реплицировался в российской коннице нового строя до конца столетия¹²⁹. И если наличие драгунских рот в рейтарском полку было классической европейской практикой, то сочетание с ними конных копейщиков оказалось успешным экспериментом. А наиболее вероятным претендентом на авторское свидетельство на это талантливое изобретение рубежа 1633—1634 гг. является ротмистр Христофор Рыльский.

Библиография

- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. СПб., 1894. 773 с.; Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660—1664. СПб., 1901. 674 с.
- Арсеньев, Ю.В.* К истории Оружейного приказа в XVII веке. II. Оружейничество боярина Григория Гавриловича Пушкина (1647—1655). Материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории, издаваемый Петроградским археологическим институтом. Вып. XVI. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 131—198.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 8051. Л. 1—3.

¹²⁹ См., например, о действиях гусарско-копейно-рейтарской конницы в 1-м Чигиринском походе 1677 г.: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах // Гордон Патрик. Дневник 1677—1678. М., 2005. С. 185—204.

- Арсеньев, Ю.В.* Оружейный приказ при царе Михаиле Фёдоровиче. Материал, извлечённый из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории, из-даваемый Петроградским археологическим институтом. Вып. XV. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. С. 335—360.
- Бабулин, И.Б.* Полки нового строя в Смоленской войне 1632—1634 // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 22 (10/2005). С. 12—26.
- Бабулин, И.Б.* Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года. М.: Фонд «Русские Витязи», 2008. (Ратное дело). 228 с., илл.
- Барсов, Е.В.* Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души. 1655 г. // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 3. С. 1—128.
- Барсуков, А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. М.: Старая Басманная, 2010 (репринт: СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1902). IX + 611 с.
- Белоусов, М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник: в 2-х тт. Т. 1. Казань: Казанский государственный университет, 2008. 316 с.; Т. 2. Казань: Казанский государственный университет, 2009. 464 с.
- Богоявленский, С.К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков / Отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; сост., авт. вступит. ст., коммент., подгот. А.В. Топычканов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
- Бохан, Ю.М.* Вайскова справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. 449 с., ил.
- Бохан, Ю.М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Мінск: Экаперспектыва, 2002. 336 с.
- Боярская книга 1639 г. / Подг. к публ. — В.А. Кадик, М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин; отв. ред. В.И. Буганов, предисл. Н.М. Рогожин, вст. ст. М.П. Лукичев. М.: ИРИ РАН, 1999. 266 с.
- Боярская книга 1658 г. / Подг. к публ. — В.А. Кадик; отв. ред. Н.М. Рогожин, вст. ст. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М.: ИРИ РАН, 2004. 336 с.
- Вайнштейн, О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. Л.: Госполитиздат, 1947. 216 с.
- Васильев, А.* Польско-литовская гусария XVII века // Цейхгауз. Военно-исторический журнал. 1998. № 7. С. 2—6.
- Веселовский, С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
- Волков, В.А.* Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, 2004. 576 с.
- Воротникова, И.А., Неделин, В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М.: Индрик, 2016. 556 с., илл.
- Горбатов, Е.Н.* Гусары и рейтары в жилецком списке 1635/36 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21—22 ноября 2019 г. М.: МГУ, 2019. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 163. Серия II. Исторические исследования: 102) С. 605—609.
- Государев двор в первой половине XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 308—372.
- Государственность России: словарь-справочник / Всерос. науч.-исслед. ин-т документовед. и архив. дела. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саньи России: конец XV в. — февраль 1917 г.: в 2 т. Ч. 1: А—Л. М.: Наука, 2005. Гусары. 1; Драгуны; Ефрейтор. 2; Капитан. 2; Капитан-поручик. 1 [*Малов А.В.*]. С. 266—268, 306—310, 324—325, 420—422, 430—431; Майор. 1 [*Карнеев И.В.*]. С. 13—14; Подполковник [*Карнеев И.В.*]. С. 157; Ч. 2: М—Я. М., 2005. Начальные люди; Полковой писарь 1; Поручик. 1; Прапорщик 1; Приказные люди меньше-

- го чина 1; Рейтары; Ротмистр. 2, 3; Солдаты; Урядники. 1, 2; Урядничьего чина люди [Малов А.В.]. С. 78—79, 173—175, 191—192, 216—217, 245—246, 286—289, 292—295, 330—333, 422—425.
- Демидова, Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700). Биографический справочник / Отв. сост. Г.А. Иванова. М.: Наука, 2011. 720 с.
- Загоровский, В.П.* Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969, 292 с.
- Квитковский, Ю.В.* Великолепные латники. Ч. 1 // Армия и битвы. 2002. № 1. С. 34—38.
- Курбатов О.А.* Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М.: Квадрига, 2017. 304 с.
- Курбатов, О.А.* Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х — начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: Константа, 2016. С. 25—36.
- Курбатов, О.А.* Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.): Сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 231—249.
- Курбатов, О.А.* Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х—1660-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 21 с.
- Курбатов, О.А.* Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 3. М.: Фонд «Русские Витязи», 2014. С. 90—101.
- Курбатов, О.А.* Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 316—335.
- Курбатов, О.А.* Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 18—34.
- Лантеева, Т.А.* «Что в государстве делаетца дурно». Государево дело стряпчего И.А. Бутурлина. 1634 г. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 178—186.
- Лантеева, Т.А.* Документы Иноземцы приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. Вып. 5. М.: Древлехранилище, 1994. С. 109—127.
- Лисейцев, Д.В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI — начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV—XVII веках: Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С. 59—69.
- Лисейцев, Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Москва; Тула: Гриф и К°, 2009. 792 с.
- Лисейцев, Д.В., Рогожин, Н.М., Эскин, Ю.М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 302 с.
- Лукичев, М.П.* Боярские книги XVII века. М.: Древлехранилище, 2004. XIV+538 с.
- Малов, А.В.* Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Фёдоровича на завершающем этапе Смуты. 1613—1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24—26 октября 2012 г. / Отв. ред. А.В. Юрасов, ред. А.В. Малов, пер. с пол. яз. А.Б. Плотников. М.: Древлехранилище, 2016. С. 213—247.
- Малов, А.В.* Знамя войск нового строя // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 15. 2001. № 3. С. 6—10.
- Малов, А.В.* Знамя войск нового строя: Символика креста // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 16. 2001. № 4. С. 2—7.

- Малов, А.В.* Командиры частей нового строя в 1628—1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после её окончания) // Археологический ежегодник за 2009—2010 гг. М., 2013. С. 126—143.
- Малов, А.В.* Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628—1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598—1618—1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / Отв. ред. *В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров*. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 221—238.
- Малов, А. В.* Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118—131.
- Малов, А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах // Гордон Патрик. Дневник 1677—1678. М.: Наука, 2005. Приложения. С. 185—204.
- Малов, А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
- Малов, А.В.* Начало выборных полков — предшественников петровской гвардии // «За веру и верность». 300 лет Российской императорской гвардии. Тезисы научной конференции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2000. С. 56—59.
- Малов, А.В.* Русско-шведская война 1656—1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15—17 мая 2001 г. М.: ГИМ, 2002. С. 126—149.
- Малов, А.В.* Социальный состав московских выборных полков и вопрос о природе войска нового строя (на примере московского полка Аггея Шепелева). // Политические институты и социальные страты России (XVI—XVIII вв.). Тезисы Международной конференции 2—3 октября 1998 г. М.: РГГУ, 1998. С. 82—85.
- Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства). Сборник документов / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2009. 288 с.
- Новосельский, А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
- Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А—И / Подг. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2016. 1192 с.
- Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича (1645 г.) / Опул. Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. IV. М.: Старая Басманная, 2018. С. 19—98.
- Павлов, А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 280 с.
- Павлов, А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. (Stodiorum slavicozum orbis; вып. 15). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 784 с.; Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 624 с.
- Пенской, В.В.* С. От лука к мушкету: вооружённые силы Российского государства во 2-й половине XV — XVII вв.: проблемы развития. Белгород: Политерра, 2008. 256 с.
- Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому райтарсково строю полковник Исак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подбает ведать. И против тех воспросов — ответ. / подг к публ., ком., статья А.В. Малова // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XIX вв. Т. VI. М.: Студия ТРИТЭ; Российский архив, 1995. С. 7—9.
- «Подлинный» боярский список 1637/1638 года / Опул. Е.Н. Горбатов // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. V. М.: Старая Басманная, 2019. С. 41—113.

- «Подлинный» боярский список 1638/1639 года / Оpubл. Е.Н. Горбатов // Рос-
сийская генеалогия: научный альманах. Вып. VI. М.: Старая Басманная, 2019.
С. 163—238.
- Рыбалко, Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время. М.: Квадри-
га, 2011. 656 с.
- Солдатенко, А.* Польская гусария 1500—1776 гг. // Военно-исторический журнал
«Орёл». № 3. 1993. С. 17—24.
- Сташевский, Е.Д.* Смоленская война 1632—34. Организация и состояние москов-
ской армии. Киев: Унив. тип. Акц. о-ва печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицко-
го, 1919. 328 с.
- Цейркун, В.И.* Гусары в русском войске XVII века // Военно-исторический журнал.
1993. № 6. С. 69—71.
- Чернов, А.В.* Вооружённые силы Русского государства в XV—XVII вв. (С образова-
ния централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий
очерк. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
- Чернов, А.В.* Строительство вооружённых сил Русского государства в XVII веке
(до Петра I): дис. ... док. ист. наук. М., 1949. 1603 л.
- Эскин, Ю.М.* Печати членов Боярской Думы в 1633 году: К истории русской
«предгеральдики» // *Russia mediaevalis*. Т. X, 1. München, 2003. P. 205—223.
- Яковлев, Л.* Русские старинные знамёна. Ч. III. Подробная опись русских стар-
нинных знамён. Приложения. М.: Тип. Александра Семена, 1865. (Древности
Российского государства. Дополнение к III отделению). 3-я пагинация. № 15.
С. 1—123.
- Bocheński, Z.* Ze studiów nad polską zbroją husarską // *Rozprawy i sprawozdania Mu-
zeum Narodowego w Krakowie*. Т. VI. 1960. S. 12—50.
- Boldyrew, A.* Produkcja i koszty uzbrojenia w Polsce XVI wieku. Warszawa: Neriton, 2005.
- Brzezinski, R.* Polish Winged Hussar 1576—1775. Oxford: Ospray military, 2006 [Warrior.
94]. 64 p.
- Cefalli, S.* Relacja o stanie politycznym i wojskowym Polski przez Sebastiana Cefali se-
kretarza Jerzego Lubomirskiego // *Relacje nuncjuszow apostołskich i innych osób o
Polsce*. Berlin; Poznan: Wydanie Biblioteki Polskiej w Paryżu. 1864. Т. II. S. 328—334.
- Cichowski, J., Szulczyński, A.* Husaria. Warszawa: Bellona, 1981. 244 s.
- Głębowski, W.* Skrzydła husarskie — prawda i legenda // *Wojny północne w XVI—XVIII wie-
ku w czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem*. Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu,
2007. S. 281—288.
- Górski, K.* Historia jazdy polskiej. Kraków: Nakładem księgarni spółki wydawniczej pol-
skiej, 1894. 368 s.
- Jeske, M.* Jeszcze o husarii... (na marginesie książki Anny Wasiłkowskiej „Husaria”) //
Studia do dziejów dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Cz. XII. Kraków: Mu-
zeum Narodowe w Krakowie, Stowarzyszenie Miłośników Dawnej Broni i Barwy,
2005. S. 18—19.
- Plewczyński, M.* Skład chorągwi jazdy koronnej w latach 1501—1572 // *Studia i Mate-
riały do Historii Wojskowości*. Т. XXXV. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo
Polskiej Akademii Nauk, 1994. S. 33—56.
- Plewczyński, M.* Wkład Serbów w rozwój staropolskiej wojskowości (1450—1570) // *Stu-
dia i Materiały do Historii Wojskowości*. Т. XXXVI. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wy-
dawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1994. S. 3—22.
- Poe, Marshall T.* The Russian elite in the seventeenth century. Т. 1. Helsinki: Finn. acad.
of science a. letters, 2004. 469 c.; Т. 2. Helsinki: Finn. acad. of science a. letters, 2004.
283 c.
- Sikora, R.* Z dziejów husarii. Warszawa: Instytut Wydawniczy Erica, 2010. 95 s.
- Szymczak, J.* Pojedyunki i harce, turnieje i gonitwy. Wałki o życie, cześć, sławę i pieniądze
w Polsce Piastów i Jagellonów. Warszawa: DiG, 2008. 288 s.

О.В. Скобелкин

Учёт артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г.¹

От второй половины XVII — начала XVIII в. до нас дошёл очень информативный вид источников по истории южнорусских уездов — годовые сметные книги городов Белгородского полка. Хотя этот источник известен со времён публикации соответствующих томов «Описания документов и бумаг МАМЮ», до самого последнего времени исследователи почти не обращались к нему².

Каждая из книг представляет собой переписанные с некоторыми добавлениями и комментариями и переплетённые под одной обложкой отчёты (они называются то годовыми сметными книгами, то годовыми сметами) воевод и приказных людей городов Белгородского полка, присланные первоначально в Белгород — административный центр полка. Судя по всему, эти отчёты составлялись и отправлялись в Белгород к началу каждого нового календарного года, т.е. к 1 сентября. Таким образом, они содержат данные на весну-лето.

Годовая смета каждого города, в свою очередь, состоит из двух частей — подробного описания и кратких количественных итогов. Формуляр этих смет достаточно устойчив в пределах одной книги (а формуляры большинства книг схожи). Судя по всему, годовые сметы представляют собой ответы на некий «вопросник», содержащийся, по-видимому, в исходном документе — грамоте Разряда, предписывавшей составление ежегодных воеводских отчётов. Впрочем, этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Данные об артиллерии обычно располагаются после сведений о хлебных запасах и соли и перед описанием пригородных укреплений, укреплений Белгородской черты на территории соответствующего уезда, мест расположения и состава сторож в уезде и караулов в городе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-09-00313 А.

² Краткую характеристику источника см.: *Скобелкин О.В.* Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: Материалы Тринадцатой региональной научной конференции. Воронеж, 2019. С. 30—32.

Годовая сметная книга 185-го (1676/77) года является одной из наиболее полных среди сохранившихся и содержит годовые сметы 55-ти городов. Из них 22 города были крепостями Белгородской черты. Это (с запада на восток): Вольный, Хотмышск, Карпов, Болховой, Белгород, Нежегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколодск, Сокольск, Добрый³. Артиллерия и боеприпасы присутствовали в 21-м городе; в Белоколодске не было ни того, ни другого.

В сметной книге учтены следующие четыре типа артиллерийских систем: пищали (включая пищали вестовые⁴), тюфяки (вариант названия — «пищали тюфяки дробовые»⁵), пищали огнестрельные⁶ и, наконец, пищали затинные. Кроме того, встречаются несколько вариантов крайне немногочисленных небольших мелкокалиберных пищалей — «две пищалки железных, мерою по семи вершков, весу в них по тринаццати гривенок», «две пищали железные шмоговницы... в четверть гривенки ядро» и одна «пищаль волконейка... по полугривенки ядро»⁷. Самым распространенным и наиболее подробно описанным видом артиллерийских орудий, находившихся в крепостях Белгородской черты, были «пищали», т.е. пушки в современном понимании. Именно на их примере будет рассмотрен порядок учёта артиллерии.

³ Разряд обычно относил к городам «по черте» ещё Боровлю, Олешню и Ахтырский, однако В.П. Загоровский убедительно показал, что все они находились вблизи Белгородской черты, а не на ней, и что это вполне осознавалось современниками. (Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 164—169).

⁴ Каких-либо отличий немногочисленных пищалей вестовых от просто пищалей по данному источнику найти не удалось. По мнению О.А. Курбатова, вестовыми назначались пищали «калибром в 6 или 8 фунтов — такие параметры позволяли сделать достаточно громкий выстрел» (Курбатов О.А. Пушкарский наряд в городах Белгородской черты // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 106). Однако в 185 г. учтены вестовые пищали калибром и в 4, и в 5, и даже в 2 гривенки. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 806, 886, 892 об., 1172 об.).

⁵ Об этих, относительно короткоствольных, орудиях для стрельбы «дробом» см.: Лобин А.Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Ч. 1. Статьи. С. 111, 116, 121. <http://www.milhist.info/2012/12/29/15/lobin_1> (25.09.2019)

⁶ Так в источнике названы системы, которые позже будут именоваться мортирами. (См.: Лобин А.Н., Сапелин Р.А. Новые данные об орудиях XV—XVI вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. X. С. 287. <http://www.milhist.info/2018/11/29/lobin_sapelin> (25.09.2019)). Четыре такие пищали хранились только в Белгороде, и все они были «от стрельбы попорчены, впредь стрелять из них не мочно» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 70).

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 74 об., 887, 1116 об.

Всего сметная книга зафиксировала 293 пищали (83 бронзовых и 210 чугунных) и 21 калибр. Наиболее распространёнными были калибры в 4 гривенки (66 стволов), в 3 и в 2 гривенки (по 57 стволов). Больше всего пищалей (20 и более) размещалось в пяти городах: в Белгороде — 38, Яблонове — 30, Новом Осколе — 26, Воронеже — 22 и в Усмани — 20. На другом полюсе (менее 10 орудий) находилось девять городов: Вольный и Сокольск — по 9, Ольшанск — 8, Верхососенск и Костенск — по 7, Нежегольск и Орлов — по 6, Усерд — 5 и, наконец, Урыв — 3⁸.

Описание артиллерии каждого города чаще всего разбивалось на две рубрики — «наряд медной» (с него всегда начиналось описание) и «наряд железной». Этими терминами назывались, соответственно, бронзовые и чугунные орудия. «Медный наряд», в отличие от «железного», имелся не во всех крепостях. Если бронзовых орудий не было, это либо указывалось специально («наряду медного нет»⁹), либо описание начиналось сразу с чугунных орудий¹⁰. Таким образом, первое, что учитывалось при описании пищалей — это материал, из которого изготовлен тот или иной ствол.

Внутри этих двух рубрик располагалось описание каждой пищали. Они следовали, как правило, в порядке убывания длины и массы стволов (при одинаковой массе первой описывалась более длинная пищаль). Помимо материала, для каждого ствола учитывались ещё семь признаков: 1) когда и каким образом орудие появилось в городе; 2) какого «литья» — то есть, условно говоря, место производства; 3) декор, надписи, клейма и т.п., включая «прозвание» пищали; 4) длина; 5) масса; 6) калибр; 7) повреждения.

Сведения о том, когда и каким образом пищаль появилась в крепости, приводятся в книге либо для каждого ствола, либо для группы. Первый вариант записи, достаточно редкий, выглядит так: «прислана в Белгород ис Царева Борисова во 121-м году»; «прислана в Белгород с Москвы во 149-м году»; «Покинул ея в Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона»; «прислана она с Москвы в прошлом во 178-м году»; «прислана с Воронежа в 155-м году»¹¹. Чаще данные приводились сразу о группе стволов (после описания каждого из них): «Поставил тот вышеписанной норяд в Бол-

⁸ Подробнее см.: Скобелкин О.В. Пищали в городах Белгородской истории черты в 185 году // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 138—143.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1115 об., 1436 об., 1488, 1593.

¹⁰ Там же. Л. 690 об., 977, 1116, 1427 об.

¹¹ Там же. Л. 68 об., 69, 806 об., 1082 об., 1132 об.

ховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарищи, как строил город Болховой во 154-м году»; «присланы из Белогорода по рассмотренью боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи во 169-м году»; «Присланы те пищали во 172-м году из Карпова по указу великого государя и по отписке боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи»; «Те вышеписанные десять пищалей присланы с Москвы во 149-м году»; «Присланы те все пищали и к ним ядра с Москвы да с Тулы в прошлых во 153-м и во 154-м, и во 160-м, и во 165-м годах»¹².

Однако нередко составители годового отчета не располагали данными об обстоятельствах появления в городе всех или какой-то части орудий. В этом случае делались записи следующего типа: «А откуда та пищаль в Болховой прислана и в котором году... того в Болховом неведома»; «и откуда и в котором году в Хатмышской присланы, того в книгах Федора Ренова не написано»; «А в котором году и откуда котоя пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано»; «А вышеписанные пищали в котором году и откудова котоя пищаль присланы, того на Воронежи ведать не по чему»¹³.

Следующая учётная характеристика ствола — место производства. Вариантов было три: «московского литья», «немецкого литья» и «литовского литья». Правда, в описании одной из пищалей Хотмышка содержится намёк на ещё один вариант «литья», хотя напрямую о нём ничего не сказано: «подпись на ней польского письма»¹⁴. Здесь можно предполагать «польское литье». Однако остаётся совершенно неясным, как по подписи латиницей составители хотмышского отчёта определили, что это именно польский язык. Почти во всех других подобных случаях указывалось, что надпись вылита «по-немецки».

Есть основания предполагать, что для артиллерии Белгородской черты был ещё один вариант отечественного «литья». В нескольких городах часть «наряда» или весь «наряд» значится как присланный с Тулы. При этом в соответствующих годовых сметах речь о «литье» не идёт вообще. В тоже время в трёх городах вне черты — Ахтырском, Мурафе и Красном Куте — числятся пищали «тульского литья»¹⁵. Вполне возможно, что какие-то пищали, присланные с Тулы, были «тульского литья».

¹² Там же. Л. 499, 561, 559, 1174.

¹³ Там же. Л. 499 об., 559 об., 723, 1082 об.

¹⁴ Там же. Л. 559 об.

¹⁵ Там же. Л. 674 об., 1515, 1540 об.

Вместе с тем достаточно часто сведений о «литье» в распоряжении городских и уездных администраторов либо не было, либо по каким-то причинам они отсутствовали в отчёте («московского ль или немецкого и литовского литья, и признак вылитых никаких нет»; «какого литья, того в Болховом неведома»; «а какого ане литья... того в книгах Федора Ренова имянно не написано»; «И те пищали московского ль или немецкого, или литовского литья... на них не подписано»¹⁶).

Часть стволов имела специально отлитые (в отдельных случаях — выбитые) индивидуальные признаки — декор, различные изображения и надписи. Первые два элемента в сметах 185-го года назывались «признака». Самая распространённая «признака» — «пояса»: «признака на ней — вылит около той пушки кругом пояса», «признаки на них — вылиты окола по три пояса», «признаки на ней вылиты девять поясов»¹⁷. Имелись и другие «признаки»: «признака на ней — вылит орел», «признаки на ней вылитые — подле дула три лица человеческие да ящерица»; «признака на ней — вылитая змия»¹⁸. Растительный орнамент тоже, судя по всему, считался «признакой» («середь ея до дула вылиты травы») ¹⁹. Правда, составители короченской сметы к «признакам» отнесли и «подпись»: «на ней признаки вылитые — подпись вдоль по пищали: Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича все Руси лета 7138-го лил мастер Григорей Наумов». Описывая другие короченские пищали, они вообще обошлись без слов «признака» или «подпись»: «на ней вылита у запалу в кругу «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси лета 7131-го году лил мастер Кондратей Михайлов»; «на ней вылит орел двояглавой»²⁰.

«Подписью» назывался текст с информацией об отливке ствола; в очень редких случаях, когда орудие имело имя собственное — «прозвание» — оно входило в состав «подписи» («На ней подпись: пищаль Сабака в лета 7083-го делал Андрей Чехов») ²¹. Типичные подписи: «Божиею милостию повелением великого государя царя

¹⁶ Там же. Л. 258, 499 об., 559—559 об., 789.

¹⁷ Там же. Л. 497 об. — 498,

¹⁸ Там же. Л. 559, 559 об., 1116 об.

¹⁹ Там же. Л. 721.

²⁰ Там же. Л. 721—722.

²¹ Там же. Л. 68 об. Эту белгородскую пищаль (кажется, единственную с «прозванием» среди пушек Белгородской черты) упоминает А.Н. Лобин. (*Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019. С. 273.*)

и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михайлов»; «На ней у заправка подпись: Государь царь и великий князь Михайло Федорович [в оригинале ошибочно «Федович»] всеа Росии»; «У заправка вылита подпись: Мастер Алексей Акимов»; «Подпись на ней: Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии лета 7131-го мастер Алексей Якимов»²².

Описание каждого ствола обязательно включало в себя три количественных показателя: длину, массу и калибр. Длина выражалась в аршинах и его долях и вершках («мерюю по аршину без трех вершков», «мерюю длины трех аршин с четвертью», «мерюю пол-третья аршина с вершком»)²³. Масса ствола выражалась в пудах и его долях и гривенках («весу в ней тритцать пуд», «в другой дватцать восемь пуд без четверти», «в одной тритцать пуд с четвертью», «весу в ней осмнатцать пуд з двумя гривенки»)²⁴.

Особняком стоит учёт калибра. Калибр определяли не по диаметру канала ствола, как в наши дни, а по массе («весу») ядра. (Именно поэтому определить калибр тюфяков, в отличие от пищалей, по описаниям годовых смет невозможно: они стреляли не ядрами, а «дробом»). Масса ядра у обычных пищалей измерялась в гривенках и её долях («по три гривенки ядро», «по три гривенки без чети ядро», «по три четверти гривенки ядро», «по пол-третьи гривенки ядро»)²⁵. Эта информация располагалась в конце описания каждого орудия или после описаний нескольких орудий одного калибра («К тем трем пищалем четыреста одно ядро по пол-третьи гривенки ядро»)²⁶.

Орудия, имевшие повреждения и потому непригодные к использованию, также обязательно учитывались. В зависимости от масштабов повреждений, использовали два вида учёта: разорванные и целые, но повреждённые, стволы. В первом случае фиксировалось только наличие разорванного орудия, а его описания не делалось. В 185-м году в крепостях Белгородской черты таких пищалей описано две — в Белгороде («Пищаль железная разорванная;

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 559 об., 750 об., 751, 1081 об. «Подписи» и «признаки» к немногочисленным орудиям XV—XVI вв., находившимся в городах Белгородского полка (в том числе и крепостях Белгородской черты), опубликованы: *Лобин А.Н., Сапелин Р.А.* Указ соч. С. 283—294.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 70, 73 об.

²⁴ Там же. Л. 1133, 71, 560 об., 1133 об.

²⁵ Там же. Л. 722, 807, 1082, 536.

²⁶ Там же. Л. 585.

от той пищали десять отрывков, весом в отрывках сорок два пуда»²⁷ и в Верхососенске. Правда, степень «разорванности» последней пищали была, по-видимому, значительно меньше белгородской, поскольку её описание всё же приводится: «Пищаль, мерою в длину 3 аршин, весу в ней двенадцать пуд, к ней ядер нет; покинул её в Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона»²⁸.

Пищали с частичными повреждениями ствола описывались полностью, как и исправные орудия. Такие пищали стояли в двух городах — Хотмышке и Воронеже; по две в каждой из крепостей. Хотмышские пищали описаны следующим образом: «Пищаль, четырех аршин с вершком, весу в ней сорок пуд; подпись на ней вылита: Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михайлов; к ней ядер нет, по кружалу ядра надобны в четыре гривенки; на ней раз блиска дула, к стрельбе не годитца. Пищаль, трех аршин без вершка, весу в ней дватцать пять пуд дватцать гривенок; признаки на ней вылитые — подле дула три лица человеческие да ящерица, подпись на ней полского письма; запал розгорел; к ней ядер нет, а по кружалу надобны в две гривенки ядро; к стрельбе не годитца»²⁹. Также подробно описаны и воронежские пищали: «Пищаль медная, порченая, мерою в длину дву аршин без четверти; весу в ней восм пуд шесть гривенок; на ней вылит орел двоеглавой, меж глав крест; подпись на ней: Лета 7141-го государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии; на ней против вертлюга сквозина; стрелять из ней не мочно. Пищаль порченая ж, медная, скорострельная, мерою в длину аршина полу-четверта вершка; весу в ней с припоянным железам и с вертлюгом три пуда шесть гривенок; стрелять из ней немочно ж»³⁰.

Однако и в хотмышской, и в воронежской сметах есть пояснения. Хотмышск: «Те... пищали во 172-м году по приказу боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи оставлены в Хотмышском ис полку, а вместо тех пищалей взяты в полк ис Хотмышка четыре ж пищали медные»³¹. Воронеж: «Причеты те две порченые пищали у думного дворянина и воивод Ива-

²⁷ Там же. Л. 74.

²⁸ Там же. Л. 806 об.

²⁹ Там же. Л. 559—559 об.

³⁰ Там же. Л. 1082 об. — 1083.

³¹ Там же. Л. 560.

на Большого Савостьяновича Хитрово с товарищи в прошлом во 181-м году»³². Если сопоставить эти пояснения с данными о верховосенской пищали, становится ясно, что пять из шести испорченных пищалей городов Белгородской черты были не крепостными орудиями, а полковыми пушками. Свои повреждения они получили, скорее всего, в результате интенсивного использования во время боевых действий. Став негодными, они оказались на хранении в крепостях. Что же касается полностью разорванной белгородской пищали, то что-либо сказать о её прежней судьбе ничего нельзя из-за скудости информации. Ясно одно: она, как и другие испорченные орудия, хранилась в городе.

Помимо всех перечисленных обязательных для учёта параметров, в тех редких случаях, когда ствол имел какие-либо дополнительные приспособления (например, вертлюги), они также включались в описание орудия.

Орудийные лафеты («станки») учитывались двумя способами. В первом случае наличие «станка» указывалось при описании орудия после данных о стволе. («Пищаль полковая, мерою трех аршин, весу в ней двенадцать пуд тритцать шесть гривенок; в станке на вертлюге; к ней сорок четыре ядра весом по три четверти гривенки ядро»³³.) Такого типа описания встречаются редко. В большинстве же случаев в годовых сметах содержатся описания второго типа, когда наличие «станков» указывается сразу для группы орудий или же для всех пищалей данной крепости («Те две пищали в станках на колесах, станки не окованы; к ним шездесят восемь ядер весом в пол-четверты гривенки ядро»; «По городу наряду меднаго и железнаго 16 пищалей, в станках и на колесах»)³⁴.

Составители некоторых смет посчитали нужным детализировать информацию о «станках». В отдельных случаях они указывали на оковку «станка» и колес железом, в одном случае — отсутствие такой оковки («Те две пищали в станках на колесах, станки не окованы»)³⁵. Порой описывался тип «станка»: осадный, волоковый, походный (в одном случае походными названы пищали, размещавшиеся, по-видимому, на «станках» этого типа — «три — походные, шесть — на осадных станках»³⁶). Как правило, все лафеты были

³² Там же. Л. 1083.

³³ Там же. Л. 1082.

³⁴ Там же. Л. 690 об., 497.

³⁵ Там же. Л. 690 об.

³⁶ Там же. Л. 584.

на колесах. Отсутствие «станков» (и редко — колес) также фиксировалось.

Из боеприпасов для пищалей учитывались ядра и порох («зелье пушечное»); последний — для всех типов артиллерийских систем. Как видно из приведённых выше примеров, информация о ядрах обычно располагалась либо в конце описания каждого орудия, либо после описаний нескольких орудий одного калибра. Приводились данные о количестве ядер и об их массе («к ней сто ядер весом по две гривенки ядро», «к ней девяноста девять ядер весом по шти гривенок ядро», «К тем вышеписаным девяти пищалем тысяча триста тридцать пять ядер весом по пол-четверты гривенки ядро»). Отсутствие ядер к какой-либо пищали также обязательно фиксировалось.

«Зелье» для артиллерии чаще всего учитывалось отдельно от пороха для ручного огнестрельного оружия. В ряде случаев приводились данные об обоих видах пороха («Зелья в козенном погребе ручного — тридцать пуд, пушечного — пятьдесят восьм пуд»; «Зелья ручного и пушечного девяноста пуд»; «Зелья ручного и пушечного 14 пуд 20 гривенок»)³⁷. Отсутствие артиллерийского пороха, разумеется, тоже фиксировалось. Его не было только в одном городе — Новом Осколе: «В казенном погребе зелья ручного — сто сорок три пуда осмнатцать гривенок; пушечного зелья нет»³⁸. Запасы фитиля учитывались всегда без какого-либо разделения и измерялись в пудах.

Составители годовых смет городов Белгородской черты (как, впрочем, и других городов Белгородского полка) для описания артиллерии располагали тремя источниками информации — данные на стволе, данные в документах и, при отсутствии первых двух источников, данные измерений.

«Подпись» на стволе позволяла установить «литье». Естественно, что «подпись» кириллицей, как правило, означала «московское литье», а латиницей — «немецкое». Любопытно описание одного из орудий «немецкого литья» в белгородской смете: «Пищаль, прислана в Белгород с Москвы во 149-м году, немецкого литья. Подпись на ней — немецкие слова; а по скаске немцов на той пищали подпись: «Слита тысеца шестьсот тридцать шестаго, лил мастер Карнилус Оверрочий в Голанской земле в городе Ротродаме». Признака на ней — вылит сверх запалу святыи великий мученик

³⁷ Там же. Л. 499 об., 723, 807.

³⁸ Там же. Л. 789.

Христов Георгий»³⁹. Возможно, для установления «литья» какую-то роль играли и «признаки» на стволе.

Помимо (и гораздо чаще) «подписей» и «признаков» на стволах находился текст с основными характеристиками орудия — длина, масса и калибр. Этот текст назывался «подпиской». В описаниях пушек Белгородской черты текст «подписок» ни разу не приводится⁴⁰, но зато составители годовых смет постоянно ссылаются на них («весу в ней по подписке сорок семь пуд пять гривенок»; «Две пищали мерою по полутретья аршина с вершком, весу в них по подписке: в одной — тритцать пуд с четвертью, в другой — дватцать девять пуд с четвертью ж»; «Пищаль, мерою в длину трех аршин; по подписке весу в ней сорок девять пуд две чети») ⁴¹. Правда, терминологическая чёткость составителями отчётов выдерживалась не всегда. Так, в смете Болхового «подписки» названы «подписями»: «в них по весу по подписям по тритцати пуд, мерою в длину по три аршина пищаль»⁴².

Специальный документ с описанием характеристик орудия назывался «запиской». По-видимому, он составлялся в момент появления пищали в крепости и хранился в приказной избе. Некоторое представление о «записках» даёт описание двух орудий в Болховом. Эти пищали учтены как «литовского литья», причём на обеих никаких «признак» не было. Оба орудия находились в крепости со времени её возведения («Поставил тот вышеписанной норяд в Болховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарищи, как строил город Болховой во 154-м году») ⁴³. На первый взгляд непонятно, каким образом составители болховской годовой сметы или их предшественники, составлявшие отчёты в предшествующие годы, определили «литье» как «литовское». Однако, приводя сведения о длине, массе и калибре стволов, составители сослались на некую «записку» («Пищаль литовского литья, в ней по записки весу девять пуд, мерою длины дву аршин двенатцети вершков»; «Пищаль скорострельная литовского литья, в ней по записке весу четыре пуда, мерою длины два аршина двенатцеть

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Примеры таких «подписок», а также «подписей» см: *Лобин А.Н.* Артиллерия московских стрелецких полков в 1670—1680-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 22. <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin/> (01.11.2019).

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 72, 560 об., 722.

⁴² Там же. Л. 499 об.

⁴³ Там же. Л. 499.

вершков») ⁴⁴. Первоначальное предположение, что «записка» — это искажённая некомпетентным болховским подьячим «подписка», не подтвердилось. Годовая смета Нежегольска называет и то, и другое: «и сколько в которой по подписке и по записке пудов» ⁴⁵, а отчёт из Корочи указывает, где подобные «записки» следовало хранить: «А в котором году и откуда которая пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано» ⁴⁶. Понятно, что «записка» становилась источником информации для составителей годовых смет в тех случаях, когда на стволе отсутствовали его характеристики, т.е. не было «подписки».

Ещё одним, но гипотетическим, способом получения информации было переписывание предшествующих годовых смет или каких-либо документов с аналогичными сведениями (например, расписных списков воевод). Предполагать такой метод составления отчётов позволяет тот факт, что в ряде случаев стволы не имеют никаких «подписей» и «подписок», ссылки на «записку» в смете нет, об измерениях не говорится, но данные о стволах приводятся. Правда, иногда, не располагая нужными данными, составители отчётов честно в этом признавались: «Весу в тех пищалех по смете будет по пятидесят пуд, а весить их на Короче нечим — конторы токова нет»; «а сколько в ней пудов, того неведамо: в Верхососенском весить не на что — терезей нет»; «Семь пищалей, что в них весу по подписке и признак на них нет, весить не на что — конторы и терезей нет» ⁴⁷.

Упоминания о невозможности взвешивания стволов наводит на мысль, что в каких-то случаях такое взвешивание проводилось. Однако в 185-м году только в Белгороде зафиксировано наличие двух типов весов — «контарь з гирею, в подъеме 20 пуд; безмен, в подъеме пуд» ⁴⁸. Любопытно, что несмотря на это, белгородцы (возможно, пользуясь своим особым положением — отчёт составлялся в разрядной избе Белгородского полка) отделались отпиской: «А в которых годех и откуда те вышеписанные пищали в Белгород присланы, то писано в сметных книгах 184-го году, а по нынешнему наличному осмотру и по весу те пищали весом и мерою не сходятца, а которые пищали весом и мерою не сходятца, и то написано будет подлинно в счотном и в росписном списке дьяка Ми-

⁴⁴ Там же. Л. 498—498 об.

⁴⁵ Там же. Л. 691.

⁴⁶ Там же. Л. 723.

⁴⁷ Там же. Л. 721, 806, 1173 об.

⁴⁸ Там же. Л. 100 об.

киты Юдина»⁴⁹. В других городах приспособлений для взвешивания, по-видимому, не было.

Путём измерений, включая взвешивание, получали, по-видимому, все данные о боеприпасах (если только эта информация не извлекалась из отчётов предыдущих лет). Это в полной мере относится к пороху («зелью») и фитилю, учитываемому по массе в пудах и гривенках. Иначе обстояло дело с ядрами. Количество их следовало подсчитывать, причём по отдельности для каждого орудия. Правда, и здесь белгородцы нарушили порядок учёта, сославшись на занятость: «к 38-ми пищалем 7 831 ядро розных статей — по 10 и по 8, и по 6, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2 гривенки ядро. А сколько х которой пищали порознь ядер, и розбирать было те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать за скорым отпуском сметных книг некали [так в источнике — *О.С.*]»⁵⁰.

В приведённой цитате примечательно слово «кружало». Оно регулярно всплывает во всех описаниях пищалей для указания на калибр, если отсутствуют данные «подписок» и «записок», а самих ядер нет: «К ним, ко всем четырем пищалем, ядер нет, а по кружалу надобны к ним по четыре гривенки ядро»; «Ядер к ней нет, а по кружалу надобны в полгривенки ядро»⁵¹. Подобные записи встречаются во многих городских сметах. Слово «кружало» имело несколько значений. Если исходить из формулировки белгородской сметы («розбирать... те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать»), кружало было инструментом для измерения диаметра ядра; с его помощью ядра группировались именно по этому показателю, а уж затем взвешивались, и для каждой группы определялась масса ядра и, следовательно, калибр. Есть мнение, что кружало представляло собой инструмент, вкладывавшийся в ствол и позволявший сразу же пересчитать диаметр канала ствола (без его измерения) в массу ядра, определив, тем самым, калибр⁵². Однако среди артиллерийского оборудования, хранившегося как в Белгороде (в большом количестве), так и в некоторых других городах, «кружала» не зафиксированы.

В той же белгородской смете при описании стволов встречается ещё одно значение слова «кружало»: «признаки на ней вылитые:

⁴⁹ Там же. Л. 74 об.

⁵⁰ Там же. Л. 96 об.

⁵¹ Там же. Л. 499 об.

⁵² Выражаю искреннюю благодарность А.Н. Лобину за консультацию по данному вопросу.

по конец кружала с правые стороны — сабака» и «признаки на них: по конец кружал — кресты в клеймах»⁵³. Здесь речь идёт явно о какой-то части ствола; скорее всего, ближайшей к утолщению вокруг дульного среза. Если это предположение верно, то определение калибра «по кружалу» должно было включать в себя измерение диаметра дульного среза (или канала ствола), последующий пересчёт этой величины в массу ядра и, соответственно, калибр.

Несмотря на то, что полностью реконструировать все этапы и процедуры учёта артиллерии и боеприпасов пока не удаётся, завершить эту статью, наверное, можно той бодрой фразой, которой составители смет подводили итог описанию артиллерии своего города: «Наряд медной и железной в станках и на колесах, к стрельбе наготове».

Библиография

- Загоровский, В.П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
- Курбатов, О.А.* Пушкарский наряд в городах Белгородской черты // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 98—109.
- Лобин, А.Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М.: ЭКСМО, 2019. 318 с.
- Лобин, А.Н.* Артиллерия московских стрелецких полков в 1670—1680-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1—41. <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin/> (01.11.2019)
- Лобин, А.Н.* Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Ч. 1. Статьи. С. 104—158. <http://www.milhist.info/2012/12/29/15/lobin_1 (25.09.2019)
- Лобин, А.Н., Сапелин, Р.А.* Новые данные об орудиях XV—XVI вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. X. С. 283—294. <http://www.milhist.info/2018/11/29/lobin_sapelin> (25.09.2019)
- Скобелкин, О.В.* Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: Материалы Тринадцатой региональной научной конференции Воронеж, 2019. С. 30—32.
- Скобелкин, О.В.* Пищали в городах Белгородской черты в 185 году // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 138—143.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 68 об., 70.

В.М. Брезгунова

Служебные функции черкас Воронежского края во второй половине XVII века¹

XVII столетие стало временем активного заселения и освоения территории Воронежского края. Участниками этого широкомасштабного процесса стали, в числе прочих, черкасы, с конца 1630-х гг. большими и малыми группами приходившие в разные населённые пункты края с украинских земель Речи Посполитой². Они становились частью служилого населения Юга России — принимали присягу, поступали на государственную службу, и большинство черкас Воронежского края оказались в составе Острогожского черкасского казачьего полка. Служебные обязанности полковых черкас становились объектом пристального изучения историков. Этот вопрос подробно рассматривали П.А. Головинский, И.И. Срезневский и Д.И. Багалея³, а также современные исследователи А.М. Аббасов и А.А. Гоголева⁴. Отличительной чертой почти всех работ является стремление отразить основные черты полковой службы без конкретизирования и детального рассмотрения обычных, повседневных служебных действий казаков. Единственным исключением является работа А.А. Гоголевой. Источников, освещающих этот аспект, много: это и служебная переписка острогожских полковников с Разрядным приказом и воеводами Белгород-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00313 А.

² *Брезгунова В.М.* Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630—1680-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 201.

³ *Головинский П.А.* Слободские казацки полки. СПб., 1864; *Срезневский И.И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Харьков, 1883; *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

⁴ *Аббасов А.М.* Острогожский казачий полк // Русская провинция. Вып. второй. Воронеж, 1995. С. 186—201; *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII—начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.

ского полка, и многочисленные челобитные, отражающие те или иные события и особенности полковой службы.

Условно все служебные обязанности черкас Острогожского полка по охране государственных границ можно разделить на три категории:

- 1) участие в военных походах, организуемых Российским государством;
- 2) отражение нападений и сообщение центральным властям о передвижениях крымских татар и ногайцев;
- 3) участие в строительстве городов и крепостей на южной границе.

Все эти обязанности переплетались, но я всё же попытаюсь их разграничить для более детального рассмотрения.

Во главе Острогожского полка стоял полковник и полковая старшина. Власть полковника была практически неограниченной — он ведал устройством полка, руководил всеми военными и гражданскими делами, утверждал судебные решения, раздавал свободные земельные угодья. Полковник был выборным должностным лицом, и казачьи полки непосредственно подчинялись воеводе Белгородского полка (с 1658 г. территория современного Черноземья входила как составная часть в область «городов Белгородского полка»)⁵. Белгородским полком в свою очередь руководил Разрядный приказ.

Первостепенной задачей черкас Острогожского полка было участие в боевых походах, организуемых русским правительством. В 1652 г. черкасы разместились в Острогожске⁶, и уже летом 1654 г. начались их военные походы, когда полковые казаки оказались на службе в Белгороде и Путивле с боярином Шереметевым⁷. Зимой 1655 г. казаки трое суток сражались с поляками и татарами на Дрожиполе (Дрижиполе). Многие острогожские черкасы в этом бою были ранены или взяты в плен. Затем они участвовали во взятии Гусятина, Каменца-Подольского, Черткова, Игольни, в осаде Львова, три дня отбивались от татар под Зборовом, под Белой Церковью возили на своих лошадях свинец и порох. В 1655 г. острогожские

⁵ Глазьев В.Н. Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 169.

⁶ Брезгунова В.М. Переселение украинцев в Острогожск в 1652 г. // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции. Воронеж, 2016. С. 29.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 481. Л. 53.

черкасы были в войске Бутурлина, из похода возвращались в Острогожск пешком. 200 рядовых, есаулы, знаменщики, сотники А. Григорьев и Ф. Дубовик вернулись в Острогожск 30 января 1656 г.⁸

В январе 1655 г. воеводе Денису Дорофеевичу Остафьеву из Москвы пришло распоряжение выбрать из острогожских черкас тех, кому по царскому указу «быти на нынешней службе на Волуйке для посольские розмену»⁹. В 1658 г., летом, 500 острогожских черкас были на службе в Белгороде, столько же казаков остались на охране Острогожска, и подошедшие к городу татары столкнулись с сопротивлением и не смогли перейти через перелазы и речные броды. В 1659 г. в Новом Осколе в «посольском размене» участвовал 321 человек, а в украинских городах несли службу ещё 180 черкас¹⁰.

Острогожский полк во главе со своим полковником Иваном Дзиньковским 1 марта 1669 г. пришёл в Белгород, откуда вместе с князем Ромодановским они отправились в Ахтырское, а потом в Чернигов. Всего в походе участвовало 1476 черкас, в том числе 10 сотников, 11 есаулов, 12 знаменщиков, обозный, полковой писарь и три музыканта. В плену оказались 38 человек, 13 было убито, а 12 пропали без вести¹¹. Обстановка на границе была очень напряжённой, поэтому полк постоянно был в состоянии боевой готовности.

Острогожский полк в 1678—1680 гг. отправлялся в Белгород для участия в походах с думным дворянином И.П. Лихоревым, стольниками Я.С. Борятинским и С.Ф. Толочановым. Казаки многократно совершали марши «на неприятельских воинских людей» татар и калмыков и принимали участие в строительстве и защите Изюмской черты¹². Непосредственно в Новом Осколе с князем Борятинским всего находилось 3 146 человек, которые должны были в случае вражеского нападения оборонять укрепленную линию. Основную часть новооскольской группы составлял Острогожский черкасский полк — 1524 человека¹³.

В конце января 1680 г. весь Острогожский полк по царскому указу отправился в Белгород «для промыслу над воинскими людьми татары», они разместились в степи и ждали неприятеля. 6 февраля они просили разрешения о роспуске всего полка домой, по-

⁸ Там же. Д. 406. Л. 34—35.

⁹ Там же. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 5. Л. 1—2.

¹⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 481. Л. 52, 509.

¹¹ Там же. Оп. 13. Д. 854. Л. 144—147, 155—176.

¹² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып.14. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1889. № 672, 673. С. 1517—1518.

¹³ *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 102—103.

сколькx неприятель так и не подошел к Белгороду, а Острогoжск, где были их жены и дети, остался без защиты. Также в своей челобитной черкасы Острогoжского полка упоминают о том, что в августе 1678 г., когда весь полк отсутствовал, под Острогoжск пришли татары и увели 1700 человек родственников черкас в плен, забрали лошадей и скот¹⁴. Осенью 1680 г. черкасы Острогoжского полка направлялись на Волуйку в подчинение воеводы Дмитриева, охранявшего черту от Царёва-Борисова до Тихой Сосны. Полк должен был выступать сразу же после сбора¹⁵.

Полковник Иван Сасов в январе 1682 г. со своими казаками был в Батурине, и далее им предписывалось ехать к Киеву¹⁶. А в сентябре того же года Сасов получил распоряжение о том, что урядников и казаков Острогoжского полка «со всею службою и с полными запасы и с полковым нарядом» князь Хованский ожидал в Курске к 21 октября¹⁷. Полк пришёл в Курский уезд к реке Рате 17 октября, 25 октября — в Курск, обратно они были отпущены 5 ноября, а в Острогoжск вернулись 28 ноября 1682 г.¹⁸ Уже 9 ноября Иван Сасов отправил память разным чинам Острогoжского полка о допросе казаков, не явившихся на государеву службу в Курск. Основная причина, упоминаемая казаками в сказках — это отсутствие денежных средств для сбора на службу¹⁹.

В 1684/85 г. на Острогoжский полк возлагалась ответственная задача спуститься вниз по реке Донцу до донского городка Сухарева и устья реки Айдар осмотреть и описать местность. По грамоте от 14 августа 1685 г. черкасы Острогoжского полка были направлены к воеводе Леонтьеву в Царёв-Борисов, но так как воевода Леонтьев был вызван в Москву, все собранные в Царёве-Борисове ратные люди, а в их числе и Острогoжский полк, были распущены по домам²⁰. В 1687 г. пятьсот казаков Острогoжского полка должны были поступить в распоряжение генерала и воеводы Григория Ивановича Косагова, им было велено «быть на службе великих государей в Запорожи»²¹.

¹⁴ Материалы по истории... Вып. 14. № 681. С. 1529.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 171. Л. 1—4.

¹⁶ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 2. Д. 48. Л. 1 об.

¹⁷ Материалы по истории... Вып. 13. Акты XVII и XVIII столетий. Воронеж, 1888. № 551. С. 1287.

¹⁸ Там же. № 554—556. С. 1289—1291.

¹⁹ Там же. № 557. С. 1293—1297.

²⁰ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—23.

²¹ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

А.А. Гоголева отмечает, что в 1689 г. Острогожский полк непосредственно не участвовал во втором Крымском походе, так как был оставлен для охраны Изюмской черты²². В этом же году острогожские полковые казаки более девяти месяцев жили «по сто человек без перемен» в Новобогородицкой крепости (Самаре). До декабря 1690 г. 100 острогожских казаков служили в Маяцком, 300 человек — в Соленом (Торе)²³, а в апреле 1691 г. 1500 «самых добрых, конных и ружейных» черкас Острогожского полка отправлялись в Самару, чтобы охранять её от вражеских нападений²⁴.

В 1692 г. воевода Белгородского полка неоднократно сообщал острогожскому полковнику Сасову о подготовке войск крымского хана к походу на русские приграничные города. 9 июня ратные люди Белгородского полка выступили к Коломаку для охраны черты и населенных пунктов, чтобы противостоять хану, который должен был вскоре подойти к русским землям «со всеми своими поганскими силами». Полковнику Сасову было приказано с половиной Острогожского полка к ним присоединиться, «одноконечно итить, тотчас, безо всякого мотчания, не мешкая нигде ни малого времени»²⁵.

Таким образом, Острогожский полк с июня 1692 г. был в постоянной боевой готовности. В начале октября Шереметеву из разных источников стало известно, что «неприятельские воинские люди татарове всеконечно имеют свое босурманское намерение в большом собрании и с вором изменником Петрушкою» прийти «под украинные великороссийские и малороссийские города». Об этом сразу же было сообщено Сасову, чтобы он был как можно более мнителен и осторожен и продолжал «проведывать всякими обычай неоплошно» о возможных передвижениях вражеских сил²⁶.

Летом 1695 г. Острогожский полк участвовал в походах на турецкие города, в этот период полком уже официально руководил Пётр Алексеевич Буларт. Полк начинал движение в степи, и поэтому получал целый список предписаний: выезжать за кормом лошадям, водой и дровами только вооружёнными группами; стеречь лошадей; вести себя в степи как можно тише²⁷. 16 июля 1695 г. полковник Буларт получил приказ изготовить силами своего полка туры для взятия крепости и на каждого человека иметь по мешку

²² Гоголева А.А. Указ. соч. С. 118.

²³ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 2. Д. 70. Л. 1—12.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 8, 10.

²⁵ Материалы по истории... Вып. 13. № 563. С. 1323.

²⁶ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 2. Д. 88. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 97. Л. 15.

для насыпки земли. 31 июля в Казикермен была отправлена часть казаков Острогожского полка для того, чтобы взять с согласия гетмана Мазепы две медные пищали с ядрами, зельем и свинцом и доставить их к боярину Шереметеву²⁸. В данном случае острогожские полковые казаки помогали в организации артиллерийских атак на крепость.

Острогожский полк был весьма активно задействован во время подготовки второго Азовского похода Петра I в 1696 г., они участвовали в строительстве лодок и стругов, а также обеспечении продовольствием²⁹. В феврале 1696 г. Острогожский полк практически всем составом был отправлен в Ахтырку к армии Шереметева, и во время осады Азова черкасские полки под командованием гетмана Мазепы находились при Коломаке, защищая русские границы от нападения татар. А в городах Острогожского полка оставались только старики и женщины с детьми³⁰. В конце апреля 1697 г. полковник Буларт получил царское распоряжение быть под Азовом в Большом полку воеводы Шеина со всей старшиной, казаками, с пушками и припасами³¹.

Таким образом, факты отражают участие острогожских казаков в военных походах в составе Белгородского полка, в защите окраинных российских городов от внешних врагов, демонстрируют обширность географических мест, где в то беспокойное время требовалось присутствие полковых черкас³². При этом участие в боевых действиях против польско-литовского, турецкого войска, многочисленные походы Острогожского полка на татар и калмык приводили к истощению запасов продовольствия и падежу лошадей. Были ситуации, когда зимой казаки оставались в степи без дров и помирали «голодную и студеную смертью»³³.

Черкасы Острогожского полка весьма активно задействовались российским правительством для сооружения оборонительных укреплений и выполнения разнообразных хозяйственных задач. В 1669 г. полковник Дзиньковский из-за усиления татарских набегов был занят на строительстве и укреплении города³⁴. Через два года, в феврале 1671 г., по царскому указу полковник Карабут с

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 10—13.

²⁹ Головинский П.А. Указ. соч. С. 127.

³⁰ Там же. С. 129.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1558. Л. 248—254.

³² Гоголева А.А. Указ. соч. С. 122.

³³ Материалы по истории... Вып. 14. № 672. С. 1517.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 854. Л. 151—153.

полковыми казаками построили город Полатов у реки Сенной на татарской Кальмиусской сакме, эта крепость и вал должны были обеспечить защиту расположенных севернее Яблонова, Корочи, Верхососенска и Нового Оскола³⁵. Летом 1680 г. черкасы Острогжского полка участвовали под руководством Опухтина в сооружении укрепленной линии: 1370 человек насыпали на полянах у реки Оскол земляные валы общей протяженностью в 280 сажений (0,6 км)³⁶. Кроме строительства, черкасы Острогжского полка выполняли и другие задачи, так, в октябре 1682 г. 60 полковых казаков были «взяты с Ливен в подводах и в провожатых» для сопровождения в Ефремов князя Хованского³⁷.

В 1683/84 г. черкасы Острогжского полка возводили земляные и деревянные крепости на Усманском валу, участвовали в ремонте земляного вала и башен по Полатовской черте³⁸. В 1684/85 г. полковник Сасов получил приказ отправиться на Битюг выбрать подходящее место и разработать план города³⁹. В сентябре 1685 г. острогжские казаки были направлены на крымскую сторону за реку Донец для «валового дела», талецким казакам поручалось изготовить струги, корочанские черкасы Острогжского полка в марте 1688 г. были в Кодаке для городской «поделки»⁴⁰. По распоряжению из Москвы в апреле 1689 г. ендовищенские черкасы были назначены в гребцы и кормщики на лодки, отправлявшиеся из Воронежа донским казакам для морской поездки под крымские города⁴¹. В это же время усердские полковые казаки должны были доставить в Острогжск брёвна для государственных погребов и амбаров, но по причине отсутствия лошадей они не смогли привезти стройматериалы и вместо этого собрали деньги⁴².

Во время второго похода русских войск под Азов в 1696 г. 155 родственникам острогжских казаков, не участвовавшим в походе полка, было поручено идти с подводами в Воронеж, 306 человек сопровождали в Москву, Курск и Севск турок и татар, взятых в плен ещё во время первого похода⁴³. В апреле 1696 г. полковник Бу-

³⁵ Там же. Оп. 12. Д. 1337. Л. 84.

³⁶ Загоровский В. П. Указ. соч. С. 142.

³⁷ Материалы по истории... Вып. 13. № 557. С. 1296.

³⁸ РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 223. Л. 4—53.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 23.

⁴⁰ Гоголева А. А. Указ. соч. С. 124.

⁴¹ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 2. Д. 70. Л. 13—20.

⁴² Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 2.

⁴³ Головинский П. А. Указ. соч. С. 129.

ларт получил приказ Шеина подготовить корм для полковых лошадей, для этого с казаков было собрано 30 четвертей овса и 200 «кит» сена, также они делали лодки для военных нужд. В начале 1698 г. Острогожский полк должен был доставить на своих подводах из Острогожска в Азов железные пруты, листы и мельницы, прибывшие из Москвы⁴⁴.

Хлебные и денежные сборы, натуральные повинности, выполнения которых требовало государство, в добавление к непосредственной пограничной, сторожевой службе были тяжелым бременем для полковых казаков⁴⁵, также существовали специальные взимания, находившиеся под контролем полковника. Острогожский полк практически постоянно был задействован в защите российских рубежей и выполнении различных поставленных перед ним организационных, строительных, хозяйственных и других задач.

Библиография

- Аббасов, А.М.* Острогожский казачий полк // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1995. С. 186—201.
- Багалей, Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, Унив. тип., 1887. 614 с.
- Брезгунова, В.М.* Динамика изменения численности черкас в Воронежском крае в 1630—1680-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 201—208.
- Брезгунова, В.М.* Переселение украинцев в Острогожск в 1652 г. // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции. Воронеж: Истоки, 2016. С. 29—32.
- Глазьев, В.Н.* Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 169—177.
- Гоголева, А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII — начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Воронеж: Истоки, 2008. 207 с.
- Головинский, П.А.* Слободские казачьи полки. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Комп., 1864. 254 с.
- Загоровский, В.П.* Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 237 с.
- Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып.13. Акты XVII и XVIII столетий / Собр. и изд. чл.-секр. Воронеж. губ. статистич. ком. Л.Б. Вейнбергом. Воронеж: Типолитограф. губернского правления, 1888; Вып.14. Акты XVII и XVIII столетий / Собр. и изд. чл.-секр. Воронеж. губ. статистич. ком. Л.Б. Вейнбергом. Воронеж: Типолитограф. губернского правления, 1889.
- Срезневский, И.И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Харьков: тип. Окр. штаба, 1883. 24 с.

⁴⁴ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 1. Д. 57. Л. 1—2.

⁴⁵ Гоголева А.А. Указ. соч. С. 127.

И.Н. Юркин

«Лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях...»: тульские засеки как малоизученная локация рудокопного промысла XVII – XVIII веков

Изготовление железа — одно из древнейших ремёсел сельского населения тульского края. Хотя наиболее ранние документальные упоминания о нём относятся лишь ко второй половине XVI в., из археологических данных следует, что делать железо в окрестностях Тулы стали гораздо раньше. Руду, которую перерабатывали металлурги, добывали горняки. Документальных подтверждений того, что деятельность местных рудокопов была столь же древней, как и металлургов, у нас нет. Но при таком изобилии и лёгкой доступности железной руды, как в Тульском и прилегающих уездах, доставка её под Тулу издалека маловероятна.

Значительную часть территории Тульского края занимает Тульский железорудный район с характерными для него выходами на поверхность железных руд (преимущественно бурого железняка — горной породы на основе оксида трёхвалентного железа с разным количеством кристаллизованной воды $\text{Fe}_2\text{O}_3 \cdot n\text{H}_2\text{O}$). Главное его (района) рудное поле — это большой подземный рудный резервуар, основная часть которого расположена в границах близкой к треугольнику фигуры с вершинами в Туле, Богородицке и станции Сумароково на железной дороге¹, связывающей Тулу с Орлом (Илл. 1). Выделяют пять подрайонов главного рудного поля: Призаводский, Киреево-Дедиловский, Щекинский, Плавский и Богородицкий. На некоторых участках рудные залежи пересекают границы главного поля. Так, хотя северо-восточная его граница проходит вблизи реки Шиворонь, выходы руд на востоке проявляются вплоть до Дона, а на западе уходят за линию железной дороги. Рудное поле не сплошное. Образующие его железняки имеют линзовидную или гнездовидную форму залегания. Контуров линз

¹ В 23 км от Щекина и 14 от Плавска. Менее, чем в километре от станции находится село с характерным названием Ровки.

неправильные, состав руды в линзе неоднороден, морфологические характеристики неустойчивы. Толщина линз небольшая: в 1930-х гг., когда эти руды активно разрабатывались, считалось, что для промышленной добычи подходят линзы, в которых слой руды первого сорта достигает 0,75 м². Глубина залегания руд различна. Местами они выходят на поверхность, а на берегах реки Олень (близ Дедилова) рудокопы забирались на глубину более 20 м³.

Добывали руду местные крестьяне⁴ — для них это был постоянный промысел («руды на рвах... копали многожды и, копав, отпускали в продажу»)⁵. Переработкой занимались как сельские (преимущественно), так и городские металлурги. Железо получали посредством одностадийного восстановительного процесса в сыродутных, они же ручные, горнах, именовавшихся также домницами или домнями (не путать с домнами). С 1630-х гг. ещё одним потребителем руды стали вододействующие мануфактуры, на которых использовалась иная технология её переработки. Именно на них действовали домны — большие металлургические печи, выплавлявшие чугун.

Присутствующие в литературе сведения об использовании тульской руды в период Позднего Средневековья и Раннего Нового времени касаются в основном её переработки. О добыче одним из первых писал Н.Ф. Андреев, затронувший тему в связи с публикацией документа времени царя Фёдора Алексеевича⁶. К сожалению, археографический уровень этой публикации, как и качество интерпретации автором содержания документа оставляют желать лучшего. Кое-какие данные для XVII и XVIII вв. появлялись позднее во многих релевантных по месту и периоду исследованиях, посвящённых ремеслу и мелкому товарному производству России, в том

² Каплунов Р.П., Васильев С.П. Месторождения бурых железняков Центральной части СССР и их разработка. М.; Л., 1935. С. 17, 22, 30, 50.

³ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. С. 29.

⁴ Особый случай составляет контингент ровщиков, добывавших на р. Олень руду для выполнявших многочисленные казённые заказы заводов Марселеса и Акемы. В грамоте из приказа Большой казны от 14 февраля 1656 г. читаем: «истари де в Дедиловском уезде железную руду копали Дедилова города изо всяких чинов людей из полковых, и и[з] сторожевых казаков, и и[з] стрельцов, и из пушкарей, и из затинщиков». Им же этим указом велено «нашу службу служить, и во рвах ходить, и железную руду к нашему железному делу копать» (Крепостная мануфактура... С. 197).

⁵ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2099. Л. 6.

⁶ Андреев Н.Ф. Известие о челобитной стольника Афанасия Ивановича Чебышева и о указе царя Фёдора III Алексеевича // Тульские губернские ведомости. 1855. Отд. 2. Ч. неофиц. № 24, 25. 11, 18 июня. С. 132—134, 138, 139.

числе в капитальных работах С.Г. Струмилина, Е.И. Заозерской, Н.И. Павленко. Большой вклад в разработку темы внесла монография К.Н. Сербиной о крестьянской железоделательной промышленности Центральной России XVI — первой половины XIX вв. Территория, в ней рассмотренная, охватывает три смежных уезда — Алексинский, Деделовский и Тульский, а также расположенный севернее Серпуховской. Основное внимание в работе уделено металлургии, однако в ней затронуты и вопросы, связанные с обеспечением производства рудой, в связи с чем упоминается о местах её добычи⁷. И всё же тема остаётся изученной недостаточно. Ряд полезных источников не привлек внимания исследователей. К.Н. Сербина на материал отбирала лишь по крестьянской промышленности; при этом вопросы, ею затронутые, касались исключительно экономической истории. Неравномерно была изучена ею и территория: один уезд (Крапивенский) из рассмотрения практически выпал.

Основное место в данной статье займут вопросы, связанные с позднесредневековыми рудниками в окрестностях Тулы. Особое внимание будет уделено территориям засек и землям, с ними соприкасающимся. Этот выбор обусловлен:

- относительно меньшей изученностью мест добычи руды в сравнении с местами её металлургической переработки;
- прикладным значением предприняемого исследования — его результаты могут быть полезны при археологическом изучении территории.

Ставлю перед собой несколько задач:

- выделить источники, содержащие данные о крестьянской горно-металлургической промышленности в Тульском и соседних уездах;
- для той их группы, в которой присутствуют названия руд, рассмотреть, как из них могут быть извлечены сведения о местах их добычи (задача установления полного списка мест добычи при этом не ставится);
- обсудить возможность использования полученных результатов при археологическом изучении засек и прилегающих к ним территорий.

В качестве основных будут использованы источники документальные, в роли вспомогательных — картографические и статистические.

⁷ *Сербина К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1978.

Появление этой статьи предопределил документ⁸, обстоятельства появления которого таковы. Во второй половине 1720-х гг. возник конфликт между владевшими ручными горнами казёнными кузнецами Тульской оружейной слободы (их именовали «железного дела промышленниками») и Никитой Никитичем Демидовым, также металлопромышленником, сыном основателя знаменитой промышленной династии. В то время Никита Никитич помимо основной для него предпринимательской деятельности (он управлял принадлежавшим ему заводом на речке Дугне в нынешней Калужской области), ещё и собирал для Берг-коллегии налог с местных производителей железа. Среди них были и металлурги-оружейники, упорно уклонявшиеся от платы нового сбора. Тульская оружейная контора их защищала. Возглавлявший её капитан Макар Половинкин, полемизируя с Демидовым, предложил закрыть все крестьянские металлургические производства региона, уничтожающие лес и истощающие рудные запасы. По его мнению, продолжение эксплуатации крестьянских домниц могло негативно отразиться на производстве железа в слободе — значит, и на производстве оружия. Демидов в доношении в Коммерц-коллегию от 14 июля 1733 г. с ним не согласился. Он заявил, что на оружейное дело ручное железо, полученное из тульских руд, употреблять вообще не следует. Для этого, писал он, лучше подходит «сибирское», т.е. привозимое с Урала, заводское железо, более дешёвое и качественное. Если оружейники перейдут на него, продолжение добычи местной руды обеспечения их железом не затронет.

Характеризуя ситуацию с местными рудами, Демидов заявил, что «около Тулы руд имеется многое число, и лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях». Он привёл список, в который включал следующие «звания» (названия) известных ему разновидностей руд: 1⁹ *медведь*, 2 *овсяник*, 3 *смолян*, 4 *стрекалов*, 5 *ивашкин*, 6 *шерап*, 7 *костомар алешенской*, 8 *костомар акунинской*, 9 *ретин*, 10 *пирогов*, 11 *леской*, 12 *фроловка*, 13 *дегатна*, 14 *батурка*, 15 *любогощ*, 16 *ослон*, 17 *кочан*, 18 *батуринской*, 19 *алень*, 20 *никольской*, 21 *саломас*, 22 *колпна*, 23 *щекин*. Демидов отметил, что к ору-

⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1400. Л. 260—260 об. Впервые опубликован мной: Юркин И.Н. «Кто может подземное богатство познать...» (сведения Н.Н. Демидова о рудах Тульского железорудного поля и локализация рудодобычи под Тулой в Раннее Новое время // Жизнь в Российской империи [Текст]: новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции. Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. М., 2018. С. 123—125.

⁹ Номера — из Списка Демидова.

жейному делу двадцать перечисленных «званий» негодны, годны же руды, добываемые только в трёх местах, «где на то оружейное дело напред сего копались и ныне копают». Но и эти, лучшие среди тульских, руды, подчёркивал Демидов, дают металл более низкого качества, чем уральский — они руды «добротою от сибирских руд много отстоят».

Вопрос качества, в отношении которого Демидов высказался столь решительно, в действительности не так прост. Не углубляясь в него, отмечу, что, во-первых, конфликт Демидова с оружейниками и представлявшим их Половинкиным зашёл к тому времени в тупик настолько, что стороны не соглашались друг с другом буквально во всём. Не соглашаясь, изобретали аргументы, главным качеством которых было отличие от аргументов противника. Во-вторых, и это главное, и автор анализируемого текста, и брат его Акинфий владели на Урале значительными мощностями по производству железа, поэтому, расхваливая «сибирское» железо, Н.Н. Демидов подразумевал не железо вообще, а прежде всего демидовский металл.

На сегодняшний момент приведённые Демидовым сведения о разновидностях тульских руд для данного места и времени не имеют аналогов.

Во-первых, уникальна сохранённая Списком их классификация. В литературе, изданной в России в XVIII в., накопленные к тому времени знания о рудах металлов находим в книге М.В. Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел» (1763). В ней учёный назвал и коротко охарактеризовал основные разновидности руд железа: кровавик, представленный тремя морфологическими вариантами, зубцоватую железную руду, железный колчедан и магнит. От более детального рассмотрения вопроса он уклонился, объяснив это тем, что, во-первых, «всякая глина... в себе несколько железа содержит», во-вторых, различие руд «иногда только в одной фигуре или цвете состоит, а не в самой вещи», в-третьих, «почти всякая земля свои особливые руды имеет»¹⁰.

Трудности не смутили президента Берг-коллегии, главу Монетного департамента И.А. Шлаттера, который два года спустя во втором томе «Обстоятельного описания рудного плавильного дела» дал более детальную классификацию железных руд. Автор охарак-

¹⁰ Ломоносов М.В. Первые основания металлургии или рудных дел // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; СПб., 2011. С. 279, 280.

теризовал руду, названную им «обыкновенной каменной», перечислил другие её виды: руду «ошпатоватого вида» (т.е. похожую на шпат), кровавик (он же гласкопф), наждак, браунштейн, эйзенман (то же, что эйзенглимер), волфрам, три вида колчедана — серный, жёлтый и белый, железную «вохру», чёрный песок и магнит¹¹. Из названий видно, что Шлаттер во многом опирался на минералогические знания европейских специалистов. Действительно, за два года до того в Петербурге в его переводе с немецкого вышел труд шведского химика и минералога И.Г. Валлериуса «Минералогия, или Описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей».

По поводу целесообразности штудий в области классификации и типологизации железных руд Ломоносов в «Первых основаниях» высказался скептически: «Все роды руд обстоятельно описать за невозможно и за ненадобно признаваю»¹². Тем не менее в конце жизни эту невозможную и ненадобную задачу он готовился решить. Информацию о рудах России должна была обобщить «Российская минералогия» — его проект, оставшийся неосуществлённым. Необходимые для написания этого труда образцы минералов и горных пород присылали ему с казённых и частных заводов, в том числе с расположенных в Центре Европейской части России¹³. Но материалов из-под Тулы среди них не было.

Список руд, сообщённый Демидовым, ценен тем, что сообщает информацию о них для периода и территории, профессиональной наукой тогда не охваченных. По сути, он представляет собой ориентированную на нужды практики классификацию руд Тульского железорудного района. Классификацию простейшую, основанную не на характеристиках минерального образования (внешнем виде, свойствах), а исключительно на месте его добычи. Но в ней отразились опытные знания, накопленные местными рудознатцами и металлургами (знания, замечу, которые не отвергали и сами Демидовы, о чём свидетельствуют рудоискательные лозы в их дворянском гербе). Позднее будут разработаны классификации, которые отразят специфику ресурсов других железорудных регионов. Такова, например, опиравшаяся на изучение местных руд классифика-

¹¹ Шлаттер И.А. Обстоятельное описание рудного плавильного дела. Т. 2. СПб., 1765. С. 1—8. Описан внешний вид руд, сообщены признаки тех, которые имеют высокое содержание металла.

¹² Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 280.

¹³ Юркин И.Н. Заводы — «сотрудники» Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 14—45.

ция норвежца О. Эвенстада, опубликованная лишь через полвека после нашего текста¹⁴.

Список руд, сохранённый Демидовым, — результат трудов по их поиску и последующей разработке. Если считать, что на одном руднике добывали руду одной разновидности (в чём, полагаю, сомневаться не приходится), то рудников действующих или хотя бы существовавших на памяти одного поколения было, судя по Списку Демидова, столько же, сколько и руд — не менее 23-х. Из этого заключаю, что разработка руды в первой трети XVIII в. велась в рассматриваемом районе весьма активно.

Где конкретно добывали эти руды? В тексте Демидова присутствуют два указания, полезные для ответа на этот вопрос: то, что они залегают «около Тулы», и что находятся на засечных и помещиковых землях. Обращу внимание также на то, что большинство названий, приведённых в списке Демидова, похожи на производные от топонимов. Простота, почти примитивность выбора основания классификации для исследователя истории горных практик этой территории оборачивается неоценимым достоинством. Он получает возможность не только наметить районы разработки руды, но и установить, вблизи каких населённых пунктов её добывали. В этом состоит ещё одно проявление уникальности Списка Демидова.

По словам Демидова, лишь три из 23-х разновидностей руд годились для производства оружейного металла. Какие именно — он не сообщил. Мне удалось обнаружить документ, их называющий. Он содержится в деле 1727 г. об отводе владельцам металлургических мануфактур мест в засеке для копки руды. Его открывает направленный в Тульскую провинциальную канцелярию указ Берг-коллегии от 29 апреля 1727 г., излагающий доношение кузнецов Тульской оружейной слободы в Артиллерийскую канцелярию. Они писали, что готовят железо и сталь «в домех своих ис покупных в Туле удобных к тому руд, которья де руды наперед сего копывали уездныя помещичьи крестьяне в Малиновой засеке прозванием медведя, ивашкина, смольяна, стрекалова». «А ныне де, — жаловались они, — в той засеке... крестьяном тех руд капать запрещают, а только... капает их один комисар Демидов з детьми». Кузнецы просили велеть крестьянам по-прежнему копать засечную руду и привозить её в слободу. Поскольку этой руды на всех не хватало, они просили «другим... чинам в пакупке оных руд

¹⁴ Эспелунд А. Чёрная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития // Российская археология. 2010. № 3. С. 44—50.

запретить». В том же деле упомянут ещё один сорт руды — шарап, который И.Т. Баташеву в той же засеке мешал добывать Н.Н. Демидов¹⁵.

Все указанные в этих документах названия руд присутствуют и в Списке Демидова, из чего заключаю, что он — не фантазия. Те четыре сорта, которые, по словам казённых кузнецов, шли на металл для оружейного дела — это, несомненно, те, которые, как единственно подходящие для него, не называя, упомянул Демидов. Но требования, которые он предъявлял к качеству сырья, были, видимо, несколько выше, чем у большинства оружейников, поэтому подходящих сортов в его представлении было меньше — всего три.

Из этого следует любопытный вывод. Получается, что городские и сельские металлурги работали на разном сырье. Правда, исключительным правом покупать лучшую руду казённые кузнецы наделены не были — добытую руду крестьяне продавали свободно. Но кто мог перехватить её у оружейников? Только владельцы крупных металлургических заводов Демидовы и Баташев, то есть тоже горожане. Металлургам из крестьян она не доставалась, они довольствовались остальными 19-ю сортами. Металл, полученный ими, поглощали сельские же кузнецы плюс, может быть, те из городских, которые вырабатывали неответственные изделия. Можно думать, что городские ремесленники, создававшие изделия ответственные, были, наверное, не только в Туле, но и везде более требовательны к металлу, а производившие его металлурги — к руде, которую предлагали им рудокопы. Но порождало ли это отчётливую дифференциацию по потреблению руды разного качества, подобную той, которая сложилось в Туле — предстоит выяснить.

Вернусь к тезису о том, что топонимическое происхождение перечисленных Демидовым названий сортов руд позволяет установить места их добычи. Начну с упрощения — с того, что слова «лежат руды на засецкой и во многих помещиковых землях» можно понимать в смысле, что те встречаются на любых землях, об упоминании же засек на время забуду, ограничившись поиском «около Тулы». Это выражение хотя и расплывчато, однако всё же вполне определённо ориентирует на поиск внутри некоей территории, «смысловым центром» которой официально или неформально была Тула — такой, например, как Тульский уезд. Его границы со временем менялись, но в ситуации работы со Списком, который границ вообще не задаёт, этот факт большой роли не играет.

¹⁵ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1554. Л. 1, 6.

Прежде всего, сопоставим Список Демидова с источником, который характеризует топонимику района для периода до составления Списка — с писцовыми книгами XVII в., информация которых издана в книге Е.Н. Щепкиной¹⁶. Здесь обнаруживаются семь созвучных ойконимов. Четыре из них на плане уезда, реконструированном Щепкиной по состоянию на 1678 г., показаны неподалеку друг от друга в Заупском стане, образуя гнездо. Это деревня Медведева (руда медведь), деревня Овсянниково (руда овсянник), деревня Фроловская, Бологово тож (руда фроловка) и, может быть, деревня Ларинская, Щекина и Ильинская тож (руда щекин). (Илл. 2) Три первых находятся вблизи восточного края Малиновой засеки с «русской» (внутренней) её стороны, Ларинская немного в стороне. Северо-западнее этого гнезда, относительно недалеко от него, находится одно из никольских — Никольское, Татевое тож. Для одного из упомянутых населённых мест занятие его жителей горным делом подтверждается независимым источником — документами 1730 г., касающимися задержания людьми А.Н. Демидова крестьян деревни Овсянниково, копавших руду на его земле в Малиновой засеке¹⁷.

В тех же писцовых книгах находим топонимы, от которых могло образоваться название руды ивашкин. Их несколько: в XVII в. в Тульском уезде так именовавшиеся селения и пустоши существовали на р. Подлетной (вариант Подклетной) в Заупском стане, на Двуусадных верхах, впадающих в р. Осётр, в стане Старое Городище и на р. Ивашковой в Веркошевском стане¹⁸. Некоторые находились вблизи засечного леса. Селение с названием Ивашкино встречаем у края Малиновой засеки, с русской её стороны, к западу от деревни Судаково (в будущем месте строительства Судаковского, позднее Косогорского металлургического завода). Здесь оно изображено на уездном плане Генерального межевания (далее ГМ). Деревня Квашнина, Ивашкин починок тож, Старогородищенского стана располагалась тоже у засеки — соседняя с ней деревня Чертова находилась от Кортосеневской засеки в одной версте, от Щегловской в трёх. Ещё об одном соименном объекте — пустоши, что была деревня Ивашкова у р. Ивашковой (Веркошевский стан), в писцовой книге прямо сказано, что она находится «у засеки у черты». В описаниях соседних владений присутствует назва-

¹⁶ Щепкина Е.Н. Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892.

¹⁷ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2099. Л. 6.

¹⁸ Щепкина Е.Н. Указ. соч. С. 6, 18, 60, 68, 72.

ние этой засеки — Кортосеневская. Поскольку все перечисленные топонимы формально соответствуют условию «около Тулы», определить место, давшее название сорту руды ивашкин, возможным пока не представляется. С теми же трудностями сталкиваемся при поиске места добычи руды никольской — в границах Тульского уезда созвучных топонимов несколько.

Нет ясности и с рудой костомаром. В писцовых книгах упоминается деревня Осенаще (вариант Осенище), в самой поздней, 1678 г., книге записанная с указанием второго названия: Костомарово тож. Оно отразило фамилию помещиков Костомаровых, владевших ею без перерыва более полувека. Деревня находилась в Заупском стане Тульского уезда, но довольно далеко от описанного выше рудокопного «гнезда» — у северо-западной его границы, на одном из небольших левых притоков Упы. Но в Списке Демидова руд под созвучным названием упомянуто две — костомар алешенской и акунинской. В писцовых книгах Тульского уезда топоним Алешня (варианты Олешня, Алешенка) упоминается, но обозначаемые ими объекты находятся далеко от того места, которое определила для Костомарова Е.Н. Щепкина.

Как видим, обращение к материалам писцовых книг по Тульскому уезду позволяет добиться весьма скромного успеха: вероятных мест добычи было выявлено всего четыре (из 23-х), кроме того, ещё для трёх сортов руд показано, что их могли добывать в Тульском уезде. Конечно, поселения появлялись и исчезали — к началу 1730-х гг. их список несколько отличался от восстанавливаемого по писцовым книгам XVII столетия. Но не настолько, чтобы предположить, что более двух третей селений, рядом с которыми в 1730-х гг. добывалась руда, были моложе 50-ти лет. Вероятнее неудачный выбор географических рамок исследования.

Выше отмечалось, что главное рудное поле Тульского железорудного района на юге и юго-востоке выходит за границы Тульского уезда. Источники сообщают, что крестьяне соседних с ним уездов в металлургической деятельности участвовали весьма активно. Так, указ на Крапивну 1678/79 г. отмечает существование здесь 48 пустых (недействующих) оброчных доменных мест и 12 мест жилых — действующих домниц¹⁹. Нет оснований предполагать, что руду для них привозили из Тульского уезда. Учитывая это, на втором этапе исследования названия из Списка Демидова были сопоставлены с топонимами не только Тульского, но также Крапи-

¹⁹ Андреев Н.Ф. Указ соч. С. 139.

венского и Дедиловского уездов, включавших ранее неохваченные исследованием участки рудного поля.

Формально наиболее корректным решением было бы привлечение для этого источников, отражающих топонимику этих уездов на момент составления Списка. Но книги 1—3 ревизий для этих уездов не изданы, неопубликованными остаются и «Экономические примечания» к Генеральному межеванию. Кроме того, список селений, показанных на планах той эпохи, довольно существенно отличается от списков нашего времени, что может затруднить использование результатов работы в ходе археологического обследования местности. В связи с этим поиск вели по двум более поздним источникам: справочнику «Города и селения Тульской губернии в 1857 году», изданному под наблюдением П.И. Кеппена²⁰, и «Списку населённых мест Тульской губернии», основанному на сведениях 1859 г.²¹ За основу были взяты списки 1857 г. (далее — списки Кеппена), второй источник привлекается факультативно. При анализе материала также использовали материалы ГМ.

В **таблице 1** приведены созвучные названиям руд топонимы из списков 1857 г. для трёх уездов — Тульского и прилегающих к нему Крапивенского (бывшего Соловского) и Богородицкого, включившего территорию ликвидированного Дедиловского уезда. При названиях сохранены сведения о центре прихода и привязке к гидросети, полезные для локализации объекта; они особенно важны, когда одноименных поселений несколько. Хотя в Списке Кеппена встречаются опечатки, названия из него перенесены в таблицу в той форме, в какой присутствуют в источнике.

Из 24 названий топонимические параллели найдены для 20. Для девяти сортов руды созвучные ойконимы и гидронимы обнаружили в единственном уезде и всего по одному разу

- к трём (овсяник, стрекалов, фроловка) в Тульском: сельцо Авсянниково (в приходе села с характерным названием Рудаково), сельцо Стрекаловка и починок Флоровка в лесу Флоровском (последние два в одном приходе);
- к четырём (ретин, любогощ, ослон, саломас) в Крапивенском: сельцо Ретино (упоминается также ручей Ретинка) и три деревни — Любогощи при ручье Любогошке, Ослоново и Соломасово при ручье Соломасовке;

²⁰ Города и селения Тульской губернии в 1857 году. СПб., 1858.

²¹ Тульская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862.

- к двум (шерап, алень) в Богородицком: сельцо Олень (упоминается одноименная река) и деревня Павловка, Шарাপовка тож.

К трём названиям руд (дегатна, батурка и батуринской) подходящих названий селений не нашлось, но обнаружались созвучные гидронимы: в Крапивенском уезде река Деготна (при ней находились деревни Щекино и Петровское, Колпна тож; именование каждой из них отсылает к названию руды), в Крапивенском и Богородицком уездах Батурка²² и в Богородицком — Батурилка. Возможно, последние два названия относятся к одному объекту.

Допустимо предполагать, что в большинстве, если не во всех упомянутых случаях, имеем прямые указания на места, где добывались руды. При этом «гнездо» связанных с их заготовкой селений Заупского стана Тульского уезда, выявленное по материалам писцовых книг XVII в., теперь дополняется находящимся к юго-востоку от Овсянникова сельцом Стрекаловка. На уездном плане ГМ оно имеет несколько иное название — Стукаловка, Губоревка²³ тож, но, учтя связку с гидронимом (р. Свинка) и приходом (село Суходол, Кишкино тож), ошибку плана можно уверенно исправить.

К трём названиям руды — смольян, ивашкин и костомар акунинской — созвучных топонимов в списках 1857 г. не нашлось, зато к остальным девяти нашлось много. Имели место два варианта. В первом несколько подходящих названий обнаруживалось в одном уезде (пять случаев):

- в Тульском к руде медведь — село, деревня и ручей;
- в Крапивенском к руде пирогов — два села, сельцо и две деревни; к руде леской — два сельца; к руде колпна — три деревни; к руде щекин — две деревни.

Ещё труднее локализация в случае, когда находим несколько одинаковых или созвучных названий в разных уездах (четыре случая). Это относится к названиям руд:

- костомар — по два топонима в двух (Тульском и Крапивенском) уездах;
- алешенской (костомар) — два топонима в Тульском, один в Крапивенском уезде;

²² В источнике эта река привязана к обоим уездам (Города и селения Тульской губернии... С. 31, 32, 103). В настоящее время территория, по которой она протекает, относится к Киреевскому району Тульской области. Устье Батурки находится на окраине г. Киреевск, в прошлом деревни Киреевки, от имени которой получил название подрайон главного рудного поля.

²³ Первая буква неотчетлива, возможно «з».

- кочан — два топонима в Крапивенском, один в Богородицком уезде.

Абсолютный лидер — руда никольской. В источнике присутствуют десять топонимов, которые могли дать ей название: по два в Тульском и Крапивенском уездах и шесть в Богородицком.

Анализ вариантов позволяет выбрать наиболее вероятные. Покажу это на примере костомаров, для локализации которых списки 1857 г. предлагают четыре подходящих названия. Однако только в одном случае, а именно в приходе села Горелки Тульского уезда, находим сочетание двух интересующих нас топонимов: деревни Алешня, Горелки тож, стоящей при ручье Алешня, и деревни Костомаровка, Кустики тож, при Михайловском пруде²⁴. Не приходится сомневаться, что именно здесь и добывалась руда, именовавшаяся костомаром алешенским. Место добычи второго костомара, акунинского, нужно искать в другом месте. Топонима Акунино или близкого к нему в списках по трём уездам не найдено. Тем не менее, в качестве варианта можно предложить село Нижнее Костомарово, Горячкино тож, при р. Упе, в Крапивенском уезде. К такому выбору склоняет то, что в приходе этого села находилась деревня с характерным названием Ржавец.

Привлечение списков 1857 г. заставляет в ряде случаев усомниться в правильности ранее принятых решений. Опираясь на данные писцовых книг XVII в., в качестве вероятного места, где добывалась руда щекин, избрана деревня Ларинская, Щекина и Ильинская тож в Заупском стане Тульского уезда. Хотя местоположение деревень Ларинская на карте Щепкиной и Щекина на уездном плане ГМ не совпадает, обе относятся к одному стану и расположены относительно недалеко. Кроме того, обе близки к тому «гнезду», все селения которого тесно связаны с добычей руды. Однако новая информация заставляет усомниться в правильности локализации. В списках 1857 г. в Крапивенском уезде встречаем деревню Шекино при речке Деготне, принадлежавшую к приходу села Кузнецово, Ламиносово тож. Чтобы связать это место с добычей руды достаточно гидронима, отсылающего к названию руды дегатна. Но в данном случае есть дополнительные сильные аргументы для того, чтобы остановиться на этом Щекине. В том же приходе при той же речке находится деревня Петровская, Колпна тож, с которой трудно не связать название ещё одного сорта

²⁴ Города и селения Тульской губернии... С. 5.

руды — колпна. В интересующем нас контексте нельзя не заметить того, что ещё одна деревня того же прихода, Панарыина, находится при озере с говорящим названием Домнище. Обращу внимание на название приходского села. Не исключено, что Кузнецовым оно стало из-за развития здесь крестьянского промысла, завершающего в цепочке взаимосвязанных технологий: горное дело — металлургия — металлообработка. Судя по всему, перед нами ещё одно гнездо близкорасположенных селений, на этот раз в Крапивенском уезде, в котором добывались руды щекин, дегатна и колпна. Соответственно селение, отвечающее за руду щекин, из первого, тульского, гнезда следует, вероятно, исключить.

Топонимы, которые мы выявляли, смысловую связь с рудой приобретают только в случае их привязки к сходным по звучанию названиям руд из Списка Демидова. Завершая анализ материала списков середины XIX в. замечу, что в них присутствуют названия, которые, не имея отношения к этому Списку, самым непосредственным образом имеют его к крестьянской железоделательной промышленности. Связь с ней выражена в них явным образом. Так, в списках 1857 г. в разделе, относящемся к Тульскому уезду, находим деревню Рвы (в приходе села Можайское), село Рудаково при ручье Пруденке, село Руднево, что на старой Московской дороге, при речках Макаевке и Костинке, другое село Руднево — что на Коломенской дороге, речку Ржавку, на которой стояло сельцо Греково; в Крапивенском уезде — село Ржава при речке Ржавке, село Ровки и ручей Домнин, на котором стояло село Бородино; в Богородицком уезде — деревню Домнино при ручье Лапне (в приходе села Рожествино). К ним примыкает ещё одно Домнино — деревня при речке Дерницком Шатце (в приходе села Полюшно²⁵, Карники тож), находившаяся в Венёвском уезде на границе с Богородицким²⁶.

Список населённых мест по сведениям 1859 г. содержит дополнительные данные: сообщает, на какой они находились дороге и на каком расстоянии от уездного города. В Тульском уезде (ограничимся им) упомянуты следующие поселения с названиями, «говорящими» об их связи с рудой и её добычей:

- село Руднево (№ 61), располагавшееся при речке Макаевке по «прежней» большой Московской дороге, в 1-м стане, в 41 версте от Тулы;

²⁵ Или Помошно, как это название написано строкой ниже.

²⁶ Города и селения Тульской губернии... С. 3, 9, 11, 12, 36, 37, 103, 112,

- село Руднево (№ 180), на Каширской транспортной дороге (из Тулы в Каширу), во 2-м стане, в 21 версте от Тулы; ближайшая речка — Тулица;
- деревня Рвы (№ 320), находившаяся по правую сторону Московско-Орловского шоссе (участок из Тулы в Орел), в 3-м стане, в 12 км от Тулы; ближайшие реки Воронка и Сухая Воронка;
- село Рудаково (№ 325) по левую сторону Московско-Орловского шоссе, в том же стане, в 7 верстах от Тулы; ближайшая речка Воронка²⁷.

Не приходится сомневаться, что в окрестностях перечисленных поселений добывалась руда. Приведённых данных более чем достаточно для привязки этих селений к карте, соответственно — привязки центров добычи.

Обратимся ко второй значимой для локализации рудников «подсказке» Демидова: сообщению о том, что руды лежат, помимо помещичьих, также «на засецкой» земле. В связанных с тульской рудой документах первой трети XVIII в. засеки упоминаются нередко. В качестве примера напомним дело, возникшее в связи с отводом в 1727 г. мест для копки руды владельцам крупных заводов — все они предоставлялись в Малиновой засеке²⁸. В открывающей это дело челобитной казённых кузнецов присутствуют названия нескольких добывавшихся в засеке сортов руд (они приводились), однако расположение рудников, к сожалению, не указано.

Поскольку искомый район связан с Тулой, при поиске мест рудодобычи разумно ограничиться тремя участками Засечной черты, ближайшими к городу. Ими являются: идущая от вала Завитай сначала на юго-запад, дальше поворачивающая на запад засека Заупская или Малиновая; идущая на северо-восток Щегловская (после вторых ворот именуемая Кортосеневской); располагающийся южнее неё дублер — повторяющая ориентацию её осевой линии засека Корницкая. Единственная из засек, попадающая в границы главного рудного поля, — Малиновая.

Просмотр описных книг лесов Тульского уезда, составленных в 1702 г. Г.О. Даниловым²⁹, выявил несколько представляющих интерес названий населённых пунктов вблизи засек. Приводим их

²⁷ Тульская губерния. Список населённых мест... СПб., 1862. С. 5, 9, 15.

²⁸ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1554. Л. 1.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 14241. Л. 500—554. Автор благодарит А.В. Дедука, обратившего его внимание на этот ценный источник.

с указанием номеров лесных участков и привязкой к конкретным засекам Кортосеневской (К), Малиновой (М) и Шегловской (Ш): к руде медведь — засечный лес вблизи села Медветки³⁰ (№ 1432, Ш), деревни Медведевой (№ 1461, М); к руде овсяник — лес «подле засеки» в даче деревни Осяниковой (№ 1394 М); к руде ивашкин — лес «подле засеки» в даче деревни Ивашковой (№ 1388, М), засечный лес напротив деревень Ивашковой (№ 1418, К; № 1419, К) и Ивашкиной (№ 1456, М)³¹; к руде фроловка — засечный лес напротив деревни Фроловки (№ 1467, М); руде никольской — засечный лес напротив села Никольского (№ 1442, М)³². (Илл. 3). В связи с названием руды стрекалов отмечу фигурирующих в источнике дворян Стрекаловых. Им принадлежали деревни Кудрявцева и упоминавшаяся Осяникова, располагавшиеся «подле Малиновой засеки» (№ 1392, 1394).

Топонимы, созвучные названиям руд, присутствуют и в описании приписанных к Тульским оружейным заводам казённых засек, произведённом в 1764 г. А.В. Тучковым³³. Среди названий дач, расположенных вдоль Малиновой засеки, обнаруживаются параллели пяти разновидностям руды: медведь, стрекалов, леской, фроловка и саломас. Три селения — деревни Медвецкая, Стрекалова, Фроловка — находятся с русской стороны засеки (т.е. принадлежат Тульскому уезду), два — деревни Подлеская и Саламасова — с левой (т.е. в уезде Соловском).

Совпадения названий руд в Списке Демидова с топонимами в уездах, в которых располагалось главное рудное поле Тульского железорудного района, многочисленны, и это не может быть совпадением. С большей или меньшей вероятностью (в ряде случаев с полной уверенностью) можно утверждать, что в Тульском уезде располагались места добычи следующих перечисленных в Списке Демидова руд: медведь, овсяник, стрекалов, ивашкин, костомар алешинской, фроловка, в Соловском (Крапивенском) уезде — ле-

³⁰ Чтобы не прибавлять не всегда очевидное окончание именительного падежа, названия населённых пунктов, извлечённые из описных книг 1702 г. приведены в том же (родительном) падеже, в каком присутствуют в документе.

³¹ Ивашково, отмеченное в связке с участком № 1388, и Ивашкино с участком 1456, судя по совпадающему владельцу дачи, тождественны.

³² К даче с тем же названием привязано описание «лесу по полям и по верхам» № 1342. Уезд и владельцы совпадают, в связи с чем предполагаю, что речь идёт об одном владении.

³³ Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 284—338.

ской, саломас, ретин, любогощ, ослон, дегатна, колпна, в Богородицком — шерап и алень. Большинство рудников первых двух уездах находились на засечных или прилегающих к ним землях.

Расширение круга источников, содержащих большие топонимические комплексы (в частности, «Экономических примечаний» к ГМ), наверняка подтвердит замеченные параллели и подскажет пока незамеченные. Полезными для решения частных вопросов могут оказаться и источники, не столь обильные топонимическим материалом. Такова, в частности, делопроизводственная документация местных учреждений, касающаяся выделения и отвода казённых земель для копки руды, разбора споров, связанных с её добычей, транспортировкой и использованием.

В последние годы расширилось археологическое изучение полосы Засечной черты XVI—XVII вв., в частности — Малиновой засеки³⁴. Помимо остатков оборонительных сооружений на её и прилегающих территориях обнаружены артефакты, не имеющие прямого отношения к функционированию фортификационного комплекса. Среди них присутствуют предметы, связанные с крестьянской горной и металлургической промышленностью. Список Демидова может быть использован для целенаправленного поиска новых объектов такой деятельности. Он полезен и для изучения объектов, уже выявленных. Поясню на примере.

Доменные заводы Тульского края вместе с небольшими крестьянскими печами потребляли руды сравнительно немного — спрос на неэлитные её сорта, несомненно, удовлетворялся. По этой причине некоторые рудники могли действовать продолжительное время. Такими были, в частности, те крапивенские, где добывали сорта саломас и колпна, в список лучших не входившие. Рудник у деревни Соломасовой, упоминаемый в Списке Демидова, всё ещё действовал в 1820-х гг.³⁵ По свидетельству Н.Ф. Андреева, он действовал и позднее. В статье, опубликованной в 1855 г., он упоминает о рудниках в Крапивенском уезде, обеспечивавших в то время Мышегский завод. Руда для него добывалась в даче села Колпна помещика Хомякова, в деревне Соломасовой Мясоедова и в Малом Соломасове кн. Бибарсовой и Цемш³⁶. Судя по присут-

³⁴ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 272—282.

³⁵ Сербина К.Н. Указ. соч. С. 64.

³⁶ Андреев Н.Ф. Указ соч. С. 132.

ствию связанных с этими топонимами названий в Списке Демидова, руда в этих местах добывалась уже более 120 лет.

При полевом изучении таких рудников могут возникнуть затруднения в датировке связанного с производственным объектом археологического материала. В этой ситуации повышается значимость надёжно датированных свидетельств их функционирования. Список Демидова не только обогащает бедную датами историю конкретного объекта хронологической вехой. Он подсказывает адреса близлежащих объектов такого рода, что позволяет объединять их материалы в единый комплекс.

Сказанное справедливо, если рудник найден и исследуется. Но каковы отличительные признаки объекта, который некогда был рудником? Это яма с разбросанными вокруг кусками пустой породы и бедной руды? Но рудники в источниках нередко (в случаях, известных нам, почти всегда) называются *рвами*. («Ныне на объявленной завод рудокопных рвы нанимают они Баташеву у посторонних»³⁷ — такие последствия имело «отлучение» Демидовым Баташева от рудников в Малиновой засеке. А место, в той же засеке, где в 1727 г. добывалась руда для Дугненского доменного завода Демидова, прямо называлось Судаковскими рвами³⁸). Значит ли это, что добычу вели открытым способом, т.е. что слово «рвы» означало рытвины, траншеи? Если руда залегала неглубоко, а такое случалось, уходить в глубину рудокопной дудкой не имело смысла. Вскрывать пласт в карьере проще и безопаснее. Однако в источниках описания открытых работ мне не встречались, тогда как свидетельства применения закрытого способа имелись. Так, в документе 1667 г. ровщики сравнивали характер залегания руды, которую они добывали прежде и теперь. «Ныне, — писали они, — на тех пологих железная руда вышла, и мы ныне прошли новые рвы, выше старых рвов подалися на гору, а проходка до железной руды стала глубока, сажен по 9-ти и по 10-ти и больше... а перед прошлыми годы та железная руда... не по велику изо рвов выходит, а 13 рвов прошли, а руды в них нет»³⁹. Вполне очевидно, что речь идёт о подземных горных работах. (Илл. 4).

На интересующей нас территории в рассматриваемое время руду добывали именно дудками. Хотя их глубина под Декиловым

³⁷ ГАТО. Оп. 1. Д. 1554. Л. 6.

³⁸ Там же. Д. 1621. Л. 1.

³⁹ Крепостная мануфактура... С. 192.

в XVII в. достигала 12 саженей⁴⁰, со временем рельеф, естественно, сглаживался, уходившие вглубь стволы превращались в простые ямы. К XXI в. визуально регистрируемые черты горных выработок они утратили. Куски руды на поверхности надёжным маркером не являются. На обнаружение остатков деревянных креплений рассчитывать не приходится, тем более что в мелкой рудокопной дудке их могло и не быть. На находку потерянного рудокопом инструмента — тем более. Список Демидова способствует выделению остатков старых рудников среди неровностей рельефа, имеющих разное происхождение. Если объект связан с населённым пунктом, название которого отразилось в списке руд, то вероятность того, что перед нами место их добычи, существенно повышается.

Насколько полон Список Демидова? Он отражает картину на 1730-е гг. В XVII в. она могла от неё отличаться. Как известно, в жалованной грамоте на строительство доменного завода, которую в 1632 г. получил А.Д. Виниус, его место указано не было — лишь назывались реки (Ворона, Вашана и Скнига), на которых разрешалось строить. Несомненно, так просил написать сам Виниус, с местом ещё не определившийся. Тот факт, что реки Тулицы, на которой был построен завод, в жалованной грамоте нет, говорит, на мой взгляд, о том, что она в первоначальных планах Виниуса отсутствовала. Что же определило его выбор? Не исключаю, что наличие поблизости от заводского места действующего крестьянского рудника. Рудника, который мог бы, не будь Виниуса, действовать ещё долго. Но домны Городищенского завода ускорили его исчерпание, и в дальнейшем снабжались рудой с реки Олень⁴¹. Той самой, руда которой, именуемая «алень», попала в Список Демидова.

Подводя итог, следует отметить, что изучение связанного с металлопроизводством крестьянского ремесла в районе Засечной черты, как уже показали проведённые работы, может дать богатые результаты. Имеющие отношение к городскому ремеслу и заро-

⁴⁰ Там же. С. 29. Здесь они именуются *ямами*. Но в вышеприведённой цитате те же самые горные выработки названы *рвами*. Об изменениях рельефа, обусловленных горными работами см. *Юркин И.Н.* Промышленное предпринимательство доиндустриальной эпохи и трансформация ландшафтов: факторы и объекты влияния // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 324—345.

⁴¹ Крепостная мануфактура... С. 29. Трудности, возникавшие при разработке дедиловских руд, носили не только технический характер (см.: Там же. С. 196—204; *Юркин И.Н.* «Лет за двести вглубь старины» (из новых разысканий о предках А.С. Хомякова) // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Т. 1. М., 2007. С. 117—120).

дившейся здесь же крупной металлопромышленности, они могут углубить понимание экономического развития России на стадии протоиндустриализации. Исследование объектов, являющихся остатками старых рудников, изучение связанных с ними технологий дополняют и конкретизируют представления о хозяйственной жизни общества того периода. Проведение археологических работ в сочетании с анализом документальных источников способствует более целенаправленному выбору объектов исследования и более глубокой интерпретации их результатов.

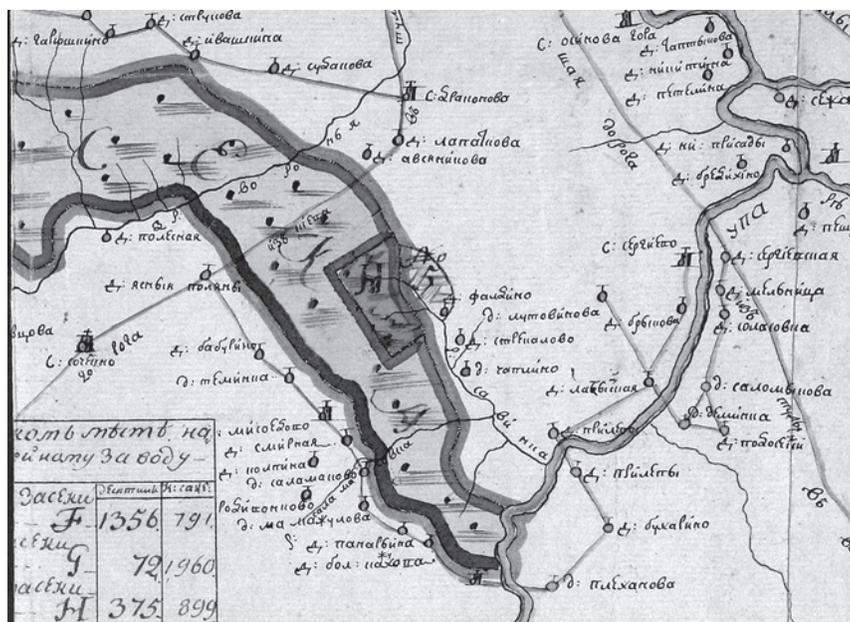
Приложение

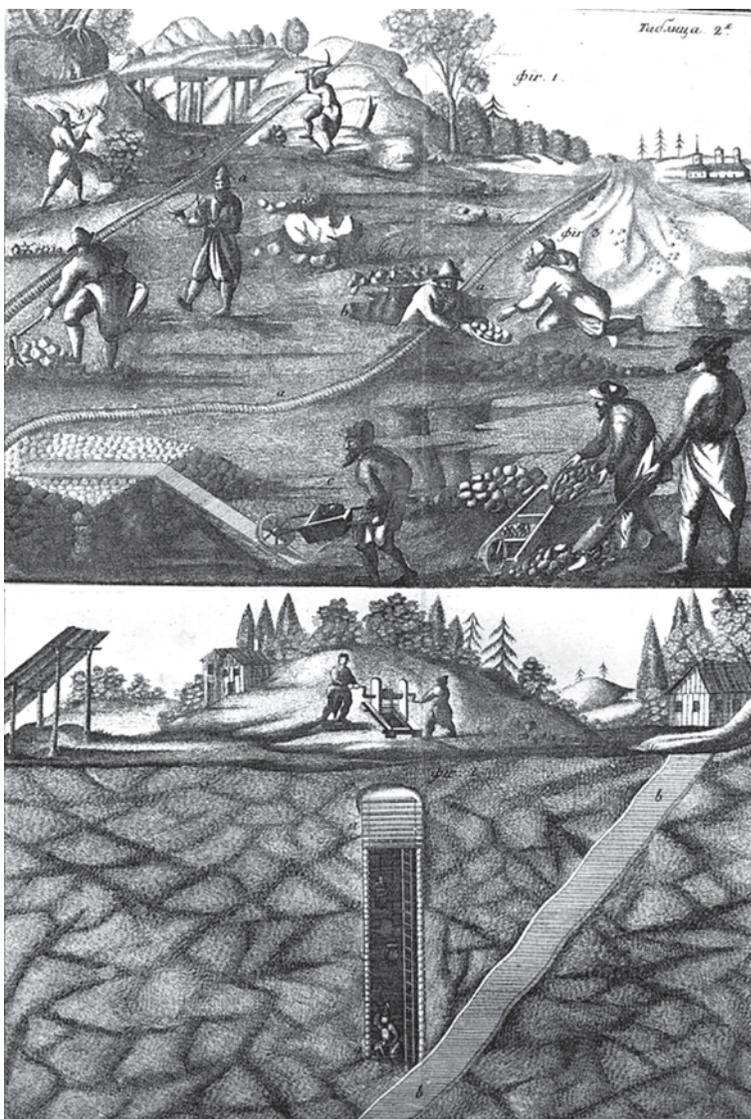
Илл. 1. Приблизительные контуры главного рудного поля Тульского железорудного района на снимке со спутника.

Илл. 2. Фрагмент карты, на котором по данным переписной книги 1678 г. реконструирован Заупский стан Тульского уезда (из книги Е. Н. Щепкиной «Тульский уезд в XVII веке»). Присутствуют селения, с которыми могут быть связаны «звания» (названия) руд Списка Демидова: **Овсянникова** (овсяник), **Медведева** (медведь), **Фроловская** (фроловка). Недалеко от Овсянникова и Медведева показана деревня **Судакова**, с которой уместно сопоставить Судаковские рвы — место, где позднее копали руду для Дугненского завода Н. Н. Демидова (автора Списка).

Илл. 3. Фрагмент Генеральной карты казенных засек 1784 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1783). Изображена восточная часть Малиновой засеки и прилегающие к ней селения, среди которых показаны деревни, имена которых отражены в «званиях» (названиях) руд Списка Демидова: на русской стороне деревни **Ивашкина** (руда ивашкин), **Авсятникова** (овсяник) и **Стрекалово** (стрекалов), на полевой д. Саламаково (вероятно, **Саламасово**) на ручье **Саломасовке** (руда саломас) и **Колпина** (колпна). Кроме того, между Ивашкиным и Авсятниковым с русской стороны засеки показана деревня **Судакова**, вероятное место Судаковских рвов.

Илл. 4. Горные работы. Гравюра из книги «Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопные места, жилы и способы для прииску оных, також учреждение новых рудников, потребныя к рудному производству машины, и разобрание, толчение и промывание руд; с прибавлением о добывании каменного угля, сочиненное и многими чертежами изъясненное действительным статским советником, Берг-коллегии президентом и Монетной канцелярии главным судьбою Иваном Шлаттером». СПб., 1760.

Таблица 1

**Названия руд в Списке Демидова 1733 г. и прошения оружейников 1727 г. (в скобках)
и созвучные им топонимы Тульского, Крапивинского и Богородицкого уездов
из книги «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.»**

(Сокращения: д. — деревня; с. — село; слд. — сльд.; оз. — озеро; поч. — починок; прих. — приход; р. — река, речка)

№	Названия руд	Топонимы			Примечания
		Тульский уезд	Крапивинский уезд	Богородицкий уезд	
1	<i>медведь</i> (<i>медведя</i>)	- д. Мелветка , при р. Селюме, в прих. с. Архангельское; - с. Мелвенка			Также упоминается д. Долбиловка , при ручье Мелвенка , в прих. с. Мелвенка Тульского у.
2	<i>овсяник</i>	- слд. Авсянниково , в прих. с. Рудаково			
3	смолян (смольяна)				
4	стрекалов (стрекалова)	- слд. Стрекалова , при р. Свинке, в прих. с. Суходол, Кишкино тож			
5	ивашкин (ивашкина)				
6	шерап (шарап)			- д. Павловка , Шараповка тож, при ручье Павловке, в прих. с. Смоленское	

7*	<i>костомар</i>	- д. Костомаровка , Кустики тож, при пруде Михайловском, в прих. с. Горелки; - слц. Костомарово , в прих. с. Колтево	- с. Вышнее Костомарово , при р. Упе; — с. Нижнее Костомарово , Горячкино тож, при р. Упе*		1. В приход этого села входила д. Ржавец
7	<i>костомар алешенской</i>	- д. Алешково , в прих. с. Ананское; - д. Алешня , Горелки тож, при ручье Алешня, в прих. с. Горелки*	- д. Алешня , при р. Упе, в прих. с. Головешно		1. В том же приходе еще два селения находятся при ручье Алешне : с. Горелки и д. Выселки; 2. В Тульском у. существовало также слц. Аленино , при р. Беже, в прих. с. Тимирево
8	костомар акунинской				
9	ретин		- слц. Ретино , в прих. с. Трасна		Упоминается ручей Ретинка , при котором находилась д. Крутая, состоявшая в прих. с. Колядино Крапивинского у.

10	пирогов			<p>- слц. Пирагово, Пираговка тож, в прих. с. Колядино;</p> <p>- с. Пирагово, Зыково тож;</p> <p>- д. Пираговские Выселки, Стублевка тож, в прих. с. Пирагово, Зыково тож;</p> <p>- д. Малая Пираговка, в прих. с. Пирагово, Зыково тож;</p> <p>- с. Пирагово, Сапово тож, при р. Упе</p>		
11	леской			<p>- слц. Лески, Родомановице тож, в прих. с. Красногорье;</p> <p>- слц. Лески, при р. Мальяне, в прих. с. Ушаково*</p>		<p>1. Приход с. Ушаково был пограничным: включал селения Крапивинского и Олдовского уездов. Слц. Лески находится в Олдовском</p>
12	<i>флоровка</i>		<p>- поч. Флоровка, в лесу Флоровском, в прих. с. Суходол, Кишкино тож</p>			
13	летатна					<p>Упоминается, что при р. Детотне находились д. Шекино и д. Петровское, Колпна тож; оба в прих. с. Кузнецово, Ламиносово тож Крапивинского у.</p>

14	батурка				Упоминается, что при р. Батурке находились: - д. Киреевка, приписанная к прих. церкви с. Деделовская Слобода Богородицкого у.; - четыре селения Крапивинского у.: с. Богучарово и принадлежавшие к его приходу слц. Подлесное, д. Стоисово и д. Труновка, Малевка тож; При р. Батурино находилась д. Крюково, Зюзино тож, в прих. с. Пилошно (оно же в др. месте — с. Помошно, Карники тож) Богородицкого у.
15	любогощ		- д. Любогощи , при ручье Любогошке, в прих. с. Воронки		
16	ослон		- д. Ослоново , в прих. с. Панино	1. В приход с. Панино входили селения Крапивинского и Богородицкого у.	
17	кочан		- слц. Качанское , при р. Уте, в прих. с. Петровское, Нарышкино тож; - д. Кочан , при р. Качане, в прих. Пречистенское, Кобелево тож	- слц. Кочан , при р. Красивой Мечи, в прих. с. Ивановское, что на Красивой Мечи, Казанское тож	

18	батуринской	См. строку № 14				
19	алень				- слщ. Олень , в прих. с. Орловка	Упоминается р. Олень , на которой находилась д. Киреевка, приписанная к приходам церквей Дедиловской слободы Богородицкого у.
20	<i>никольской</i>	- д. Никольское , в прих. с. Грецово; - слщ. Фомино, Никольское тож, при р. Казановке, в прих. с. Казановка	- д. Никольская , при р. Немеже, в прих. с. Лапотково; - с. Новоникольское, Ляпищево тож	- д. Новоникольское , в прих. с. Бельково; - слщ. Никольское , при р. Красивой Мечи, в прих. с. Ивановское, что на Красивой Мечи, Казанское тож; - с. Никольское, Агарево тож, при р. Красивой Мечи; - слщ. Никольское, Борисовка тож, при р. Красивой Мечи, в прих. с. Никольское, Агарево тож. - с. Никольское, Каменка тож; - с. Никольское, Коломенское тож, при, при р. Ситке		
21	саломас		- д. Соломасово , при ручье Соломасовке, в прих. с. Мясоделово			

22	колпна			<p>- д. Колпна, в прих. с. Кочаки; - д. Петровская, Колпна тож, при р. Деготне, в прих. с. Кузнецово, Ламиносово тож¹; - д. Усть-Колпна, при р. Колпенке, в прих. с. Мясоедово</p>		<p>1. Одно из селений того же прихода находится при оз. Домнище</p>
23	шекин			<p>- д. Шекино, при р. Деготне, в прих. с. Кузнецово, Ламиносово тож¹; - д. Шекино, при р. Колпенке, в прих. с. Мясоедово</p>		<p>1. Одно из селений того же прихода находится при оз. Домнище</p>

* В Списке Демидова 23 позиции. Дополнительная строка введена в таблицу для представления результатов поиска отдельных частей сложных названий типа *костомар алейинской*.

Библиография

- Андреев, Н.Ф.* Известие о челобитной стольника Афанасия Ивановича Чебышева и о указе царя Фёдора III Алексеевича // Тульские губернские ведомости. 1855. Отд. 2. Ч. неофиц. № 23—25. 4, 11, 18 июня. С. 127, 128, 132—134, 138, 139.
- Бурцев, И.Г., Конорев, М.Б.* Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011. Тула, 2011. С. 272—282.
- Города и селения Тульской губернии в 1857 году. Издано Имп. Акад. наук на основании приходских списков Тульской епархии, под наблюдением акад. П.И. Кеппена. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1858. — XX, 214 с.
- Каплунов, Р.П.* Месторождения бурых железняков Центральной части СССР и их разработка [Текст] / Горн. инж. Р.П. Каплунов, инж.-геолог С.П. Васильев ; Под ред. и с пред. Н.А. Ярцева. М. ; Л.: Онти. Глав. ред. горно-топливной лит.-ры, 1935. 503 с., 1 вкл. л. черт., табл. : ил.
- Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. (Труды Археографической комиссии) (Материалы по истории экономического развития России / под общ. ред. М.Н. Покровского). Л.: АН СССР, 1930. 503 с.
- Ломоносов, М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; СПб., 2011. С. 257—442.
- Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам / Публ. *И.Г. Бурцева* // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула, 2011. С. 284—338.
- Сербина, К.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI — первой половины XIX в. [Текст] / Под ред. А.И. Копанева. Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1978. 192 с. : карт.-схем.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861—1885. Вып. 44 : Тульская губерния : ... по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел ; обраб. В. Левшиным и ред. Е. Огородниковым. 1862. 192 с.
- Шлаттер, И.А.* Обстоятельное описание рудного плавильного дела. Том II. СПб., 1765, 272 стр. и 40 табл.
- Щепкина, Е.Н.* Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам. М.: Унив. тип., 1892. 318, [2] с.
- Эспелунд, А.* Чёрная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития // Российская археология. 2010. № 3. С. 44—50.
- Юркин, И.Н.* Заводы — «сотрудники» Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 14—45.
- Юркин, И.Н.* «Кто может подземное богатство познать...» (сведения Н.Н. Демидова о рудах Тульского железорудного поля и локализация рудодобычи под Тулой в Раннее Новое время // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной

конференции. Москва, 31 октября — 1 ноября 2018 г. / ИА РАН, ИРИ РАН. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2018. С. 123—125.

Юркин, И.Н. «Лет за двести вглубь старины» (из новых разысканий о предках А.С. Хомякова) // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Т. 1. М., 2007. С. 114—126.

Юркин, И.Н. Промышленное предпринимательство доиндустриальной эпохи и трансформация ландшафтов: факторы и объекты влияния // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2003. С. 324—345.

Раздел II

Тула и Тульский край XVI – XVII столетий в зеркале материальных источников

К.С. Носов

Тульский кремль в кругу русских кремлей в итальянском стиле (конец XV — первая треть XVI в.): общее и особенное в оборонительном зодчестве¹

Тульский кремль является уникальным памятником военной архитектуры XVI в., ведь каждый кремль в России по-своему уникален, двух одинаковых не найти. В данной работе я ограничусь лишь некоторыми аспектами военной архитектуры Тульского кремля и её сравнением с другими кремлями в итальянском стиле — Московским, Новгородским, Нижегородским, Коломенским и Зарайским (Табл. 1). Дискуссионные вопросы строительства Тульского кремля в этой работе не обсуждаются.

Тульский кремль стал одной из первых русских регулярных крепостей (Илл. 1). Лишь Ивангородская крепость, заложенная в 1492 г., в этом отношении опередила Тулу. Из кремлей, помимо Тульского, только Зарайский кремль (1528—1531) немного позже получил столь же правильный прямоугольник стен и башен в плане. В других кремлях трасса стен следовала более ранним укреплениям или плотная городская застройка не позволяла полностью изменить планировку. Поэтому в Московском, Новгородском и Нижегородском кремлях ограничились частым размещением башен и выпрямлением куртин между ними; в плане эти кремли представляют собой неправильной формы многоугольники.

Нечасто применялось у нас строительство крепости на пустом, необжитом месте. А ведь Тульский кремль построили предположительно в 10 км от существовавшего ранее древнерусского поселения. И здесь снова можно привести в качестве аналога-предшественника Ивангородскую крепость. Взаимосвязь этих двух

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00032 «История военного зодчества России конца XV—XVI вв. в контексте европейской архитектурной традиции» (The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-09-00032).

факторов — строительство крепости на свободной от построек площадке и регулярный характер планировки — несомненны.

Протяжённость укреплений Тульского кремля составила более километра (1 066,5 м). С одной стороны, кремль выходил на р. Упу, с трёх других его опоясывал ров². Вдоль стен располагалось девять башен. На углах поставили глухие круглые Спасскую, Наугольную, Тайницкую и Никитскую башни, в центре трёх сторон — прямоугольные воротные башни (Одоевских, Ивановских и Пятницких ворот), со стороны р. Упы — прямоугольную воротную Башню Водяных ворот и глухую Башню «на погребу».

Принципы обороны Тульского кремля в целом сходны с принципами обороны Московского, Зарайского и Коломенского кремлей: в углах крепостных оград поставлены круглые/многогранные башни, а прямоугольные воротные размещены на прямых участках линий обороны. В этом принципиальное отличие от кремлей Новгорода Великого и Новгорода Нижнего.

Зубцы Тульского кремля имеют характерное завершение в форме «ласточкин хвост». Однако и здесь не всё просто. Сегодня на пряслах Тульского кремля верхняя часть зубцов раздваивается, и здесь можно было бы провести аналогию с более ранними кремлями (Московским и Новгородским). А вот на тульских башнях, крытых кровлей, зубцы прямоугольные с имитацией «ласточкин хвост», как в Коломенском и Нижегородском кремлях. Действительно, крыть кровлей удобнее прямоугольные зубцы. Скорее всего, именно этим руководствовались реставраторы. Но можно ли считать раздвоенный «ласточкин хвост» на пряслах изначальной формой? На фотографиях начала XX в. и даже середины этого столетия, то есть до современной реставрации зубцы были прямоугольными и на пряслах. В. В. Косточкин считал закладку седловин зубцов первоначальной и уподоблял тульские зубцы коломенским и зарайским, где имитация «ласточкин хвост» есть только на лицевых поверхностях³. Однако на одной из фотографий самого же В.В. Косточкина⁴ видна тыльная сторона зубцов с полукружьями,

² Писцовая книга 1685 г. // Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1884. С. 40. Отмечу, что этот документ опубликован под названием «Писцовая книга 1685—86 гг.». Однако помещённая в начале документа дата (4 июля 1793 г.) точно указывает на год — 1685-й. Поэтому в статье этот документ именуется «Писцовой книгой 1685 г.».

³ Косточкин В.В. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960. С. 67—69.

⁴ Там же. С. 61.

что свидетельствует об аналогии тульских зубцов именно московским и новгородским, и оправдывает реконструкцию реставраторов (Илл. 2—7).

На одном прясле — между Ивановской воротной и Тайницкой башнями — парапет сплошной с полукружиями вверх. Было высказано мнение, что «Первоначально эта стена завершалась уникальными трёхрогими зубцами необычной ширины, что четко читается при рассматривании кладки данной стены. Верх восточной стены Тульского кремля имел трёхлопастные очертания, как и зубцы стен Зарайского кремля... Вероятно, подобные зубцы были и на других прямых стенах, как и у Зарайского кремля... В какое время верхняя часть остальных стен кремля была переложена и приобрела современный вид, остается загадкой. Непонятно также, почему были переложены три стены, а четвертая, восточная, преобразована в непрерывный парапет с бойницами... Ясно одно: декоративное убранство и общая архитектурная стилистика стен Зарайского кремля (1531) и восточной стены Тульского кремля (1520)... позволяют говорить о творческом почерке одного итальянского архитектора, вероятно до этого принимавшего участие в сооружении фортификаций на острове Родос или знакомого с архитектурой тех мест, так как именно такой тип трёхрогих зубцов представлен в архитектуре крепостей, принадлежавших ордену госпитальеров (иоаннитов)»⁵ (Илл. 8).

На наш взгляд, эта заманчивая гипотеза не соответствует действительности. Внимательное изучение парапета этого прясла приводит к заключению, что изначально и здесь были двурогие зубцы («ласточкин хвост»), но позднее промежутки между зубцами заложили. Эти закладки хорошо видны как с внешней, так и с внутренней стороны. Если мысленно убрать закладки, останется парапет с обычными двурогими, но не трёхрогими зубцами (Илл. 9—13).

Есть мнение, что закладка промежутков между зубцами и устройство на их месте бойниц были осуществлены в конце XVI в. в связи с необходимостью усиления этого участка, наиболее подверженного нападению татар⁶. Однако многие образованные

⁵ *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М., 2016. С. 120. Примерно то же самое и в другой работе: *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России. М., 2013. С. 785, 786.

⁶ *Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 62. К XVI в. относил закладку промежутков между зубцами на этом прясле и А.П. Рудаков: *Рудаков А.П.* Тульский кремль. Тула, 1995. С. 38.

при закладке бойницы с арочным завершением немного смещены от центра. То есть, они находятся не точно в промежутке между зубцами, а смещение затрагивает и кладку двурогих зубцов. Таким образом, эти бойницы не могли быть образованы просто при закладке промежутков между зубцами. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что промежутки были сначала заложены, а уже потом были проделаны бойницы с арочным завершением. При одновременности этих операций логичнее было бы разместить бойницы четко в промежутке между зубцами. Кроме того, нам представляется, что закладка промежутков между зубцами с образованием вместо них редких бойниц не усиливает обороноспособность участка, а снижает его, так как резко понижается общая огневая мощь и многие зоны оказываются слабо защищены. Если бы сплошной парапет с бойницами имел преимущество перед зубчатым, именно его возводили бы повсеместно, в том числе в других русских кремлях и итальянских замках.

Единственное место в Тульском кремле, где сегодня можно увидеть трёхрогие зубцы, это Одоевская воротная башня, причём таких зубцов там только два, остальные обычные двурогие. Но главное — Одоевская башня подверглась радикальной перестройке в последние десятилетия XVIII в.⁷ Более того, А.П. Рудаков не исключает, что башни Одоевских и Пятницких ворот вообще были переложены до основания ещё в XVII в.⁸ Если посмотреть на фотографию Одоевской башни начала XX в., то никаких трёхрогих зубцов там не обнаружится. Поэтому вопрос о времени появления таких зубцов на Одоевской башне остается открытым, но можно смело утверждать, что они не изначальные, а значит — не имеют никакого отношения к создателю Тульского кремля (Илл. 14—16).

В воротных башнях Тульского кремля применено два конструктивных варианта. Первый вариант реализован в Пятницкой и Одоевской воротных башнях Тульского кремля. Обе башни подверглись сильным перестройкам в XVI—XVIII вв.⁹ В своих рассуждениях нам во многом приходится опираться на современное состояние башен. Однако ещё в Писцовой книге 1587—1589 гг. об Одоевской воротной башне сказано «в обходе на воротех пушка»¹⁰,

⁷ Косточкин В.В. Указ. соч. С. 80.

⁸ Рудаков А.П. Указ. соч. С. 38.

⁹ Рудаков А.П. Указ. соч. С. 33; Косточкин В.В. Указ. соч. С. 79—80.

¹⁰ Писцовая книга дошла до нас в виде приправочного списка 1619/20 г. и публиковалась дважды: Писцовые книги Московского государства. Т. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 1079; Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 253.

что свидетельствует о существовании кругового обхода на башне уже тогда. В середине этих воротных башен устроено помещение, открытое вплоть до третьего яруса (без перекрытия на уровне второго яруса¹¹). Здесь противника, оказавшегося между внешними и внутренними воротами, было легко уничтожить через бойницы второго яруса, с кругового обхода, ограниченного зубчатым парапетом. Причём такая конструкция сочеталась в этих башнях с Г-образным проездом. Въездная арка располагалась не на фасадной стороне башни, а на боковой. Сегодня в Пятницких и Одоевских воротах устроены прямые проезды, но они пробиты позднее, арки изначальных ворот до сих пор видны на боковых сторонах этих башен¹². Благодаря такому решению, противник, приближаясь к воротам, оказывался обращен боком к крепостной стене, а с тылу его легко было поразить из соседней башни. Надо отметить, что в Тульском кремле впервые на Руси были применены воротные башни с Г-образным проездом. Удивляет лишь то, что въездные арки были расположена так, что, подходя к воротам, противник оказывался повернут к пряслу левым, то есть защищённым щитом, боком. Позднее Г-образный проезд в воротных башнях получит довольно широкое распространение, но внешние ворота будут располагать более логично — так, чтобы, подходя к воротам, противник оказывался повернут к пряслу правым, то есть незащищённым щитом, боком. Полагаем, что устройство Г-образных проездов в Тульском кремле стало экспериментальным и вскоре было усовершенствовано (в Косых воротах Коломенского кремля применена уже более логичная схема) (Илл. 17—20).

Второй вариант применен в Ивановской воротной башне и Башне Водяных ворот. Здесь воротный проезд простой, прямой, без ловушки в середине. На втором ярусе в центре этих башен устроено прямоугольное помещение с воротом для подъема герсы. Вокруг него проходит сводчатая галерея с бойницами наружу.

Как установлено А.П. Рудаковым при сравнении современных размеров Ивановской воротной башни с данными Писцовой книги 1685 г., перед этой башней раньше существовала трёхстенная пристройка. Исследователь отмечает, что в его время выходы из га-

¹¹ В.В. Косточкин, на мой взгляд, ошибочно относил единственный указанный в Писцовой книге 1685 г. «мост» Пятницкой башни к этому ярусу (Тула. Материалы для истории города... С. 39; *Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 78). «Мост», то есть перекрытие, было устроено выше, на уровне боевой площадки в зубцах.

¹² *Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 78, 80.

лереи в эту пристройку ещё были видны¹³. Такую пристройку часто называют «отводной стрельницей», хотя ни в одной описи я не встретил такого наименования. Ширина пристройки по разнице длины проезда должна была составлять от 3 до 4 саж. Подтверждением наличия пристройки является и факт наличия в этой башне трёх воротных створ¹⁴. Ещё одним косвенным подтверждением наличия пристройки может служить следующий факт. По Писцовой книге 1685 г. в среднем бою этой башни стояла полуторная пищаль на станку массой 54 пуда и длиной 4 аршина с вершком¹⁵. То есть, длина орудия составляла 2,93 м. Разместить её в сводчатой галерее с бойницами невозможно, так как ширина галереи во фронтальной части всего 1,1 м, а в боковых 0,7—0,8 м. Невозможно представить, чтобы орудие стояло в глухом центральном помещении, так как вести огонь отсюда невозможно, а для хранения орудий оно не очень подходит. Единственно, где можно разместить такое орудие, — это второй ярус пристройки. Но тогда получается, что пристройка имела глухое перекрытие, в то время как обычно такие пристройки имели значительное отверстие в центральной части для поражения прорвавшегося противника (Илл. 21).

Не исключено, что ворота в пристройке перед Ивановской воротной башней были расположены под углом к проезду (Г-образный проезд). Причём внешние ворота были расположены как раз со стороны прясла к Тайницкой башне, где промежутки между зубцами заложили¹⁶. Доказать или опровергнуть наличие трёхстенной пристройки, а возможно и ответить на вопрос о месте воротного проёма, могут только археологические раскопки. Если раскопки докажут вышеописанную конструкцию, это будет уникальный случай — ни в одном кремле нет пристроек с воротами на боковой стороне.

Все башни Тульского кремля, за исключением Башни «на погребу», снабжены **машикулями**. На воротных башнях отверстия машикулей в настоящее время заложены, и машикули являются лишь декоративным элементом. На угловых круглых башнях встречаются отверстия машикулей, но далеко не между всеми консолями. Причём расположение отверстий различается: в Тайницкой башне

¹³ Рудаков А.П. Указ. соч. С. 33. Эти выходы упоминает также В.В. Косточкин, приводя соответствующую фотографию (Косточкин В.В. Указ. соч. С. 74, рис. 18).

¹⁴ Писцовая книга Тулы 1685 г. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Вроде бы об этом свидетельствуют и планы Тулы XVIII в. (Косточкин В.В. Указ. соч. С. 75, рис. 3, 35).

отверстия устроены под зубцами (и то не всеми), а в Никитской, Наугольной и Спасской — между зубцами (Илл. 22—24).

Расположение машикулей на башнях, но не на пряслах, встречается также в Московском и Коломенском кремлях (хотя тоже не на всех башнях). Вместе с тем, в некоторых кремлях (Новгородском, Нижегородском, Зарайском) машикулей нет даже на башнях¹⁷ (Илл. 25).

Если редко встречающиеся отверстия машикулей можно объяснить ошибкой реставраторов, то незначительный вынос парапета на консолях явно изначальный и свидетельствует о малой боевой применимости машикулей в Тульском кремле. Такое пренебрежительное отношение к машикулям резко отличает русские кремли от итальянской фортификации, где военные архитекторы очень широко применяли машикули, причём не только на башнях, но и на куртинах. Альберти в своем трактате «Десять книг о зодчестве» середины XV в. писал о необходимости устройства машикулей, особенно над воротами¹⁸. Другой известный итальянский архитектор Антонио Аверлино (Филарете), принимавший участие в строительстве Кастелло Сфорцеско, друг и учитель Аристотеля Фиораванти, в своем «Трактате об архитектуре» (завершен предположительно в 1464 г.) писал, что куртины, башни и ворота должны завершаться зубчатым парапетом на консолях; последние выступают наружу на 1,5 браччо (0,9 м), а между консолями оставляют промежутки, также по 1,5 браччо (0,9 м), образующие машикули¹⁹. И действительно, отверстия машикулей в памятниках итальянского военного зодчества того времени весьма широкие, благодаря значительному выносу консолей. Например, в Кастелло Сфорцеско в Милане выступ консолей был устроен таким образом, чтобы внешняя поверхность стены соответствовала внутренней стороне парапета. При этом отверстия навесного боя имели размер 0,7—0,8 м²⁰. В русских кремлях выступ и сами отверстия значительно меньше: например, на Маринкиной башне Коломенского кремля, по нашим замерам, отверстия машикулей имеют размеры 0,3—0,4 м в длину и ширину. В русских кремлях из-за недостаточного выноса парапета на консолях внешняя поверхность стены не соответство-

¹⁷ Машикули на Покровской башне Новгородского кремля и Дмитриевской башне Нижегородского кремля являются результатом более поздних перестроек.

¹⁸ Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. Т. 1. М., 1935. С. 121.

¹⁹ Филарете (Антонио Аверлино). Трактат об архитектуре. М., 1999. С. 72, 73, 98, 99, 101, 102.

²⁰ Beltrami L. Il Castello di Milan: (Castrum Portae Jovis) sotto il dominio dei Visconti e degli Sforza 1368—1535. Delhi, 2019. P. 628.

вала внутренней стороне парапета, обстрел подошвы стены был сильно затруднён, если вообще возможен (Илл. 26—34).

В башнях Тульского кремля очень редко применены своды в качестве межэтажных перекрытий. Своды были только в двух круглых угловых башнях (Спасской и Никитской) и только на первом ярусе. Сегодня свод сохранился только в Никитской башне, в Спасской он давно обрушился²¹. Альберти в своем трактате в отношении перекрытий башен следовал античным авторам (в первую очередь Витрувию) — перекрытия должны быть не сводчатыми, а деревянными балочными. По его мнению, их запрещается даже прибавать гвоздями, чтобы в случае захвата башен врагом их можно было быстро разобрать или сжечь²². В отличие от него Филарете рекомендовал перекрытие башен сводами на всех этажах и устройство межэтажных лестниц в толще стен²³. Это было отражение реалий итальянской фортификации XV в. В Северной Италии башни, круглые или прямоугольные, в XV в., как правило, перекрывались сводами на всех ярусах (Илл. 35).

Обращает на себя внимание и такой факт: своды широко применены в башнях тех кремлей, где участие в строительстве итальянских зодчих имеет документальное подтверждение (Московский и Нижегородский кремли). Но при этом своды отсутствуют в башнях Зарайского кремля и очень слабо применены в Новгородском кремле (только первые ярусы башен) и Коломенском кремле (в проездом ярусе Пятницкой и шестом ярусе Грановитой башни). Для трёх последних кремлей участие итальянских зодчих не имеет подтверждения в письменных источниках и предполагается только на основе сходства архитектурных форм.

Три башни Тульского кремля — Ивановская воротная, Башня «на погребу» и Башня Водяных ворот — имеют необычные выступы-расширения (лопатки) по бокам башен со стороны кремля («крылышки»). Ничего похожего в других кремлях не встречается. Предназначение и время появления этих выступов пока остается неясным (Илл. 36, 37).

Система сообщений между боевым ходом прясел, этажами башен и внутренней территорией Тульского кремля была сложной и хорошо продуманной.

²¹ В Писцовой книге 1685 г. свод упомянут только в Никитской башне, а о Спасской сказано, что там три «моста деревянных» (Тула: Материалы для истории города... С. 39).

²² Альберти Л. Б. Указ. соч. С. 121.

²³ Филарете (Антонио Аверлино). Указ. соч. С. 75, 76, 81, 82.

На боевой ход прясел можно было попасть двумя способами: по лестнице в толще прясла или через башни. Лестница в толще прясла встречается только в двух местах восточной половины кремля. Недалеко от Ивановской воротной башни на прясле к Никитской устроена дверь, которая ведёт на лестницу в толще прясла и далее на боевой ход (Илл. 38). На этой лестнице находятся две бойницы, образующие как бы средний бой с прясла Ивановская воротная — Никитская. Именно об этой лестнице в Писцовой книге 1685 г. сказано: «по правую сторону той башни в стене на город всход»²⁴. Такой же всход на прясло устроен возле Башни Водяных ворот в сторону Наугольной башни.

На боевой ход прясел можно также попасть из первых ярусов башен западной стороны кремля. Двери на уровне дневной поверхности в Никитской и Спасской башнях ведут в небольшое помещение, откуда можно попасть в первый ярус башни, а лестница наверх, устроенная в толще прясла, выводит на боевой ход возле башни. Из первых, воротных, ярусов воротных башен западной стороны (Одоевской и Пятницкой) также можно попасть на боевой ход по лестницам, устроенным в толще стен башен. В Одоевской башне устроено даже две таких лестницы по обе стороны от воротного проезда (Илл. 39). Но не исключено, что изначально была только одна лестница, как в Пятницкой башне. В башнях восточной стороны прямое сообщение между территорией кремля и боевым ходом прясел не предусмотрено.

Во всех воротных башнях 1-й ярус не имел сообщения с верхними ярусами этих же башен. На 2-е ярусы воротных башен можно попасть только с боевого хода прясел. Благодаря такому устройству, противник, даже ворвавшись через ворота, не мог захватить воротную башню и оставался под огнём с неё. А вот 3-е ярусы воротных башен соединены со 2-ми ярусами каменно-кирпичными лестницами в боковых стенах башен.

Глухие угловые башни западной и восточной сторон имеют разное сообщение между ярусами. В Никитской башне с уровня дневной поверхности можно попасть только на 1-й ярус. На 2-й ярус попадают исключительно с боевого хода. То есть, чтобы попасть во 2-й ярус башни с земли, нужно с 1-го яруса башни подняться по одной лестнице на боевой ход, а затем спуститься по другой лестнице на 2-й ярус башни. На 3-й ярус попа-

²⁴ Тула: Материалы для истории города... С. 39.

дают непосредственно с боевого хода, так как они находятся как раз на одном уровне (Илл. 40). Сообщений между 1-м и 2-м, а также 2-м и 3-м ярусами башни, внутри самой башни нет. Это должно было заставить противника биться за каждый ярус по отдельности. И только 3-й и 4-й ярусы соединены кирпичной лестницей в толще стены башни. По-другому придумать здесь что-то невозможно, так как 4-й ярус башни возвышается над пряслами. Спасская башня почти подобна Никитской. Отличие состоит только в том, что на 2-й ярус сегодня попадают по пристроенной снаружи деревянной лестнице, но последний вид сообщения, скорее всего, не изначальный.

Угловые башни восточной стороны (Наугольная и Тайницкая) имеют совершенно иное устройство лестниц. В Наугольной башне устроенная на уровне дневной поверхности рядом с башней лестница выводила на 1-й ярус башни. 1-й и 2-й ярусы соединялись каменно-кирпичной внутрискладной лестницей. На этой лестнице сделаны две бойницы в сторону Пятницкой башни. 2-й и 3-й ярусы, а также 3-й и 4-й ярусы Наугольной башни сообщались приставными деревянными лестницами через отверстие в перекрытии. С боевого хода можно было попасть только на 2-й ярус Наугольной башни (Илл. 41). Тайницкая башня лишь немного отличается от Наугольной: с боевого хода прясел можно попасть и на 2-й, и на 3-й ярусы, которые здесь сообщаются через коридор в толще стены башни. В остальных переходах в Тайницкой башне аналогичны Наугольной.

Глухая прямоугольная Башня «на погребу» уникальна для Тульского кремля и не приспособлена для самостоятельной обороны. В этой башне есть сообщение между всеми ярусами. И это же единственная башня кремля без машикулей.

В нижней части прясел Тульского кремля размещены **бойницы подошвенного боя**. Тульский кремль не стал в этом отношении новаторским. Бойницы подошвенного боя получают распространение на Руси с конца XV в. Такие бойницы с печурами на уровне земли и сегодня можно видеть в пряслах Новгородского, Нижегородского, Коломенского и Зарайского кремлей. В Московском Кремле сегодня их нет, но, похоже, первоначально они были — они видны на «Кремленаграде», рисунках Мейерберга и др. изобразительных источниках и фиксируются на восточной стороне Кремля по описи 1667 г.²⁵ Но вот по частоте применения бойниц

²⁵ Викторов А.Е. Описание ветхостей в башнях и стенах Московского Кремля, Китайского города и Белого города, 1667 года. Б.м., 1877. С. 2, 6.

подошвенного боя Тульский кремль стал передовым. Если в предшествующих Новгородском и Нижегородском кремлях бойницы подошвенного боя единичны и применены лишь на особо опасных участках, то Тульский кремль стал первым, где такого рода бойницы размещены по всему периметру и с завидной частотой. По нашим обмерам, на прясле Одоевская воротная — Никитская башни бойницы подошвенного боя устроены через каждые 13,8 м, на прясле Никитская — Ивановская воротная — через каждые 20 м.

Всего в Тульском кремле насчитывается 52 бойницы подошвенного боя²⁶. Число бойниц на разных пряслах варьируется от 4 до 10 (Табл. 2). Чаще всего встречается 5 бойниц на прясло. Наименьшее число таких бойниц (4) приходится на восточную сторону (прясла Ивановская воротная — Тайницкая и Тайницкая — Башня «на погребу»), наибольшее число таких бойниц устроено в юго-западной стене (прясло Никитская — Одоевская 10 бойниц, прясло Одоевская — Спасская — 9). Видно, что по числу бойниц подошвенного боя наиболее защищёнными оказывались прясла западной стороны кремля (от Спасской до Никитской башен). Этот факт может свидетельствовать о том, что строители кремля считали эту сторону наиболее подверженной опасности.

На западной и восточной сторонах кремля бойницы подошвенного боя и их печуры имеют существенные отличия (Табл. 3). В западной стороне бойницы подошвенного боя (отнесем их к типу А) узкие вертикальные с ещё более узкой вертикальной щелью вверх (общая высота 65 см, ширина 20 см), в плане прямые (без сужения в центральной части), со стороны кремля снабжены небольшой расширяющейся в сторону кремля сводчатой нишей-печурой (макс. высота 1,2 м, ширина 1,3 м, глубина 1,3 м), не достигающей до низа стены, а вместо этого имеющей белокаменный подоконник²⁷. В восточной половине кремля бойницы подошвенного боя (тип Б) Х-образные в плане (сужаются в толще стены ближе к внутренней части почти до квадрата с длиной стороны около 20 см), с наружных сторон широкие прямоугольные (по горизонтали шире, чем по вертикали, размеры снаружи 75×35 см (варьируются от 60×40 см до 75×55 см), изнутри 50×25 см), со стороны кремля снабжены большой полу-

²⁶ На некоторых пряслах бойницы подошвенного боя сегодня снаружи заложены и фиксируются только изнутри.

²⁷ Цифры приведены по нашим замерам для бойницы подошвенного боя на прясле Одоевская воротная — Спасская башни. Обмеренные бойницы приведены на фотографиях.

циркульной нишей-печурой (высота 1,7 м, ширина 1,9 м, глубина 0,6 м)²⁸. Бойницы типа А изнутри в верхней части (либо полностью) выложены кирпичом (как и печуры), а снаружи полностью обложены белым камнем. Бойницы типа Б выложены белым камнем с обеих сторон, печуры также полностью белокаменные (Илл. 42—45).

В других русских кремлях бойниц подошвенного боя, аналогичных тульским, нет. В Нижегородском кремле эти бойницы устроены в больших и глубоких кирпичных печах, снабженных дымоотводами, сами бойницы представляют собой обрамленные белым камнем вертикальные щели (высота 50 см, ширина 10—15 см). В Зарайском кремле они изнутри имеют печуры, похожие на тульский тип А, однако снаружи снабжены либо примерно такими же по размеру выложенными кирпичом печами, либо широким белокаменным раструбом. В Коломенском кремле бойницы подошвенного боя представляют собой вертикальные щелевидные бойницы, расширяющиеся наружу и внутрь и перекрытые белокаменной перемышкой или снабженные снаружи кирпичным сводом, но без печур изнутри. В Новгородском кремле они снабжены очень широкими и глубокими печами изнутри (высота 1,8 м, ширина 2,9 м, глубина 2,0 м) и почти такими же расширяющимися наружу печами снаружи (высота 1,2 м, ширина 2,2 м, глубина 1,7 м); не исключено, что видимые здесь сегодня бойницы подошвенного боя являются результатом работ в XVI или XVII в. В Московском кремле бойницы подошвенного боя не сохранились, и судить об их форме невозможно.

Все исследователи обращали внимание на **конструктивное отличие стен и башен на разных сторонах** Тульского кремля. Если провести линию с юга на север, от угловой Никитской до Наугольной башни, то окажется, что в восточной половине угловые башни массивнее, прясла толще, выше белокаменная облицовка прясел и башен, выходящая к реке сторона имеет четыре башни, а не три, как другие; в западной же половине основным материалов служил кирпич, камнем стены облицованы на меньшую высоту, да и прясла немного тоньше. Отличаются по своей конструкции воротные башни, бойницы подошвенного боя и их печуры и даже зубцы (по пропорциям, форме и перевязке с башнями)²⁹. Эти различия свиде-

²⁸ Цифры приведены по нашим замерам для бойницы подошвенного боя на прясле Ивановская воротная — Тайницкая башни. Обмеренные бойницы приведены на фотографиях.

²⁹ Рудаков А. П. Указ. соч. С. 23, 24; Косточкин В. В. Указ. соч. С. 57, 60, 61, 70; Бурцев И. Г. Город «каменной на Туле»: Заметки к 500-летию тульского кремля //

ны нами в **Табл. 4 (Илл. 46, 47)**. Но вот объяснение этому исследователи давали разное. А.П. Рудаков полагал, что выходящая к реке сторона была наиболее подверженной атаке, поэтому и получила более мощные укрепления, в то время как другие стороны кремля прикрывали стены посада³⁰. В.В. Косточкин высказал предположение, что в разные периоды строительства применялся разный материал — белокаменные части относятся к первому этапу (к закладке кремля в 1507 г.), а кирпичные к третьему (к перестройке деревянного кремля (второй этап) в кирпиче в 1514—1520 гг.)³¹. Совсем недавно И.Г. Бурцевым была выдвинута ещё одна гипотеза: «изначально весь тульский кремль был построен из белого камня», а в 1780-е гг. западная сторона кремля была полностью перестроена («заново отстроена») из кирпича³².

На наш взгляд, все эти гипотезы не выдерживают критики. Мнение А.П. Рудакова потому, что, как доказал В.В. Косточкин, посадские укрепления были возведены намного позже кремля³³. Соответственно, на момент возведения кремля наиболее защищённой оказывалась как раз выходящая к реке сторона, а три остальные — наименее защищёнными. Гипотезам В.В. Косточкина и И.Г. Бурцева противоречат общие тенденции строительства кремлей в конце XV — первой трети XVI в. Все кремли в так называемом «итальянском стиле» (Новгородский, Московский, Нижегородский, Тульский, Коломенский, Зарайский) возводились в нижней части из белого камня, а в верхней из кирпича. С периодами строительства это никак не связано. К тому же версия В.В. Косточкина не может объяснить различие в пропорциях башен и зубцов, толщине прясел и др. А гипотезе И.Г. Бурцева противоречат различия в формах бойниц подошвенного боя и их пещур (устроены в белокаменном цоколе, который «изначальный»), наличие воротных арок на боковых сторонах Пятницкой и Одовской башен (если эти башни были выстроены заново в 1780-е гг. наподобие московских, зачем потребовалось пробивать арки в боковых сторонах?), наличие сводов в башнях западной стороны кремля и их отсутствие в башнях восточной (зачем в «бутафор-

Город Средневековья и раннего Нового времени II(V): археология, история. Тула, 2016. С. 351, 352.

³⁰ Рудаков А.П. Указ. соч. С. 23, 24.

³¹ Косточкин В.В. Указ. соч. С. 57.

³² Бурцев И.Г. Указ. соч. С. 352.

³³ Косточкин В.В. Указ. соч. С. 44, 95.

ской» части кремля конца XVIII в. делать сложные своды? К тому же эти своды упоминаются ещё в документах XVII в.).

Более вероятным объяснением нам представляется следующее. Строительством восточной и западной сторон руководили два разных мастера, по-разному понимавших принципы обороны. Отсюда наблюдаемые различия. Маловероятно, чтобы при строительстве кремля на пустом месте не был разработан единый план, и стройку повели с разных сторон две бригады под руководством разных мастеров³⁴. Поэтому представляется, что кремль сначала был выстроен из дерева, а затем его постепенно, в два этапа, перестроили в камне/кирпиче. Тогда вполне могло случиться, что половину кремля перестроили под руководством одного мастера, а затем его сменил другой, который внес некоторые конструктивные изменения (Илл. 48).

Тульский кремль, подобно Московскому, Новгородскому, Нижегородскому, Зарайскому и Коломенскому, имеет все черты итальянского влияния: сочетание кирпича с белокаменным цоколем и валиком, арки с внутренней стороны прясел, машикули на башнях, зубцы в форме «ласточкин хвост» и др. Итальянское влияние на Тульский кремль отрицать бессмысленно. Но как это влияние сказалось — напрямую (участие в строительстве итальянского зодчего) или опосредованно (через Московский Кремль) — вопрос совсем не такой простой.

В историографии вопроса об итальянском влиянии на русское оборонительное зодчество можно выделить три периода — дореволюционный, советский и постсоветский. А.П. Рудаков в своей работе, впервые увидевшей свет в 1916 г., назвал Тульский кремль «полу-итальянским замком-крепостью»³⁵. Итальянское влияние не отрицалось, исследователь считал «заброшенную тульскую крепость верным повторением северо-итальянских замков», не исключал вероятность её возведения иностранным инженером³⁶. В советское время преобладала тенденция преуменьшения значения итальянских мастеров в создании крепостных сооружений на Руси. Например, в отношении Тульского кремля известный исследователь военного зодчества В.В. Косточкин отмечал: «индивидуальные творческие особенности иноземного зодчего в Тульском кремле проявляются очень слабо... В основном же кремль

³⁴ Такую гипотезу тоже высказал В.В. Косточкин: *Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 86.

³⁵ *Рудаков А.П.* Указ. соч. С. 41.

³⁶ Там же. С. 19, 20.

Тулы — чисто русское сооружение»³⁷. Для постсоветского периода характерна обратная тенденция — восторженное и безоговорочное приписывание творениям итальянских мастеров всех памятников, в которых есть хоть какие-то западноевропейские черты. Круг памятников, приписываемых итальянцам, ширится с каждым годом. К предположительным работам итальянских мастеров только по внешним архитектурным формам относят не только Тульский, но и Новгородский, Зарайский и Коломенский кремли, а также многие другие крепости³⁸.

Хотелось бы обратить внимание, что документальные свидетельства участия итальянских мастеров в строительстве Тульского кремля отсутствуют, а детальные (с применением точных обмеров, а не на глазок) архитектурные сравнения с итальянскими образцами до сих пор не проводились ни для одного нашего кремля. И не стоит забывать, что русские мастера могли возводить памятники в итальянском стиле (с теми же итальянскими чертами) и сами, что хорошо видно по крепостям второй половины XVI — первой трети XVII в. (Астраханский, Казанский, Серпуховской кремли, Смоленская и Можайская крепости), когда ни один итальянец в России уже давно не работал. И для начала XVI в. до проведения детальных исследований безоговорочно отрицать работу русского зодчего в Туле в подражание Московскому Кремлю, на мой взгляд, не стоит.

³⁷ Косточкин В.В. Указ. соч. С. 86.

³⁸ Мильчик М.И. Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Кремли России. М., 2003. С. 510; Воронникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России... С. 14; Воронникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России... С. 119.

Таблица 1

Основные характеристики крепостных сооружений кремлей
в итальянском стиле конца XV — первой трети XVI в.

Кремли	Основное время строительства, гг.	Форма в плане	Куртины		Число и тип башен (изначальное / сохранившееся число)
			Высота (без кровли), м	Толщина, м	
Новгород Великий	1484—1491/1499	многоугольник, близкий к овалу	8—15	3,6—6,5	12 / 9 (круглые и прямоугольные) ³⁹
Москва	1485—1495/1499, 1508—1519, 1599—1600	многоугольник, близкий к треугольнику	4,5—16,5*	3,3—4,5 3,0—5,1	18** (2 круглые, одна многогранная, остальные прямоугольные) ⁴⁰
Нижний Новгород	1500/1508/1509—1512/1515/1517	многоугольник	12—15	3,5—4,7	13 (D-образные и прямые) ⁴¹
Тула	1507/1509/1514—1520	прямоугольник	8,4—10,7	2,7—3,1	9 (круглые и прямоугольные) ⁴²

³⁹ Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. С. 18; Мильчик М.И. История Ивангорода в конце XV—XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 59. Прим. 14, 15; Мильчик М.И. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна, 2009. С. 137; Янин В.Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. // СА. № 1. 1978. С. 259—260.

⁴⁰ Бартенев С.П. Московский кремль в старину и теперь. Т. 1. М., 1912. С. 33, 41, 118; Петров Д.А. Русские летописи и вопросы хронологии строительства стен и башен Московского Кремля в 1480—1490-х гг. // Архитектурное наследие. Вып. 60. М.; СПб., 2014. С. 27—42; Панова Т.Д. Алевизов ров — история и материалы исследования // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М., 2014. С. 377—379; ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 202.

⁴¹ Трофимов И. В., Кирьянов И. А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31. М., 1953. С. 319, 323, 325—329; Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Нижний Новгород, 2010. С. 31—33.

⁴² Косточкин В.В. Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960. С. 54; Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России... С. 119; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IX. № 13 (1676 г.). С. 29; Писцовая книга 1685 г. С. 40.

Коломна	1525—1531	многоугольник	18—21*	3—4,5	16 (3 прямоугольные воротные, 2 многогранные, 1 круглая и 10 прямоугольных) ⁴³
Зарайск	1528—1531	прямоугольник	6,4—8,5	ок. 3	7 (4 многогранные, 3 прямоугольные воротные) ⁴⁴

* Снаружи куртины, как правило, выше, чем изнутри.

** Выстроенная в 1680 г. Царская башня, как и отводные башни у ворот, в это число не включены.

Таблица 2

**Число и тип бойниц подошвенного боя на разных пряслах
Тулского кремля**

Прясло	Число бойниц подошвенного боя	Тип бойниц подошвенного боя
Никитская — Одоевская воротная	10	А
Одоевская воротная — Спасская	9	А
Спасская — Пятницкая воротная	5	А
Пятницкая воротная — Наугольная	5	А
Наугольная — башня Водяных ворот	5	Б
Башня Водяных ворот — башня «на погребу»	5	Б
Башня «на погребу» — Тайницкая	4	Б
Тайницкая — Ивановская воротная	4	Б
Ивановская воротная — Никитская	5	Б

⁴³ Сергеева-Козина Т.Н. Коломенский кремль (опыт реконструкции) // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952. С. 133, 136, 144; Чернышев М.Б. Реконструкция первоначальных форм четырёхугольных башен кремля Коломны // Кремли России (материалы и исследования ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль». Вып. XV). М., 2003. С. 384; Мазурова Н.Б. Количество башен Коломенского кремля в XVI веке // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна, 2009. С. 176, 177; Мазуров А.Б. Коломенский кремль — символ России и Подмосковья: История выдающегося памятника русского оборонного зодчества. Коломна, 2015. С. 104.

⁴⁴ Перлов И.П. Зарайские укрепления XVI—XVII вв. // Труды Зарайского Краевого Музея. Вып. 1. Зарайск, 1927. С. 27; Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России... С. 785.

Таблица 3

Характеристики бойниц подошвенного боя разных типов

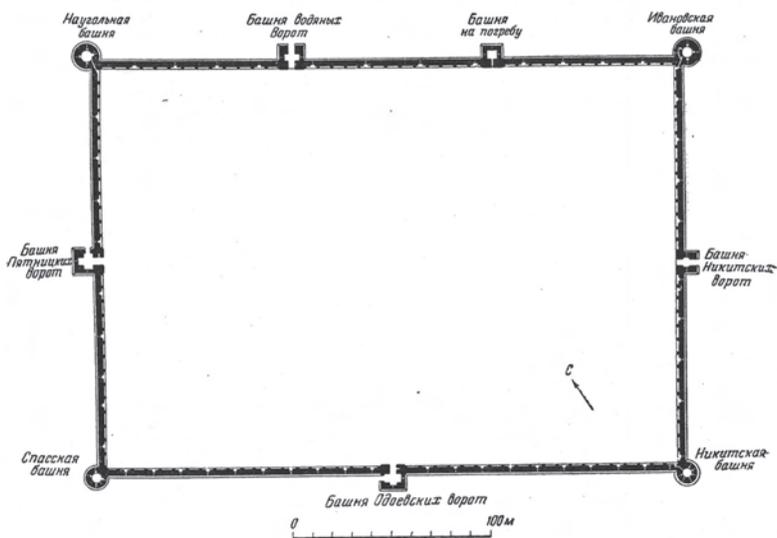
	Тип А	Тип Б
Бойница снаружи	Узкая вертикальная щель с ещё более узкой вертикальной щелью вверх. Полностью облицована белым камнем.	Широкая прямоугольная. По горизонтали шире, чем по вертикали. Размеры варьируются от 60×40 см до 75×55 см (ширина и высота). Полностью облицована белым камнем.
Бойница изнутри	Отверстие бойницы точно такое же, как снаружи. Вверху выложена кирпичом, внизу белым камнем.	Прямоугольная, но меньше, чем снаружи. Размеры примерно 50×25 см (ширина и высота). Полностью облицована белым камнем.
Бойница в плане	Прямая, без сужения в центральной части.	Х-образная, сужение ближе к внутренней части.
Размеры бойницы	Высота 65 см, ширина 20 см.	В самой узкой части около 20×20 см.
Печура	Небольшая расширяющаяся в сторону кремля. Вверху сложена из кирпича, внизу из белого камня.	Большая полуциркулярная, полностью белокаменная.
Размеры печуры	Макс. высота 1,2 м, ширина 1,3 м, глубина 1,3 м.	Высота 1,7 м, ширина 1,9 м, глубина 0,6 м.

Таблица 4

Отличия военной архитектуры на западной и восточной половинах Тульского кремля

	Западная половина кремля (башни и прясла Никитская — Одоевская воротная — Спаская — Пятницкая воротная — прясло к Наугольной башне)	Восточная половина кремля (прясло от Никитской к Ивановской воротной — башни и прясла Ивановская воротная — Тайницкая — «На погребу» — Водяных ворот — Наугольная)
Материал	Кирпич и белый камень. Белокаменная облицовка ниже, чем в восточной половине.	Кирпич и белый камень. Белокаменная облицовка выше, чем в западной половине.
Число башен на сторонах кремля	Везде по 3 башни.	На юго-восточной стороне 3 башни, вдоль реки Упы 4 башни.

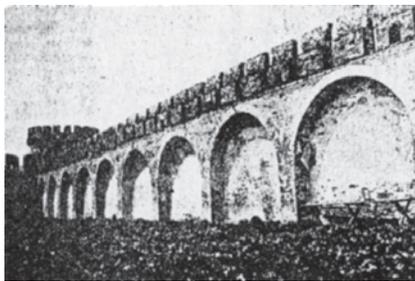
Прясла	Немного тоньше (2,71 м по В.В. Косточкину).	Немного толще (3,12 м по В.В. Косточкину). В толще прясла Ивановская воротная — Никитская устроена лестница на боевой ход с двумя бойницами среднего боя. Такой же всход есть на прясле Башня Водяных ворот — Наугольная.
Зубцы	Высокие и стройные.	Более низкие и приземистые. На прясле Ивановская воротная — Тайницкая промежутки между зубцами заложены.
Бойницы подошвенного боя	Тип А	Тип Б
Глухие угловые башни	Более сложное устройство сообщения между ярусами башен. Только 3-й и 4-й ярусы башен соединены между собой внутренней кирпичной лестницей. Остальные ярусы напрямую внутри башни не соединяются.	Немного массивнее (ниже и толще), чем в западной половине. Более простое устройство сообщения между ярусами башен. Все ярусы башен соединены между собой: 1-й и 2-й внутренней каменно-кирпичной лестницей, остальные ярусы приставными деревянными лестницами через отверстие в перекрытии.
Сообщение угловых круглых и воротных башен с боевым ходом прясел	На боевой ход можно попасть по лестницам из первых ярусов башен. С боевым ходом прясел сообщаются также вторые и третьи ярусы башен.	Из первых ярусов башен нельзя попасть на боевой ход. С боевым ходом сообщаются только вторые ярусы башен (в Тайницкой ещё и 3-й ярус).
Воротные башни	Более сложная защита воротного проезда: Г-образный проезд с ловушкой в середине башни, обстреливаемый с круговой галереи второго яруса.	Более простой прямой воротный проезд, без ловушки в середине башни. Перед Ивановской воротной башней, возможно, существовала трёхстенная пристройка.
Машикули	На всех башнях.	На всех башнях, кроме Башни «на погребу».
Другое		Прямоугольные башни (Ивановская воротная, Башня «на погребу» и Башня Водяных ворот) имеют необычные выступы-расширения (лопатки) по бокам башен со стороны кремля.

Илл. 1. План Тульского кремля по В.В. Косточкину. В тексте данной работы две башни носят более принятые сегодня названия: Ивановская воротная башня вместо Башни Никитских ворот и Тайницкая башня вместо Ивановской башни.

Илл. 2 и 3. Зубцы Тульского кремля сегодня. Фотографии автора, 2019 г.

Илл. 4 и 5. Стены Тульского кремля в начале XX в.

Илл. 6 и 7. Зубцы Тульского кремля, фотографии В.В. Косточкина (до 1960 г.) (*Косточкин В.В.* Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960. С. 56, 61).

Илл. 8. Рисунок А.В. Степаненко по реконструкции И.А. Воротниковой зубцов на прясле между Ивановской воротной и Тайницкой башнями (*Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М., 2016. С. 127).

Илл. 9—13. Парпет на пряле между Ивановской воротной и Тайницкой башнями. Фотографии автора, 2019 г.

Илл. 14 и 15. Одоевская воротная башня сегодня. Фотографии автора, 2019 г.

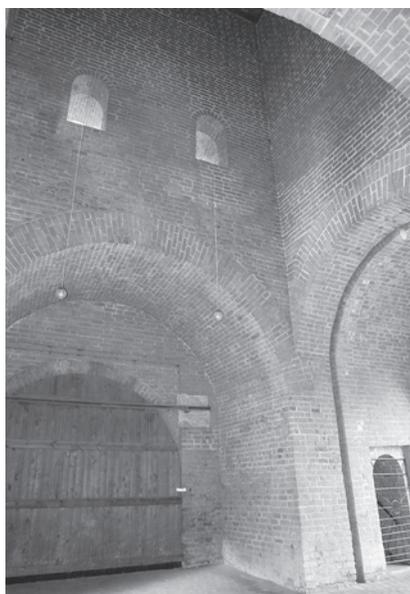
Илл. 16. Одоевская воротная башня в начале XX в. По А.П. Рудакову.

Илл. 17. Пятницкая воротная башня. Изначально в ней был устроен Г-образный проезд с ловушкой в середине и круговой галереей на втором ярусе. Слева можно видеть первоначальную воротную арку. Арка справа для прямого проезда была пробита позднее. Фотография автора, 2019 г.

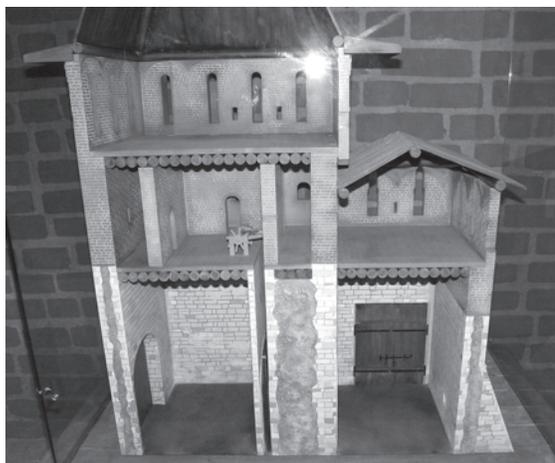
Илл. 18. Пятницкая воротная башня. Вид через бойницу второго яруса на Г-образный проезд. Отсюда проникшего между воротами противника было легко уничтожить. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 19. Пятницкая воротная башня. Вид на Г-образный проезд снизу. Вверху видны бойницы галереи кругового обхода второго яруса. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 20. Высокое помещение в центре Пятницкой воротной башни. Над воротным проходом видны бойницы галереи второго яруса. Фотография автора, 2019 г.

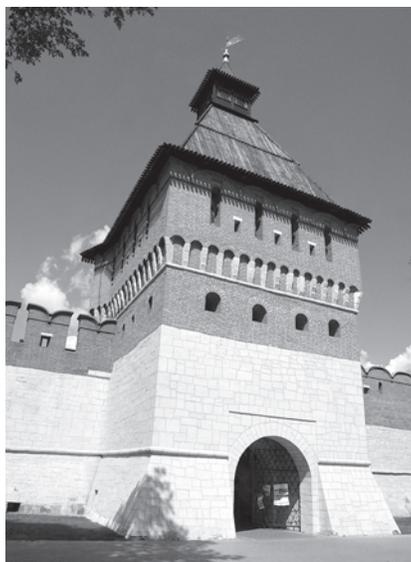
Илл. 21. Макет Ивановской воротной башни, демонстрирующий пристройку с воротами на боковой стороне. Фотография автора, 2019 г.

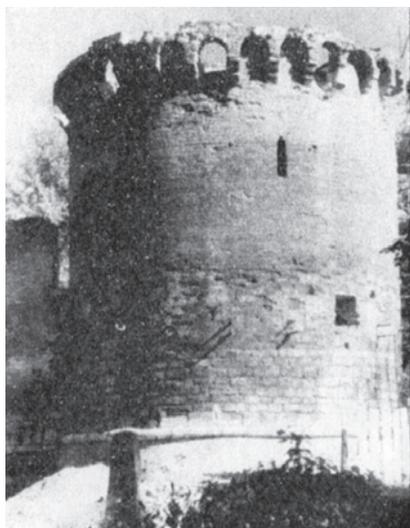
Илл. 22. Тайницкая башня. Отверстия машикулей под зубцами. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 23. Никитская башня. Отверстия машикулей между зубцов. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 24. Ивановская воротная башня. Сегодня машикули заложены и являются лишь декоративным элементом. Фотография автора, 2019 г.

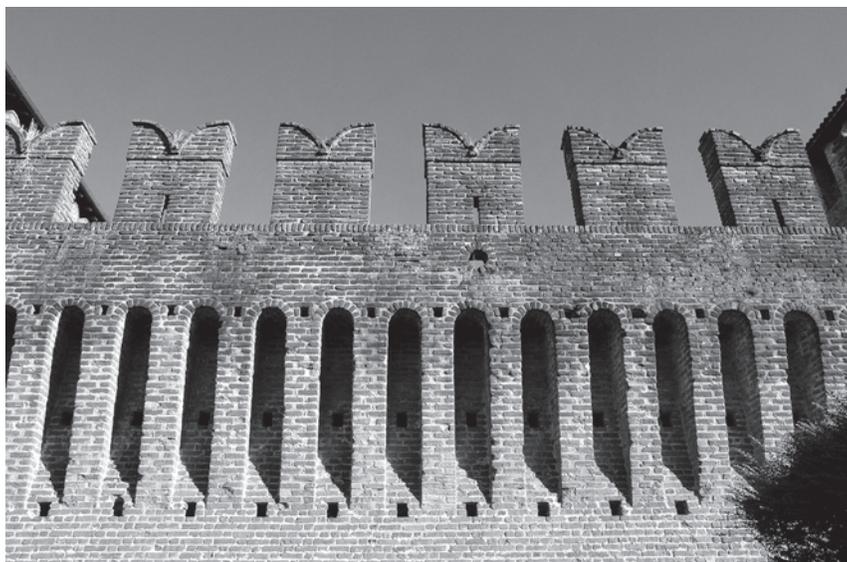
Илл. 25. Фотография одной из угловых башен Тульского кремля начала XX в. По А.П. Рудакову.

Илл. 26. Зубчатый парапет и машикули на куртине Каstellо Сфорцеско в Милане. Фотография автора, 2017 г.

Илл. 27. Рокка Сфорцеско в Сончино, 1473—1475 гг. Фотография автора, 2017 г.

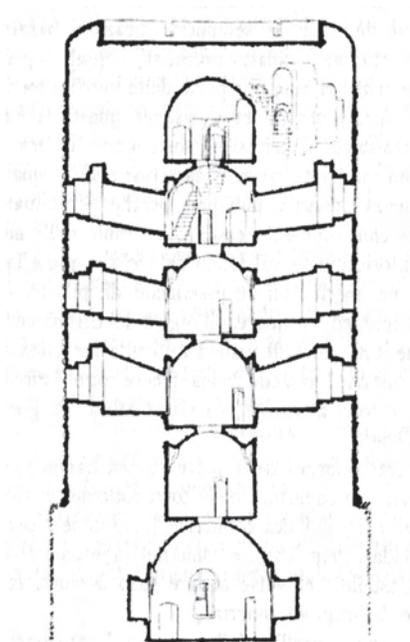
Илл. 28 и 29. Один из замков Сфорца — замок Галлиате. Фотографии автора, 2017 г.

Илл. 30—32. Машикули на Маринкиной башне Коломенского кремля. Фотографии автора, 2019 г.

Илл. 33 и 34. Боевая площадка в башнях Тульского кремля (Никитская башня) и Рокка Сфорцеско в Сончино. Хорошо видно различие в устройстве машикулей. Фотографии автора, 2019 и 2017 гг.

Илл. 35. Восточная круглая угловая башня Каstellо Сфорцеско в Милане, поперечный разрез. Хорошо видны своды на всех ярусах. По Л. Бельтрами.

Илл. 36. Ивановская воротная башня. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 37. Башня «на погребу». Фотография автора, 2019 г.

Илл. 38. Ивановская воротная башня, вид со стороны кремля. Справа можно видеть дверь, за которой находится лестница на боевой ход прясла. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 39. Выход на боевой ход из лестницы в Одоевской башне. Вдали виден второй такой же выход. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 40. На переднем плане два выхода из лестниц на боевом ходу прясла возле Никитской башни. Ближайший — это выход из лестницы, ведущей с первого яруса. Дальний ведет на лестницу на второй ярус башни. В месте пересечения боевых ходов с башней видна дверь, выводящая на третий ярус башни. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 41. Место примыкания боевого хода прясел к Наугольной башне. Лестница вниз ведет на второй ярус башни. На третий ярус отсюда попасть невозможно. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 42. Бойница подошвенного боя (тип А) на прясле Одоевская воротная – Никитская башни. Вид снаружи. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 43. Бойница подошвенного боя (тип А) на прясле Одоевская воротная – Спаская башни. Вид изнутри. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 44 и 45. Бойница подошвенного боя (тип Б) на прясле Ивановская воротная – Тайницкая башни. Вид снаружи и изнутри. Фотографии автора, 2019 г.

Илл. 46. Восточная сторона кремля, выходящая к реке Упе. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 47. Западная сторона кремля, прясло от Одоевской башни к Никитской. Фотография автора, 2019 г.

Илл. 48. Перепад белокаменной облицовки на прясле Никитская – Ивановская воротная башни. Не исключено, что здесь произошла состыковка стен, возводимых в разное время под руководством разных мастеров.

Библиография

- Альберти, Л.Б.* Десять книг о зодчестве. Пер. В.П. Зубова. Т. 1. М.: Изд-во всесоюзной академии архитектуры, 1935. 392 с.
- Бурцев, И.Г.* Город «каменной на Туле»: Заметки к 500-летию тульского кремля // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история. Тула, 2016. С. 344—367.
- Воротников, А.Е.* Опись ветхостей в башнях и стенах Московского Кремля, Китая города и Белого города, 1667 года. Б.м., 1877. 16 с.
- Воротникова, И.А., Неделин, В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России. М.: Буксмайт, 2013. 888 с.
- Воротникова, И.А., Неделин, В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М.: Индрик, 2016. 556 с.
- Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. // Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний / Сост. Е.Б. Французова. М., 2002. С. 253—291.
- Косточкин, В.В.* Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960. С. 42—95.
- Мильчик, М.И.* Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Кремли России. М., 2003. С. 509—517.
- Писцовая книга 1685—86 гг. // Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1884. С. 38—111.
- Рудаков, А.П.* Тульский кремль. Тула : РИО ТОУК, 1995 (первое издание — 1916). 65 с.
- Филарете (Антонио Аверлино).* Трактат об архитектуре. Пер./прим. В.Л. Глазычева. М.: Рус. ун-т, 1999. 446 с.
- Beltrami, L.* Il Castello di Milan: (Castrum Portae Jovis) sotto il dominio dei Visconti e degli Sforza 1368—1535. Delhi, 2019 (first published 1894). 740 с.

А.Н. Медведь

«Цвингер», «захаб», «косые ворота»: эволюция русских систем обороны крепостных ворот и европейский контекст¹

Оборонительные системы Европы и Азии насчитывают огромное количество различных элементов, претерпевших за столетия своего существования значительную эволюцию. К числу таких элементов относятся цвингер (нем. «рукав»), получивший в русской интерпретации обозначение «захаб», и «косые ворота».

Цвингеры как элемент защиты ворот крепостей встречаются достаточно часто как в Европе, так и на Ближнем Востоке, в замках, построенных крестоносцами. Европейский цвингер представлял собой проход к воротам крепости, с двух сторон окаймленный крепостной стеной, откуда вёлся обстрел атакующих. В русских крепостях эта идея отражена на ряде памятников — Изборск, Псковский кремль, Порхов, Остров и других. В этих крепостях реализована концепция «тоннелей-ловушек», которые должны были контролировать движение колонн нападавших, стремившихся ворваться в город. Перечисленные крепости воздвигнуты в доогнестрельную эпоху. Главная задача цвингера — максимальное усложнение положения нападавших, и «захабы» древнерусских крепостей выполняли те же функции, хотя их размеры часто во много раз меньше размеров цвингеров.

Со временем цвингер трансформировался в более короткий захаб, а ещё позже — в «косые ворота», где проектировщики иначе подходили к трактовке пространства. В самом общем виде «косые ворота» представляли собой воротные проёмы, где входные и выходные отверстия располагались под углом относительно друг друга. Предполагается, что предшественником таких ворот стал древнеримский *claviculum* — угловой вход, пробитый в стене². Нельзя сказать, что этот приём получил широкое распространение в сред-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00032 «История военного зодчества России конца XV—XVI вв. в контексте европейской архитектурной традиции».

² *Lawrence H. Keely, Marisa Fontana, Russell Quick. Buffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications // Journal of Archaeological Research. 2007. Vol. 15, Iss. 1. P. 63.*

невековой Европе, однако такая конструкция встречается, причём в довольно ранние периоды европейской истории. Например, одним из ранних примеров использования такой конструкции является донжон замка в Рочестере (XII—XIII вв.). Здесь ворота приводят атакующих в выносную башню, попав в которую, они вынуждены поворачивать направо. Как и в большинстве случаев, атакующие двигаются к воротам, повернувшись к стене замка правым, незащищенным щитом, боком (**Рис. 1**).

Из более поздних памятников упомяну замек в Кротоне (2-я половина XVI в., Южная Италия). В Кротоне слегка прямой воротный проём несколько утоплен в линию стены. Попав в ворота, противнику приходилось повернуть направо, в воротный проём башни-донжона, откуда можно было попасть на боевой ход стены. «Косые ворота» наблюдаются в крепости Окре в регионе Абруццо. Подобные ворота можно увидеть не только на юге Европы — один из крупнейших ливонских замков, Феллин (Эстония) также имеет «косые ворота». В теоретических работах по фортификации конца XV в. упоминаются угловые ворота. Например, в трактате Франческо ди Джорджио «Трактат об архитектуре гражданской и военном искусстве» встречаются проекты городских стен, имеющие такие ворота. Тем не менее, конфигурация воротных проёмов в большинстве ломбардских крепостей стандартна — почти все они прямые, причём в подавляющем большинстве ворота размещены не в башнях, а в пряслах. Задача косых ворот та же, что и у «захаба» — максимально усложнить нападающим проникновение в город, обстреливая их не только с фронта, но и с правого, не защищенного щитами, фланга.

Можно утверждать, что к началу XVI в. сформировались два основных типа башенных комплексов, где применялись «косые ворота»:

- башня, соединённая с выносной стрельницей мостом;
- башня без выносной стрельницы, где ворота встроены в основную объём башни.

«Косые ворота» в комплексах первого типа располагаются в предмостных выносных стрельницах. Подобные башни носили различные названия (ривелины (равелины), барбаканы, бастеи). Сами по себе воротные проёмы в таких башнях прямые, однако относительно стены крепости они расположены перпендикулярно. Такой тип наблюдается в Московском кремле (Троицкая-Кутафья башни) и в Нижегородском кремле (Дмитриевская башня). Из зарубежных аналогов укажу барбаканы в Кракове (конец XV в.) и в Варшаве (1560-е гг.). Входы в них также расположены несколь-

ко под углом относительно городской стены, что позволяло вести фланговый обстрел атакующих (**Рис. 2**).

Близким, но иным по реализации является и несуществующий ныне комплекс Московского кремля — предмостное укрепление-мост-Константино-Еленинская башня. Косые ворота, выходившие на Красную площадь, здесь сделаны в правой части предмостного укрепления. Это фиксируется как на изображении, получившем название «Кремленаград», так и на известном рисунке из путевых записок А. Мейерберга. Точная реконструкция этого комплекса невозможна, но можно предположить, что «косые ворота» вели во внутреннее пространство мощного мостового укрепления, связывавшего их с Константино-Еленинской башней. Кстати, это отличает русские аналоги от их итальянских прототипов — в Сирмионе, в Монтаньяне, как и в миланском замке Сфорца воротные проёмы выносных башен прямые (**Рис. 3**).

Второй тип башенных комплексов разделяется на два подтипа (**Рис. 4**). Первый подтип встречается в Тульском и Коломенском кремлях, Китайгородской крепости, а также в некоторых крепостях севера Московского государства. Внешние воротные проёмы в таких воротах расположены перпендикулярно крепостной стене, а внутренние вписываются в линию стен. Наиболее ранними примерами таких ворот являются Одоевские и Пятницкие ворота Тульского кремля. Их архитектура в целом похожа, обе башни представляют собой сооружения, где роль «каменного мешка» выполняет сама башня — её центральная часть представляет собой пустое внутри пространство. В Пятницких воротах воротный проём расположен по направлению северо-восток — северо-запад, в Одоевских воротах воротный проём расположен по направлению юго-запад — северо-восток.

Существует предположение, что косые ворота были частью Никитских ворот Тульского кремля, причём их врезали в несуществующую ныне выносную трёхстенную стрельницу (реконструкция башни Никитских ворот располагается в экспозиции музейного объединения «Тульский кремль» и непосредственно в самой Никитской башне). Однако фактически внешний вид ворот реконструируется лишь по невыразительному фрагменту плана Тулы 1740-х гг. Если предположительная реконструкция является верной, то следует признать, что Никитские ворота являются уникальным сооружением для русского оборонного зодчества, так как на сегодняшний день не обнаружено ни одного примера «косых ворот», устроенных в выносной стрельнице.

Косые ворота в Коломне не дошли до наших дней — их разобрали в 1804 г.³ Их внешний вид реконструируется по рисункам М.Ф. Казакова и его учеников, а размеры — по описи кремля 1577—1578 гг. Косые ворота Коломенского кремля не имели выносной стрельницы, их внешний воротный проём располагался с севера, а внутренний — с запада. Также косые ворота видны и на планах более северных крепостей — Ладоге (Воротная башня), Орешке (Государева башня), где вход в ворота расположен перпендикулярно стене, как в Туле и Коломне.

Ещё одним примером косых ворот первого подтипа являются Варварские ворота Китайгородской крепости. Они реализованы по схеме, совпадающей с другими кремлями: внешний вход в них располагался перпендикулярно крепостной стене, а для выхода в город требовалось сделать поворот.

Казалось бы, «косые ворота» первого подтипа по своей конструкции никак не различаются. Однако при более глубоком анализе выявляется кардинальное отличие Пятницких и Одоевских ворот от остальных примеров. Дело в том, что косые ворота Тульского кремля устроены таким образом, что нападающие, пытаясь пробить ворота, располагаются к крепостной стене не *правым*, но *левым* боком. Это довольно странно, если учесть, что левый бок воина часто был защищён щитом, что снижало эффективность его обстрела. У нас пока нет гипотез, почему «косые» ворота Тульского кремля имеют такую необычную конструкцию.

Общий термин, которым исследователи оперируют при описании подобного рода сооружений, не должен вводить в заблуждение — «косые ворота» использовались по-разному. Так, конструкция «Косых ворот» в Коломенском кремле, Туле, Варварских воротах Китай-города и некоторых других крепостях подразумевала обстрел противника, только приближающегося к стенам крепости и готовящегося к проникновению в ворота. Далее враг оказывался под фронтальным огнём защитников (**Рис. 5**).

Другим подтипом «косых ворот» являются ворота, где внешний проём шёл по линии стены, тогда как внутренний располагался перпендикулярно ей. Подобный подтип встречен в Китай-городе (1530-е гг.) — Никольские (Владимирские) ворота, Ильинские, Космодамианские. В этих воротах наблюдается совмещение двух

³ Мазуров А.Б. Коломенский Кремль — символ России и Подмосковья: история выдающегося памятника русского оборонного зодчества. Коломна, 2015. С. 72.

концепций «косых» ворот. Одна из них предполагала обстрел противника, уже проникшего в ворота и готовящегося выйти в пространство города. В этом случае основная ставка делалась на фланговый огонь защитников (что, впрочем, не отменяло и фронтального огня). Вероятно, такое решение диктовалось концепцией «оборонительных комплексов», реализованной Петроком Малым (Пьетро Франческо Аннибале). Она подразумевала прикрытие воротных башен, располагавшихся по углам Китай-города, угловыми круглыми башнями. Именно такую картину демонстрируют Никольские (Владимирские) ворота и Космодамианская башня — у этих воротных башен имеется надёжное прикрытие в виде наугольных башен. Другая же концепция, реализованная в Варварской башне, повторяла уже известные примеры Тулы, Коломны и других крепостей.

Почему Варварская башня отличалась от других башен Китай-города? Вероятно, дело в её конфигурации, в свою очередь, обусловленной расположением — башня предназначалась для контроля за противником, пытавшимся овладеть улицей Варваркой. В этом месте прясло несколько смещалось на запад, в сторону города, чтобы чуть дальше, сделав небольшой выступ, повернуть на юг, в сторону Москвы-реки. При такой конфигурации прясел располагавшиеся недалеко от Варварки башни (Космодамианская и Многоугольная) не могли оказать должной поддержки Варварским воротам в случае их штурма. Поэтому Варварские ворота выдвинули вперёд, фактически за линию стены, для обеспечения максимального угла обстрела противника⁴. При этом их тыльная часть (вместе с выходом в город) полностью совпадала с внутренним фасом крепостной стены. Никольские (Владимирские) и Космодамианские ворота имели иной план — будучи выдвинуты вперёд, они, тем не менее, значительно выступали и в сторону города, за внутренний фас стены (именно здесь и оборудовали выходы из ворот). Конфигурация Варварской башни не позволяла сделать такие ворота, поэтому проектировщики пошли по стандартному пути, повторив известные на тот момент проекты.

Из более поздних примеров «косых ворот» отмечу Спасскую башню Казанского кремля (2-я половина XVI в.), где схема ворот решена в обычной манере — внешний проём находится перпенди-

⁴ Именно поэтому иногда в литературе можно встретить утверждение, что Варварская башня являлась одним из первых примеров бастионов, хотя, конечно же, это совсем не так.

кулярно стене, а внутренний — параллельно. Следует отметить, что входов в эти ворота было два. Такая конфигурация также связана со значительным выносом башни за линию стены кремля. То же можно сказать и о Тайницкой башне Казанского кремля — ворота этой башни спроектированы так, чтобы атакующие проходили к ним вдоль крепостной стены правым боком. «Косые ворота» второго типа (первого подтипа) появились и в Староладожской крепости во 2-й половине XVI в.

В конце XVI в. в Западной и Центральной Европе «косые ворота» выглядели несколько архаично (это связано прежде всего с развитием бастионной фортификации), однако по-прежнему использовались в русских крепостях. Несколько таких ворот находятся в Смоленском кремле, построенном по проекту Ф. Коня, — Авраамиевские, Копытецкие и Никольские.

Закономерен вопрос — откуда в русские земли пришла традиция «косых ворот»? Вряд ли их существование можно связывать с редкими примерами использования «захабов» в ранних древнерусских городищах — слишком уж большой временной разрыв между собственно древнерусской фортификационной традицией XI—XIII вв. и каменными крепостями конца XV — первой половины XVI в. Логично предположить иностранное влияние, тем более что Московский и Нижегородский кремли, равно как и Китай-город, проектировали итальянские специалисты (их участие в создании других крепостей пока относится к разряду гипотез). Несмотря на то, что «косые ворота» в европейской архитектурной традиции не носили массового характера, эта фортификационная идея оказалась востребованной в Московской Руси. Вероятно, столь долгая популярность «косых ворот» связана с общей ситуацией в развитии фортификации Московского государства — идея крепостных стен прямого начертания и самые общие представления о фланкирующем огне заставляли проектировщиков внедрять «косые ворота», чтобы вынудить атакующих располагаться одновременно флангом и тылом к обороняющимся.

Библиография

- Мазуров, А.Б.* Коломенский Кремль — символ России и Подмосковья: история выдающегося памятника русского оборонного зодчества. Коломна: Лига, 2015. 160 с.
- Lawrence H. Keely, Marisa Fontana, Russell Quick.* Buffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications // *Journal of Archaeological Research*. 2007. Vol. 15, Iss. 1. P. 55—95.

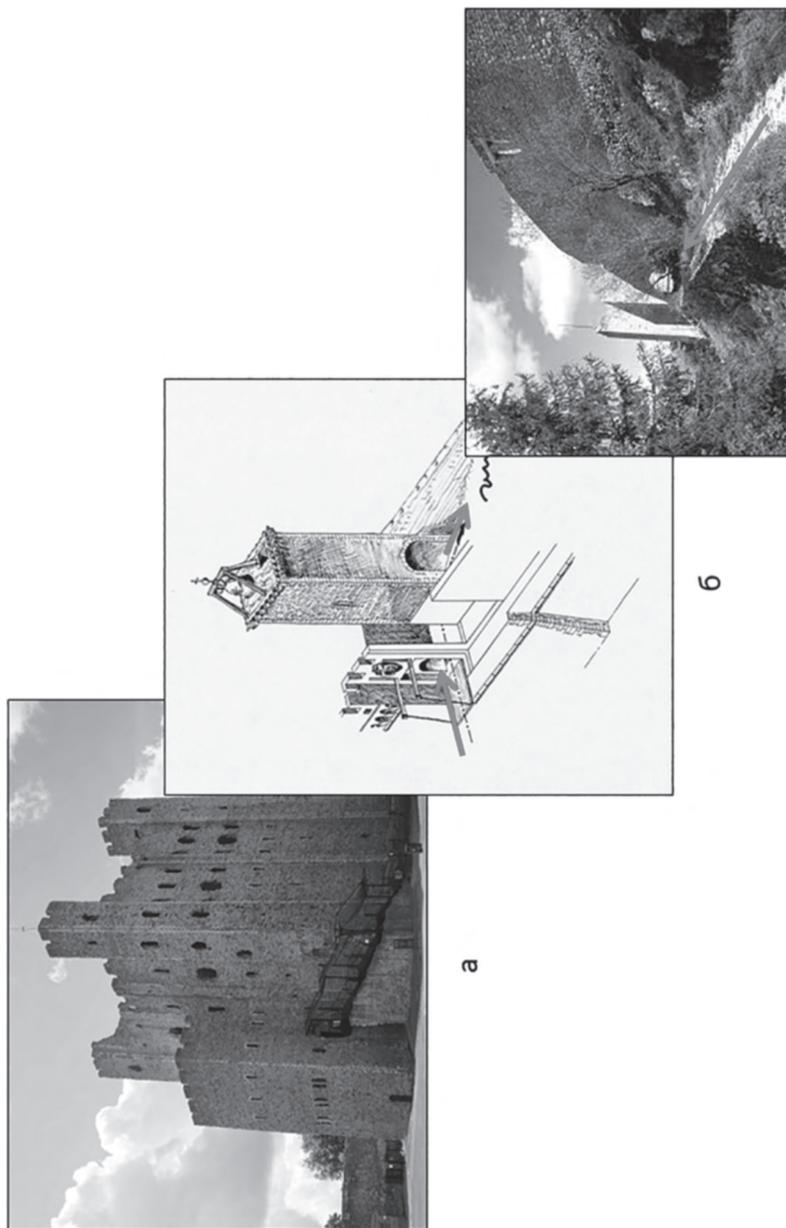
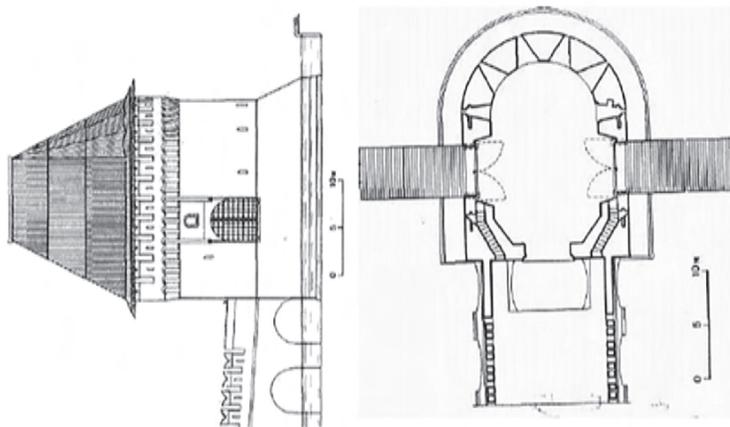
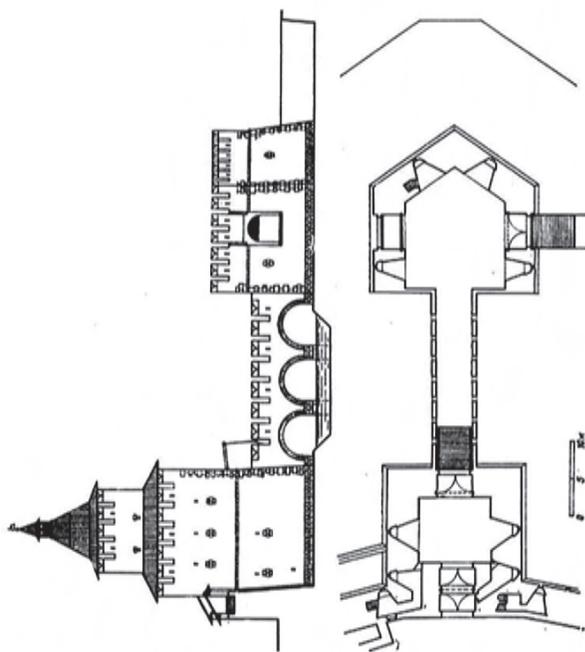

Рис. 1. Ворота с угловыми проездами в Рочестере (а), Кротоне (б), Окре (в).

**Кутафья башня Московского Кремля
(реконструкция, по А.В. Воробьеву)**

**Дмитриевские ворота Нижегородского Кремля
(реконструкция, по С.Л. Агафонову)**

Рис. 2. Примеры «косых ворот» первого типа.

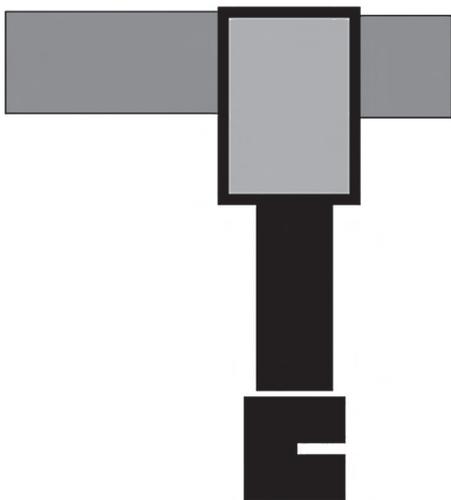
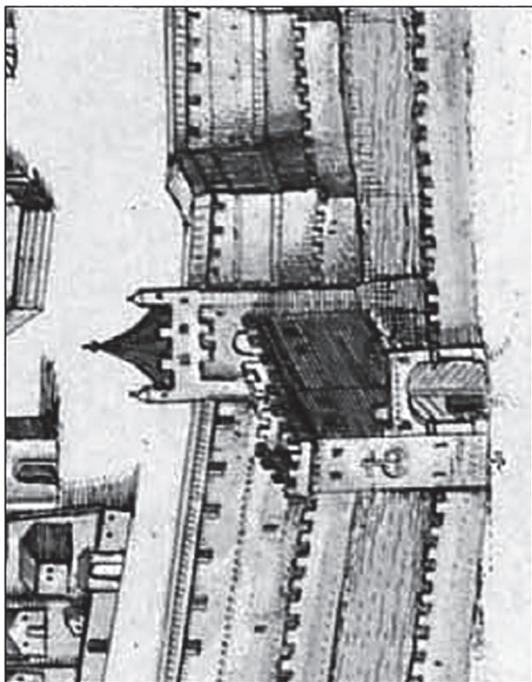
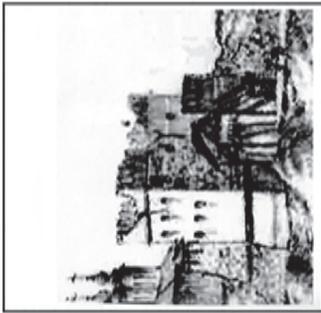

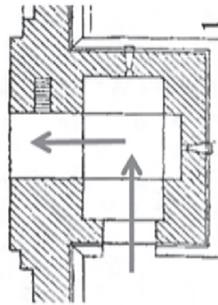
Рис. 3. Предмостное укрепление Константино-Елеинской башни Московского Кремля и его схема.

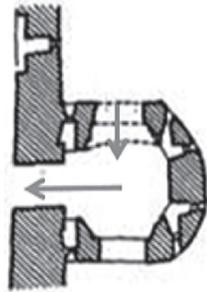
а

б

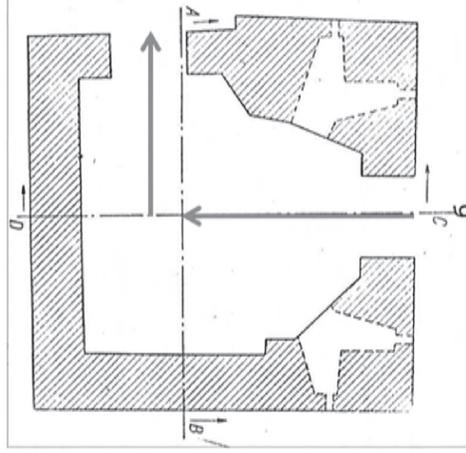
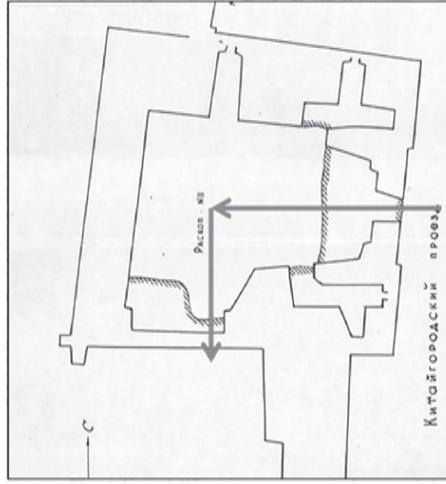
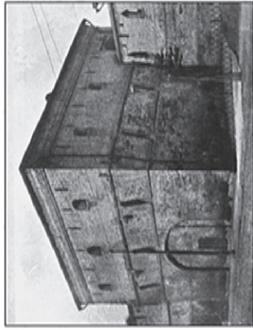

в

г

Рис. 4. Примеры «косых ворот» второго типа, подтип 1: крепость Государева башня Орешка (а), Косые ворота Коломенского Кремля (б), план воротного проема Оловских ворот Тульского Кремля (в), план воротного проема Варварской башни Китайгородской крепости.

а

Рис. 5. Примеры «косых ворот» второго типа, подтип 2: Космодамианская (а) и Владимирская (Никольская) башни (б) Китайгородской крепости.

К.Н. Фомин

Формирование тульского городского посада XVI века по археологическим данным

Весь комплекс археологических исследований, проведённых в историческом центре Тулы, позволил не только доказать, что город на нынешнем его месте возник не ранее начала XVI в., но и сформировать общие представления о структуре его культурных напластований¹. Привлечение к работе архивных, картографических и прочих видов источников позволило доказательно говорить об его инфраструктуре и тенденциях в её развитии².

Ранее подобное исследование на основе данных картографических источников было предпринято в работе Л.А. Потапова и М.В. Енишерлова³. Исследователи постарались воссоздать динамику развития города Тулы, в первую очередь его историческую топографию, на всем её протяжении. Однако авторы, при всей серьёзности их исследования, не могли опираться на данные археологии, на момент проведения их работы практически отсутствовавшие. Кроме того, в их работе практически отсутствует критический подход к картографическим материалам XVIII—XIX вв. Исследователи, тем не менее, пытались «реконструировать» городскую застройку Тулы XV в. и более раннего периодов даже не предполагая, что культурные напластования ранее начала XVI в. в историческом центре города полностью отсутствуют. При реконструкции городской застройки XVI—XVII вв. они пытались трансформировать планы Тулы второй половины XVIII в., видя в них прямой трафарет более ранней застройки, без наличия данных археологии и не предполагая возможных изменений рельефа в связи с накоплением культурных напластований, а просто накладывая картографические материалы на современный рельеф.

¹ Фомин К.Н. Сводная стратиграфия культурных напластований в историческом центре города Тулы // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в г. Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 669—674.

² Фомин К.Н. Историческая топография города Тулы XVI — начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула, 2007. С. 37—51.

³ Потапов Л.А. и др. Проект зон охраны памятников истории и культуры г. Тулы. Т. 1. М., 1990.

Отсутствие привязок тех или иных элементов городской инфраструктуры к особенностям рельефа или даже их полное игнорирование (в том числе по незнанию) привели к появлению огромного числа распространённых в краеведческой (и не только) литературе мифов. Наиболее живучими из них оказались представления о нахождении первоначальных городских укреплений (до строительства тульского кремля) на правом берегу р. Упы при впадении в неё р. Тулицы, а также о том, что тульский кремль, как бы вопреки логике, был построен в низине. Исходя из современного рельефа местности, на основе данных о мощности и структуре культурных напластований в историческом центре города, а также исторических картографических материалов, мною была разработана модель рельефа, в котором в начале XVI в. строился город Тула (Рис. 1)⁴.

Город Тула на его современном месте появился в начале XVI в. Основная часть города и его укрепления были воздвигнуты в широкой пойме на левом берегу Упы напротив впадения в неё Тулицы. Правый берег реки, где по представлениям краеведов находилась крепость и городские посады в XV в. и более раннее время, является очень низкой, заливной поймой, образованной слиянием Упы и Тулицы, притом ещё и изрезанная старицами. Главная крепость — каменный кремль — был построен к 1520 г. на левом, более высоком берегу Упы на холме, возвышавшемся на 1,5—2 м над берегом реки⁵. Возвышенность, на которой был построен кремль, к XX в. полностью нивелировалась неравномерно нарастшим культурным слоем, устранившим и прочие неровности рельефа⁶. С запада тульский кремль имел дополнительные естественные укрепления — небольшое по площади болото, из которого в Упу выходил небольшой овражек. Далее к западу, на расстоянии 300—400 м от первого, располагался ещё один овраг с сохранившимся доселе названием Ржавец, так же имевший своим истоком болото. К югу от кремля расположена практически ровная территория; холм, на котором построен кремль, возвышался над ней на 2 м. Эта территория в виду ожидаемых с юга нападений первоначально не застраивалась. С восточной стороны от кремля расположена ещё одна возвышенность (размерами приблизительно 600 м с запада на восток и 200 м с севера на юг, примерно на метр ниже кремлёвско-

⁴ Фомин К.Н. Сводная стратиграфия... С. 669—674.

⁵ Фомин К.Н. Историческая топография... С. 37—51.

⁶ Фомин К.Н. Сводная стратиграфия... С. 669—674.

го холма). С востока и юго-востока её обтекает ручей Хомутовка, впадающий в Упу восточнее этой возвышенности. На этой возвышенной площадке возник и стал развиваться городской посад, окружённый острожной деревянной стеной в 1530-е — 1540-е гг. Деревянные укрепления начинались от Ивановской башни кремля, шли вверх вдоль берега Упы до впадения в неё ручья Хомутовка. Далее деревянная стена располагалась по левому берегу ручья до его верховий, затем закруглялась и доходила практически до современного проспекта им. Ленина (напротив Одоевской башни кремля). В этом месте укрепления деревянного острога сходились с укреплениями (валом) системы «Завитай». Вдоль валов Завитая из города вели две дороги: одна с полевой (восточной) стороны вела в Одоев, другая с защищённой валом Завитая (западной) стороны в Крапивну. В начале XVI в. русло Упы располагалось всего в полутора—двух десятках метров севернее обеих возвышенностей. В настоящее время большая часть этого русла засыпана, а оставшаяся часть представляет собой водоотводный канал. Современное основное русло Упы в районе расположения Тульского оружейного завода было конце XVIII—XIX вв. пушено по одной из бывших стариц Упы и руслу Тулицы. Таким образом, уже на первоначальном этапе строительства города Тулы, выполнявшего функции крепости⁷, прослеживается этапность в его развитии.

К сожалению, мы не располагаем письменными источниками, могущими поведать о первоначальных этапах застройки и жизни в городе-крепости Туле в начале — середине XVI в. Наиболее ранние писцовые книги относятся к концу 1580-х гг.⁸ Согласно этому документу, внутри стен кремля имелась плотная застройка, не примыкавшая к самим кремлевским стенам, с несколькими улицами и тупиками. Восточная и юго-восточная части городского посада — от кремля до острожных укреплений — также были плотно застроены. Здесь располагались Троицкий и Никитский концы; дворы в них распределялись по улицам, от которых внутрь кварталов отходили тупики⁹.

Для изучения первых этапов развития Тулы на современном месте можно только привлекать данные археологических исследо-

⁷ Фомин К.Н. Историческая топография... С. 37—51.

⁸ Писцовые книги Московского государства XVI века. СПб., 1877 (далее — ПКМГ).

⁹ Фомин К.Н. Застройка г. Тулы XVI—XVII вв. по археологическим данным // V(XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. Барнаул, 2017.

ваний. На территории посада раскопчные исследования широкой площадью проводились лишь дважды. Наибольшей полнотой материалов отличались исследования, проведенные в 2007 г.¹⁰ по адресу ул. Советская, 67 (площадь 840 м²) (Рис. 2). В ходе этих исследований вскрыты участки двух городских кварталов, существовавших с XVI до конца XVIII — начала XIX в., и улица между ними. В XVI—XVII вв. кварталы огораживались частоколами. В XVIII в. применялся забор столбовой конструкции, а конце XVIII — начале XIX в. ограждением квартала служил плетень, параллельно которому вдоль улицы проходила водосточная канава. Следов мощения улицы не зафиксировано. Внутри кварталов обнаружены остатки 32-х разновременных жилых и хозяйственных построек и одного производственного сооружения — металлургического (возможно кузнечного) горна. Все они связаны с существовавшими на данном месте городскими кварталами.

По стратиграфии все сооружения удалось соотнести с каждым из семи последовательно формировавшихся слоёв, наиболее ранних из них (Слой 7) относится к середине XVI в. Но заселение данного участка началось ещё в первой половине XVI в. до возникновения квартальной застройки. На территории раскопа выявлены заглублённые в материк подземные части трёх построек (Постройка 2, Постройка 4, Постройка 9) (Рис. 3). Они располагались непосредственно на материке (на уровне погребённой почвы), и с момента их появления началось формирование культурных напластований. Найденный в них керамический материал (Рис. 4, 5, 6) имеет прямые аналогии с находками посуды из наиболее ранних, так же возникших до начала формирования городских культурных напластований в тульском кремле¹¹.

Постройка 2, расположенная в кв. 104—105 — 123—126 — 144—145, прямоугольной формы, размерами 4,25×4 м, заглублена в материк на глубину около 0,8 м. Постройка заполнена слоем светло серого суглинка с вкраплениями переотложенной материковой

¹⁰ *Фомин К.Н.* Отчёт об охранных археологических исследованиях в Центральном районе г. Тулы на месте строительства здания по ул. Советская, д. 67 // Архив ИА РАН.

¹¹ *Екимов Ю.Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999—2000 гг. // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 1. С. 66—131; *Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г., Шеков А.В.* Круговая посуда XVI—XVII веков из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999—2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула, 2007. С. 132—206.

глины. В заполнении постройки найдена иконка с изображением св. Никиты Бесогона (**Рис. 4.1**). Керамический материал представлен в основном фрагментами белоглиняных горшков с вертикально поставленными венчиками, с завёрнутым внутрь краем, покатыми плечиками и резко суживающимся ко дну туловом. Максимальное расширение горшков приходится на верхнюю треть тулова, нижняя часть тулова резко сужается, донце маленькое, толщина стенок резко возрастает в придонной части. Все венчики сосудов без утяжеления и с орнаментом в виде редкого рифления. На донце другого горшка отображено клеймо. Кроме того, найдена приземистая белоглиняная кубышка.

Постройка 4, расположенная в кв. 53—55 — 73—75 — 94—95, прямоугольной формы, размерами 4,3×4,3 м, заглублена в материк на глубину около метра. Постройка заполнена слоем серого гумусированного суглинка с углистыми прослойками — остатками перегнившего дерева и прослойками с вкраплениями переотложенной материковой глины. В заполнении ямы найдена глиняная форма для литья пуль (**Рис. 5.1**). На дне постройки найден развал кругового белоглиняного горшка, украшенного по венчику редким рифлением (**Рис. 5.2**).

Постройка 9, расположенная в кв. 96 — 115—117, подпрямоугольной формы, размерами 3×1,5 м, заглублена в материк на глубину около метра. Она заполнена слоем серого гумусированного суглинка. Всего в постройке найдено шесть находок (**Рис. 6**). Две из них можно отнести к предметам вооружения. Первая — длинный широколезвийный нож с клиновидным в сечении лезвием, широким обушком, заострённым загнутым вверх кончиком, длинным клинообразным черешком, тонкий край которого загнут в виде кольца (**Рис. 6.1**). Его форма и размеры (общая длина 34 см, длина лезвийной части 20 см) наводят на мысль о его боевом применении, что, конечно, не исключает и хозяйственного использования, в том числе в походных полевых условиях. Вторая находка — обломанная часть лезвия с частью втульчатой рукояти, сформованной из единой с лезвием металлической полосы, завёрнутой в виде несомкнутой трубки. Клинообразная лезвийная часть с остатками заточки шириной 6 см. и обухом толщиной около 1 см, сохранилась на длину 24 см. Видимо, это обломок лезвия холодного оружия, насаживаемого на длинную деревянную рукоять. Кроме них в постройке найден бронзовый нательный крест, характерный для XVI в., с обломанной верхней лопастью (**Рис. 6.5**). Интерес-

но нахождение в постройке двух предметов — видимо, обломанных лодочных клёпок (**Рис. 6.3,4**), а также гвоздя. На дне постройки найден развал кругового белоглиняного горшка, украшенного по венчику редким рифлением (**Рис. 6.6**).

На первом этапе застройка территории хотя и имела некий упорядоченный вид, но в этот период мы не можем говорить ни о квартальной, ни об уличной застройке. Возможно, на территории будущих городских посадов не существовало даже усадеб, а располагались только отдельные, в основном жилые, постройки. Остатков печей не найдено, по всей вероятности, из-за того, что сохранились только подземные части построек, а на этом же месте впоследствии снова возникали постройки. Предполагать именно жилую, а не хозяйственную принадлежность построек позволяют не только размеры, но и найденные в их заполнении находки. Период «жизни» данных построек определить сложно в виду отсутствия исторических источников и уникальных находок, способных дать узкую датировку (например, монет). На мой взгляд, период их существования не превышал срока активной (производительной) жизни одного поколения — около 20-ти лет, а скорее всего и менее. Этот тезис подтверждается находками, сделанными в этих постройках, в первую очередь керамической посуды, набор которой своеобразен и однороден. По всей видимости, это посуда, принесённая сюда первопоселенцами. Её можно отнести только к началу XVI в. Она отличается от посуды, найденной в последующих культурных напластованиях, произведённой уже в городе. В связи с этим первый период застройки на территории городского посада, скорее всего, укладывается в 1520-е—1530-е гг. Находки предметов вооружения и незначительное количество бытовых предметов, крайне малое количество керамической посуды, представленной в основном целыми формами, позволяет предположить военную специализацию проживавших здесь людей.

Последующий строительный период в застройке тульского посада резко отличается от первого не только наличием начавшего формироваться культурного слоя, но и появлением уже регламентированной квартальной планировки. В площадь раскопа попали участки двух смежных городских кварталов и улицы шириной около 4 м между ними (**Рис. 7**). Культурный слой, формирующийся в разных кварталах, отличается по цвету (хотя и незначительно). В восточном квартале выявлены две постройки (Постройка 4а и Постройка 6), в западном — одна (Постройка 15).

Постройка 4а расположена в кв. 55—56 —75—76 раскопа, подпрямоугольной формы, размерами более 1,7×1,5 м (сохранилась не полностью), заглублена в материк на 1,25 м. В верхней части её заполнения зафиксирован слой светло-серого суглинка, под ним — слой тёмно-серого суглинка, глубже — вновь слой светло-серого суглинка. На дне постройки — слой тёмно-серого суглинка. В заполнении постройки находок не обнаружено. Керамический материал (**Рис. 8.7—13**) представлен в основном фрагментами белоглиняных горшков, аналогичных находкам на Постройке 2.

Постройка 6, расположена в кв. 129—130— 149—150 раскопа, подпрямоугольной формы, размерами 3,6×2,25 м, заглублена в материк на 1,25 м. Постройка заполнена слоем тёмно-серого гумусированного суглинка с примесью мелких и крупных фракций переотложенной материковой глины. Сверху постройка перекрыта слоем глины мощностью до 0,15 м. В заполнении постройки найден нож (**Рис. 8.1**). Керамический материал (**Рис. 8.2—6**) в основном повторяет находки на других постройках.

Постройка 15, расположена в кв. 213—233 раскопа, вероятно подпрямоугольной формы, размерами 3,4×0,8 м (сохранилась частично), заглублена в материк на 1,35 м. В верхней части заполнения постройки расположен слой бурого гумусированного суглинка с примесью неперегнившей органики, древесных угольков и мелких фракций обожжённой глины. Под ним слой серого гумусированного суглинка с примесью древесных угольков и мелких фракций обожжённой глины. В заполнении постройки найдены четыре находки: керамическое грузило (**Рис. 9.3**), нож (**Рис. 9.2**) и два железных предмета (**Рис. 9.1**). Керамический материал (**Рис. 9.4—12**) представлен преимущественно фрагментами белоглиняных горшков, типологически близкими описанным выше.

С тем же культурным слоем связан ещё один строительный период, прослеженный по смене связанных с ним построек. Необходимо отметить, что прекращение существования одного и появление нового комплекса построек, причём в большинстве случаев на новом месте, обычно должно сопровождаться прекращением накопления одного и началом накопления нового культурного слоя. В данной же ситуации продолжилось накопление визуально не делимого культурного слоя, также разнящегося по цвету в разных кварталах. По всей видимости, это объясняется стечением нескольких факторов. Во-первых, строительные работы проводились внутри выделенных, ограждённых территорий городских квар-

талов, при этом перестройки ограждавших кварталы частоколов не производилось. Во-вторых, предшествующие строения были аккуратно разобраны, а образовавшиеся при этом строительные материалы использовались для возведения новых строений. Количество образовавшегося строительного мусора, в основном древесной щепы, оказалось не слишком велико. Строительство происходило в рамках продолжающейся в кварталах жизни. В-третьих, именно эти два периода строительства и образовавшейся при этом строительный мусор во многом послужили основой для формирования данного слоя. Место, где складывался тульский посад, тогда располагалось на возвышенности и не было обводнённым, о чём свидетельствует наличие у всех построек значительных по размерам и глубине подвальных помещений. В связи с этим попадавшая в грунт органика быстро перегнивала, равномерно насыщая культурный слой гумусом. В таких условиях для возникновения визуально различимых слоёв в накапливающемся культурном слое необходима смена планировки застройки, изменение в факторах накопления культурного слоя, или какие-либо катастрофы вроде пожара. Продолжение планомерного накопления культурного слоя свидетельствует о полной преемственности во внутриквартальном строительстве, хотя места расположения и количество построек внутри каждого из кварталов менялись.

Во втором строительном периоде (**Рис. 10**) изучены остатки четырёх построек (Постройка 1, Постройка 4б, Постройка 8а, Постройка 10а), причём все они расположены в восточном квартале. Три из них (Постройка 1, Постройка 4б, Постройка 10а), вероятнее всего, были жилыми. Кроме Постройки 8а в восточном квартале исследованы остатки ещё одного хозяйственного строения, от которого тоже сохранилась только заглублённая в грунт часть (Яма 5). Видимо и в западном квартале располагалась подобная хозяйственная постройка, остатки заглублённой в грунт части сохранились и исследованы как Яма 105.

Постройка 1 расположена в 104—105 — 124—125 — 145 раскопа, прямоугольной формы, размерами 3,8×2,6 м. Она заполнена слоем тёмно-серого гумусированного суглинка с вкраплениями древесных угольков. У восточного борта прослежен слой древесных углей, под которым располагается слой золы. По дну постройки прослежен слой тёмного сильно гумусированного суглинка. В заполнении постройки найден железный предмет неопределённого назначения, возможно — сломанный резец или другой инструмент

(Рис. 11.1). Керамический материал (Рис. 11.2—8) представлен в основном фрагментами белоглиняных горшков уже знакомого нам вида.

Постройка 10а расположена в кв. 112 — 132—133 — 152—153 раскопа, прямоугольной формы, размерами 4×2,2 м, заглублённая в материк на 0,8 м. В заполнении постройки несколько прослоек. Сверху она перекрыта прослойкой древесного тлена, поверх неё — слой угольков. Под ним дважды чередуются прослойки светлого серого суглинка с вкраплениями глины и слои тёмно-серого гумусированного суглинка. На дне расположен слой тёмно-серого сильно гумусированного суглинка. В заполнении постройки найдена сапожная подковка (Рис. 12.1). Керамический материал аналогичен вышеописанному (Рис. 12.2,3).

Постройка 4б расположена в кв. 54—55 — 74—75 — 94 раскопа, прямоугольной формы, размерами 4,2×2,3 м. Она заполнена слоем серого гумусированного суглинка с примесью мелких фракций переотложенной материковой глины в нижней части заполнения. В заполнении найдено четыре фрагмента печных изразцов (Рис. 11.19—21,23) и фрагмент керамической погребушки (Рис. 11.22). Керамический материал (Рис. 11.14—18) в основном аналогичен вышеописанному (Рис. 11.9—13). Весь комплекс посуды, обнаруженной в постройках, связанных с обоими строительными периодами Слоя 7, имеет прямые аналогии с керамикой середины — второй половины XVI в., обнаруженной в тувльском кремле¹².

Со слоем связана также Яма 5, расположенная в кв. 101—102 — 121—122, овальной формы, размером 1,9×1 м, заглубленная в материк на 0,2 м, заполненная серым гумусированным суглинком с включениями материковой глины. Заполнение мусорное, находок не обнаружено. Сюда же можно отнести и Яму 105, овальной формы, размерами 1,1×0,6 м, заполненную суглинком, идентичным слою.

Восточный квартал ограничивали частокольные Канавы 1 и 4а, а также Яма 16. Западный квартал ограничивала частокольная Канавка 2, заканчивающаяся Столбовой Ямой 52, оставшейся, судя по месту расположения, форме и глубине, от мощного воротного столба. Видимо, ограничивающие городские кварталы заборы-частоколы существовали без изменений оба строительных периода, что полностью согласуется с системой накопления культурных напластований отдельно внутри каждого из кварталов, а также неиз-

¹² Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г., Шеков А.В. Указ. соч. С. 132—206.

менностью их планировки. Частокольные ограждения кварталов несли одновременно и функцию упорядоченного разделения городской территории на чётко очерченные кварталы, что говорит о сформировавшейся структуре владения землёй. Каждый из таких кварталов, обнесённых частоколом, представлял собой небольшую крепость — осадный двор. Разделённые между собой узкими (чуть более 4 м), такие улицы в условиях городского боя превращались в ловушку для штурмующих.

После непродолжительного периода нерегламентированной застройки на территории будущего городского посада сформировалась чётко разграниченная стенами система городских кварталов. Преимуществом как во внутриквартальной застройке (когда новые постройки возникали непосредственно на месте предыдущих), так и в ещё более жёсткой привязке границ самих кварталов говорит не только о сформировавшейся сразу на первом этапе системе землевладения на городском посаде, но и о наличии определённого плана общегородской застройки. По материалам данных раскопок можно с уверенностью говорить, что эта система, сложившаяся в первой половине XVI в., почти не изменившись сохранилась до 1834 г., когда её уничтожили пожары.

Формирование чёткой планировочной структуры, включавшей в себя укреплённые частоколами городские кварталы и улицы, является следствием возникновения вокруг данной территории острожной стены. А наличие двух этих фактов говорит нам о одновременности и спланированности появления Тульского городского посада.

Наличие здесь застройки, предшествующей появлению посада и синхронной первым постройкам внутри тульского кремля, не оставляет места предположениям, что сначала была возведена деревянная острожная стена, окружавшая посад, а потом под её защитой строили каменный кремль. Планомерность в развитии культурного слоя и смене строительных периодов не позволяет согласиться и с версией, согласно которой тульский городской посад сформировался в середине XVI в. после осады города войсками Девлет-Гирея (1552 г.). К тому времени посад уже существовал и перенёс осаду без серьёзных потрясений (не выявлено следов военных действий и пожаров).

Возникновение на территории тульского посада упорядоченной квартально-уличной застройки произошло, видимо, уже после возведения каменного тульского кремля, в 1530—1540-е гг. Два

вышеописанных строительных периода, объединённые археологически временем накопления одного планомерно развивающегося слоя, продолжались до 1560—1570-х гг. Сменившие их новые напластования (Слой 6) имеют практически полную преемственность с ними. Топография расположения кварталов и улиц между ними полностью совпадает. Смена культурного слоя обусловлена ремонтом огораживающего кварталы частокола, изменившего трассу прохождения лишь на два десятка сантиметров. В постройках, связанных со Слоем 6, обнаружен комплекс находок, в том числе монеты, позволяющие отнести период начала его формирования к 1560—1570-м гг.

Период накопления описанного в статье Слоя 7 длился около 40 лет (1530-е—1570-е гг.). Период «жизни» каждого из двух составляющих его строительных периодов продолжался около 20 лет, что соответствует смене одного активного поколения другим. Смена строительных периодов, в том числе и связанная с перedelкой окружающего кварталы частокола, произошла одновременно в обоих кварталах, что говорит о планомерности перестройки. Выделение значительного количества древесины для таких работ могло быть организовано только городскими властями. Ни в одном из строительных периодов мощение улицы между кварталами не производилось, что, видимо, говорит о нехватке древесины, как и о том, что территория улиц не была собственностью проживавших на посаде туляков. Известно, что участок земли в городе или на посаде для построения усадьбы выделялся служилым людям в качестве оклада. Участок ограничивался территорией усадьбы внутри одного из городских кварталов, а улица была городской собственностью. Дефицит строительной древесины и потенциальная угроза прорыва вражеского войска на территорию посада делали необходимость мощения улиц сомнительной.

Отмечу, что в постройках первопоселенцев найдены предметы вооружения, тогда как в более поздних объектах — лишь предметы утвари и обихода. Это свидетельствует о смене занятий и жизненных приоритетов проживавших здесь людей.

К сожалению, острожная стена, защищавшая территорию посада XVI в., ни разу не была изучена археологически; не определено точное место её нахождения. В ходе спасательных археологических исследований, проводившихся перед строительством торгового центра по адресу проспект Ленина, д. 17, были вскрыты остатки Земляного города — укреплений, сменивших острожную стену на

самом опасном юго-восточном направлении в 1630-е гг.¹³ Внутри вал Земляного города был укреплен рядами брёвен значительного диаметра (не менее 0,25 м) и большой длины. По материалам археологических исследований в Туле, брёвна таких габаритов при строительстве жилых и хозяйственных построек не использовались даже в XVIII в. Все бревна, использованные для возведения Земляного города, вторичного использования. В них видны выдолбленные отверстия, выбранные пазы и «четверти». Вероятно, при строительстве Земляного города использовались брёвна из разобранного острога XVI в. (Рис. 10, 11, 12).

Библиография

- Екимов, Ю.Г.* Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999—2000 гг. // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула: Папирус, 2007. С. 66—131.
- Зацаринный, С.В., Екимов, Ю.Г., Шеков, А.В.* Круговая посуда XVI—XVII веков из культурного слоя Тульского кремля в (по материалам раскопок 1999—2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула: Папирус, 2007. С. 132—206.
- Писцовые книги Московского государства XVI века. Под редакцией Н.В. Калачева. СПб.: Изд. Имп. рус. геогр. о-ва, 1877. 1598, [5] с.
- Столяров, Е.В., Фомин, К.Н.* Догородские культурные напластования в историческом центре г. Тулы // Позднесредневековый город: археология и история. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник, 2013. С. 18—32.
- Фомин, К.Н.* Историческая топография города Тулы XVI — начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула: Папирус, 2007. С. 37—51.
- Фомин, К.Н.* Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: Издательство М.: ИА РАН, 2008. С. 529—532.
- Фомин, К.Н.* Сводная стратиграфия культурных напластований в историческом центре города Тулы // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в г. Казани. Т. III. Казань: Издательство «Отечество». 2014. С. 669—674.

¹³ *Фомин К.Н.* Укрепления «Земляного города» позднесредневековой Тулы // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 529—532.

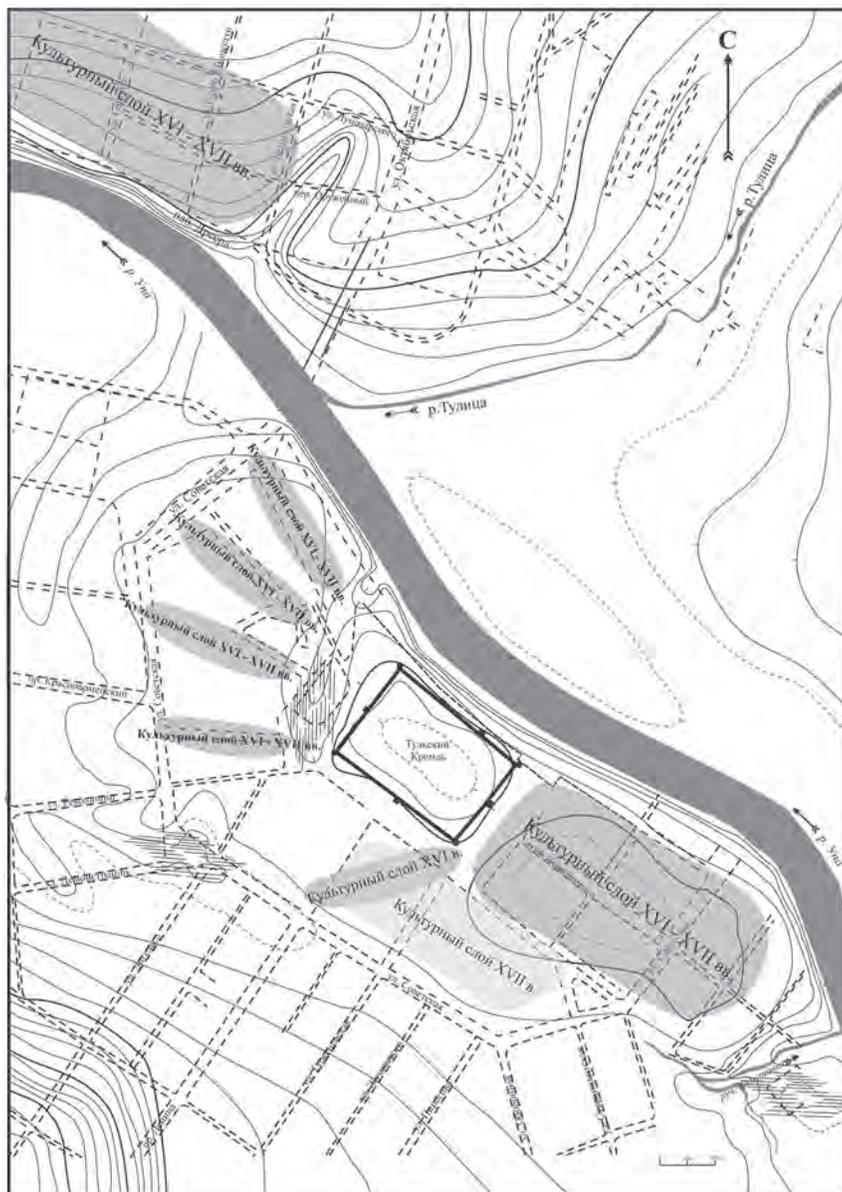

Рис. 1. Приблизительный план распространения культурных напластований XVI—XVII вв., наложенный на реконструированный рельеф (автор Фомин К.Н.) в историческом центре города Тулы на момент возникновения города на этом месте в нач. XVI в. Пунктиром показаны современные городские кварталы.

Рис. 2. Котлован для будущего строительства торгового центра по адресу ул. Советская, д. 67 в г. Туле с планом Раскопа I. Серым цветом показаны городские кварталы конца XVIII века.

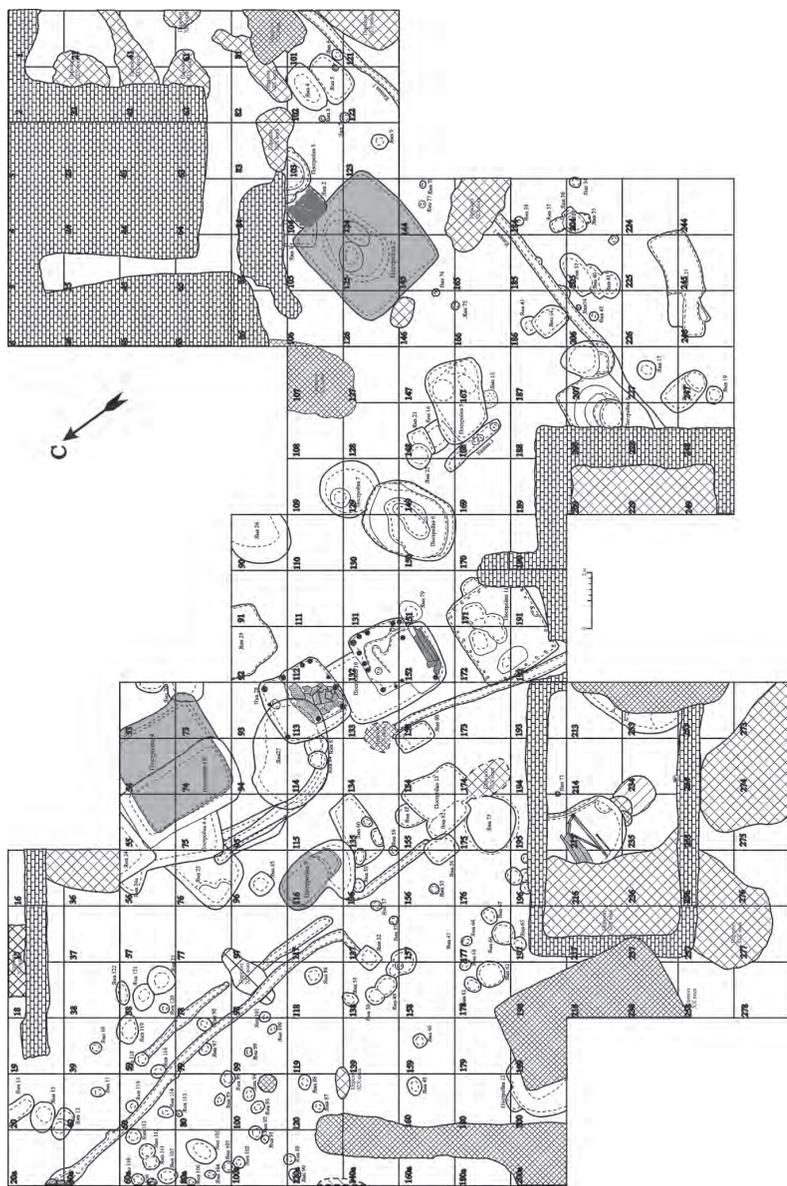

Рис. 3. Сводный план Раскопа 1 по ул. Советская, д. 67 в г. Туле. Зелёным цветом выделены постройки, возникшие до начала накопления культурных напластований.

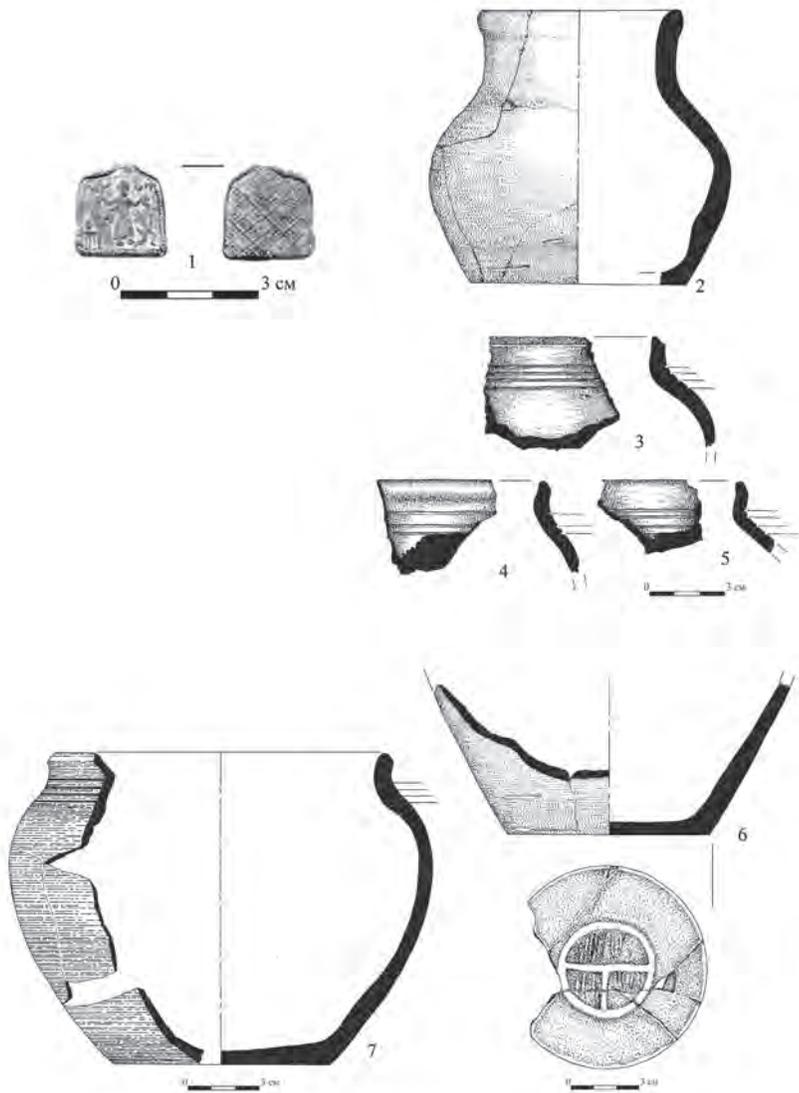

Рис. 4. Находки, обнаруженные в Постройке 2.

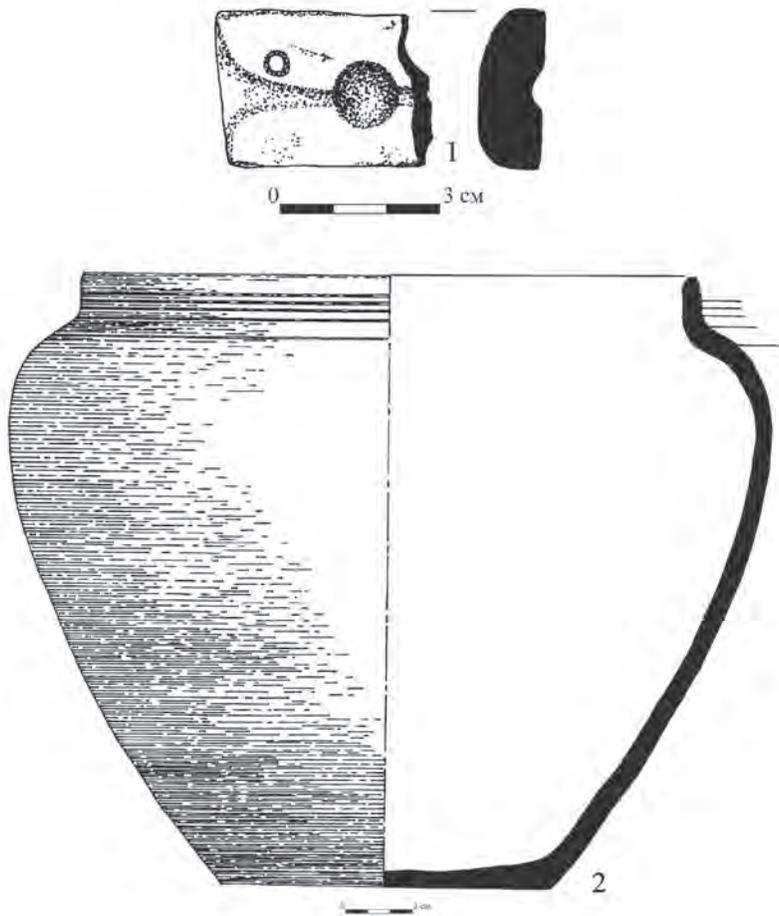

Рис. 5. Находки, обнаруженные в Постройке 4.

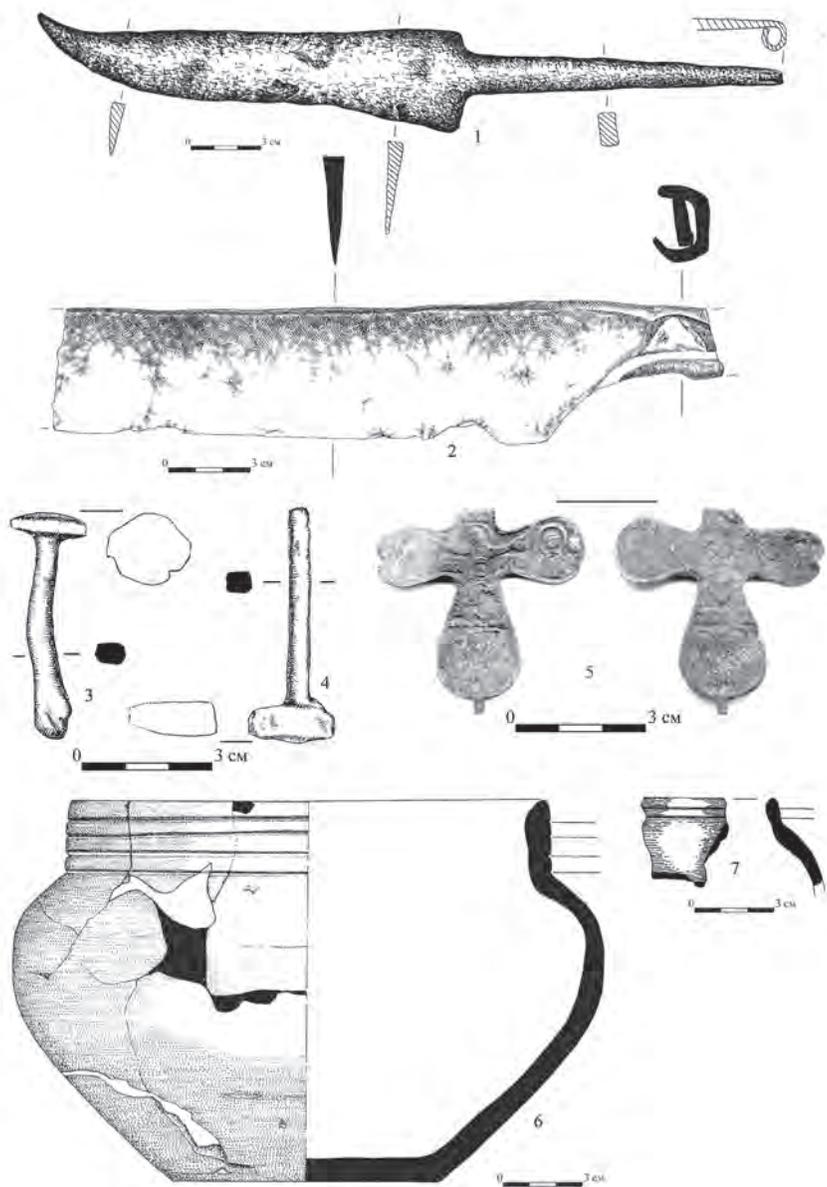

Рис. 6. Находки, обнаруженные в Постройке 9.

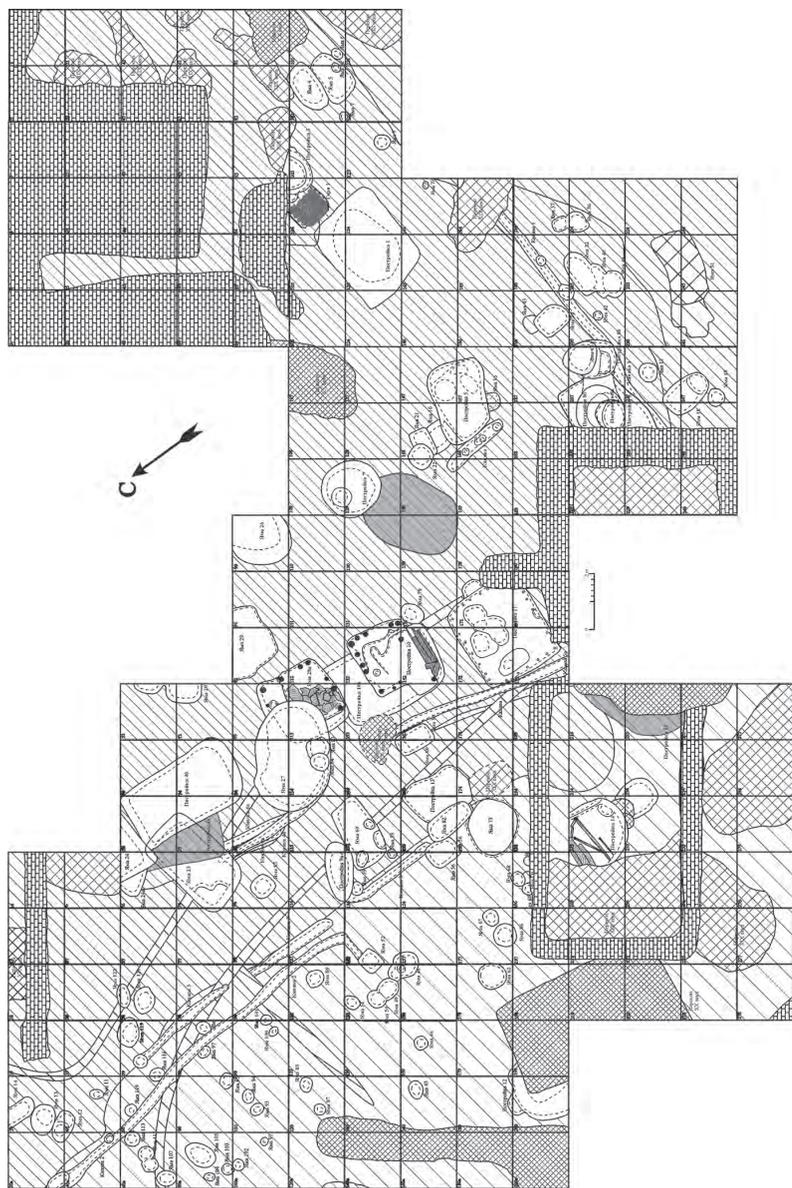

Рис. 7. Сводный план Раскопа I по ул. Советская, д. 67 в г. Туле. Зелёным цветом выделены постройки, относящиеся к I-му строительному периоду.

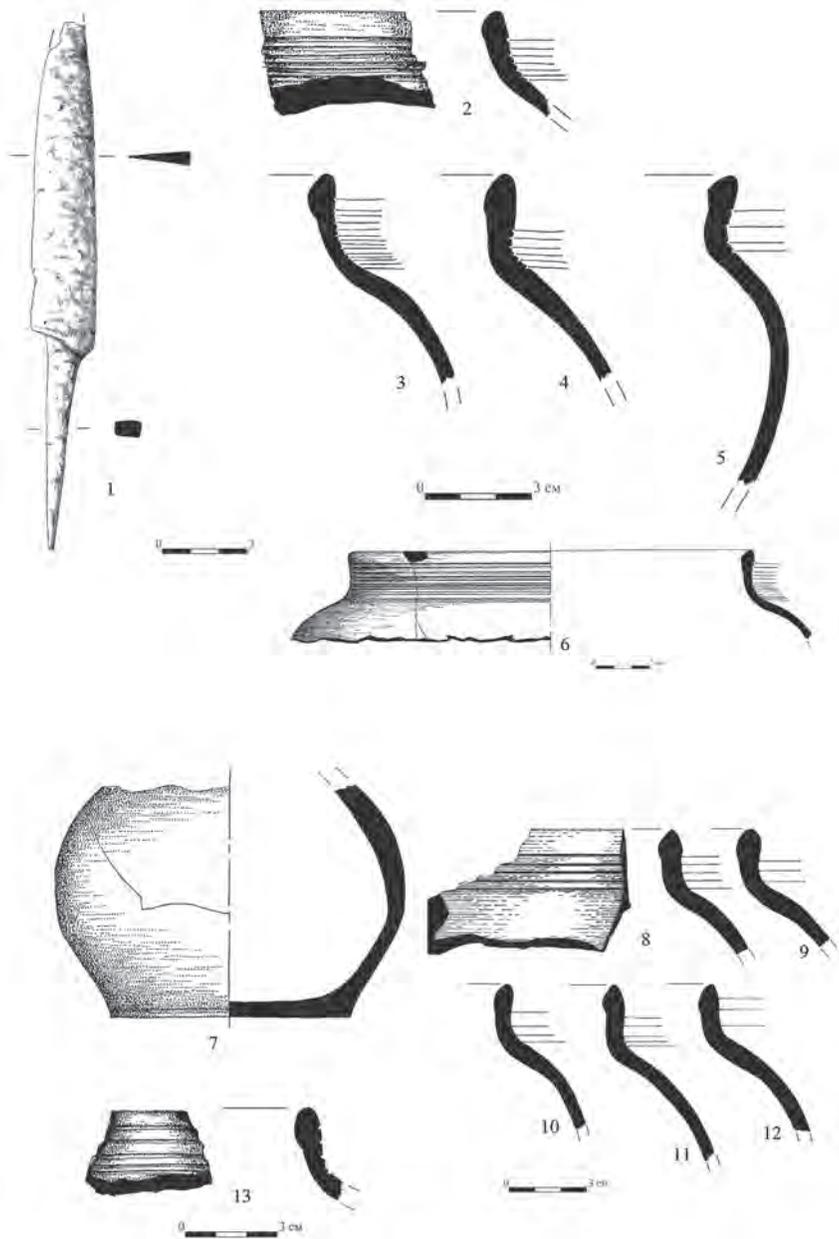

Рис. 8. Находки, обнаруженные в Постройке 4а (номера 1–6) и Постройке 6 (номера 7–13).

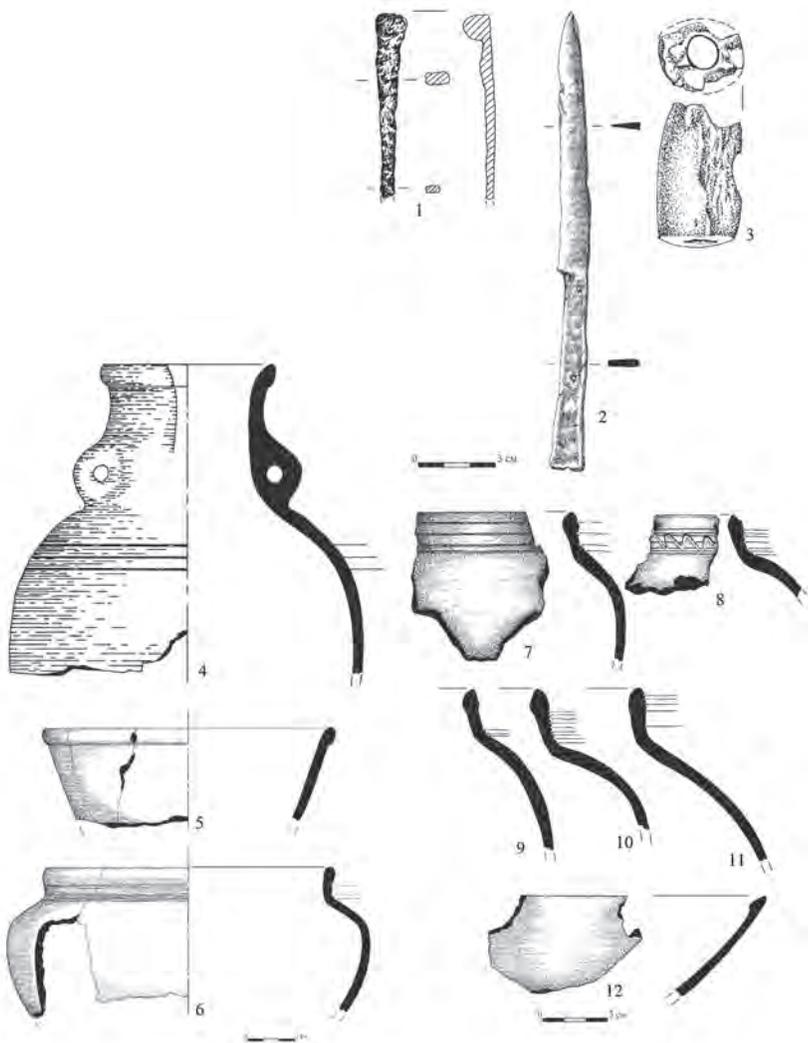

Рис. 9. Находки, обнаруженные в Постройке 15.

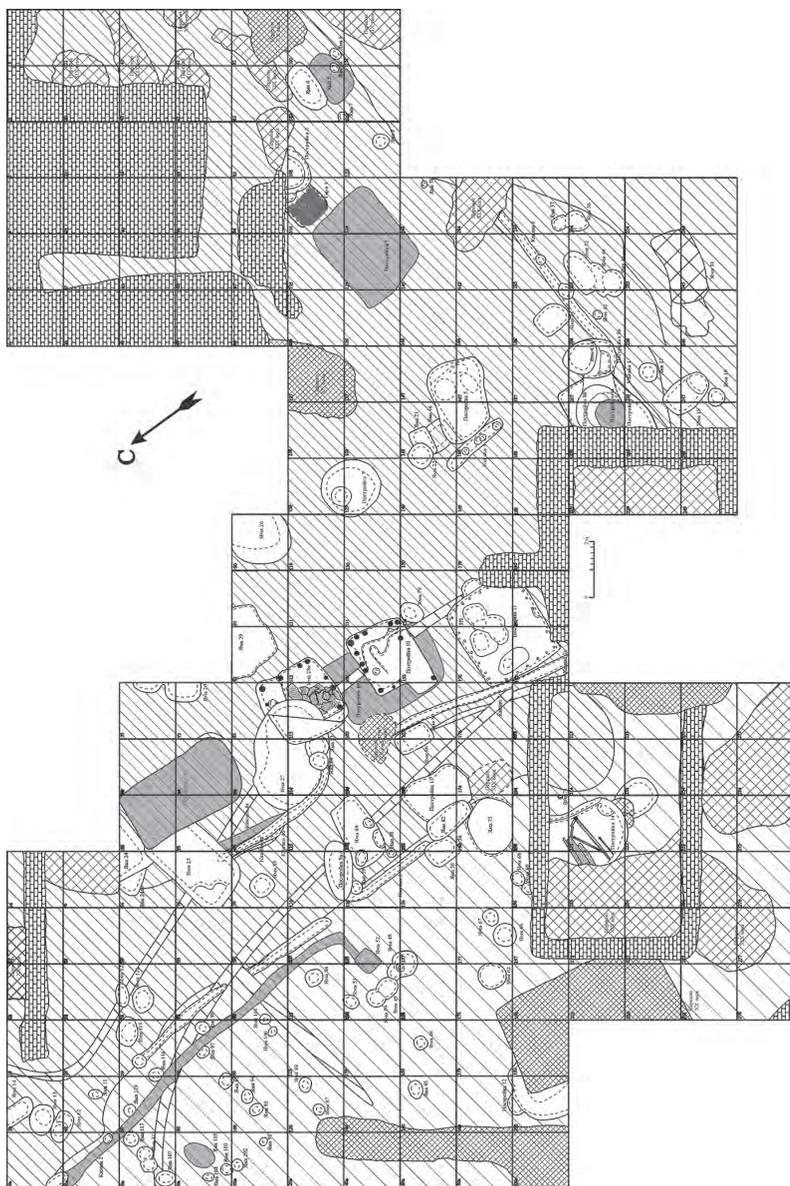

Рис. 10. Сводный план Раскопа 1 по ул. Советская, д. 67 в г. Туле. Зелёным цветом выделены постройки, относящиеся к 2-му строительному периоду.

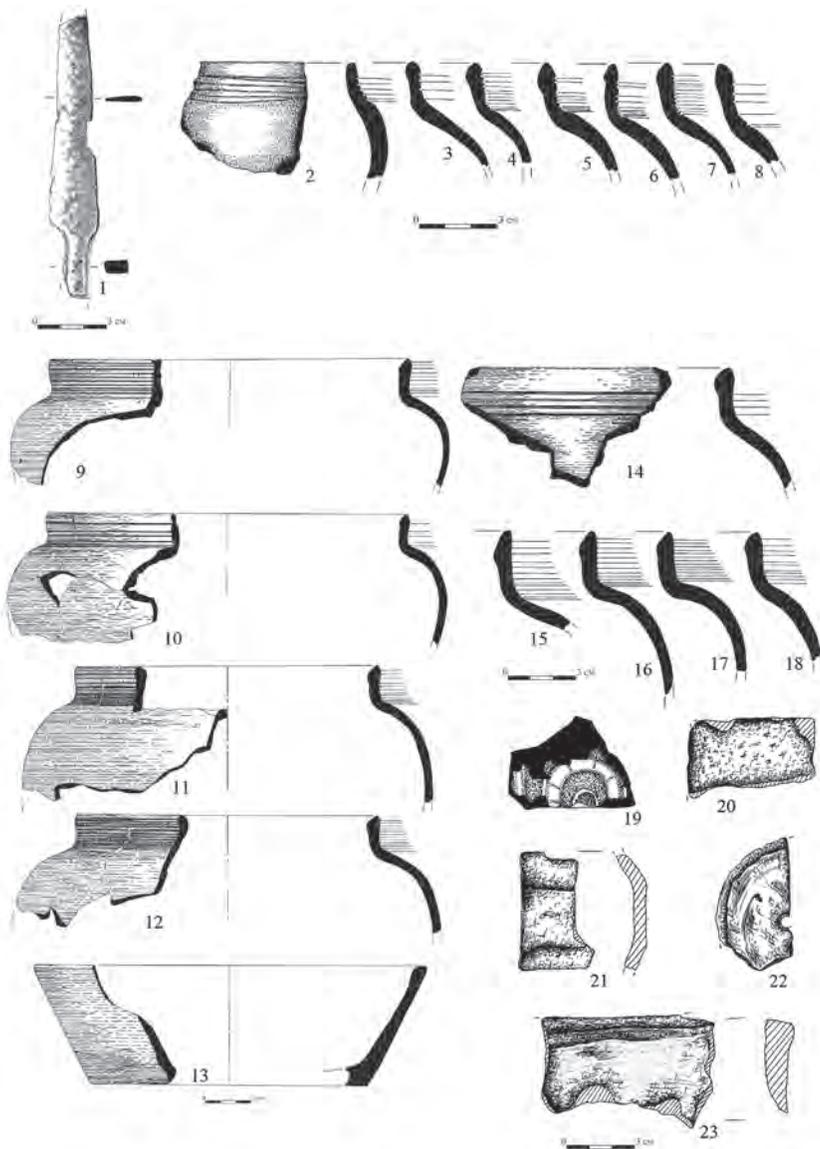

Рис. 11. Находки, обнаруженные в Постройке 1 (номера 1–8) и Постройке 46 (номера 9–23).

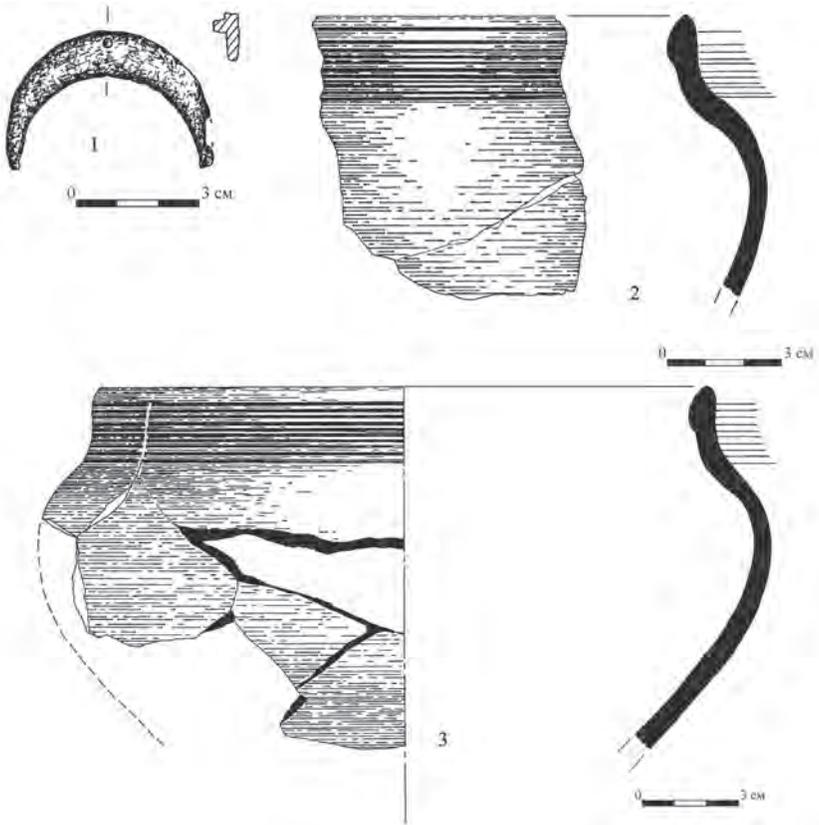

Рис. 12. Находки, обнаруженные в Постройке 10а.

Рис. 13–15. Исследования сохранившихся остатков Земляного города XVII в. Внутривальные конструкции, сделанные из брёвен разобранного острога XVI в.

И.Г. Бурцев, А.В. Дедук

Укрепления Тульских засек: выявленные объекты и перспективы дальнейшего поиска

«...и людям в острожке подле лесново завалу
сидеть будет безстрашно
и над воинскими людьми промышлять
и себя уберечь надежно»

*(Из челобитной кн. И.А. Голицына
кн. И.Б. Черкасскому, 1638 г.)*

В XVI в. к югу от Оки возникла грандиозная система оборонительных сооружений, которая предназначалась для защиты южных рубежей Русского государства от набегов крымских татар и ногаев. Обычно её ошибочно называют «Большая засечная черта». Она действительно была большой, протяженность засек, входивших в неё, составляла более 400 км. Но в делопроизводстве XVI—XVII вв. эта система обороны именовалась «Черта», «засеки» или «Засечная черта»¹. А.И. Яковлев называл её «Засечной чертой»² для того, чтобы отличать от других оборонительных черт — Белгородской, Изюмской, Симбирской и др.³, хотя и не приводил документов в пользу такого названия. Иногда в литературе встречается наименование «Тульская засечная черта» (по названию главного города региона)⁴, хотя это не совсем правильно — название «Тульские» распространялось на засеки в районе Тулы⁵, а в составе Черты были и Рязанские, и Каширские, и другие засеки. Термин же «Большая Засечная черта» появился во 2-м издании «Большой советской энциклопедии»⁶, от-

¹ Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI века. Отд. II. СПб., 1877. С. 1373 и др.

² Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

³ Попытки некоторых исследователей называть «засечными» эти рубежи не совсем корректны — они в основе своей состояли из валов и крепостей, а не из засеченных лесов.

⁴ Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков. М., 1994. С. 59—60, 62, 65, 70.

⁵ Засечная книга 1638 года // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 23. М., 1960. С. 225—226.

⁶ Большая советская энциклопедия. Т. 16. М., 1953. С. 480.

куда проник в другие издания⁷ и современные интернет-ресурсы. Справедливости ради стоит отметить, что термин «большая черта» встречался в некоторых документах, связанных с венёвскими засеками, но он был локальным и служил для различения двух идущих параллельно линий — западной («большой черты») и восточной («полевой черты»).

По всей видимости, Черта формировалась в несколько этапов. Первую попытку создать постоянные засеки против татарских набегов русское правительство предприняло в 1520-е гг. под Каширой — об этом можно судить по некоторым косвенным данным⁸. Эти засеки проходили, вероятно, по границе Каширского уезда, где их позже фиксировала писцовая книга 1577/78—1578/79 гг.⁹ Они, несомненно, вошли позднее в состав Засечной черты.

Как единая система Черта создавалась гораздо позже, при Иване Грозном. В 1552 г., во время подготовки казанского похода Ивана IV, на южную «украину» пришёл хан Девлет-Гирей I. Не сумев взять Тулу, он, тем не менее, разорил её окрестности. Вероятно, после этого события было решено создать в районе Тулы и Каширы неприступный рубеж, основой которого стали леса, засеченные сплошными массивами. Строительство Черты под Тулой началось не позднее 1554 г., очевидно, что тогда же засекались леса под Рязанью, Каширой, Венёвом, Одоевом, Белёвом¹⁰. Отметим, что в окрестностях Шацка в 1551 г. были засеки, ставшие заслоном против набегов ногаев¹¹. Эти засеки (Шацкая черта) с подачи А.И. Яковлева историки часто связывают с т.наз. Большой чертой, хотя территориально они были сильно удалены от массива Черты. Не случайно М.К. Любавский в рецензии на книгу Яковлева писал: «Не совсем понятным является помещение в составе описывае-

⁷ Бакулин В.С. Засечные черты // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. Стб. 628; Бакулин В.С. Засечные черты // Большая советская энциклопедия. Т. 9. М., 1972. С. 380.

⁸ Дедук А.В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 456—457.

⁹ Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отд. II. С. 1338, 1342, 1344, 1366, 1373.

¹⁰ Бурцев И.Г., Конорев М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 278—279; Дедук А.В. Засеки на южных землях... С. 459—463.

¹¹ Дедук А.В. Засеки на южных землях... С. 457; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. № 116. С. 41.

мой черты (т.е. Тульской — *Авт.*) засек Рановской, Пустотинской, Липецкой и Шацкой, которые проходили южнее и имели, по всем данным, своё продолжение в Темниковской, Арзамасской, Алатырской и Тетюшевской засеках, составляя вместе с ними вторую укрепленную линию»¹². Ю.В. Готье также отмечал: «Что же касается засек Рязских и Шацких, то они имели иное происхождение и назначение: тесно связывать их с Рязанско-Белёвской чертой едва ли возможно; да и сами они не принадлежат к одной исторически сложившейся системе»¹³. Хотя засеки и назывались по имени близлежащих городов, сами города обычно в систему Черты не входили, т.к. находились на удалении от засечных лесов (за исключением, пожалуй, Тулы и Венева). По нашему мнению, обустройство Черты должно было завершиться к 1558 г. — к началу Ливонской войны. Это подтверждается существованием уже в 1557 г. особых засечных приказчиков¹⁴. Вполне возможно, что её завершение должно было предшествовать началу военных действий против Ливонского ордена. Среди историков до сих пор преобладает мнение А.И. Яковлева о том, что завершение работ на Черте произошло в 1566 г., когда Иван Грозный посетил Козельск, Белёв, Болхов, Алексин¹⁵ и другие украинные крепости. Мнение это нами опровергнуто¹⁶. В дополнение к старой аргументации добавим следующее: 22 декабря 1571 г. царь Иван Васильевич велел князю Петру Волконскому и Елизарию Ржевскому делать засеку у Перемышля¹⁷, а в 1572 г. они же делали Козельскую засеку¹⁸. Эти работы стали следующим этапом

¹² *Любавский М.[К].* [Рец. на:] А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916 // Исторические Известия, издаваемые Историческим Обществом при Московском Университете. 1917. № 2. С. 104.

¹³ *Готье Ю.[В].* Заметки по истории защиты южных границ Московского государства // Исторические Известия, издаваемые Историческим Обществом при Московском Университете. 1917. № 2. С. 52.

¹⁴ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII веков. Т. IV. М., 2008. № 458. С. 337—338; *Юшков А.[И.]* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. М., 1898. С. 164—165; *Бурцев И.Г., Коноров М.Б.* Исследования Тульской засечной черты... С. 278.

¹⁵ Из-за этого, вероятно, и Алексин попал в число «городов Засечной черты», хотя засек в Алексинском уезде никогда не было.

¹⁶ *Бурцев И.Г., Коноров М.Б.* Исследования Тульской засечной черты... С. 278—279; *Дедук А.В.* Засеки на южных землях... С. 461.

¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК 1475—1605 гг.) Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 291

¹⁸ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. С. 36; *Дедук А.В.* Засеки на южных землях... С. 463.

строительства Черты — возведение засек в 1572 г. на левом берегу Оки, что было вызвано набегом Девлет-Гирея I.

В связи с натиском татар и ногаев в 1590-е гг. стараниями Бориса Годунова устраивались новые засеки, возводились оборонительные валы и крепости¹⁹. В период Смуты Засечная черта пришла в ветхость. Возрождение Черты началось в 1620-е гг., когда правительство царя Михаила Фёдоровича пыталось привлечь к охране и ремонту засек население и служилых людей примыкающих к засекам уездов (Тульского, Дециловского и пр.)²⁰. Тогда же началось составление новых дозорных книг засек. В 1635 г. правительство озабочилось реконструкцией Засечной черты и строительством на юге новой Белгородской черты. Самая крупномасштабная перестройка Черты происходила в 1638—1640 гг. в ожидании крупного набега крымских татар. К делу реконструкции Каширских, Тульских, Веневской, Лихвинских, Перемышльской, Рязанских засек были привлечены западноевропейские инженеры Ян Корнилов (Ван Роденбург), Давид Николь и Юст Монсен (Матсен)²¹, и фортификационные сооружения были созданы по европейским стандартам. В последующем регулярно проводились подновления засек (1648, 1650-е, 1670-е гг.). В последний раз леса засекались в период Северной войны²², очевидно в ожидании похода Карла XII на Москву.

Засечная черта сочетала в себе разные виды укреплений — засеки, надолбы, частоколы, ямы, валы, рвы, острожки, городки, башни. Для проезда через засеки существовали специальные дороги, на которых устраивались особые пропускные пункты — ворота²³.

¹⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК 1475—1598 гг.). С. 524—527; Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК 1550—1636 гг.) Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 114, 156—158, 171; РК 1475—1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 75, 79, 103, 109; Т. IV. Ч. I. М., 1994. С. 38—40.

²⁰ Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853. Стб. 46, 133, 134; Т. II. СПб., 1855. Стб. 40, 41, 45, 46.

²¹ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства... С. 45; Курбатов О.А. Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630—1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. III. С. 243, 253.

²² Штурм В.Н. Народно-хозяйственное, финансовое и лесоводственное значение Тульских засек. СПб., 1909. С. 3.

²³ Бурцев И.Г. Обустройство тульской Засечной Черты XVI—XVII вв. по историческим и археологическим источникам // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 574—576; Бурцев И.Г. Тульские засеки XVI—XVII вв.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 16—17.

К сожалению, сейчас нельзя сказать, как были устроены воротные комплексы изначально. Документы XVII в. смутно сообщают о «старых воротах» и о наличии вблизи них различных сооружений: «ворота засечные Княжие, а в воротех двои ворота опускные брусные дубовые, да в четыре ряда колоды, да по обе стороны ворот были надолобы в два ряда, и в воротех мост мощенова на версту, да в тех же была изба з бои, и обвалились, и мост выгнил»²⁴. Впоследствии в районах старых ворот делались специальные проездные деревянные остроги и башни, которые со временем также получали наименование «ворота».

Исследование географии Засечной Черты началось с работ Ю.В. Арсеньева²⁵, В.Н. Сторожева²⁶ и А.И. Яковлева²⁷. В конце 1940-х гг. А.В. Никитин проводил археологические разведки в засеках²⁸, в 1980-е гг. паспортизацию памятников Черты проводил И.Л. Чернай²⁹.

Археологические исследования объектов Засечной Черты Тульской археологической экспедицией были начаты в 2009 г. Основное внимание уделялось изучению уже известных фортификационных сооружений и уточнению их датировки. В результате работ удалось отсечь ряд археологических объектов от фортификационных сооружений Черты (городища Одоев, Лихвин, Супруты-2).

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Ед. хр. 14241. Л. 482 об.

²⁵ *Арсеньев Ю.В.* Материалы для историко-археологической карты Тульской Губернии // Тульские губернские ведомости. 1889. Неф. часть. № 8, 15, 16, 20, 21.

²⁶ Рязанские засечные книги XVII в. Рязань, 1890; *Сторожев В.Н.* Засечные книги как историко-географический и археологический источник. СПб., 1892.

²⁷ *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства...

²⁸ *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты в районе Тула — Одоев — Белёв // КСИИМК. Т. XXXVIII. М.; Л., 1951; *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. М., 1955.

²⁹ *Чернай И.Л.* Оборонительные сооружения Рязанских засек в свете новых археологических данных // Куликово поле: Материалы и исследования / Труды ГИМ. Вып. 73. М., 1990. С. 101—125; *Чернай И.Л.* Натурное и археологическое изучение оборонительных сооружений Тульских засек в 1984—1992 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула, 2002. С. 223—224; *Чернай И.Л.* Памятники военной истории и археологии ближней округи Ясной Поляны // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2004. С. 224—242; *Чернай И.Л.* Оборонительная система Рязанских засек по данным натурного изучения // Битва на Воже и Куликовское сражение (История и культура средневековой Руси). Рязань, 2006. С. 179—210; *Чернай И.Л.* Система оборонительного пояса Засечной Черты от Тулы до Крапивны и Одоева // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008.

Комплексные историко-археологические исследования позволили установить границы засечных лесов XVII—XVIII вв. на территории Тульской области. Исследования показали, что как минимум с XVIII в. засечные леса были окаймлены межевными рвами и валами, обнаружив которые, удалось выделить старые засечные массивы. Эти валы и рвы по периметру засек И.Л. Чернай принимал за оборонительные сооружения и даже создал их классификацию.

Стоит кратко охарактеризовать привлекаемые источники, которые лежат в основе локализации. Описание укреплений засек содержится в документах Разрядного и Пушкарского приказов. Часто во время дозора единицей описания становилось «звено» — участок засеки, смежный с частным землевладением. В случае локализации землевладений XVII в. по материалам межеваний XVIII в. становится возможным и установление района расположения крепостей. Отдельная проблема — это локализация старых дорог, на которых находились фортификационные сооружения. Поэтому важным подспорьем в изучении засек являются топографические карты XVIII—XIX вв.

Цель данной статьи — провести своеобразную ревизию известных нам по документам и в результате археологических исследований засечных фортификационных сооружений в границах современной Тульской области. Главное внимание уделено деревоземляным укреплениям (острогам, городкам, башням, рвам, валам). При этом мы не рассматриваем подробно размещение менее значительных элементов фортификации — надолбов, частоколов, «плавных бревен» (подтопленные брёвна с набитыми деревянными гвоздями для защиты бродов), волчьих ям, которые применялись повсеместно в проходах, на дорогах и безлесных участках. Географические рамки статьи ограничены современными границами Тульской области. Всего на её территории находилось 18 засек, номенклатура которых сложилась в основном к концу XVI в. В XVII в. некоторые из засек были заброшены. Рассмотрим их с запада на восток (**Рис. 1**).

Засечная черта на западе начиналась с Козельских засек: вдоль течения р. Жиздры (левый приток Оки) и её притоков располагались засеки Сенецкая, Дубенская и Столпицкая, смыкавшаяся на севере с Перемышльской засекой (все они сейчас расположены на территории Калужской области). Южнее Белёва от замка Дубенской и Столпицкой засек вдоль р. Бобрик к Оке протянулась Белёвская Бобриковская засека. Первое её упоминание стоит связать с книгой 1588/89 г. «белевским казакам, которых Юрьи Ива-

нов сын Вельяминов прибрал к Бобриковской засеке и отделил им земли по 20 чети земли человеку», упомянутой в описи Разрядного приказа 1668 г.³⁰ Исходя из этого, можно констатировать, что Бобриковская засека была создана до 1588/89 г., когда была сформирована корпорация бобриковских казаков. 18 мая 1598 г. к засеке на р. Бобрик был послан кн. Фёдор Елецкий³¹.

На дороге из Белёва в Болхов в районе р. Бобрик существовали ворота, в которых стоял острог, к 1638 г. сгнивший³². В 1639 г. на засеке производилась реконструкция. На берегах Бобрика в районе ворот были устроены две сторожевые башни. Если на месте северной башни сейчас находится с. Бобрик, то территория башни южной в настоящий момент не застроена. От ворот до Оки по лесу было поставлено 27 башен³³, «меж башен поставлен был острог стоячей прямо»³⁴. В связи с этими данными есть возможность выявления фортификационных объектов этой засеки.

Восточнее Бобриковской засеки от правого берега Оки шла Белёвская Федяшевская засека. Уникальность её заключается в том, что в XVII в. она не ремонтировалась, а её фортификационные сооружения, видимо, были воздвигнуты в конце XVI в. Впервые Федяшевская засека упоминается в разрядных записях 18 мая 1598 г., когда сюда назначили воеводу кн. Романа Гагарина³⁵. В том же году упоминаются Федяшевские ворота³⁶. Кроме них на засеке были ещё ворота Рождественские (Сороколетовские) и Тыренские. По росписи Федяшевской засеки, составленной 30 декабря 1637 г., у каждых ворот стояла башня, на расстоянии около полуверсты «был острог, а подле острогу ров и надолбы, а во рву был частич. Те крепости ныне все погнили. И ров заплыл»³⁷. Согласно дозорной книге 1676 г., у Федяшевских ворот уже не было никаких укреплений кроме «старинного рва», который к тому моменту зарос, остальных ворот вообще не было видно. Федяшевские ворота находились поблизости от Оки, т.к. дозорная книга описывает луг у реки,

³⁰ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 298.

³¹ РК 1475—1598 гг. С. 526; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. I. С. 40; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974 (далее — РК 1598—1638 гг.). С. 30.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 90. Л. 254.

³³ Скорее всего «башнями» были названы приспособленные особым образом для наблюдения деревья.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 89. Л. 250.

³⁵ РК 1475—1598 гг. С. 526; РК 1598—1638 гг. С. 30.

³⁶ РК 1598—1638 гг. С. 38.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 301. Л. 660—662.

дорогу через этот луг и Федяшевские ворота на дороге³⁸. Рядом с воротами располагалась д. Беляева белёвских бобриковских казаков (впоследствии однодворцев). Ворота, таким образом, следует искать к северу от д. Беляевой, на землях Федяшевской засеки, которые были проданы разным владельцам³⁹. Сейчас это окрестности д. Черногрязка, в районе которой существуют ров и вал⁴⁰. Пока сложно говорить, являются ли они фортификационным сооружением, или были созданы как межевые или пожароохранные.

Рождественские (Сороколетовские) ворота получили название от с. Рождествено, Сороколетово тож, Белёвского уезда⁴¹. Ворота, видимо, нужно искать на дороге из этого села в д. Араная (совр. с. Араны Арсеньевского района), располагавшуюся на левом берегу р. Исты⁴². Эта дорога проходила по берегам р. Истицы (совр. р. Истичка), где могут сохраниться остатки ворот.

Тыренские ворота находились в районе с. Ясенок (Есенок, совр. д. Ясенки Арсеньевского района) в верховьях р. Холохольни. Уже в XVII в. здесь был «всякий лес сечен»⁴³. Западнее с. Ясенки ещё в XVIII в. проходила дорога из Черни в Одоев, пересекавшая р. Тырну, левый приток Холохольни⁴⁴. Лес здесь практически полностью сведён, земли активно распахиваются, так что сохранение здесь остатков фортификационных сооружений кажется маловероятным. Возможность же обнаружения Федяшевских и Рождественских (Сороколетовских) ворот ещё есть.

Восточнее Федяшевской засеки проходила Одоевская засека, известная с 1560-х гг.⁴⁵ Засека делилась на две лесополосы: одна от верховьев р. Холохольни шла на север и упиралась в левый берег р. Упы в районе с. Левенского, вторая шла на северо-восток вдоль Холохольни, как минимум, до устья Бегинского оврага. К этой же засеке были приписаны укрепления у брода у с. Павловского. На засеке известны трое ворот: Холохольские (они же, вероятно, Но-

³⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 178.

³⁹ Описание города Белёва и Белёвского уезда... 1792 г. // Белёвская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиним. Т. II. М., 1858. С. 60—61, 65.

⁴⁰ По следам Засечной Черты: Путеводитель. Тула, 2018. С. 71.

⁴¹ Описание города Белёва... Т. II. С. 61—62.

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 181—181 об.; ОР БАН. Основное картографическое собрание. Ед. хр. 429.

⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 186.

⁴⁴ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 6160, 6163.

⁴⁵ Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротыньских во второй половине XVI — начале XVII вв. // Архив русской истории. № 2. М., 1992. С. 104, 110—111.

восильские) находились, видимо, севернее д. Холохольна на бывшей дороге Одоев—Новосиль, Удеревские — южнее с. Левенское вблизи дороги Одоев—Крапивна, Черногрязские — в районе д. Буландино на бывшей дороге Одоев—Старая Крапивна. В 1598 г. у ворот этой засеки были засечные приказчики Александр Юшков, Василий Ходырев и Никита Колупаев⁴⁶. Одоевская засека была распахана, видимо, раньше всех остальных, поскольку уже в 1630-е гг. она нигде не упоминается и, очевидно, была заброшена. Описаний этой засеки практически не сохранилось. В связи с этим в настоящее время сложно предпринять здесь поиск укреплений Черты, за исключением Удеревских ворот.

Севернее Федяшевской засеки шла Лихвинская Толкижская (Толпижская) засека, прикрывавша участок от правого берега Оки до левого берега Упы. 18 мая 1598 г. к этой засеке, а также к Слободецкой и Боровенской засекам, направили воеводу кн. Владимира Долгорукого⁴⁷. Засечный лес здесь сохранился и даже разросся, но какая-либо фортификация в нём по письменным источникам неизвестна.

К северу от рассмотренных засек шла основная линия Засечной черты, которая в основе своей сохранилась. От Козельских засек до Оки на протяжении почти 13 км (12 верст, 6 000 сажен) пролегла Лихвинская Слободецкая засека. В 1638 г. эту засеку делали воевода Никита Иванов сын Карамышев и голова воротынец Дорофей Матов⁴⁸. Комплекс Слободецких ворот на «белевской большой дороге» состоял из острога размерами около 54×65 м (25×30 сажен), поставленного по старому рву (видимо, оставшемуся от старого острога), со створчатыми дубовыми воротами с русской стороны и четырёхугольная башня размерами около 6,5×6,5 м (3×3 сажен) со створчатыми брусяными воротами возле неё с польской стороны. Такие же башня и ворота была построены с другой стороны засеки в районе р. Вырки-Болтухи (совр. Бахмута). От ворот до Оки с польской стороны был выкопан ров длиной около 400 м (175 сажен), глубиной более 4 м (2 сажени) и шириной около 8,6 м (4 сажени). На берегу Оки «на том же рву» был поставлен острожек около 11×6,5 м (5×3 сажен), в районе которого на Оке были установлены «бревны плавные»⁴⁹.

⁴⁶ РК 1475—1598 гг. С. 526.

⁴⁷ Там же. С. 524—525.

⁴⁸ Засечная книга 1638 года. С. 190, 212.

⁴⁹ Там же. С. 212—213.

От Оки до Упы шла Лихвинская Боровенская засека с Боровенскими воротами. В 1638 г. туда направили воеводу Клементия Борисова сына Хрушова⁵⁰. Вдоль засеки были выкопаны два рва глубиной около 2,6 м (сажень с локтем), один — от Оки до болота длиной около 216 м (100 сажен) и шириной около 5,4 м (2,5 сажени), второй — по р. Есеновке — длиной около 500 м (230 сажен) и шириной около 4,8 м (2 сажени с локтем). В воротах стояли острог размерами около 26×18 м (12×8 сажен) с двумя воротами и башня со стороны около 7 м (3 сажени с локтем). Вокруг острога был выкопан ров шириной около 6 м (3 сажени без локтя), глубиной около 2,6 м (сажень с локтем). На левобережье Упы «на егорьевской дороге меж Упы реки и речки Непроховки (совр. Пеняевский Верх?) против Уляжские засеки» поставили острог размерами около 32,4×26×32,4×18 м (15×12×15×8 сажен) с двумя воротами, окружённый рвом. Особенностью острожков было то, что в них были сделаны «вместо башен для очищения острогов в приход воинских людей по углом отводные быки»⁵¹.

Далее от Упы на северо-восток шла Лихвинская Уляжская засека протяженностью около 20 км (20 верст). 18 мая 1598 г. к этой засеке направили воеводу кн. Владимира Кривоборского⁵². В 1638 г. воевода Матвей Игнатьев сын Зубов и голова тарушенин Платон Владычкин⁵³ на берегу Упы против Боровенской засеки поставили острожек периметром около 52 м (24 сажени) с отводными быками, возле этого острожка через р. Упу были пущены «плавные бревна». Уляжские ворота отстояли от Упы на 2 км (900 сажен). Здесь в 1638 г. М.И. Зубов поставил башню размерами около 6,5×5,4 м (3×2,5 сажен) с обламами, верхним и нижним «боями» и воротами, а также острог с четырьмя отводными быками по углам вместо башен «для очищения острогу в приход воинских людей» (около 170 м (80 сажен) в периметре) с верхним и нижним «боями», пороховым погребом, двумя избами и клетью. Ров вокруг острога не копался, «потому что место пришло водено и осыписто»⁵⁴. В настоящее время часть этой засеки распахана, однако возможность поиска крепости сохраняется.

Между Окой и Упой на Уляжской засеке был поставлен «опасной» острог «для приходу крымского царя и царевичей, и больших

⁵⁰ Там же. С. 190, 211.

⁵¹ Там же. С. 211.

⁵² РК 1475—1598 гг. С. 525.

⁵³ Засечная книга 1638 года. С. 190, 209.

⁵⁴ Там же. С. 210.

воинских людей, где ратным людям быть и засек оберегать» интересной конструкции: «с отводными быками 200 сажен⁵⁵, а в быках сделано по воротам по створчетым да по рву, да по мосту по подъемному. А перед острогом и перед заводью сделаны надолобы вдвое, а подле воды ведены надолобы вдвое, а против перевозу сделаны ворота же и острожком проведены от реки до реки. А того острожку будет и с ворота в том месте сажен з 10»⁵⁶. В «опасном же в большом остроге» был выкопан погреб глубиной около 5 м. (2 сажени с локтем) для пороховой казны. В нём хранились порох, свинец, ядра, дробь, а также холсты, посконь и фитиль. Над погребом был поставлен сарай «на сохах», под которым хранились пушки и станки к ним. Кроме того, «ис тех же быков сделано 2 ворота по берегу. Да на Упу и на Оку реку сделан живой мост 36 звен, поперег Упы реки в устье 20 сажен⁵⁷, а Оки реки против устья узкого места поперег з берега на берег 31 сажень⁵⁸. А тот мост поставлен по берегу против острогу. И тот живой мост пригодился на Упу и на Оку реку»⁵⁹.

Острог у Семёновских ворот Семёновской (включалась в состав Уляжской) засеки (от ворот около 500 м. (220 сажен)) на расстоянии около 8,5 км (8 верст) от Уляжских ворот в 1638 г. делал воевода Андрей Фёдоров сын Резанов⁶⁰. Крепость имела размеры около 43×43 м (20×20 сажен), двое проезжих ворот, на углах вместо башен — отводные быки (около 6,5 м длиной), верхний и нижний «бои» в остроге и быках. Вокруг острога был выкопан ров шириной около 4,3 м (2 сажени), глубиной около 3,9 м (2 сажени без локтя), через ров было сделано два моста, возле острожка выкопан пруд⁶¹. Острог располагался, видимо, вблизи старой дороги Одов-Лихвин.

За Семёновскими воротами начиналась Полошевская засека, иногда включавшаяся в состав Уляжской засеки, до Полошевских ворот было около 10 км (9 346 сажен). В Полошевских воротах воеводой Иваном Гавриловым сыном Потёмкиным⁶² в 1638 г. сделан острог высотой более 4 м (2 сажени) и размерами около 39×35 м (18×16 сажен), в остроге поставлены изба и клеть, выкопан зелей-

⁵⁵ Около 432 м.

⁵⁶ Около 21,6 м.

⁵⁷ Около 43,2 м.

⁵⁸ Около 67 м.

⁵⁹ Засечная книга 1638 года. С. 213.

⁶⁰ Там же. С. 190, 209.

⁶¹ Там же. С. 209.

⁶² Там же. С. 190, 207.

ный погреб глубиной более 4 м (2 сажени). С русской и польской сторон острога были сделаны проездные четырёхугольные башни с обламами шириной около 6,5 м (3 сажени) с воротами и мостами. С польской стороны имелся ров глубиной и шириной около 4,3 м (2 сажени), а также колодец той же глубины⁶³. Полошевский острог следует искать, видимо, на одной из двух дорог, проходивших через засеку у бывшего с. Палашево (Полшево). Обе дороги в настоящий момент заросли, засечный же лес сохранился в состоянии XVII—XVIII вв., что делает весьма вероятным обнаружение здесь острожка.

На юго-восток от Полошевской засеки шла засека Снецкая (Сняцкая), которая также могла приписываться к засеке Уляжской. В 1638 г. воевода кн. Пётр Романович Борятинский (сменил Захара Григорьева сына Шишкина)⁶⁴ сделал Сняцкий острожек высотой более 4 м (2 сажени), который имел размеры около 41×15 м (19×7 сажен), с русской стороны ворота, с польской стороны — башню шириной около 6,5 м (3 сажени). В остроге была поставлена изба и был сделан зелёный погреб. Примерно в 108 м (50 сажен) от острожка в русскую сторону был выкопан колодец глубиной около 3,2 м (1,5 сажени). С русской же стороны возле острога был выкопан ров глубиной около 3,2 м (1,5 сажени) и шириной около 4,3 м (2 сажени). С польской, очевидно, стороны от острога на расстоянии около 108 м (50 сажен) были возобновлены старые ворота на дубовых затворах⁶⁵. А.В. Никитин считал, что городище Снедка (у него укрепление у д. Павловская) являлось одним из элементов засечной черты⁶⁶. В ходе археологических исследований в 2009 г. выяснено, что городище датируется IX—X вв., более поздних слоев на нём нет⁶⁷. Привлечение письменных источников показало, что уже в 1620-е гг. городище находилось на частной, а не на казённой земле. Т.о., версия Никитина неверна. Острожек находился, скорее всего, на заросшей ныне дороге из с. Павловского в с. Вялино.

К востоку от Снецкой засеки простиралась засека Заупская. Её называли также Тульской⁶⁸. В западной части засеки распола-

⁶³ Там же. С. 207.

⁶⁴ Там же. С. 190, 205.

⁶⁵ Там же. С. 206—207.

⁶⁶ *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения Засечной черты... С. 186; *Черная И.Л.* Система оборонительного пояса Засечной Черты от Тулы до Крапивны и Одоева. С. 147. Рис. 8, III.

⁶⁷ *Григорьев А.В.* Отчёт об археологических раскопках на городище у д. Снедка Одоевского района Тульской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

⁶⁸ Засечная книга 1638 года. С. 190; РК 1475—1598 гг. С. 525.

гались укрепления Орловых ворот. Из-за них эта часть засеки называлась также Орловской. Здесь ещё в 1940-е гг. А.В. Никитиным выявлены два укрепления. Впервые Орловы ворота упомянуты в 1595/96 г.⁶⁹ К сожалению, пока неизвестно, какие сооружения возвели там первоначально. 18 мая 1598 г. к Тульской Заупской засеке и к Орловым воротам был направлен воевода кн. Савва Дмитриевич Щербатой⁷⁰. В 1638 г. под руководством воеводы кн. Никиты Михайловича Барятинского и головы дмитровца Данилы Шокурова⁷¹ в Орловых воротах поставили обнесённый рвом острожек. Размеры его составляли около 52×50 м (24 с локтем × 23,5 саж.), высота стены — более 4 м (2 саж.). Проездная южная башня имела размеры около 8,6×11 м (4×5 саж.). На месте трёх старых ворот на дороге были возведены т.н. «опускные надолбы», вокруг острожка выкопан ров, поставлены ряды надолбов⁷². Недалеко от Орловых ворот был сделан небольшой земляной вал длиной около 54 м (25 саж.), от которого на такую же длину шли надолбы в два ряда⁷³.

Тогда же под руководством боярина и воеводы Ивана Петровича Шереметева «на погорелой поляне была сделана земляная крепость»⁷⁴, которая позже в документах фигурировала как «опасный городок»⁷⁵ и «город стоялой земляной, где стоять в приход крымского царя и царевичей, и больших воинских людей»⁷⁶. Городок был обнесён рвом и имел размеры около 335×108 м (155×50 саж.), высоту стен — около 3 м (косая сажень с локтем), четыре земляные и две проездные деревянные башни, высоту земляных башен — около 3—4 м (1,5—2 сажени).

В связи с выявленными в ходе исследований противоречиями между опубликованными А.В. Никитиным и И.Л. Чернаем планами крепостей и наблюдаемой действительностью сотрудники Тульской археологической экспедиции сделали новую топографическую съёмку этих памятников (**Рис. 2, 3**). Кроме того, осуществлялся сбор подъёмного материала, закладка разведочных шурфов⁷⁷. Были изучены также остатки крепости на правом бере-

⁶⁹ РК 1475—1598 гг. С. 524—527.

⁷⁰ Там же. С. 525; РК 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. С. 39.

⁷¹ Засечная книга 1638 года. С. 190, 203.

⁷² Там же. С. 203—204.

⁷³ Там же. С. 202.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 97. Л. 162.

⁷⁵ Там же. Стб. 561. Л. 96, 97.

⁷⁶ Засечная книга 1638 года. С. 208.

⁷⁷ *Столярова К.А.* Отчёт об археологической разведке в Шекинском районе Тульской области в 2017 г. Тула, 2018 // Архив ИА РАН. Т. 1. С. 48—54; Т. 2. Рис. 201, 219.

гу Упы — городище 2 у д. Супруты, которое Никитин отнёс к засечным укреплениям. Керамический материал его можно отнести к XV в. и, т.о., оно не имеет отношения к засечным укреплениям⁷⁸. Был также составлен новый план памятника.

При исследовании «городка земляного» у с. Селиваново («А позади села Селиванова полянами до лесного завалу с версту, по конец полян у завалу зделан городок земляной да башня, около городка 54 сажени⁷⁹, опричь башни. А к городку от Селиванова на поляны дорога и в городок; а через дорогу на поляне боярак»⁸⁰) выявлено, что крепость была воздвигнута в раннем железном веке, затем, во время реконструкции 1638 г., оно было забутовано слоем материковой глины 1,5 м толщиной, а после вписано в систему засек⁸¹.

Между Орловыми и Малиновыми воротами в XVI в. существовали Кураковские ворота: «Против деревни Криволаповой ворота Кураковы исстари были засечены, а была через те Кураковы ворота стезжка да лесного завалу; и ныне та стешка засечена»⁸².

Северо-восточнее д. Ясная Поляна на Заупской Малиновой засеке находились укрепления Малиновых ворот. 18 мая 1598 г. к Малиновым воротам послали воеводу кн. Фёдор Тимофеевича Долгорукого⁸³. По дозорной росписи кн. Василия Щербатого и подьячего Максима Козлова 1636 г. Малиновые ворота находились южнее р. Козловки, «на дороге был мост в ширину 6 сажен, а по мосту были 4 ворота створные с верхними башнями, а перед ворота было по 3 бревна опускных в надолобах... поперег ворот с рускую сторону была изба караульная»⁸⁴.

В 1638 г. была проведена реконструкция Малиновой засеки и ворот воеводой Семёном Васильевичем Волынским и головой соловлянином Степаном Карповым⁸⁵: «в Малиновых воротах острог стоячей с обламы на нем, двои ворота, на одних воротех башня з

⁷⁸ Столярова К.А. Отчёт об археологической разведке... Т. 1. С. 40—42, 48—54; Т. 2. Рис. 133—156, 201, 219. 40—42.

⁷⁹ Около 117 м.

⁸⁰ Засечная книга 1638 года. С. 202.

⁸¹ Столярова К.А. Отчёт об археологической разведке... Т. 1. С. 42—47; Т. 2. Рис. 157—200; Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Бурцев И.Г., Петров Ю.Ю. Археологическая разведка в Шекинском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье: 2017. Липецк, 2018. С. 187.

⁸² Засечная книга 1638 года. С. 201.

⁸³ РК 1475—1598 гг. С. 525; РК 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. С. 39.

⁸⁴ Засечная книга 1638 года. С. 196.

⁸⁵ Там же. С. 190.

бои... Около острогу ров, ширина 2 сажень⁸⁶, а глубина то же... На той же Малиновой засеке на большой дороге с польской стороны другой острог, вдоль по засеке 70 сажень⁸⁷. А подле острогов ров копан, глубина пол-2 сажени⁸⁸, а в ширину 2 сажени; а в остроге ворота створные, через ров мост подъемной»⁸⁹. К сожалению, в ходе археологических разведок на территории засеки пока не выявлено остатков каких-либо укреплений. Вероятно, они были уничтожены во время устройства дороги и строительства пос. Лесной. Стоит отметить, что с XVIII—XIX вв. дороги не меняли направлений.

К северу от Малиновых ворот до города Тулы шел вал Завитай. Его строительство началось в 1599 г.⁹⁰ В 1630-х гг. Завитай отремонтировали и достроили. К настоящему времени большая часть этих укреплений не сохранилась. А.В. Никитин, вероятно, последним видел и зафиксировал в 1947—1949 гг. башни Старого Завитая⁹¹. Мы предположили наличие остатков башни Старого Завитая на ул. Скуратовской. Восточнее пос. Косая Гора нами выявлены остатки Нового Завитая и создан топографический план одной из двух башен (Рис. 4). К сожалению, пока исследовать эти объекты археологическими методами не представляется возможным из-за застройки на ул. Скуратовской и близости железной дороги в районе Косой Горы (башня входит в полосу отчуждения железной дороги).

К северо-востоку от Тулы располагались Щегловская засека и Щегловский вал (против Черленной горы), начинавшийся от заболоченной поймы р. Тулицы и прикрывавший т.н. «Царев проход». Вал был построен в конце XVI в., а 18 мая 1598 г. сюда назначили воеводой кн. Григория Константиновича Волконского⁹². В 1638 г. вал был отремонтирован на средства боярина кн. И.Б. Черкасского с товарищами⁹³. В 1638 г. сюда направили воеводу кн. Василия Михайловича Волховской и голову алатырца Григория Болховского⁹⁴. Возле р. Тулицы стояла деревянная проездная башня с воротами, обламами и верхним боем, на валу устроена земляная башня размерами около 13х13 м (6×6 сажень), вал имел длину около 810 м (374,5 сажени), вы-

⁸⁶ Около 4,3 м.

⁸⁷ Около 151 м.

⁸⁸ Около 3,2 м.

⁸⁹ Засечная книга 1638 года. С. 200.

⁹⁰ РК 1550—1636 гг. Т. II. Вып. I. С. 171.

⁹¹ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты... С. 178, 179.

⁹² РК 1475—1598 гг. С. 525; РК 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. С. 39.

⁹³ Засечная книга 1638 года. С. 222.

⁹⁴ Там же. С. 190.

соту около 3,2 м (2 сажени без чети) с полевой стороны, толщину в подошве около 6 м (3 сажени без четверти). Ров вдоль вала имел ширину около 6,5 м (3 сажени) и глубину около 4,3 м (2 сажени). Недалеко от земляного вала в Щегловских воротах стояла «башня караульная дубовая о дву верхах с роскаты и с обламы, и с верхними бои; в ней 2 моста верхних; да на той же башне зделан чердак караульной; а подле башни в остроге ворота дубовые створчатые, а перед ворота с польской стороны через ров мост дубовой 4-х сажен⁹⁵». От башни на расстоянии около 108 м (50 сажен) по засеке стоял острог. В глубину Щегловской засеки до р. Олешенки с польской стороны был копан ров около 3 м (пол-2 сажени) шириной и глубиной около 4 км (1 900 сажен) длиной⁹⁶. Ныне вал и ров, как и Щегловские ворота, полностью попали под городскую застройку.

Ещё одним укреплением Щегловской засеки был Колодезный острог на р. Бежке недалеко от д. Колодезной. «Косой» стоячий острог имел высоту более 4 м (2 сажени) и дубовые створные ворота. С польской стороны перед воротами были две опускные колоды, надолбы в два ряда вдоль стены острога, мост через речку⁹⁷. К сожалению, проведённые в этой местности археологические разведки острога не выявили. Возможно, это объясняется тем, что самое удобное для сооружения острога место в XX в. было застроено.

Следующее укрепление Щегловской засеки — острог на Бабьем проломе на р. Опоке на расстоянии более 13 км (6 300 сажен) от Колодезного острога на дороге из Тулы в Венев. Острог был «стоячей косой» периметром около 570 м (263 сажени), с русской стороны у острога была полянка, от которой лесом к Венёву монастырю было более 2 км (2 версты)⁹⁸. Местность около Венёва монастыря не раз осматривалась археологами, однако место острога пока не выявлено. Причиной могла стала распашка части засечного леса и прокладка современного шоссе, повторяющего тракт XVI—XVII вв.

К югу от Щегловской засеки вдоль р. Сежи (правый приток Упы) шла Сежская засека. 18 мая 1598 г. к Тульской Сежской засеке направили воеводу Якова Старкова⁹⁹. К 1630-м гг. засека была заброшена, её описаний, скорее всего, не осталось¹⁰⁰.

⁹⁵ Около 8,6 м.

⁹⁶ Засечная книга 1638 года. С. 223.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 224.

⁹⁹ РК 1475—1598 гг. С. 525.

¹⁰⁰ РК 1598—1638 гг. С. 29.

На востоке Щегловская засека соединялась с Корницкой (Карницкой) засекой, получившей своё название по с. Корники (городище около села было городом Рязанского княжества Корнике). Её называли также «Аннино провороть»¹⁰¹. Засака шла на юго-запад до р. Шат. В XVII в. каких-либо крепостей на ней не было.

В другую сторону от замка Щегловской и Корницкой засек тянулась Венёвская (Княжая) засека. В XVI в. её называли Тульская Веркошская. 18 мая 1598 г. сюда послали воеводу кн. Фёдора Друцкого¹⁰². Севернее Венёва находился острожек у Княжьих ворот. В 1638 г. острожек делали воевода кн. Фёдор Самойлович Бельский (сменил Ивана Яковлевича Вельяминова) и голова калужанин Замятня Рахманов¹⁰³: «А Княжие ворота поставлены промеж углов 3-х сажен, в них поставлена башня. А от Княжьих ворот, от башни поставлен острог на четыре угла, а против башни на другой стороне острогу проезжие створные ворота, а длина острогу 10 сажен¹⁰⁴, а поперег острогу 13 сажен¹⁰⁵. Да в остроге же у башни погреб земляной с выходом да у ворот в остроге изба трех сажен»¹⁰⁶. Вокруг острога был ров и в четыре ряда бит частич. Ворота, острог и мост с польской стороны были защищены рядами надолбов, на дороге было несколько опускных колод¹⁰⁷. По свидетельству Д.Г. Гедеонова, острог у Княжьих ворот («городище Коломенское») был разрушен при строительстве дороги ещё в 1830-е гг.¹⁰⁸ По письменным источникам удалось локализовать место расположения крепости.

От Княжьих ворот на север на расстоянии около 860 м (400 сажен) шёл лесной завал, затем был насыпан вал длиной около 400 м (180 сажен): «А тот земляной вал выкладыван с русской стороны дерном, за земляным валом и за рвом на польскую сторону ставлены надолобы в 3 ряда, а промеж надолоб и рву копаны ямы, а в ямах и по сторонам бит частич»¹⁰⁹.

С этого вала начинались укрепления Грабороновых ворот («полевой черты»). Скорее всего, первоначальный вал и ров были соз-

¹⁰¹ Засечная книга 1638 года. С. 224.

¹⁰² РК 1475—1598 гг. С. 526.

¹⁰³ Засечная книга 1638 года. С. 228.

¹⁰⁴ Около 21,6 м.

¹⁰⁵ Около 28 м.

¹⁰⁶ Около 6,5 м.

¹⁰⁷ Засечная книга 1638 года. С. 231—232.

¹⁰⁸ Гедеонов Д.Г. Веневские древности // Тульские губернские ведомости. 1854. № 28.

¹⁰⁹ Засечная книга 1638 года. С. 232.

даны в конце XVI в.¹¹⁰ Через Грабороновы ворота проходила дорога из Тулы в Рязань и Зарайск¹¹¹, а к востоку от них располагались «по реке Осетру до Щучья Городка шесть бродов и в те броды наперед сево крымской царь хаживал, а крепостей никаких нет»¹¹². Один из бродов назывался «Царевым»¹¹³. Вероятно, Грабороновы ворота были созданы в 1590-х гг., а в 1638 г. их отремонтировали. В XVII в. это была целая система земляных укреплений (вал с крепостями, пересекавший реки Осётр и Сухой Осётр, протяжённостью около 5 км), которая прикрывала степь к северу от Венёва.

Между рр. Сухой Осётр и Осётр был «поставлен земляной городок на четыре угла в длинных в двух стенах по 120 сажен, а в поперечины по 80 сажен, а ширина того города в подошве 2 сажени, а высота 2 сажени»¹¹⁴. Этот земляной городок (около 260×172 м) известен как Устьинский или Солдатский¹¹⁵ (Рис. 5). В настоящее время он, к сожалению, уничтожен.

В течение 1638 г. в районе Грабороновых ворот производились масштабные ремонтные и строительные работы: «В Грабороновых воротах зделано 4 колоды опускных, да на 1644-х сажнях поставлены надолобы в трое, и честик били, и ров копали, и по рву плетень заплели, и изо рву землю насыпали»¹¹⁶, «земляной вал весь высили и дерном выкладен от Граборовых ворот по реку по Осетр, а тово ж, государь, числа земляных крепостей у Грабороновых ворот городок и промеж Граборовых ворот три башни зделаны и рвы выкопаны. А делали государь, те земленые крепости сошные люди Коломенского, да Веневского, да Епифанского уезда восьмьсот пятьдесят человек, а были, государь, те деловцы у того земляного дела десять ден... Да у реки ж, государь, у Осетра, земляной городок, который делают дрогуны и солдаты, ныне доделывают же. А вместо стоячева острогу, где быть нам с ратными людьми в приход воинских людей зделан же земляной городок у реки у Осетра»¹¹⁷. На валу, шедшем от шестиугольного земляного городка (Рис. 6), в настоящее время распаханного, в сторону крепости Грабороновых ворот в 1638 г. были устроены три «башни» (реду-

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Ед. хр. 14241. Л. 481 об. — 482.

¹¹¹ Там же. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 86. Л. 337—338.

¹¹² Там же. Ед. хр. 90. Л. 329.

¹¹³ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 52. Л. 87, 250 об., 259 об.

¹¹⁴ Засечная книга 1638 года. С. 232.

¹¹⁵ Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты... С. 168.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 86. Л. 138.

¹¹⁷ Там же. Ед. хр. 76. Л. 301—302.

та). В настоящий момент сохранилось только два укрепления этого типа. В 500 м от северного редута находится крепость Грабороновых ворот (**Рис. 7**). Крепость была сооружена, вероятно, в конце XVI в. Сведения о её глобальной перестройке в 1638 г. неизвестны, в документах речь идёт только о минимальных работах по реконструкции (установлены колоды, подновлены вал и ров)¹¹⁸.

От Грабороновых ворот на север до старых Грабороновых ворот шёл вал длиной около 175 м (81 сажень)¹¹⁹, который сохранился. В 2014 и 2019 гг. отряд Тульской археологической экспедиции обследовал северную часть вала. На этом участке вал разрушен грунтовой дорогой, известной с XIX в. В ходе археологических исследований произведена зачистка разрушения этого вала в 15 м к северу от северного угла крепости Грабороновых ворот (**Рис. 8, 9**). Протяженность зачистки составляет 5,8 м. Зачистка доведена до уровня современной дневной поверхности грунтовой дороги, что соответствует подошве почвенного горизонта, погребённого на месте строительства вала. Зачистка разрушения северного фрагмента вала показала наличие деревоземляных укреплений и следы перестройки вала.

Судя по описанию 1638 г. южного (разрушенного ныне) вала, «в подошве... ширины тому земляному валу пол-2 сажени¹²⁰, а в своде полсажени¹²¹, а вышина сажени¹²². Да с русской... стороны стенка выкладывана дерном, а с польской стороны плетен плетень, как почято делать у Ивана Вельяминова, а в серетках сыпана земля да хворостом прокладываны и покрыт дерном»¹²³. В восточной части вала (с «польской стороны») располагается несколько чередующихся прослоек серого гумусированного и материкового суглинка длиной более 2 м. Они представляют собой одновременно образовавшийся слой — основу старого вала. Над этим слоем в центральной части вала зафиксирована прослойка около 1,5 м тёмно-серого суглинка, насыщенного древесным углем. Очевидно, она маркирует деревянную основу нового вала.

В западной части вала («русская сторона») поверх слоя погребённой почвы располагается слой тёмно-серого гумусированного суглинка протяженностью около 1,5 м. Это может быть слой дёрна

¹¹⁸ Там же. Ед. хр. 86. Л. 138, 337—338.

¹¹⁹ Засечная книга 1638 года. С. 232.

¹²⁰ Около 3,2 м.

¹²¹ Около 1 м.

¹²² Около 2,16 м.

¹²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 76. Л. 449.

и почвы, снятый при ремонте с верха старого вала. С этим слоем связаны располагающийся над ним слой серого гумусированного суглинка и примыкающий к нему слой жёлто-оранжевого материкового суглинка. Слой серого суглинка сильно турбирован полевыми грызунами и содержит множество вкраплений материкового суглинка. Эти слои образовались при углублении рва и насыпке нового вала, который со временем заплыл в ров. Сверху этих слоев расположен слой почвы. Характерно, что в западной части вала слой почвы в 2—3 раза толще, чем в восточной части. Для фиксации насыпи вала были использованы деревянные конструкции. Их следы сохранились в виде прослойки серого гумусированного суглинка с редкими вкраплениями древесного угля. На профиле вала прослойка располагается под наклоном около 40 градусов в сторону вала, нижней частью уходя в ров. Судя по зачистке, поздний этап существования вала совпадает в общих чертах с данными документов. В связи с этим можно предположить следующую конструктивную схему и этапы развития укреплений: первичный вал (очевидно 1590-х гг.) был чисто земляной, перед ним находился ров. При ремонте вала в 1638 г. верх старого вала сняли и сбросили в «русскую сторону», увеличив тем самым его толщину. Поверху вала были положены ветки, засыпанные землёй и заложенные дёрном («в серетках сыпана земля да хворостом прокладываны и покрыт дерном»). Для предотвращения сползания грунта в ров, а также для увеличения крутизны внутреннего склона рва были сооружены деревянные конструкции — колья, оплетённые прутьями («с польской стороны плетен плетень», **Рис. 10**), удерживаемые ветками в центре вала. Плетень, видимо, был вкопан в дно рва и представлял собой дополнительный оборонительный элемент. С западной стороны вала был устроен банкет для стрелков, обложенный дёрном («стенка выкладывана дерном»).

Западнее Грабороновых ворот проходила Тульская Кортосеневская засека (или большая черта), в структуру которой входили Потетины ворота, получившие название от д. Потетино. 18 мая 1598 г. к Тульской Кортосеневской и к Каширской засекам направили воеводу Никифора Траханиотова¹²⁴. В 1638 г. воевода кн. Андрей Романович Гагарин (сменивший Михаила Михайловича Колтовского) и голова коломнетин Гаврило Шерефединов¹²⁵ произвели

¹²⁴ РК 1475—1598 гг. С. 525.

¹²⁵ Засечная книга 1638 года. С. 190.

реконструкцию засеки и ворот. В Потетиных воротах была поставлена башня с обламами, верхним боем и двумя мостами, возле башни — двое створчатых ворот. С русской стороны от башни поставили стоячий острог трапециевидной конфигурации — с «польской» стороны стена имела длину около 21,6 м (10 сажень), три другие стены — примерно по 17 м (8 сажень). С польской стороны возле острога и башни выкопали ров длиной 8 сажень, шириной около 3,2 м (1,5 сажени) и глубиной около 3 м (сажень с локтем). С русской стороны острога были сделаны створчатые ворота, перед которыми выкопали ров такой же ширины и глубины, как и на польской стороне. Через ров намостили мост. Весь комплекс укреплений обрамили надолбами. В конце надолбов с русской стороны стояли створчатые дубовые ворота¹²⁶. Объекты, которые А.В. Никитин соотносил с Потетинскими воротами, лежали вне засеки на частной земле, что даёт возможность говорить о неправильной локализации. Лесной массив остался здесь без изменений, поэтому возможность обнаружить укрепления сохраняется.

Восточнее Кортосеневской засеки на протяжении около 33 км (30 верст) шла Каширская (Оленьковская) засека. В 1638 г. засеку делал кн. Иван Леонтьевич Шаховской¹²⁷. В ней известны Оленьковские ворота и «городок земляной» на Барсуковском проломе у с. Аксиньино на р. Горня. После ремонта 1638 г. укрепления Оленьковских ворот выглядели так: «Ворота Аленьковские, на воротех башня, покрыта тесом в две тесницы, под нею двои ворота да две лесницы на обламной мост, башня 3-х сажень¹²⁸, а в ней три бои, острогу по обе стороны башни 65 сажень¹²⁹. От башни через Крутой верх намощено мосту на режах 37 сажень¹³⁰... В Оленьковских же воротех на дороге колода опускная, от той колоды опускной к острогу надолобы 52 сажени¹³¹, на Крутом верху 30 сажень¹³² острогу, посеред острогу ворота створные, от ворот мосту 10 сажень¹³³... Да с рускай стороны на речке Взбунежи ворота створные, за речкаю к полевой стороне против ворот опускная колода, от ней отхожая надолобы по обе стороны по 60 сажень». Были также сделаны мосты через

¹²⁶ Там же. С. 225.

¹²⁷ Там же. С. 226.

¹²⁸ Около 6,5 м.

¹²⁹ Около 140 м.

¹³⁰ Около 80 м.

¹³¹ Около 112 м.

¹³² Около 65 м.

¹³³ Около 22 м.

р. Взбунез длиной около 65 м (30 сажен), «в розных местах по лоском и по лужам» общей длиной около 650 м (300 сажен). На дороге по краям мостов и перед воротами устроили десять опускаемых колод, все полые места забили надолбами в 1—4 кобылины¹³⁴.

Согласно дозорной книге Каширской засеки объезда и досмотра Ивана Тихоновича Львова августа 1676 г.: «Аленьковских ворот острог, и башня, и ворота, и козеной погреб, и избы, и честик, и надолобы все погнило, и ров засыпался, и мост против башни с полевою сторону на режах згнил и обвалился»¹³⁵. В 1760-е гг. местность около Оленьковских ворот размежевали и передали в частное владение¹³⁶. Скорее всего, Оленьковские ворота уничтожены строительством дороги. Острог пока не локализован, но от прогноза о его сохранности пока стоит воздержаться, учитывая, что границы лесных массивов здесь практически не менялись с XIX в.

В настоящий момент неизвестно, какие укрепления находились на Барсуковском и Аксиньинском проломе до 1638 г. По росписи 1638 г. у с. Аксиньина был поставлен земляной городок с периметром стен около 108 м (50 сажен) между р. Горной (совр. р. Гореня) и Городенским верхом. В городке был срублен раскат около 6,5 м (3 сажени), было двое ворот — с польской стороны шириной около 2,16 м (1 сажень), с русской — около 1,08 м (0,5 сажени). Земляные «зубцы» (видимо, редуты) были обложены дёрном, вокруг городка копан ров, вдоль которого в четыре двойных ряда был бит частик. Через ров к городку брошен мост. Напротив ворот за рвом стояли по две опускаемые колоды, возле городка надолбы были сделаны в четыре кобылины и в два столба. С полевой стороны от леса до Городенского верха был насыпан вал и выкопан ров длиной около 360 м (167 сажен)¹³⁷. В дозорной книге Каширской Почесской засеки объезда и досмотра Ивана Тихоновича Львова 1676 г. говорится: «А по осмотру тот Оксинской городок згнил, и ров засыпался, и надолобы згнили»¹³⁸. В дозорной книге 1690 г. укрепление у с. Аксиньино не упоминается¹³⁹. Вероятнее всего, крепость находилась

¹³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 140. Л. 65—68. Ранее публиковалось: АМГ. Т. II. № 129. С. 79.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 389. Л. 557 об. — 558.

¹³⁶ Там же. Ф. 1354. Оп. 538. Ч. 1. Ед. хр. 3 — 39 син.; 3 — 89 син.; 3 — 111 син.; 3 — 116 син.; 3 — 119 син.; 3 — 120 син.; 3 — 121 син.

¹³⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 140. Л. 70—71. Опубликовано: АМГ. Т. II. № 129. С. 80.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 389. Л. 549 об. — 550.

¹³⁹ Там же. Оп. 4. Ч. 3. Ед. хр. 14241. Л. 467 об. — 468 об.

к западу от д. Аксиньино, где ещё сохранились лесные массивы, и вероятность обнаружения городка сохраняется.

К востоку от Оленьковской засеки шла Почесская засека, остатки которой в настоящее время расположены на границе Московской и Тульской областей. На этой засеке были Почесские ворота и укрепления на Ореховом проломе. Почесские ворота впервые упомянуты в 1570 г. в связи с набегом крымских татар¹⁴⁰. Следовательно, Почесская засека к тому времени уже существовала. В 1638 г. укрепления в Почесских воротах делал кн. Василий Романович Волконский (сменил Тимофея Федоровича Бобарыкина)¹⁴¹. В воротах была поставлена башня с раскатами с русской стороны, окружённый частоколом погреб, несколько створчатых ворот (с русской и польской сторон). С русской стороны были срублены тарасы, засыпанные землёй. С польской стороны стоял «косой» острог периметром около 200 м (98 сажен). С обеих сторон ворот были выкопаны рвы, всё было окружено рядами надолбов¹⁴².

В апреле—августе 1638 г. велись работы по реконструкции на Ореховском проломе. Пролом был назван по с. Орехово Раствоецкого стана Тульского уезда. Здесь помимо лесного завала и надолбов была поставлена башня в городке¹⁴³. С польской стороны через пролом по редколесью был насыпан вал и вырыт ров, по которому пущен плетень и частич, выкопаны волчьи ямы¹⁴⁴. По дозорной книге Рязанских и Каширской засек объезда и досмотра Ильи Тимофеевича Амирева 1676 г. «дорога большая в Ореховские ворота, подле той дороги городок земляной, около иво ров, а надолобы огнили и обволялись. А от того городка ров копоной до речки Мордвеса, подле иво надолобы погнили и оболялись... Городок Ореховского пролому, а в нем башня и козеной погреб, и изба — все гнило и розволялось, а честику и надолоб около того городка нет»¹⁴⁵.

Дозорная книга каширской Почесской засеки Каширского уезда объезда и досмотра Ивана Тихоновича Львова 1676 г. описывает укрепление так: «А тою Ареховскую дорогою ездят с рускую и с полевою сторону, а по осмотру тот Ореховской городок, вал земляной, под ним речка Мардвез, а по мере тот городок в круг осмьде-

¹⁴⁰ РК 1475—1598 гг. С. 232; Разрядная книга 1475—1602 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1982. С. 256—257.

¹⁴¹ Засечная книга 1638 года. С. 230—231.

¹⁴² Там же. С. 234.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Ед. хр. 75. Л. 452; Ед. хр. 85. Л. 240; Ед. хр. 86. Л. 271—273.

¹⁴⁴ Засечная книга 1638 года. С. 234.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 389. Л. 336 об. — 337.

сят сажен¹⁴⁶. А от того гародка через речку Мардвез вал земленой, а у вала были надолобы»¹⁴⁷. В дозорной книге порух каширских засек объезда и досмотра воеводы стольника Ивана Михайловича Засецкого 1678 г. описания фортификационных сооружений нет¹⁴⁸.

Дозорная книга Каширской засеки стольника и воеводы Семёна Офросимова и подьячего Пушкарского приказа Андрея Вепрова 1690 г. фиксирует на границе дачи с. Орехова и засеки «ровик» и «городок земляной» у дороги, что «ездят с полевою сторону на рускою сторону». Дорога находилась на расстоянии около 200 м (92 сажени) от р. Мордвез. Описание межи в книге идёт с востока на запад, что позволяет локализовать острожек на левом берегу речки¹⁴⁹. По мнению А.В. Никитина, крепость на Ореховом проломе была разрушена ещё в XIX в., когда на ней функционировал кирпичный завод¹⁵⁰. Есть данные, что завод функционировал в самом с. Орехове, а не в лесу, что ставит под сомнение точку зрения Никитина.

Итак, самым перспективным направлением изучения Засечной Черты в настоящее время является поиск укреплений тульских засек. Из 21-го известного по письменным источникам фортификационного сооружения выявлено пока пять объектов, ещё пять к настоящему времени уничтожены.

Библиография

- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII веков. Т. IV. М.: «Древлехранилище», 2008. 632 с.
- Арсеньев, Ю.В. Материалы для историко-археологической карты Тульской губернии // Тульские губернские ведомости. 1889. Неоф. часть. № 8. С. 1—2; № 15. С. 1—3; № 16. С. 1—2; № 20. С. 1—2; № 21. С. 2—4.
- Беликов, В.Ю., Кольчева, Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII вв. // Архив русской истории. № 2. М., 1992. С. 93—121.
- Буганов, В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 264 с.
- Бурцев, И.Г., Конорев, М.Б. Исследования Тульской засечной черты: история и перспективы // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история / Под ред. И.Г. Бурцева. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 272—282.

¹⁴⁶ Около 170 м.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 389. Л. 547 об. — 548.

¹⁴⁸ Там же. Кн. 390. Л. 153—157 об.

¹⁴⁹ Там же. Оп. 4. Ч. 3. Ед. хр. 14241. Л. 466 об.

¹⁵⁰ Никитин А.В. Оборонительные сооружения Засечной черты... С. 159.

- Бурцев, И.Г.* Обустройство тульской Засечной Черты XVI—XVII вв. по историческим и археологическим источникам // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 574—576.
- Бурцев, И.Г.* Тульские засеки XVI—XVII в.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 16—17.
- Воронцов, А.М., Столяров, Е.В., Столярова, К.А., Бурцев, И.Г., Петров, Ю.Ю.* Археологическая разведка в Шекинском районе // Археологические Исследования в Центральном Черноземье: 2017. Липецк: б.и., 2018. С. 185—187.
- Готье, Ю./В.].* Заметки по истории защиты южных границ Московского государства // Исторические Известия, издаваемые Историческим Обществом при Московском Университете. 1917. № 2. С. 47—57.
- Дедук, А.В.* Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3 / [гл. ред. А.В. Малов]. М.: Русские витязи, 2014. С. 454—480.
- Засечная книга 1638 года / Подгот. к публ. В.И. Буганов // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 23. М.: Книга, 1960. С. 181—253.
- Книги разрядная, по официальным оных спискам. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1853. 1380 стб.; Т. II. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1855. 1398 стб.
- Курбатов, О.А.* Организация осадного парка и инженерно-артиллерийского дела русской армии в 1630—1650-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. III.
- Ласковский, Ф./Ф.].* Карты, планы и чертежи к I части Материялов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1858. 28 с.
- Любавский, М./К.].* [Рец. на:] А. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916 // Исторические Известия, издаваемые Историческим Обществом при Московском Университете. 1917. № 2. С. 103—108.
- Никитин, А.В.* Оборонительные сооружения засечной черты в районе Тула — Одоев — Белёв // КСИИМ. Т. XXXVIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 62—70.
- Никитин, А.В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 116—223.
- Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вст. ст. К.В. Петрова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 808 с.
- Описание города Белёва и Белевского уезда... 1792 г. // Белёвская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным. Т. II. М.: Унив. тип., 1858. С. 1—98.
- Описание Тульских и Калужских засек, приписанных в XVIII в. к Тульским оружейным заводам // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история / под ред. И.Г. Бурцева. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. С. 284—338.
- Писцовые книги Московского государства XVI века. Под редакцией Н.В. Калачева. СПб.: Изд. Имп. рус. геогр. о-ва, 1877. 1598, [5] с.
- По следам Засечной Черты: Путеводитель. Тула: б.и, 2018. 111 с.
- Разрядная книга 1475—1598 гг. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1966. 614 с.
- Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. II. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. 440 с.; Т. III. Ч. III. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1989. 228 с.; Т. IV. Ч. I. М.: ИРИ РАН, 1994. 140 с.
- Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1976. 248 с.

- Разрядные книги 1598—1638 гг. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1974. 398 с.
- Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. II. Вып. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1976. 242 с.
- Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. 316 с.
- Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеоронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань: Фото-Типо-Литография Н.Д. Малашеина, 1889. 130 с.
- Рязанские засечные книги XVII в. / Сообщ. В.Н. Сторожев. Рязань: Типография губерnsk. правл., 1890. 14 с.
- Сторожев, В.Н.* Засечные книги как историко-географический и археологический источник. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1892. 13 с.
- Столярова, К.А.* Отчёт об археологической разведке в Щекинском районе Тульской области в 2017 г. Т. 1—2. Тула, 2018 // Архив ИА РАН.
- Чернай, И.Л.* Оборонительные сооружения Рязанских засек в свете новых археологических данных // Куликово поле: Материалы и исследования / Труды ГИМ. Вып. 73. М.: ГИМ, 1990. С. 101—125.
- Чернай, И.Л.* Натурное и археологическое изучение оборонительных сооружений Тульских засек в 1984—1992 г. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула: Инфра, 2002. С. 223—240.
- Чернай, И.Л.* Памятники военной истории и археологии ближней округи Ясной Поляны // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула: Инфра, 2004. С. 224—242.
- Чернай, И.Л.* Оборонительная система Рязанских засек по данным натурного изучения // Битва на Воже и Куликовское сражение (История и культура средневековой Руси). Рязань: Политех, 2006. С. 181—210.
- Чернай, И.Л.* Система оборонительного пояса Засечной Черты от Тулы до Крапивны и Одоева // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 129—155.
- Штурм, В.Н.* Народно-хозяйственное, финансовое и лесоводственное значение Тульских засек. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1909. 34 с.
- Юшков, А.И.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. М.: Унив. тип. 1898. 416 с.
- Яковлев, А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. 321+IX с., 2 л. к.

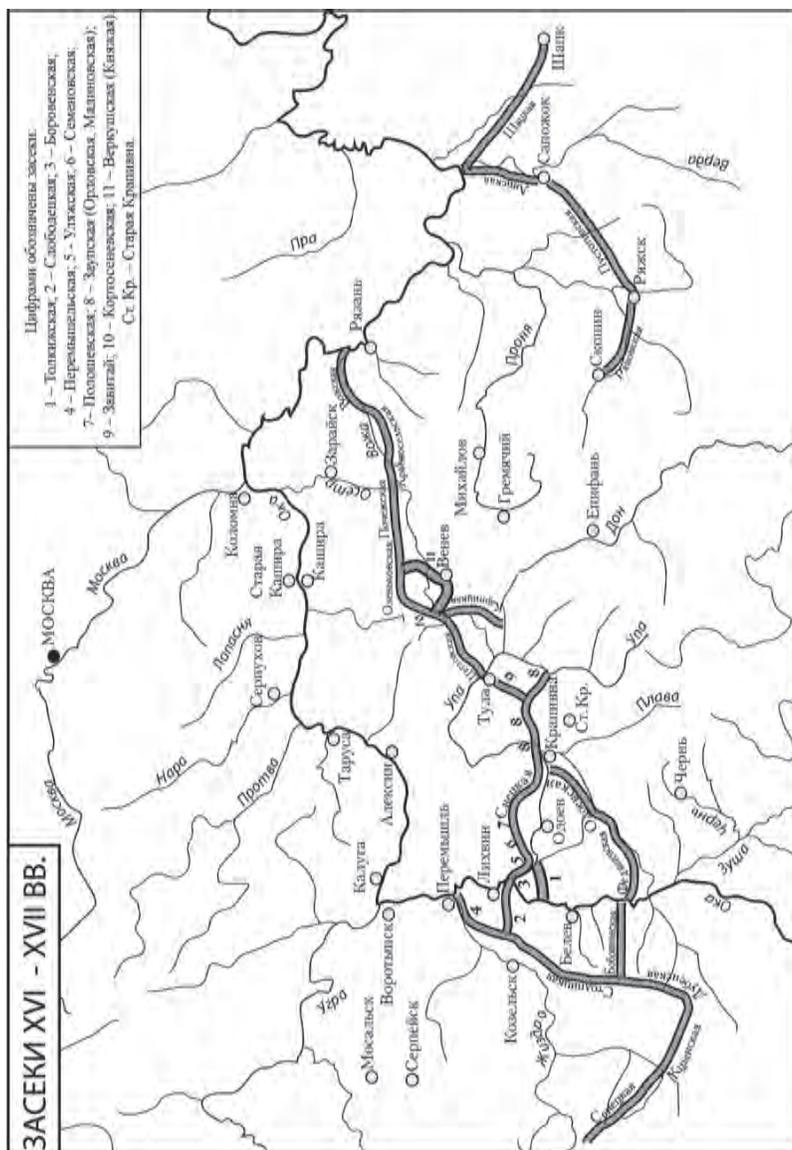

Рис. 1. Схема Засечной черты в XVI–XVII вв. Автор – А. В. Делук.

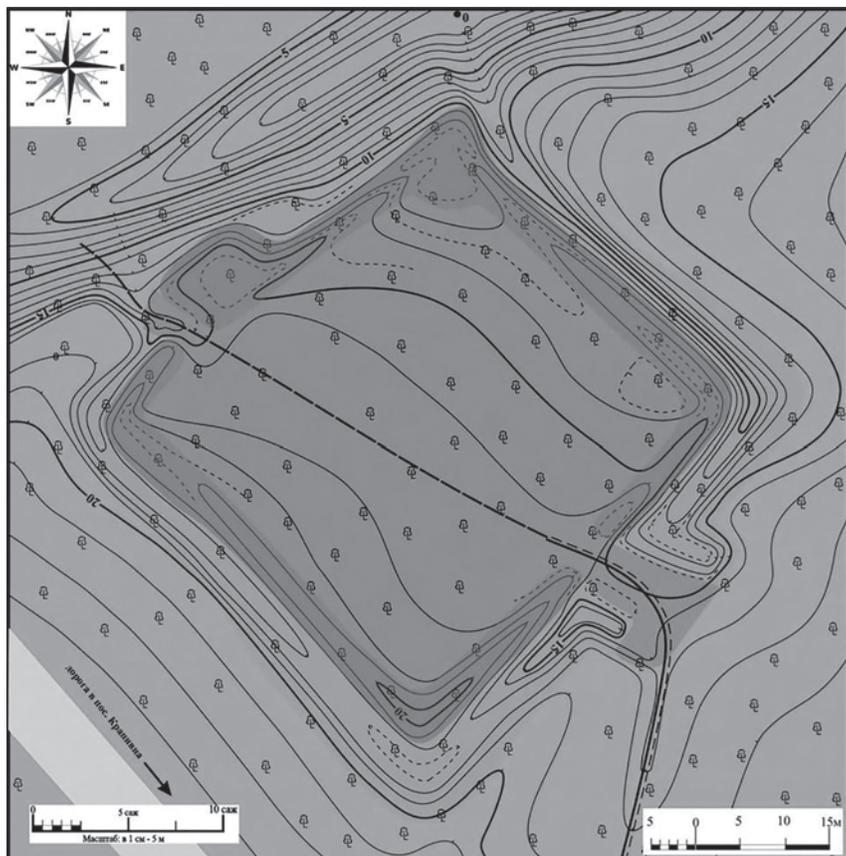

Рис. 2. Крепость Орловых ворот. Топографический план К.Н. Фомина, Е.В. Столярова.

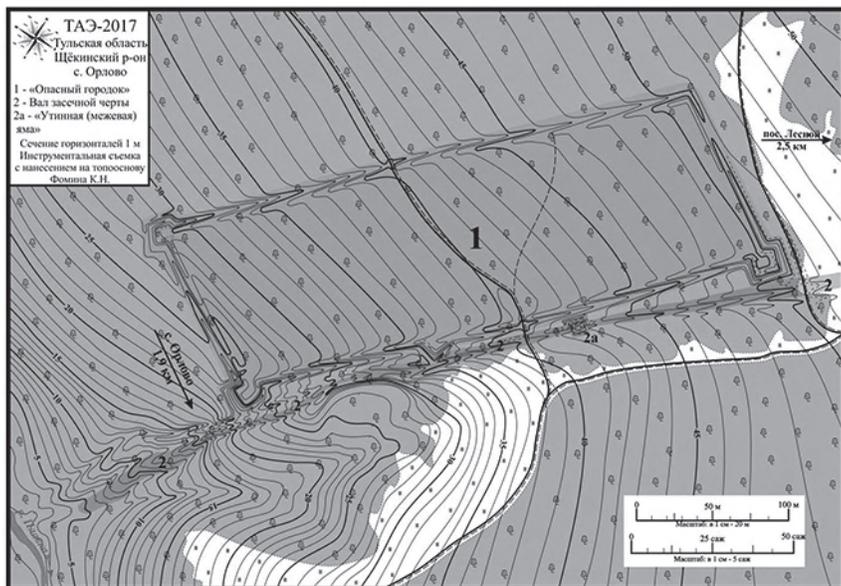

Рис. 3. «Городок стоялой земляной» («опасной») у Орловых ворот. Топографический план К.Н. Фомина

Рис. 4. Башня Нового Завитая в районе ул. Кирова (пос. Косая Гора): а – фото И.Г. Бурцева, б – топографический план М.С. Грищука и К.Н. Фомина.

Рис. 8. Зачистка разрушения северного участка вала. Вид с юга. Фото А.М. Колоколова.

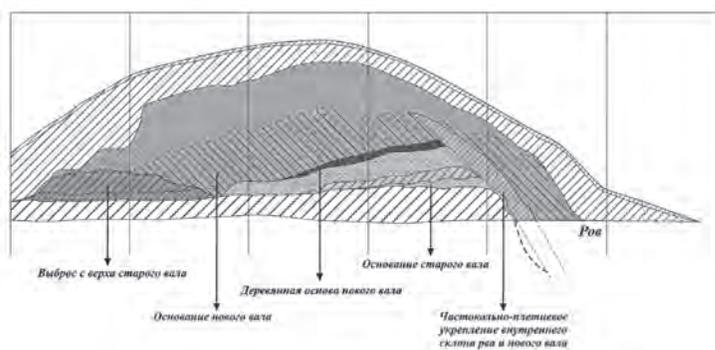

Рис. 9. Чертеж профиля северного участка вала. Авторы – К.Н. Фомин, А.М. Колоколов.

Изобр. 225.

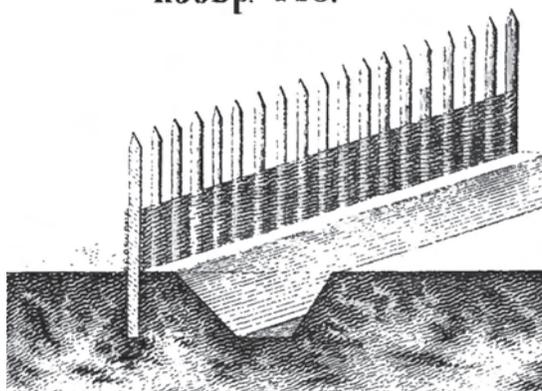

Рис. 10. Вариант плетня по Ф.Ф. Ласковскому (1858. Л. 21).

Е.П. Васильева, М.И. Гоняный

Казачьи слободы Епифанского уезда и металлические кресты второй половины XVI—XVII вв., обнаруженные на их территории

Последний этап освоения района Куликова поля русским населением стартовал в начале 1560-х гг. в связи с необходимостью укрепления лесостепного пограничья. В это время (1566—1567 гг.) строились ограждённые деревянными стенами казацкие слободы, а к 1571/72 г. был возведён Епифанский острог¹. Крепость создавалась как форпост для обороны Русского государства со стороны степи. До конца XVII в., когда «засечные черты» ушли далеко на юг от верховьев Дона, Епифань оставалась важным оборонительным рубежом и одним из центров военно-хозяйственного освоения порубежных территорий.

Епифанская крепость располагалась на высоком, более 40 м., левом коренном берегу р. Дон, возвышающемся над Лупишкинским пойменным расширением — уникальной природной территорией, и была укреплена валом и деревянными стенами. Главным недостатком крепости являлось отсутствие внутри стен источника питьевой воды, и по этой причине Епифань не могла выдержать длительной осады. На укреплённой площадке в XVI в. находились двор кн. И.Ф. Мстиславского, воротников двор и 303 «клетки для осадного времени», а в XVIII в. — воеводский двор, канцелярия и пороховой погреб². Несшие сторожевую службу стрельцы и казаки

¹ *Багалея Д.И.* Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 52; *Бурцев И.Г.* Город на польской Украине в середине XVI — первой половине XVII вв.: Население и «государева служба» // Позднесредневековый город: Археология и история. Ч. 2. Тула, 2007. С. 83; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 54—55; *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII—XVII вв. М., 2005. С. 65, 204—206.

² Писцовая и отдельная книга 1571/72 г. издана трижды, здесь и далее ссылки даются на все публикации: Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 335; Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877 (далее — ПКМГ). С. 1594; Куликово поле: Документы по истории Епифани и Епифанского уезда XVI в. Тула, 2015. С. 39. Относительно топографии острога в XVIII в. см: РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 5; РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Ед. хр. 6405; 6406.

проживали вокруг крепости, как на подгородных, так и на удалённых до пяти вёрст укреплённых слободах. Самый ранний список епифанских слобод по состоянию на 1571/72 г. содержит писцовая и отдельная книга письма и меры князя Ивана Мосальского и Григория Ярцева³: в приказе у Фёдора Лихарева насчитывалось восемь казачьих слобод⁴. Большинство из них имели несколько названий (приводим те, которые закрепились впоследствии):

1. Коробьина (Солоновская) слобода сотни С. Лихарева.
2. Шевыревская (Чюркина) слобода сотни Г.А. Розанова.
3. Булгаковская (Брыскина) слобода сотни Г. Котенова.
4. Олтобаевская слобода сотни А.Н. Порошина.
5. Козловская (Ждановская, Романова) слобода сотни А. Тураева.
6. Голино (Левинская, Ондреева) слобода сотни Р.Г. Воронина.
7. Уланова слобода сотни Р.Г. Воронина.
8. Смирновская (Чегодаево) слобода сотни Л.И. Лихарева.

Кроме казачьих слобод вблизи от острога с северо-западной стороны (**Рис. 1.6**) находилась слобода конных стрельцов; слобода пеших стрельцов располагалась на юго-западной окраине Епифани, поблизости от Шевыревской слободы. Её местонахождение пока не установлено. В писцовой и отдельной книге трижды упоминается также Чёрная слобода⁵.

Помимо указанных слобод, заселённых военным людом, та же писцовая и отдельная книга указывает на наличие в Епифанском уезде поселений, где проживало русское население, занимающееся земледелием. Уезд на момент описания 1571/72 г. только начинали осваиваться и по этой причине он был слабо заселён. По итогам описания 1571/72 г. в уезде было одно село, две слободы, семь деревень и семнадцать починков. Землевладельцами уезда показаны семеро епифанских казачьих сотников и одиннадцать детей боярских. Часть уездных земель была не освоена из-за татарской опасности⁶.

Из сельских поселений позднего Средневековья на землях Епифанского уезда выявлено и изучено четыре различных по площади селища XVI—XVIII вв. Они обнаружены нами в верховьях балки Казановская под Метеным лесом, в девяти верстах к востоку от

³ Города России XVI в. С. 321—336; ПКМГ. С. 1582—1595; Куликово поле... С. 13—41.

⁴ Сердечно благодарим А.В. Дедука за консультации и помощь, оказанные при подборе и интерпретации письменных источников.

⁵ Города России XVI в. С. 324, 325, 329; ПКМГ. С. 1590, 1592, 1594; Куликово поле... С. 27, 32, 39. Компьютерное построение карты-схемы выполнено научным сотрудником ООО «ЦАИ «Куликово поле» Д.В. Аносовым.

⁶ Города России XVI в. С. 321—336; ПКМГ. С. 1582—1595; Куликово поле... С. 13—41.

Епифани. Это крупные неукреплённые поселения, площадь жилой и хозяйственной застройки которых достигала: селища Метевка 1 — 1—1,8 га; селища Софьинка 1 — 3,1 га; селища Софьинка 3 — 2,1 га; селища Казановка 16 — более 1 га. Отметим, что на селище Казановка 16 проживали мастера, владевшие навыками производства кричного железа и кузнечного дела. Слободы тяготели к Епифанскому острогу, к наиболее облесенной и заболоченной северной части района Куликова поля. Кратко охарактеризуем археологические памятники, сохранившиеся на площади указанных слобод — поселения XVI—XVII вв., на которых проводились разведочные исследования и раскопки.

Археологические памятники XVI—XVII вв., маркирующие расположение казачьих слобод в районе Епифани, впервые были выявлены в 1980-е гг. в процессе разведочных работ, проведённых Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в рамках комплексной междисциплинарной программы: «Куликово поле. История. Ландшафт». Исследователи не сразу смогли сопоставить различные по площади и насыщенности культурного слоя артефактами селища с территориями казачьих слобод. Некоторые из памятников были многослойными и включали материалы от эпохи мезолита до золотоордынского времени. Каждому вновь выявленному археологическому объекту традиционно присваивалось название, созвучное близлежащему населённому пункту. Анализ взаиморасположения памятников, близость их ландшафтной приуроченности, высокая насыщенность культурного слоя артефактами XVI—XVII вв., свидетельства письменных источников о нахождении слобод на местности, позволили в ряде случаев связывать обнаруженные объекты археологического наследия с конкретными поселениями казаков и стрельцов, несших государеву службу на «украинных» землях.

Например, многослойное поселение Мельгуново 1 площадью 2,9 га удалось сопоставить с Пospelовой слободой (**Рис. 1.9**), построенной уцелевшими после погрома 1609 г. жителями Булгаковской слободы (**Рис. 1.10**). Керамический материал, собранный на площади поселения Мельгуново 1, помимо керамики эпохи бронзы содержит белоглиняную, чернолощёную и морёную керамику, характерную для XVII—XVIII вв.

В северной части территории Булгаковской слободы, занимающей площадь 7,1 га (**Рис. 1.10**), зафиксировано четыре неукреплённых многослойных поселения, на которых присутствует культурный слой XVI—XVII вв.: Мельгуново 2, 3, 4, 4а. На двух из них, Мельгуново 3 и

Мельгуново 4а, проводились охранные археологические раскопки. Поселение Мельгуново 3 приурочено к пологому склону первой надпойменной террасы и тянется вдоль заболоченной старицы на 265 м при ширине 80 м. Высота над поймой 2—7 м. Помимо находок мезолитического и неолитического времени на раскопанной площади, достигающей 4 000 кв.м, встречено поселение эпохи бронзы, отнесённое к абашевской, срубной и бондариханской культурам. Напластования XII—XIV вв. зафиксированы на всей территории памятника.

Артефакты второй половины XVI — начала XVII в. обнаружены в центральной и юго-восточной частях поселения. Они представлены белоглиняной, чернолощёной и морёной керамикой, фрагментами белоглиняных пряслиц, детских игрушек, рыболовных грузил, нательными крестами из медного сплава, различными изделиями из железа. Выявлены следы девяти наземных построек, часть из которых относилась к одной усадьбе, окружённой частоколом. Её площадь составляла около 700—800 кв.м. Раскопки проводились в 1992, 1993, 1995, 1996 гг. под руководством Ю.Г. Екимова⁷.

Поселение Мельгуново 4а также занимает пологий склон первой надпойменной террасы правого берега р. Дон, располагаясь на высоте 2—3 м над уровнем заболоченной старицы (**Рис. 1.10**). На памятнике в разные годы проводился планшетный сбор подъёмного материала с использованием детекторов металла, а в 1990—1993 гг. археологические раскопки под руководством В.П. Гриценко. Изучено более 2 300 кв.м площади. Прослежены остатки мощного частокола из брёвен толщиной 0,3—0,4 м, углублённого в материк до 0,4 м. Подобные деревянные укрепления ограничивали одну из усадеб слободы. С внутренней стороны к частоколу примыкали жилые и хозяйственные постройки, выход из которых осуществлялся во двор, а крыши могли служить боевыми помостами деревянной оборонительной стены. Многочисленные находки представлены наконечниками стрел, свинцовыми пулями, удилами, конскими и сапожными подковами, подпружными пряжками, калачевидным кресалом, фрагментами белоглиняных игрушек, пряслицами, серпом, жерновами, перстнями-печатками, нательными, наперсными (**Рис. 5.4,7**) крестами, серебряными монетами времени правления Ивана IV⁸.

⁷ Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М., 2002. С. 195, 196.

⁸ *Гоняный М.И.* Отчёт о работе Верхнедонской археологической экспедиции ГИМ в Тульской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11710. Л. 3; *Гриценко В.П.* Отчёт об охранных археологических исследованиях на поселениях

В 0,6 км к югу от северной части Булгаковской слободы, в пойме правого берега р. Дон, расположены три многослойных поселения общей площадью 4,2 га (**Рис. 1.10**). Условно мы их связываем с южной частью Булгаковской слободы. Поселения Кораблино 6, 8 приурочены к прибрежной части заболоченных стариц, поселение Кораблино 7 занимает участок высокой поймы правого берега р. Дон, возвышаясь над водой на 4 м. Подъёмный материал концентрируется на трёх различных по площади участках (скопление 1 — 3 141 кв.м; скопление 2 — 573 кв.м; скопление 3 — 2 243 кв.м). Можно предположить, что на этих участках жизнь протекала наиболее активно.

Подобную картину мы наблюдаем и на поселении Кораблино 8 (**Рис. 1.10**). Четыре различных по площади скопления подъёмного материала вытянуты цепочкой вдоль правого борта старицы на протяжении 630 м. Они маркируют зоны жилой и хозяйственной застройки поселения. Можно предположить, что различные по площади скопления подъёмного материала указывают на количество и размеры дворов рядовых казаков, а также их руководства, расположенных на укрепленной площади. К ним примыкал двор десятского, что неоднократно отмечается в письменных источниках. Подобные дворы были сродни небольшим острогам.

Ответить на вопрос, почему между северной и южной частями Булгаковской слободы существует незаселённая территория протяженностью 0,6 км, в настоящее время сложно. Пока ещё слабо изучены памятники на южном отрезке слободы. Мы не знаем времени возникновения и запустения поселений Кораблино 6—8. На памятниках не проводилось раскопок или широкомасштабных планшетных сборов подъёмного материала с использованием детекторов металла, позволяющих получить представительные серии хорошо датированных металлических предметов, инструментально зафиксированных на топографических планах памятников. Можно предположить, что на рассматриваемый изрезанный заболоченными старичными понижениями пойменный участок право-

Березовка В, Мельгуново и в г. Туле в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15612. Л. 1—13; *Гриценко В.П.* Отчёт об охранных археологических исследованиях в Туле и Тульской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16555. Л. 121—149; *Гриценко В.П.* Отчёт об охранных археологических исследованиях в Туле и Тульской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17116. Л. 52—72; *Гриценко В.П.* Отчёт об охранных археологических исследованиях в Туле и Тульской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18477. Л. 3—50; Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. С. 197, 198.

бережья Дона переселились уцелевшие от татарского набега 1609 г. жители Булгаковской слободы.

С целью решения поставленного вопроса необходимо определить время возникновения рассматриваемой группы поселений. Целесообразно осуществить на каждом из археологических объектов визуальный сбор керамического материала, планшетный сбор металлических находок с использованием детекторов металла. Собранная коллекция, включающая керамический, нумизматический материал, предметы личного благочестия и вооружения, украшения и детали костюма, помогут датировать памятники. Если же по результатам подобных исследований будут встречены находки последней четверти XVI — первого десятилетия XVII в., то можно будет предположить, что нами обнаружены памятники не Булгаковской, а какой-то иной казачьей слободы. Заметим, что ниже по Дону в его долине (по крайней мере, до устья р. Непрядвы) гнезд поселений XVI—XVII вв. не обнаружено.

Пример переноса казачьей слободы на новое место зафиксирован в 4,7 км. к северо-западу от Епифанского острога, в пойме левого берега р. Дон неподалеку от устья р. Лютой на участке, где в XVI—XVII вв. была расположена слобода Голина (Рис. 1.1,2). Зона её жилой и хозяйственной застройки занимала площадь более 30 га. Практически на всей территории поселения собран керамический материал, на площади его скоплений проведён планшетный сбор металлических находок с использованием детекторов металла. Коллекция керамического материала насчитывает более 15 000 фрагментов белоглиняной и чёрнолощёной керамики, найдено около 300 предметов из чёрного и цветного металлов. Это находки фрагментов холодного и огнестрельного оружия, предметов быта — замки, ключи, ножи, дверные пробойники, топоры, различные инструменты, серпы, плужные лемехи, украшения, медные и серебряные монеты XVI—XVII вв., предметы личного благочестия — кресты-тельники и фрагменты наперсных крестов⁹.

Важно отметить, что следы слободы Голиной зафиксированы на двух участках. Между ними расположена незаселённая территория протяженностью немногим более 0,2 км. Исследования показали, что население Голино 3 (скопление подъёмного материала А, Б, В, Г) правомерно соотносить с более ранней по хронологии частью слободы (Рис. 2). Судя по всему, она возникла в 1566—1567 гг., а

⁹ Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. С. 94.

погибла во время татарского набега 1609 г. и более не восстанавливалась. Археологические находки датируются двенадцатью серебряными монетами времени правления Ивана Грозного, двумя — Фёдора Ивановича (вторая половина XVI вв.)¹⁰. На поселении Голино 1 не зафиксированы монеты XVI в., встречаются лишь полушки и копейки XVII в., отчеканенные при Михаиле Фёдоровиче, Алексее Михайловиче, Иване Алексеевиче. Среди предметов вооружения на этом памятнике почти отсутствуют железные наконечники стрел и преобладают свинцовые пули¹¹, что также свидетельствует о поздней датировке слободы. В сторону усложнения меняется форма нательных крестов, в керамической коллекции увеличивается процент чернолощёной и морёной керамики.

Интересные материалы удалось обнаружить на территории, где в XVI—XVII вв. располагалась слобода конных стрельцов (**Рис. 1.6**). Она локализована на местности в 2019 г., материалы полевых исследований находятся в обработке, поэтому мы пока располагаем лишь предварительной информацией. В ландшафтном отношении слобода занимает северный пологий склон Епифанской возвышенности, а северо-западной окраиной граничит с руслом и местами с заболоченной поймой левого берега р. Дон. Культурный слой распространяется на двух участках площадью 10 га и 11,2 га. Между ними существует территория протяженностью с запада на восток 300 м, где культурный горизонт отсутствует. Этот участок поймы имеет более низкий долинный уровень, чем окружающая территория, его поверхность кочковатая и малопригодная для застройки. Зато на этом отрезке поймы высокий травостой, что привлекательно для сенокосения и выпаса скота. Незастроенный проезжий участок между западным и восточным частями слободы показан на геометрическом специальном плане города Епифани, составленном в 1777 г.¹² Восточный отрезок слободы на рассматриваемом плане интерпретируется как дворовая и усадебная земля конной слободы пашенных солдат и разночинцев. Западный, тяготеющий к руслу, отрезок конной слободы выделен на плане как дворовая и усадебная земля Вереникиной однодворческой слободы. Незастроенный участок между западной и восточной частями

¹⁰ Гоняный М.И. Отчёт об археологических разведках, проведённых в Кимовском районе Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18971. Л. 114.

¹¹ Гоняный М.И. Отчёт об археологических исследованиях, проведенных ГИМ в Кимовском районе Тульской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19760. Л. 96.

¹² Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 291. Оп. 5-а/32. Д. 5.

слободы показан на «Плане города Епифани прежняго расположения», опубликованном В.М. Возлинской¹³.

Проведённые нами разведочные археологические исследования охватили оба отрезка стрелецкой Конной слободы. На восточном участке, на огородах, был собран керамический материал, в основном датирующийся XVII—XVIII вв. На западном отрезке, территориально совпадающем с упомянутой Вереникиной слободой, проведён разведочный комплекс исследований, включающий поверхностный сбор подъёмного керамического материала, шурфовку и планшетный сбор металлических находок с использованием детекторов металла. Многочисленные конские и сапожные подковы, фрагменты удила и стремян, подпружные пряжки, накладки и бляхи от конской упряжи, две гарды и фрагменты лезвий холодного оружия, железные черешковые наконечники стрел, ружейный ключ-отвертка говорят о том, что на поселении проживали профессиональные воины. Свинцовые пули (11 штук), брусочки и выплески свинца указывают на то, что жители слободы занимались изготовлением снарядов для огнестрельного оружия. Заслуживают внимания, изготовленные из медного сплава перстни-печатки, которых найдено пять, а также 24 медных креста-тельника и один наперсный крест. Безусловно, что конные стрельцы были христианами. Выпись из писцовой книги Епифани 1631 г. свидетельствует, что в слободе конных стрельцов был «храм Богоявления Господа нашего Иисуса Христа древен, клетцки»¹⁴. Перечисленные находки, керамический материал, 18 медных и серебряных монет позволяют датировать западную часть слободы XVI—XVII вв.

Менее чем в 1 км к северу от стрелецкой конной слободы в 2019 г. были локализованы границы казацкой слободы Алешиной (Рис. 1.5). Её западный отрезок площадью 1,6 га приурочен к грядообразному всхолмлению поймы левого берега р. Дон, с севера и юга ограничен обводнёнными и частично приболоченными старичными понижениями. Этот участок возвышается на 3—3,5 м над урезом воды в Дону и находится в 0,4 км к северо-востоку от русла. Поверхность поселения задернована, скорее всего, тракторами не распахивалась, поэтому при съёмке топоплана удалось обнаружить

¹³ *Возлинская В.М.* Средневековые традиции в регулярном городе (на примере г. Епифани) // *От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века.* М., 1984. Илл. 56.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 419. Л. 171 об.

и зафиксировать остатки двух погребов, читаемых в виде воронок диаметром 4 м и глубиной до 0,4 м.

Северный отрезок слободы соединяется с южным через узкий перешеек, возвышающийся над подступающими старичными понижениями. Он занимает пологий склон первой надпойменной террасы, граничащей с поймой. Высота этого отрезка слободы над уровнем воды в р. Дон 4—6 м. Его площадь достигает 5,2 га. В настоящее время эта часть памятника застроена жилыми одноэтажными домами и распахируется под огороды. На распашке был собран подъёмный материал, представленный лепной керамикой эпохи бронзы, круговой XII—XIII вв., белоглиняной круговой, чернолощёной, морёной керамикой XVI—XVIII вв. Из металлических находок можно отметить медный наперсный крест (XVI в.), подаренный местным краеведом. Общая площадь памятника достигает 6,8 га. Источником питьевой воды в древности являлись родники, которые били у основания первой надпойменной террасы у западной окраины слободы. В настоящее время на этом месте выкопан пруд.

Заканчивая краткое рассмотрение результатов археологического изучения казацких и стрелецких слобод XVI—XVII вв., кратко коснёмся вопроса их ландшафтной приуроченности. Пока нам не удалось локализовать на местности слободы пеших стрельцов: Шевыревскую, Козлову, Уланову (Рождественскую), Смирновскую, Чёрную. По нашим предположениям, основанным на изучении картографического материала, слободы пеших стрельцов: Шевыревская, Козлова, Рождественская, — могут быть приурочены к уровням первых надпойменных террас и будут граничить с донскими поймами различных уровней. Локализованные нами слободы: Голина (Рис. 1.1,2), Алешина (Рис. 1.5; 7), Алтобаева (Рис. 1.7), Кораблино (Рис. 1.11), Булгаковская (южный отрезок) площадью 4,2 га (Рис. 1.10), стрелецкая конная (Рис. 1.6; 6), — частично или полностью были расположены на всхолмлениях в поймах, а обводнённые и заболоченные старичные понижения являлись большой преградой в случае нападения неприятеля. В случае опасности в заросшей кустарником, осокой и камышом болотистой местности можно было спрятаться и переждать нападение. Выпись из писцовой книги г. Епифани 1631 г. неоднократно на это указывает: «Да болота, что промеж их стрелецкой слободы и Олешинской слободы розных помещиков сто пятьдесят шесть десятин, вопче конным стрельцом и Олешинские слободы с помещики для убегу татарские войны Да выгон и прогон к воде к реке к Дону кон-

ным же стрельцом Алешинские слободы с помещ[ки] вопче ж» (**Рис. 6, 7**)¹⁵. Близость воды, высокий луговой травостой, необходимый для сенокосения, удобные выпасы и водопой были крайне важны для казачьего и стрелецкого населения слобод, имеющего по несколько сотен лошадей и стада домашних животных.

Как мы уже заметили, слободы имеют разные площади жилой и хозяйственной застройки. Например, слобода Кораблина занимает 1,3 га, Пospelова — 2,9 га, Алешина — 6,8 га, слобода конных стрельцов — 21,2 га, Голина — 27,3 га. В ряде случаев размеры диктовались ландшафтно-топографическими условиями расположения. Например, слобода Кораблина занимает ровный, не обремененный старичными понижениями и болотами участок поймы. В подобном случае жители слободы могли располагать свои дворы близко друг к другу.

Территории слобод Голина, Алешина, Булгакова (южный отрезок) сильно изрезаны заболоченными и обводнёнными руслами стариц, некоторые участки непригодны для какого-либо строительства и остаются слабо освоенными. Ярким примером могут послужить поселения Голино 1 и Голино 3, где при детальном обследовании территории удалось зафиксировать скопления подъёмного археологического материала, а также выделить зоны его отсутствия. На территории Голинских слобод удалось выполнить подобную работу, так как поселение Голино 3 (**Рис. 1.1**) функционировало с середины 1560-х гг. до разгрома при татарском набеге 1609 г., т.е. не более 45 лет. За столь короткое время первоначальная застройка не понесла кардинальных изменений. Подобная картина нами прослежена на поселении Голино 1 (**Рис. 1.2**), возникшем в 1609 г. и просуществовавшем до конца XVII в. Современное состояние давно не распаханых, заросших бурьяном полей не позволяет провести детальные разведочные работы, позволяющие до раскопок локализовать на пашне скопления керамического материала и в дополнение провести планшетный сбор подъёмного материала с использованием детекторов металла.

Исключение составляют земельные участки, где расположены слободы Пospelова и Булгаковская (северный отрезок) (**Рис. 1.9,10**). Они распаханы и засеяны зерновыми, поэтому на их территориях возможно провести комплексные разведочные работы по описанной методике, которые мы планируем в 2020 г. Размеры сло-

¹⁵ Там же. Л. 174.

бод зависят от укомплектованности сотни, а также от размеров земельных участков, на которых располагались дворы стрельцов и казаков. Письменные источники приводят много примеров, указывающих подобную размерность. Например, в писцовой книге Епифанского уезда 1628 г. указывается, что двор пятидесятника в слободе конных стрельцов имел в длину «шесдесят четыре сажени, а поперег тритцать сажен»; двор десятника — «шесдесят четыре сажени, а поперег тритцать сажен». Один из дворов рядовых стрельцов имел размеры «тритцать одна сажень, а поперег дватцать шесть сажен»¹⁶. Наверное, в слободах присутствовали дворы и меньших размеров. Полученная информация позволяет сделать вывод о том, что нет прямой зависимости между площадью слободы и количеством дворов стрельцов или казаков, в ней проживающих.

Не вызывает сомнения, что всё население Епифанских слобод было христианским. Согласно писцовой книге 1571—1572 гг. вокруг Епифани насчитывалось одиннадцать казацких и стрелецких слобод, в которых располагалось восемь церквей. В писцовой книге Епифанского уезда 1628 г. упомянуто только восемь слобод и один храм. В «судном деле» 1668 г. указывается, что вокруг Епифани в восьми слободах проживало смешанное по составу население, включавшее казаков, стрельцов, детей боярских, и действовало пять церквей¹⁷. К сожалению, нам пока не удалось зафиксировать на территориях Епифанских слобод хотя бы одно место, где располагалась церковь. На её нахождение может указывать кладбище, скопление в культурном слое фрагментов церковной утвари, нательных, наперсных крестов, крестов-энколпионов. Исключение составляет ограниченный по площади участок, расположенный в западной части слободы конных стрельцов, где осенью 2019 г. обнаружено пять медных нательных крестов. Возможно, они маркируют расположение кладбища. В других частях памятника обнаружено ещё 19 крестов-тельников и наперсный крест¹⁸. В предыдущие годы предметы личного благочестия встречались на территориях Булгаковской (северный отрезок) и Голинской слобод.

Попытки атрибуции христианских предметов мелкой пластики предпринимались с середины XIX в. Находкам с Куликова поля

¹⁶ Там же. Л. 172—173 об.

¹⁷ *Лаурентьев А.В.* Указ. соч. С. 204.

¹⁸ *Гоняный М.И.* Отчёт об археологических исследованиях, проведённых на казацких и стрелецкой слободах в районе г. Епифани в Кимовском районе Тульской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

XV—XVI вв. посвящены исследования М.В. Фехнер, В.Г. Пуцко и Т.А. Гриценко¹⁹. Наиболее удачная классификация нательных крестов XVII в. осуществлена Э.П. Винокуровой²⁰, где представлены также библиографические выкладки по изучению данного материала. На изучаемых памятниках XVI—XVII вв. (поселение Мельгуново 4а, Голино 1, 2, Метиневка 1, Софьино 1), расположенных в районе Куликова поля, до недавнего времени было обнаружено, включая фрагменты, 72 нательных и наперсных креста. Из них при раскопках и сборах подъёмного материала на поселении Мельгуново 4а найдено 18 предметов, по одному на селищах Метенёвка 1 и Софьино 1, 52 находки обнаружены при планшетном сборе подъёмного материала с использованием детекторов металла на территории казачьих слобод Голино 1, 2.

Выборка для детального изучения художественных особенностей тельных крестов составляет 42 единицы (Рис. 3—5)²¹. Они изготовлены из красновато-жёлтой меди, иногда эмалированы (Рис. 3.2). Один крест посеребрён, шесть — позолочены (Рис. 4.4, 5, 11), один обломок креста отлит из серебра. В изучаемую коллекцию включены семь обломков наперсных крестов (Рис. 5.1—7). Учитывая малочисленность последних, типологическая обработка их не проводилась, изучались только внешние данные. Искусствоведческий анализ рассматриваемой коллекции заключается в описании иконографических особенностей изделий и систематизации их по типам. При этом используются методические приёмы, предложенные в указанной выше классификации.

Надо сказать, что данная схема, основанная на широком материале с обобщёнными датировками в пределах XVI—XVIII вв., не претендует на совершенство. Она оставлена открытой [с. 332—333] для возможных уточнений и дополнений, что, как убедимся ниже, позволяет сделать рассматриваемая коллекция крестов, найденных

¹⁹ Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М., 1990. С. 72—78; Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 208—222; Пуцко В.Г. Находки произведений медного литья в районе Куликовской битвы // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Тула, 2002. С. 114—119.

²⁰ Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 326—360. Ссылки на это издание даются в дальнейшем в тексте в квадратных скобках.

²¹ Рисунки крестов-тельников и наперсных крестов выполнены художником С.И. Вилькиной.

в районе Куликова поля. За основу распределения по типам взят облик креста в целом, определяемый четырьмя параметрами: формой концов, видом средокрестия, количеством и соотношением ветвей. Общая тенденция классификации — от простого к сложному, от лаконичных форм Средневековья к замысловатым, изломанным, криволинейным формам барокко и рококо. Прямые кресты дополняются разнообразием оконечностей (закругления, заострения, крины) украшением углов (лучи, волюты, шарики), Голгофы (цаты, венки, плетёнки). Удлиненные кресты вытесняются постепенно кругообразными квадрифолиями. При этом прежние формы, зародившиеся в XVI в., продолжают бытовать параллельно с новыми на протяжении XVII в., переходя и в XVIII в. Поэтому датировка по стилистическим признакам бывает затруднена. Археологический материал, добытый на хронологически определённых памятниках, существенно облегчает задачу атрибуции.

Все объекты обнаружены в культурных слоях, частично перемешанных в результате распашки и иной хозяйственной деятельности. Поэтому в ряде случаев классификация крестов-тельников оказалась возможной только до выделения типов и подтипов (Рис. 3—5). Большинство из них найдены в процессе планшетного сбора подъёмного материала с использованием детекторов металла, поэтому отмечаться будут только иные способы их выявления (раскопки, разведочные работы, случайные находки и пр.).

Большая часть коллекции (30 ед.) сопряжена с *типом I, подтипом I* разных вариантов, который объединяет простые удлиненные изделия с прямыми концами, прямыми углами и сплошной надписью на тыльной стороне [с. 332—336, рис.7].

Серию из десяти предметов составляют кресты и фрагменты, соотносимые с *вариантом 2* (Рис. 3.2,3,5,6,8,9). Он характеризуется тем, что на средокрестие Голгофского креста возложены цата или венки [с. 330, 334, рис. 4.7,8]. В то же время отдельные из них отмечены индивидуальными особенностями лицевой и оборотной стороны, что будет показано ниже.

Один из крестов²² (Рис. 3.2) — 38×25×1 — со следами жёлтой эмали обнаружен на территории поселения Голино 3²³. В центре —

²² Аналогии рассматриваемых крестов, опубликованные в литературе, в настоящей статье не приводятся. Подробные ссылки даны в указанной работе Винокуровой по классификации тельников при описании соответствующего типа, подтипа или варианта.

²³ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 10—13.

восьмиконечный Голгофский крест, на перекрестии цата. Трость и копие восстановлены под углом от косой перекладины и загибаются под цату. Гора Голгофа изображена схематично в виде треугольника. На концах верхних ветвей — ромбические щитки для надписей. Вверху стертые, по бокам — хризмы (IC XC), внизу — тонкой рельефной вязью: «МЛР» — «Место лобно, рай» (бысть). Обратная сторона разделена на ромбические и квадратные секторы, занятые надписью. Внизу различимо: «МА» — конец молитвы «Господи помилуй мя». Учитывая, что поселение сгорело в 1609 г. и более не восстанавливалось, крест может быть датирован концом XVI — началом XVII в.

На другом тельнике (**Рис. 3.5**), с утраченной верхней лопастью (Голино 1²⁴ — 30(?)×30×0,8), Голгофский крест также увенчан цатой, но боковые его ветви заострены, нижняя раздваивается, загибаясь волотами, трость и копие воздвигнуты от косой планки вертикально, пещера Адама показана в виде зубчатой горы. Боковые щитки для надписей имеют вид 8-лепестковых розеток с хризмами (IC XC), внизу «МЛР» — «Место лобно, рай» (бысть). Обратная сторона гладкая. Датировать крест правомерно XVII в., т.к. поселение Голино 1, возникнув в первом десятилетии XVII в., существует весь XVII в.

Третий крест с цатой (**Рис. 3.6**), нижняя лопасть утрачена (Голино 1²⁵ — 30(?)×30×1) — наделён по концам ветвей квадратными щитками для надписей с волнистыми краями. Трость и копие поставлены вертикально, древко трости зигзагообразное. Над и под раменами Голгофского креста располагаются рельефные надписи, но из-за сильной затёртости читаются только хризмы. Тыльная сторона сплошь занята выпуклой надписью по линейкам, также не читаемой. Сохранилось семь строк, разделённых между собой горизонтальными тягами. Крест может быть отнесен к XVII в. согласно датировке поселения.

На следующем тельнике (**Рис. 3.3**), также без нижней лопасти (Мельгуново 4а — 27×29×1), под раменами Голгофского креста выпуклыми надписями поименованы орудия страстей: «КОП // ТР» («копие, трость»). По концам ветвей ромбы, в боковых видны хризмы: «IC XC». Обратот оформлен оригинально: в центре изображен круг с отростками вдоль осей, окружённый ромбами на лопастях,

²⁴ Гояный М.И. Отчёт ... 1997 г. Л. 7, 8, 49.

²⁵ Там же.

между ними — крестообразные розетки по фону. В боковых ромбах начертаны равноконечные крестики с перекрестиями. В верхнем ромбе и круге — текст молитвы Кресту. Сверху: «КРТ», в круге: «ХРАН / ИТЕЛ / ЪВСЕ» — «Крест хранитель всей Вселенной». По изощренности декоративности вещь можно датировать XVII в.

Ещё один крест (**Рис. 3.8**) данной серии (Голино 1²⁶ — 44×27×2,5) примечателен тем, что Древо на Голгофе здесь не восьми-, а семиконечное и дополнено не цатой, а венком. Трость и копия вовсе не показаны. На концах ветвей — розетки в виде шестигранных сот с надписями. Сверху — «ЧРЬ» — «Царь» (славы), по сторонам — хризмы «IC XC». Внизу — схематическое изображение пещеры с черепом Адама. Надпись на обороте свободно располагается по всей поверхности, без линеек. Оттиск нечеткий, буквы затерты. Учитывая массивность и простоту отливки, архаичность изображения, крест правомерно датировать концом XVI — началом XVII вв.

На последнем экземпляре серии (**Рис. 3.9**), обнаруженном во время раскопок в 1991 г. (Мельгуново 4а²⁷ — 40×25×1), интересно отметить форму венка, заплетённого жгутом на семиконечном Голгофском кресте. Орудия страстей отходят наискось от нижней перекладины к венку. Череп Адама показан схематично в пещере, изображенной в виде «горок с травами». Надписи по концам креста располагаются свободно, без фигурных щитков. Сверху — «ЧЪС / ЛВЫ» («Царь Славы»); по сторонам — «ИСУ / СЪХ // СЪБ/ НКА» («Иисус Христос, Сын Божий, Ника»); внизу — «МЛР» («Место лобно, рай» бысть). На обороте следы неразборчивой надписи. Крест можно датировать концом XVI — началом XVII вв.

Самая многочисленная группа нательных крестов типа I под-типа I относится к варианту 5. Она насчитывает 18 предметов. Кресты 5-го варианта объединяются изображением щитков для надписей на концах ветвей в виде различных фигур, преимущественно ромбов, но встречаются розетки, овалы, квадраты. Обрат занят сплошной надписью вдоль обоих древ [с. 333—334, рис. 5, рис. 7.3,4]. В этой серии, как и в предыдущей (с цатами), отдельные экземпляры наделены индивидуальными чертами.

Характерный образец (**Рис. 4.10**) такого креста (Голино 3²⁸ — 36×20×1,5): на концах — ромбы, над нижним — схематическое

²⁶ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 9.

²⁷ Гриценко В.П. Отчёт ... 1991 г. Л. 123.

²⁸ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 11—13.

изображение Голгофы в виде волюты, по центру — восьмиконечный Голгофский крест с тростию и копием, воздвигнутыми от косой перекладины. На обороте по всей поверхности — плохо сохранившаяся надпись «Иисусовой молитвы»: «Г(оспод)И / I(и) С(ус)Е / X(ри)С(те) С(ыне) // Б(о)Ж(е) / ПО / МИ/ ЛУ(и) / МА» (грешного) — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Крест датируется XVI в.

На другом кресте (**Рис. 4.5**), обнаруженном при археологических раскопках в 1992 г. (Мельгуново 4а²⁹ — 44×21×1), Голгофа показана более предметно — как сводчатая полость. В верхнем ромбе можно различить буквы «ЧБ» («Царь» Славы), в боковых, частично, — хризмы. Тыльная сторона сплошь занята выпуклой надписью в 12 строк, из-за плохой сохранности не читается. Крест датируется XVII в.

Иногда (**Рис. 4.2**) — Мельгуново 4а, подарен местными жителями (38×22×1) — нижний конец Голгофского древа раздвоен, а края загнуты вверх, что схематически символизирует процветший крест. Особенность этого тельника — семиконечный Голгофский крест. Оборот без обработки. Датируется изделие XVI в. На некоторых тельниках (**Рис. 4.4**) этой серии Голгофский крест дан без орудий страстей. Обнаружен в процессе раскопок (Мельгуново 4а³⁰ — 44×26×1). Могила Адама изображена здесь схематично, треугольником. Датировка — конец XVI в.

Примечательно, что во всей подборке практически нет идентичных экземпляров. Лишь в одном случае удалось провести иконографическую параллель двух крестов XVI в. Один (**Рис. 4.8**) найден в процессе разведочных работ (Софьино 1³¹ — 54×31×2), другой — путём сбора (**Рис. 4.9** — Голино 3³² — 40×22×1,5). Одинаково изображена пещера Адама в виде овала, ромбы на концах, декорировка по фону литыми точками, сплошная надпись на тыльной стороне. Но и здесь есть разница — первый крест заметно больше по величине. Надписи на обоих крестах сохранились плохо. На первом можно разобрать хризмы «IC X», сверху — «P» («Царь Славы»). На втором — полустертую надпись на обороте:

²⁹ Гриценко В.П. Отчёт ... 1992 г. // Архив ИА РАН. № 17116

³⁰ Гриценко В.П. Отчёт об исследованиях Тульской археологической экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18913.

³¹ Гоняный М.И. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых ГИМ в Кимовском и Куркинском районах Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19173. Л. 9—11.

³² Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 11—13.

«Г(ос)П(оди) / I(исус)Е / (Христе) С(ы)Н(е) Б(о)Ж(е) / (по)МИ / ЛУ(и) / МА / ГР(е) / ШН(аго)» — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Преимущественно на крестах рассматриваемой группы концы ветвей заняты ромбами. Но есть и другие фигуры. На одном из них (**Рис. 4.11** — Мельгуново 4а, случайная находка — 22(?)×22×1), без верхней лопасти, боковые щитки для надписей имеют вид розеток. Внутри сохранились хризмы «IC XC». На нижнем конце в прямоугольном сегменте — надпись «НКА» («Ника»). Гора Голгофа изображена с тремя вершинами, в лоне горы — череп Адама. По фону крест декорирован литыми точками и «волнами» (над плечами). На обороте внизу декор — цветочная розетка, по всей поверхности — надпись молитвы Кресту: «(Крес)ТУ ТВО(ему) / ПО / КЛ / ОН(яемся)» — «Кресту Твоему поклоняемся» (Владыко). Датируется XVII в.

Ещё один фрагмент (**Рис. 3.10**), без ушка и нижней лопасти (Мельгуново 4а, случайная находка — 15×21×0,5) несёт на верхнем конце сдвоенный ромб, внутри заметна фигура от надписи, напоминающая свастику. По сторонам — сдвоенные овалы с хризмами. Семиконечный Голгофский крест обработан «в клетку» (под финифть). Оттиск на обороте слабый. Надпись крупными буквами: «ПО / МИ / ЛУИМ(я) Б(о)ЖЕ» — «Помилуй мя, Боже» — начало псалма 50. Датировка — ориентировочно XVII в. Целый экземпляр такого креста найден в Суздальской земле³³.

Оставшиеся два креста типа I, подтипа I отнесены к *варианту I*. Этот вариант наделён сразу тремя характеристиками: семиконечным Голгофским крестом, отсутствием трости и копия, звездообразной формой пещеры Адама [с. 333, рис.7.2]. Такие памятники встречаются редко. Один из наших крестов (**Рис. 3.7** — Мельгуново 4а³⁴ — 39×25×0,6) отождествляется с вариантом полностью, второй (**Рис. 3.1** — Голино 3³⁵ — 42×26×1) — частично, опущены орудия страстей. На первом экземпляре оборот оставлен без обработки. На верхнем конце читается «ЧРЬ» — «Царь Славы», на боковых — хризмы («IC XC»), на нижнем — остатки надписи «М» (возможно,

³³ Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I — первой половине II тыс. н.э.: Новые материалы // Русь в XI—XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 212. Рис. 15,9.

³⁴ Гоняный М.И. Отчёт об археологических исследованиях в Тульской области в районе Куликова поля в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14103. Л. 9.

³⁵ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 9.

«Место лобно»). Датируется крест XVI в. Второй тельник в своём роде также уникален. Голгофский крест изображен с разрывами ствола в местах пересечения перекладин. Голгофа показана схематично в форме полукруга с двумя отходящими кверху рисками. На реверсе — рельефная надпись с утратами, причём некоторые буквы начертаны зеркально, другие перевернуты. Не исключено, что здесь представлен один из видов тайнописи. Датировка — конец XVI в.

Вообще нужно сказать, что «чистых» вариантов, согласно классификации, не так много. Чаще всего характеристики от разных вариантов пересекаются на одном изделии. Вариант определяется по превалирующему признаку той или иной подборки, а элементы от других вариантов описываются как побочные. Так, в первой группе (с цатами — 2-й вариант) большинство крестов завершаются по концам ромбами, квадратами, розетками — характерным признаком 5-го варианта, но здесь они описываются как второстепенные. То же наблюдается относительно признака 3-го варианта — трость и копие отклоняются под углом от косой перекладины [с. 334, рис. 4.6]. Многие кресты обеих рассмотренных групп (2-го и 5-го вариантов) имеют именно такое расположение орудий страстей, но описываются как дополнительные. Или признак 4-го варианта — раздвоение нижнего конца Голгофы [с. 334, рис. 4.13,14], изображённое иногда в виде волути, загнутой вниз или вверх, — символ процветшего креста. Также видим этот элемент на ряде крестов обеих групп, описанный в качестве побочного. Интересен в этом отношении крест (**Рис. 4.2**) из подборки 5-го варианта (с ромбами на концах). На нём отображено сразу четыре варианта: кроме основного, 1-й вариант — семиконечный Голгофский крест, 3-й — трость и копие, воздвигнутые под углом, и 4-й — раздвоенный процветший крест с загнутыми кверху концами.

К подтипу I типа I есть дополнения, касающиеся оформления наружной стороны. Иногда надпись располагается не сплошь строчками, а заключена в геометрические сегменты (**Рис. 3.2**) или декоративные клейма (**Рис. 3.3**). В ряде случаев крест остается гладким с оборота, без всякой надписи (**Рис. 3.5; 4.2**).

При таком раскладе «перекрестных» признаков от разных вариантов возникает вопрос о приоритетах в определении основного варианта. Ориентирующую нить дают, прежде всего, археологические основания нахождения предметов, как в рассматриваемой выборке крестов из района Куликова поля. В затруднительных слу-

чаях, при одиночных находках, при обработке анонимного, беспаспортного материала нужно иметь в виду, что, в первую очередь, важна конфигурация предмета, общий облик, выделяющий его из других. Затем предпочтение отдаётся иконографическим деталям в иерархической последовательности. Сначала избираются канонические признаки, поскольку речь идёт о культовых предметах личного благочестия, а затем рассматриваются декоративные элементы. Главным каноническим изображением на тельнике является Голгофский крест. Другой важный канонический элемент — орудия страстей (трость и копие), само их наличие или отсутствие (вариант 1), их форма, расположение при Голгофском кресте (вариант 3). Пещера Адама, на которой зиждется Голгофа, также важна как канонический признак, поэтому примечательно, если она имеет какую-то особую форму (вариант 1). Далее в иерархии следуют процветший крест (вариант 4) и венок (венец) или цата (вариант 2), символизирующие степень святости. И затем уже разбираются декоративные особенности, которые, как мы могли убедиться на приведённых примерах, весьма разнообразны и порой доминируют в облике креста в целом (вариант 5 с ромбиками по концам).

Заканчивают описание типа I три креста с лучами в средокрестии, относящиеся к *подтмуну III* [с. 336, рис. 10]. Один из них (Рис. 3.4) — фрагмент без нижней лопасти (Метеневка 1³⁶ — 27×25×1,5) — отличается особой декоративностью, изяществом. Даже ушко не оставлено без внимания. На лицевой его стороне, в шестигранном клейме, — рельефный равноконечный крестик, на затыли, в таком же клейме, розетка из четырёх литых точек. Ветви завершаются квадратными клеймами. Внутри, в дополнительных рамочках, помещены надписи. Сверху — «ЧРБ / СЛА» («Царь Славы»), по сторонам хризмы (IC XC). На обороте по центру — ромб с сердцевидными лепестками по углам, на ветвях — квадратные рамочки. В ромбе и рамочках — часть молитвы Кресту: «КР / ЕС / Т / ЪП» — «Крест похвала церковная». Датировка — XVII в.

Следующая небольшая подборка из четырёх однородных изделий (Рис. 4.6,7) соотнесена с *тином II*, который отмечен элементами Креста процветшего [с. 339, рис. 14]. Наша группа крестов позволяет скорректировать схему типологической классификации. Они являются собой более раннюю ступень развития *тина II*, поскольку лишены

³⁶ Гоняный М.И. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых ГИМ в Кимовском и Куркинском районах Тульской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р.-1. № 19173. Л. 5.

декоративных дополнений. Выделяются, таким образом, два варианта: простой — 1 (наш) и процветший — 2. Определяющая особенность типа II — выявление верхней и косой перекладин расширением от ствола, причём верхняя показана заподлицо со стволом, что придает тельникам семиконечный контур. При этом нижний конец килевидно заострен. Другая примечательная черта обоих вариантов — под Голгофским крестом, на месте холма с черепом Адама, изображена плетёнка, так называемый, «кафимский узел», символ «Древа жизни».

На одном кресте (**Рис. 4.6** — Голино 1³⁷ — 37×25×1,2) по центру восстановлен семиконечный Голгофский крест с венком и с орудиями страстей, вертикально исходящими от плетёнки. В сегментах на концах ветвей — надписи: сверху — «ЧРЬС» («Царь Славы»), по сторонам хризмы ІС ХС, внизу — «НИК» («Ника»).оборот гладкий. Второй экземпляр (Голино 1³⁸ — 27×25×1,2) — полный аналог предыдущего, но с утраченной нижней оконечностью. Другая пара этой группы (**Рис. 4.7** — Голино 1 — 47×27×1,5; Голино 3³⁹ — 40×23×1,5) по надписям и техническим данным подобна описанной выше, но отличается восьмиконечным Голгофским крестом и дополнительными украшениями: древки трости и копия, венок, полосы верхней и косой планок обработаны «жемчужником» (ряд вертикальных литых точек)⁴⁰. Хронологически все эти тельники стоят на переходе от XVI к XVII в. — они уже нарядные, но ещё тактично. На обследуемых территориях они были особо почитаемы — найдены при раскопках Тульского кремля, принесены в качестве даров от местных жителей в Богородице-Рождественский храм на Куликовом поле, в Успенскую церковь села Себино, в Никольский собор посёлка Епифань.

Один крест нашей коллекции (**Рис. 4.1**) с волнистыми краями ветвей (Голино 3⁴¹ — 40×21×2) подходит к *типy III*, признаками которого являются расширяющиеся концы и острые углы [с. 340, рис. 15]. В центре изображен семиконечный Голгофский крест с тростью и копием, на перекрестии — венок. Холм Голгофы показан условно в виде полусферического треугольника. В верхнем сегменте помещена надпись в две строки латинскими (?) буквами:

³⁷ Гоняный М.И. Отчёт ... 1997 г. Л. 7, 8, 49.

³⁸ Там же.

³⁹ Голино 1 — там же; Голино 3 — Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 11, 12, 60.

⁴⁰ Аналогичный крест найден на Замковой горе в Мстиславле (Леонардов Н.А., Чернев Н.П. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия II. Вып. 2. Киев, 1893. С. 5. Табл. I. № 8).

⁴¹ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 9—12.

«UL / UM». Ушко широкое, массивное, оgranённое. В образовавшийся от огранки шестиугольник вписана рельефная фигура, напоминающая свастику или равноконечный крестик.оборот гладкий. находка достаточно редкая. Возможно, его происхождение связано с западнорусскими землями. Он может быть датирован не ранее XVII в. Аналогичный по форме крест, с волнистой линией по краям, резной на дереве, найден в 1995 г. при раскопках в Москве Моисеевского монастыря XVII—XVIII вв.⁴²

Последняя группа из трех крестов (Голино 1⁴³) отнесена к *туну IX* [с. 347, рис. 22.1] — изделия с прямыми углами и трёхлопастными оконечностями. Оговорены кринообразные, лилиеподобные, трилистниковые лопасти, куда включаются и наши округлые трёхлепестковые. Подобный крест второй половины XVII в. обнаружен в Моисеевском монастыре⁴⁴.

Каждый из этих голинских крестов наделён индивидуальными иконографическими и декоративными особенностями. На одном, без нижнего конца (Рис. 4.3 — 35×33×1,1), в трёхлопастные округлости вставлены ромбы для надписей, восьмиконечный Голгофский крест увенчан цатой, а трость и копие плавно загибаются под рамена. В верхний ромб вписана надпись: «ЧС» (Царь Славы). Фон декорирован вокруг ромбов кружками, имитирующими зернь. оборотная сторона гладкая. На другом кресте (39×27×1,2) орудия страстей отсутствуют, нижняя часть ствола имеет волнообразный край, на верхнем конце начертано Пилатово надписание: «ИИЦІ» («Иисус Назарянин Царь Иудейский»). Боковые концы оформлены в виде розеток, в них читаются хризмы (IC XC), окружённые «зернью» — литыми точками. оборот гладкий. На третьем тельнике, от которого сохранилась лишь нижняя лопасть, Голгофский крест показан процветшим — с волотами. Датируются все три креста временем поселения XVII в.

По результатам исследования можно наметить хронологические рамки бытования рассмотренных нательных крестов. Наиболее ранние — с ромбами по концам ветвей (*вариант 5*). Они встречаются на селищах XVI — начала XVII в.: Голино 3 (в ранних слоях XVI в. — 4 экз.), Мельгуново 4а (12 экз.). К ним примыкают кресты

⁴² Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999. С. 205. Рис. 18,3.

⁴³ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 8—9.

⁴⁴ Векслер А.Г., Беркович В.А. Указ. соч. С. 201. Рис.15,5.

с цапой и венком на средокрестии (*вариант 2*): на селищах второй половины XVI в. Голино 3 и Мельгуново 4а (6 экз.), на поселении XVII в. Голино 1 (4 экз.). XVI столетием могут датироваться происходящие отсюда же (Мельгуново 4а и Голино 3) тельники *варианта 1* (2 экз.). Кресты *tuna II*, согласно хронологии изученных археологических объектов, появляются на рубеже XVI—XVII вв. и бытуют в XVII в. (три из них происходят с поселения этого времени Голино 1). К XVII в. относятся изделия с лучами-штралами (*тун I подтун III*), поднятые на памятниках того же времени (Голино 1, Метеневка 1), и крест *tuna III* с острыми углами (Голино 1). Наиболее поздние — тельники *tuna IX* — с трёхлопастными концами. Все они найдены на селище XVII в. Голино 1.

Помимо нательных в коллекцию включены наперсные кресты, собранные с тех же археологических объектов (**Рис. 5**). Четыре фрагмента двухсторонних наперсных крестов (**Рис. 5.1,2,4,6**), повторяющих форму энколпиона с округлыми концами, объединяются в однотипную иконографическую группу. Подобные кресты описаны в литературе. В центре лицевой стороны на них изображено «Распятие». В круглых медальонах на концах ветвей — по одному или по два святых. На боковых обычно Богоматерь и Иоанн Богослов или (если по двое) Богоматерь с Марией Магдалиной и Иоанн Богослов с Лонгином Сотником. Верхнее клеймо занято изображением Ветхозаветной Троицы в виде трёх ангелов. Внизу — «Никита, побивающий беса». На обороте, посередине — «Богоматерь Знамение» в ромбическом ореоле. В медальонах — по одной (или по две) полуфигуре святых.

Наиболее полный фрагмент (**Рис. 5.6**), без нижней лопасти (Голино 1⁴⁵— 58×56×1,7), содержит по два святых в медальонах с обеих сторон, «Распятие» — без выделения Крестного Древа. Под руками Христа выпуклые надписи: «МЛ» (место лобно) и «К» (Ника). Подобные кресты датируются исследователями концом XV—XVI вв.⁴⁶ Оглавие с Нерукотворным Спасом характерно для XVI в. Принимая во внимание возникновение поселения после 1609 г., можно отнести крест к первой половине XVII в. Другой фрагмент (**Рис. 5.2**), нижний медальон (Голино 3⁴⁷ — 25×18×1,5), дополняет

⁴⁵ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 49.

⁴⁶ Алексеев А.В. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разьежей грамоты 1504 г. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 3. С. 335. Рис. 3.13; Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // Российская археология. 2000. № 1. С. 70. Рис. 6,12.

⁴⁷ Гоняный М.И. Отчёт ... 1996 г. Л. 49.

утраченную иконографическую часть предыдущего наперсника. Святой Никита представлен в коротком доспехе, перехваченном у пояса. Руки раскинуты в стороны. В левой — палка — орудие битья, в правой — побиваемый бес, головой вниз. На обороте — два святых, с клиновидной бородой и с окладистой по грудь. На одном из аналогичных крестов⁴⁸ типы святых близки к нашим, но Никита-бесогон отличается. Он дан в сильном наклоне в сторону беса, а правая рука с палкой поднята вверх в резком замахе над головой. Такой же образ св. Никиты показан на кресте из Моисеевского монастыря⁴⁹. Ещё два таких же креста найдены при раскопках 1983—1985 гг. двора бояр Захарьиных-Юрьевых в Зарядье⁵⁰. Поза святого на нашем кресте более выразительна, он как бы демонстрирует свою победу над бесом. Аналоги такого извода на подобных крестах нам неизвестны. Датировка креста — XVI в.

Интересен фрагмент (**Рис. 5.5**) наперсного креста (Голино 3⁵¹ — 22×17×3) — левая боковая ветвь. В прямоугольном клейме изображена полуфигура Богоматери в деисусном положении к центру. Изделия подобной формы — «с крестовидными концами» или «с перекрестиями на концах» — известны с XIV в. как кресты-складни (энколпионы)⁵² с широким кругом бытования: Киев, Новгород, Золотая Орда, юг России. На лицевой стороне обычно изображается «Распятие» в боковых перекрестиях — Предстоящие, в верхнем и нижнем архангелы. Наряду с укладками, встречаются более поздние, двухсторонние (или односторонние) наперсные кресты той же иконографии и формы. К этим последним относится наша находка с гладким оборотом, датируемая XVI в.

Отметим наперсный крест «Праздники»⁵³ (**Рис. 5.7**), найденный в 1990-х гг. (Мельгуново 4а — 60×40×3,5). Поверхность креста разделена перегородками на сегменты, нижний утрачен. Такие кресты

⁴⁸ Собрание *Б.И. и В.Н. Ханенко*. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900. Табл. XXV. № 292.

⁴⁹ *Векслер А.Г., Беркович В.А.* Указ. соч. С. 202. Рис.16,3; 17,2.

⁵⁰ *Щуцкая Г.К., Трегубова Е.Л.* Старый дом на Варварке. М., 2007. С. 68, 78. Илл. на цветной вкладке; Дом бояр Романовых: Путеводитель-справочник. М., 2014. Илл. на с. 71.

⁵¹ *Гоняный М.И.* Отчёт ... 1996 г. Л. 10—14.

⁵² *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 60. Рис. 19.1,2; *Гнутова С.В.* Новгородское медное художественное литьё (мелкая пластика) XIV—XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV вв. М., 1996. С. 402—404; *Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. С. 285—291, № 264—274. Илл. на с. 250.

⁵³ *Гриценко Т.А., Пуцко В.Г.* Указ. соч. С. 215. Табл., № 14.

известны в научном обиходе, в частности, выявлены в Белоруссии⁵⁴. В центральном клейме обычно изображается «Распятие», вокруг — «Двунадесятые праздники». Крест может датироваться концом XVI — началом XVII вв.

Заканчивая обзор металлических крестов с района Куликова поля, необходимо отметить, что локальная коллекция, собранная на памятниках позднего Средневековья, не обладая находками, которые были бы неизвестны за пределами Верхнего Подонья, подтверждает и закрепляет сделанные ранее выводы по бытованию предметов личного благочестия на данной территории. В то же время необходимо отметить отдельные интересные и редкие экземпляры: единственный в своем роде крест (*тип III* — **Рис. 4.1**) — аналог резной деревянной пластики, или, наоборот, особо почитаемые в регионе кресты с «кафимским узлом» (*тип II* — **Рис. 4.6,7**), редко встречаемые кресты *варианта I* (**Рис. 3.1,7**) или совмещающие в себе сразу несколько вариантов одного типа (**Рис. 4.2**), наконец, кресты, замечательные по декоративному оформлению лицевой и наружной стороны (*вариант 2* — **Рис. 3.3,5** и *подтип III* со штралами — **Рис. 3.4**). Нельзя не упомянуть и фрагмент наперсного креста с любопытным изводом св. Никиты-бесогона (**Рис. 5.2**). Историческая и художественная значимость всех этих находок несомненна.

Библиография

- Алексеев, А.В.* Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разьежей грамоты 1504 г. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 332—344.
- Алексеев, Л.В.* Мелкое художественное литьё из некоторых западнорусских земель (Кресты и иконки Белоруссии) // Советская археология. 1974. № 3. С. 204—219. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М., 2002. 136 с.
- Асташова, Н.И., Петрова, Л.А., Сарачева, Т.Г.* Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг, 2013. 320 с.: 483 ил.
- Багалей, Д.И.* Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Имп. об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. II, XVI, 614 с., [1] л. карт.
- Бурцев, И.Г.* Город на польской Украине в середине XVI — первой половине XVII вв.: Население и «государева служба» // Позднесредневековый город: Археология и история. В 2-х ч. Ч. 2. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С. 78—125.

⁵⁴ *Алексеев Л.В.* Мелкое художественное литьё из некоторых западнорусских земель (Кресты и иконки Белоруссии) // Советская археология. 1974. № 3. С. 207, № 8. Рис. 1.3,4.

- Векслер, А.Г., Беркович, В.А.* Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XVII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1999. С. 181—225.
- Винокурова, Э.П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы, XVII век. М.: Наука, 1999. С. 326—360.
- Возлинская, В.М.* Средневековые традиции в регулярном городе (на примере г. Епифани) // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М.: Наука, 1984. С. 163—179.
- Гнупова, С.В.* Новгородское медное художественное литьё (мелкая пластика) XIV—XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XI—XV века. М.: Наука, 1996. С. 402—404.
- Гоняный, М.И., Наумов, А.Н.* Исследование древнерусских памятников в районе Куликова поля и в Ясногорском районе Тульской области // Археологические открытия 1993 года. М.: ИА РАН, 1994. С. 56—57.
- Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е.Б. Французовой. М.: Древлехранилище, 2002. 470 с.
- Гриценко, Т.А., Пуцко, В.Г.* Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 208—222.
- Дом бояр Романовых: Путеводитель-справочник / Авторский коллектив: Щуцкая Г.К., Васильева Е.П., Заклинская Е.Н., Игнатьева Т.М., Трегубова Е.Л. М.: НО «Москвоведение», 2014. 256 с.
- Куликово поле: Документы по истории Епифани и Епифанского уезда XVI в. / Сост. и подг. изд.: А.В. Дедук, А.В. Лаврентьев. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 89 с. [2] л. цв. факс.
- Лаврентьев, А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII—XVII вв. М.: Древлехранилище; Гриф и К, 2005. 230 с.
- Леопардов, Н.А., Чернев, Н.П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия II. Вып. 2. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1893. 33 с., 9 л. илл.
- Макаров, Н.А., Леонтьев, А.Е., Шполянский, С.В.* Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I — первой половине II тыс. н.э.: Новые материалы // Русь в XI—XIV вв.: Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 196—215.
- Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб.: Издание Императорского русского географического об-ва, 1877. 1598, [5] с.
- Платонов, С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 480 с.
- Пуцко, В.Г.* Находки произведений медного литья в районе Куликовской битвы // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России: Сборник статей в 2-х т. / Под ред. А.Н. Наумова. Т. 2. История, этнография, искусствоведение. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2002. С. 114—119.
- Седова, М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Собрание *Б.И. и В.Н. Ханенко.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1900. [1], YI, 25 с., 16 л. илл.
- Фехнер, М.В.* Находки на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 73. М.: ФГУК Гос. исторический музей, 1990. С. 72—78.
- Чернов, С.З.* Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // Российская археология. 2000. № 1. С. 63—81.
- Щуцкая, Г.К., Трегубова, Е.Л.* Старый дом на Варварке. М.: ФГУК ГИМ, 2007. 136 с.

Рис. 1

Рис. 1 – Карта-схема расположения Епифанского острога, окружавших его слобод и перспективных мест для их выявления: 1 – Епифанский острог; 2 – территория слободы, обследованная археологически; 3 – территория, перспективная для поиска слобод.

1 – слобода Голина (поселение Голино 3, 1560-е гг. – 1609 г.); **2** – слобода Голина (поселение Голино 1, 1609 г. – конец XVII в.); **3** – территория, где располагалась слобода Козлова (конец XVI–XVII вв.); **4** – участок, где следует искать следы слободы Рождествено (Улановой) (конец XVI–XVII в.); **5** – слобода Аleshина (XVI в.–?; XVII–XVIII вв.); **6** – слобода конных стрельцов (конец XVI–XVII в.); **7** – территория, где располагалась Алтобаева слобода (конец XVI–XVIII в.); **8** – территория, где следует искать следы слободы пеших стрельцов и Шевыревой слободы (конец XVI–XVII в.); **9** – слобода Поспелова (XVII–XVIII вв.); **10** – слобода Булгаковская (северный отрезок) (конец XVI–1609 г.); **10** – слобода Булгаковская (южный отрезок, датировка не уточнена); **11** – слобода Коробына (Кораблина) (конец XVI–XVII в.).

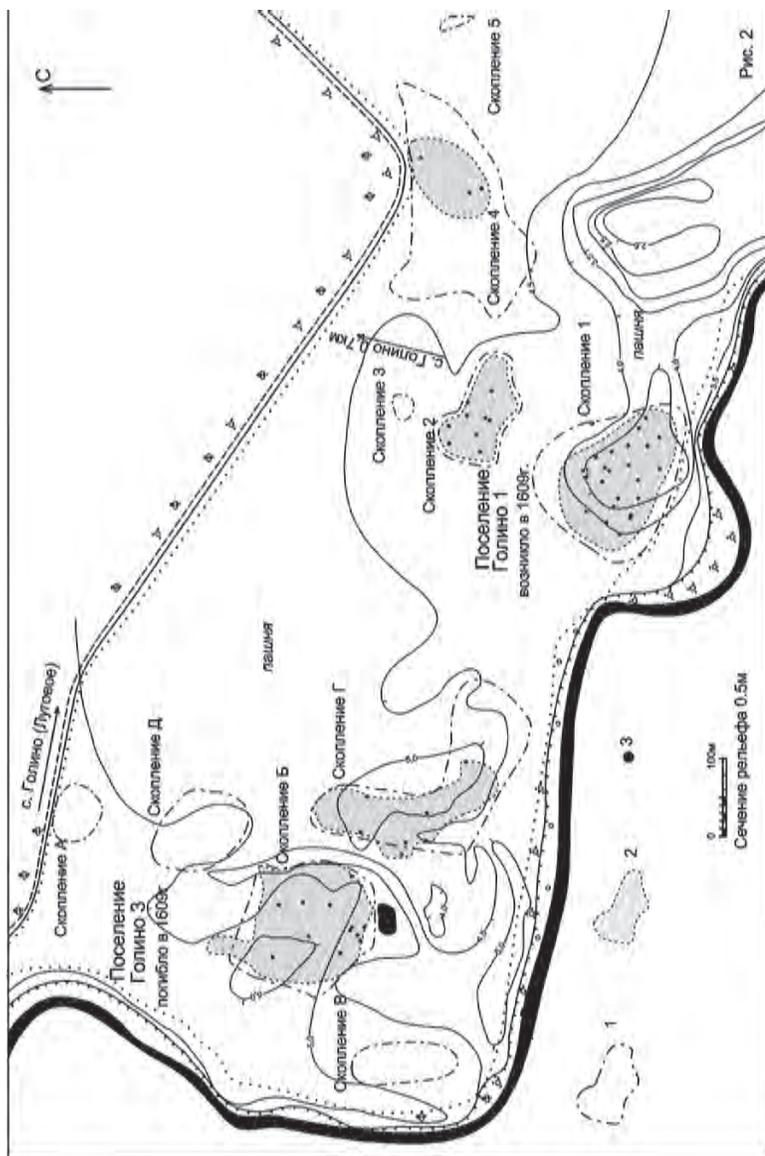

Рис. 2 — Слобода Голина «на реке Дону у Елифанского болота»: 1 — границы скопелений подьёмного керамического материала; 2 — участки, обследованные с использованием детекторов металла; 3 — находка креста-тельника или наперсного.

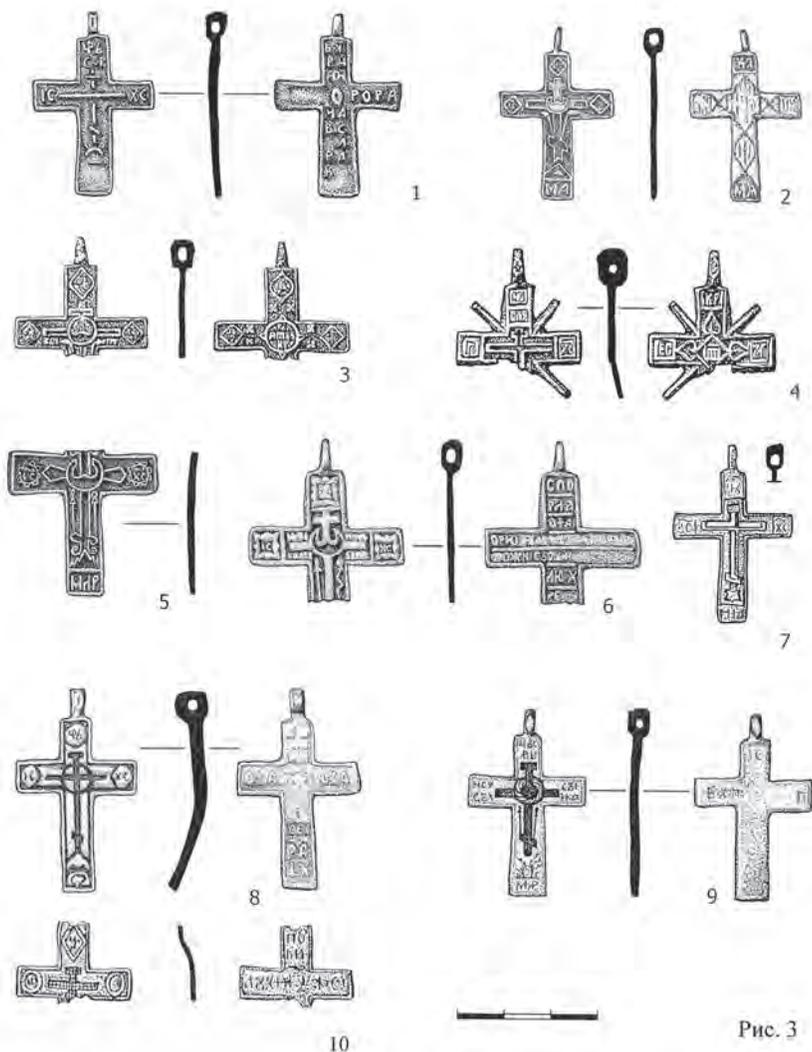

Рис. 3

Рис. 3 – Кресты-тельники второй половины XVI–XVII в., собранные на средневековых поселениях в районе Куликова поля: 1,7 – ТИП I, подтип I, вариант 1; 2–3, 5–6, 8–9 – ТИП I, подтип I, вариант 2; 10 – ТИП I, подтип I, вариант 5; 4 – ТИП I, подтип III.

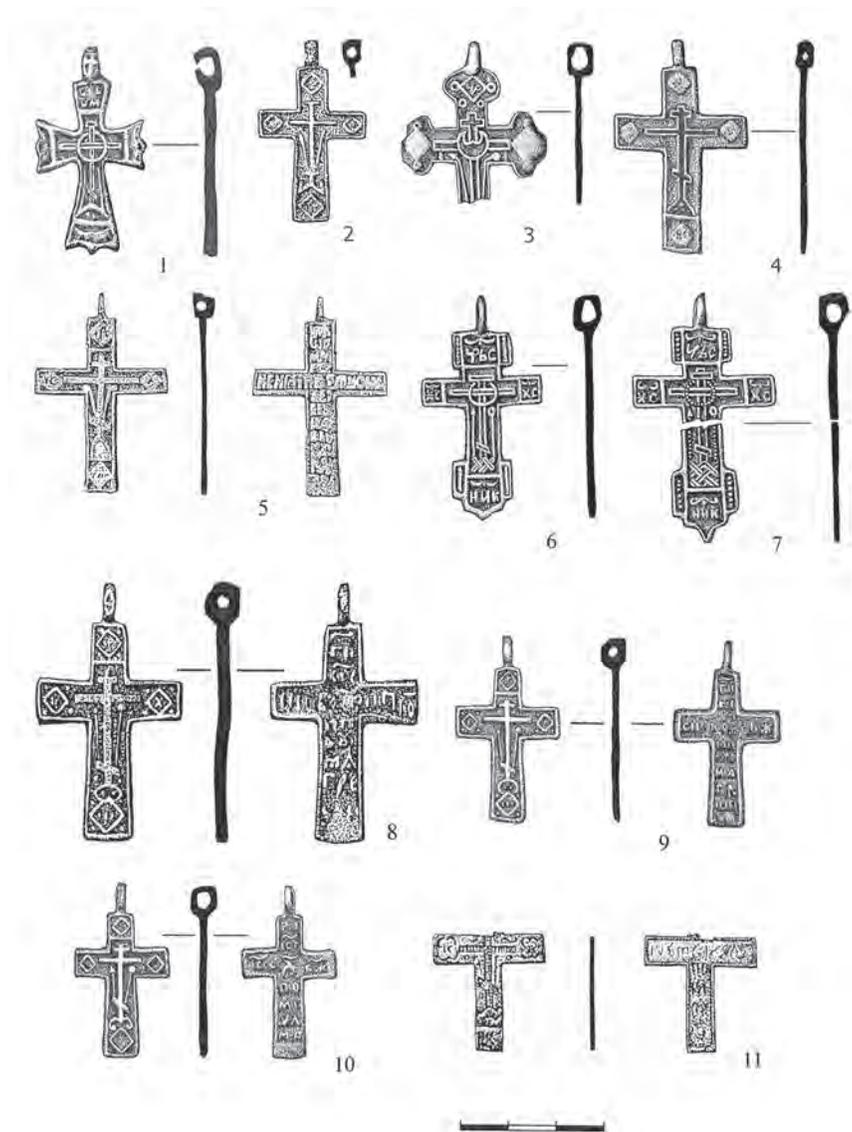

Рис. 4 – Кресты-тельники второй половины XVI–XVII в., собранные на средневековых поселениях в районе Куликова поля: 2, 4–5, 8–11 – ТИП I, подтип I, вариант 5; 6, 7 – ТИП II; 1 – ТИП III; 3 – ТИП IX.

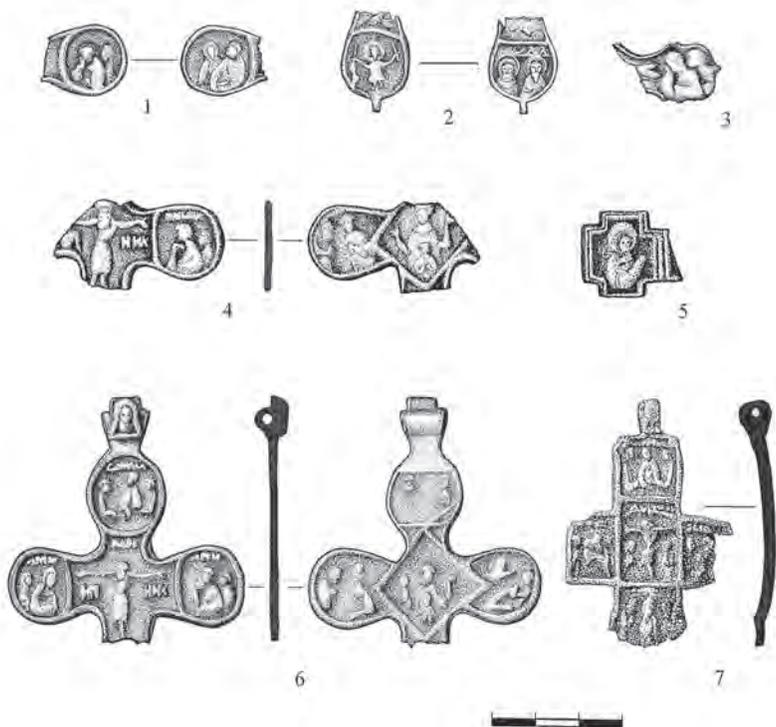

Рис. 5 – Фрагменты бронзовых наперсных крестов XVI–XVII вв., собранных на средневековых поселениях в районе Куликова поля.

Рис. 6 – Фотофиксация расположения слободы конных стрельцов (выполнена фотохудожником Государственного Военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» Р.В. Солоповым).

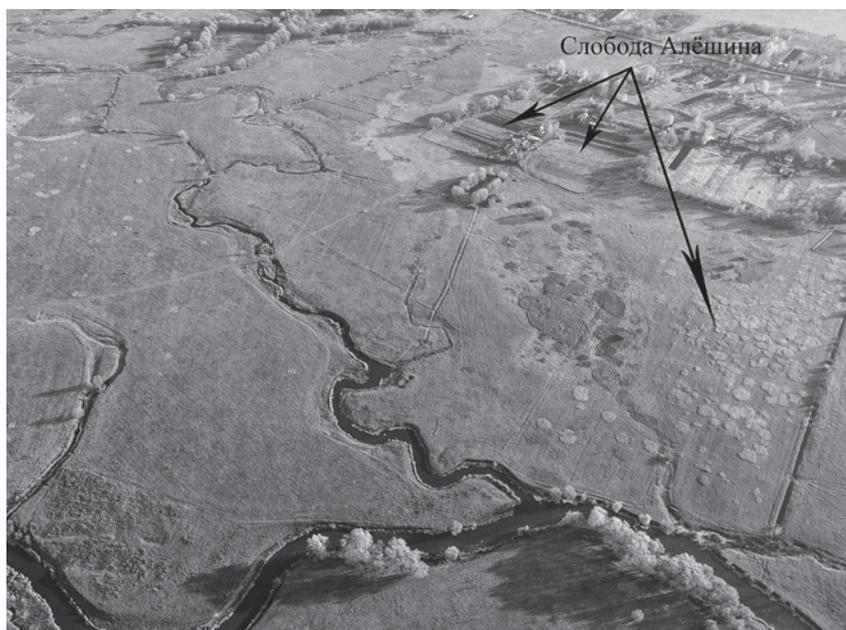

Рис. 7 – Фотофиксация расположения Алёшиной слободы (выполнена фотохудожником Государственного Военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» Р.В. Солоповым).

**Н.А. Счастливая, О.Н. Сотскова, Ю.В. Матвеева,
Е.Ю. Гузеева, А.О. Наумова, А.В. Савёлова,
Е.М. Волкова, Е.В. Барабанова, А.А. Мамонова**

Изучение и реставрация знамени XVII в. (Одоевского?) из фондов Государственного Исторического музея

В апреле 2018 г. в мастерскую реставрации тканей отдела реставрации ГИМ в рамках подготовки выставки «500-лет Тульскому кремлю» поступило уникальное воеводское знамя (Рис. 1). Сохранилось четыре таких знамени: «По описи 1884 г. в Оружейной палате хранилось всего три воеводских знамени... “Знамя окольного и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского, 1612 года, тафтяное” и ещё два экземпляра воеводских XVII века, тафтяных. Ещё одно, хранящееся в историческом музее, связывают с именем С.З. Одоевского»¹. Надо отметить, что воеводские знамена из Оружейной палаты по виду отличаются от знамени из Исторического музея. Кремлёвские имеют прямоугольную форму, в центре — изображение Спаса. Знамя из Исторического музея представляет собой прямоугольник с откосом, центральное изображение — Богородица с предстоящими.

Этот памятник приобретен ГИМ в 1937 г. В «Заключении о знамени, предлагаемом Гос. Истор. Музею для приобретения» старшие научные сотрудники IV исторического отдела ГИМ Г.А. Новицкий и Г.Н. Бибииков написали: «...знамя представляет собой уникальный и чрезвычайно ценный памятник старины, относящийся ко второй половине XVII века. Для экспозиции ГИМ этот памятник крайне необходим. Знамя явится одним из наиболее ярких и ценных экспонатов для характеристики московского самодержавия XVII века, одним из «гвоздей» экспозиции 16 зала. При-

¹ Симкин М.П. Знамёна как исторические памятники и музейные экспонаты. Труды научно-исследовательского института музееведения. Выпуск 10. М., 1963. С. 37.

обретение знамени крайне желательно в интересах экспозиции»². 10 августа 1937 г. в Главной Инвентарной книге ГИМ была сделана запись о покупке «знамени XVII столетия».

Знамя куплено у частного лица, «гражданина Максимова П.Хр.» за 250 руб. Максимов приложил записку, в которой изложена «История приобретения доставленного мной знамени в музей». Он пишет: «В 1929 (точно установить время теперь не могу), будучи в командировке в бывшем Саровском монастыре после полной его ликвидации, среди хлама, сваленного на полу в одном из монастырских помещений, заметил это знамя. Не зная, что эта вещь из себя представляет, но интуитивно чувствуя в ней старину, я попросил продать его мне, на это получил согласие заведующего имуществом бывшего монастыря. Считаю нужным добавить, что в дальнейшем при рассмотрении знамени я обнаружил при нем записку (анонимную), написанную на лоскуте из того же холста, в которой было сказано, что означенная вещь «тщанием» Ширинского-Шихматова реставрирована и преподнесена им в дар монастырю в день открытия мощей пр. Серафима»³.

В начале XX в. известны два брата Ширинских-Шихматовых: Алексей и Андрей Александровичи, которые могли сделать вклад в Саровскую пустынь. Прокурор Московской конторы Св. Синода — кн. Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (1862—1930)⁴ принимал участие в подготовке мероприятий, связанных с торжествами по прославлению прп. Серафима Саровского, которые состоялись летом 1903 г. Но и кн. Андрей Александрович Ширинский-Шихматов (1868—1927) мог присутствовать на торжествах и передать монастырю знамя. В молодости, живя в имении Островки на берегу живописного озера Имоложье, он проводил раскопки обнаруженных поблизости курганов XI—XII вв. Все найденные предметы он передал в музей Тверской учёной архивной комиссии, почётным членом которой являлся. В музее в специальной комнате были выставлены пожертвования князя⁵.

Интересен и человек, продавший в Исторический музей знамя. Павел Христофорович Максимов (1894—1970) родился в Москве в семье священника, в 1910 г. окончил Заиконоспасское училище, а

² ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 2. Ед. хр. 234—235. Л. 116.

³ Там же. Л. 117.

⁴ *Чичагов Серафим, митрополит*. Да будет воля Твоя. Кн. 2. СПб., 1993. С. 8.

⁵ См.: <https://uldelo.ru/2016/04/19/knyaz-shirinskii-shikhmatov> (Дата обращения: 22.08.2019).

в 1916 г. — московскую духовную семинарию. В диаконы его рукоположили только в марте 1947 г.⁶ С этого момента служил в различных храмах Москвы и Московской области, с января 1962 г. — настоятелем храма Воскресения Словущего в Вешняках⁷.

После 1948 г. знамя было записано в инвентарную книгу отдела тканей и костюма. Специалисты музея предположили, что буквы, расположенные в нижней части знамени — «ЗС КИМѢ» — можно расшифровать как «Знамя сие князя Ивана Микитича Одоевского». Они изменили датировку предмета (конец XVI — начало XVII в.), указав, что мешочек для древка сшит из набойки XVIII в. Но так ли расшифровываются эти буквы — до сих пор неизвестно. Источники, подтверждающие принадлежность знамени кн. Одоевским, не выявлены.

Помимо аббревиатуры этот памятник хранит и другие загадки, в том числе и в сюжете. Знамя относится к типу воеводских знамён с откосом (нижняя правая часть полотнища срезана). Такие знамена называли «косынями»⁸. На момент поступления в реставрацию длина по верхнему краю составляла 190 см, а высота по древку 161 см. В процессе реставрации был восстановлен изначальный размер — 311×179 см (четыре аршина шесть вершков на два аршина восемь вершков). Размеры знамени из коллекции ГИМ близки к параметрам знамён «сходных и посылных воевод», изготовленных в XVII в., которые «были сделаны длиною от 3 до 4 аршин, шириною от 2 до 2½ аршин»⁹.

На знамени изображена Богородица с младенцем, которую можно отнести к типу Никопея Кириотисса (Победоносная). Академик Н.П. Кондаков в книге «Иконография Богоматери» называет Никопею «палладием императорского дома и Византии и эмблемою триумфов её войск над варварами»¹⁰, подробно рассматривая развитие иконографии этого образа. На знамени также изображе-

⁶ Журнал московской патриархии. 1971. № 1. С. 32.

⁷ Выражаем благодарность за составление исторической справки старшему научному сотруднику Научно-Ведомственного архива ГИМ Клюшкиной И.В. и заведующей отделом хранения тканей и костюма Суэтовой Н.В.

⁸ «“Косыня”, т.е. четырёхугольник, к одной из сторон которого пришивался... один или несколько длинных треугольных “клинцов”» (Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Великокняжеский и царский периоды. СПб., 1898. С. 23).

⁹ Яковлев Лукиан. Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М., 1865. С. 32.

¹⁰ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. СПб., 1915 (Репринт 1998 г.). С. 126.

ны коленопреклоненные фигуры святителя и князя. В круглых медальонах около главы Богородицы помещена надпись — «МР ΘΥ» под титлами. Над изображением епископа фрагментарно сохранилась надпись: «АГИОЕГЪТИМИ...». В иконописном подлиннике Большакова помещены два святителя с именем Евфимий¹¹: епископ Сардийский¹² и архиепископ Новгородский¹³. Но в святцах православной церкви святителей с таким именем, прославленных в лике святых до XVII в., представлено существенно больше¹⁴. Кто из них изображен на знамени, ещё предстоит выяснить.

Над фигурой князя вставка с именем утрачена. Вместо неё в более позднее время вшит шёлк, по цвету близкий к авторскому, но без текста. На знамёнах в XVII в. изображали преимущественно русских святых князей, причём делалась надпись: «О благоверный княже, прииди на помощь и способствуй во брани сроднику своему благочестивому государю нашему царю Алексею Михайловичу». В качестве примеров Н.Г. Николаев приводит: «св. равноап. великого князя Владимира и чад его благов. кнн. Бориса и Глеба»; «царевича Димитрия Углицкого, князя Димитрия Донского, князя Романа Углицкого, князя Мстислава, князя Георгия Владимирского»; «Меркурия Смоленского»¹⁵. Установить, кто из князей изображён на данном знамени и почему именно с этим святителем — задача предстоящего исследования.

Лики князя и архиерея обращены к Богородице, а персты правых рук сложены в жест, близкий к именовсловному. Мизинец немного отставлен, указательный и средний — слегка вытянуты. Большой и безымянный пальцы смыкаются подушечками. Смысл

¹¹ *Большаков С.Т.* Подлинник иконописный. М., 1904 (Репринт 1998 г.). С. 142—143.

¹² Евфимий, еп. Сардийский (754—831 гг.) (память 26 декабря) — участник VII Вселенского собора. В лике святых прославлен вскоре после кончины. Память отмечается в Типиконе Великой церкви IX—XI вв. без богослужебного последования. В иконописном подлиннике описано, как следует его изображать: «И святого священномученика Евфимия епископа Сардийского, сед, брада Афанасьева, риза святительская, амфор и Евангелие». (*Большаков С.Т.* Подлинник иконописный... С. 60).

¹³ Евфимий, архиепископ Новгородский (? — 1458 г.). Канонизирован на втором Макарьевском соборе в 1549 г. в лике святителей. В иконописном подлиннике описано изображение так: «И иже во святых отца нашего архиепископа Новгородского чудотворца, риза святительская, на главе клобук бел, брада Иоанна Богослова, подоле повилась» (*Большаков С.Т.* Подлинник иконописный... С. 80).

¹⁴ Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 374—429.

¹⁵ *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Великокняжеский и царский периоды. СПб., 1898. С. 46, 50, 57, 59.

их перстосложений требует дальнейшего изучения. У Иисуса благословение обеими руками (архиерейское), при этом ладони почти развёрнуты на молящихся. В центральной части знамени изображён крест с надписями: **ЇС ХС**, **НИКА**, буквы **Г** и **А** под титлами. Так же здесь написаны слова, в которых допущены ошибки: **ЦРЬ СЛАВЫ** — написаны под титлами, но буква **А**, в слове «славы» не пропущена. Слово «трость» написано с ошибкой — **ТРОТС** и помещено около изображения копья, а слово **КОПИЕ** имеет «и» восьмеричную вместо «і» десятеричной и написано около изображения трости с губкой. Надписи вокруг креста, изображение трости и копия, а также кости вокруг главы Адама выполнены белой краской и отличаются по стилю написания от клейм с надписью Богородицы и святителя, которые выполнены чёрной краской. К тому же буквы расположены не так плотно, как в написании имён Богородицы и архиерея. Это дало основание реставратору Т.Н. Протасьевой в 1948 г. сделать вывод о том, что надписи около креста «являются позднейшим прибавлением»¹⁶. У ног Богородицы расположены буквы «**ЗС КИМЃ**». Предполагается, что они являются начальными буквами шести слов. Палеография знамени — также вопрос отдельного исследования.

Чёрной краской обведён контур изображений, личное, орнаменты на одеждах и Евангелии в руках святителя, надписи. Лики и руки, влася притенены желтовато-охристым цветом. Оранжевой краской написаны кресты на омофоре и кисточка на палице архиерея, застежки на верхней одежде князя. Тонкий слой оранжевой краски нанесён на изображения уст всех фигур. В откосе изображены три звезды¹⁷. По всему периметру знамени обрамлено каймой. Она выполнена из зеркально расположенных чередующихся голубых и жёлтых «трилистников» с каплями по центру.

По трём признакам: размер, «строение косынью» и наличие трёх звёзд в откосе, данное знамя подходит под описание воеводских знамён сходных полков.

Для изготовления знамени использованы десять шёлковых тканей (**Табл. 1**). Все они изготовлены из непряжённого шёлка, имеют полотняное переплетение со слабо выраженным «рубчиком» по

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 898. Протокол № 1294. С. 31.

¹⁷ Николаев пишет, что выдаваемые воеводам знамёна, созданные после 1654 г., делились на знамёна «больших» и «сходных» воевод. Последние, в отличие от первых, были меньше по размеру, и на них «на откосе круги не нашивались и священные изображения заменялись золотыми и серебряными звездами» (Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 57.)

утку, и могут быть отнесены к тафтяным тканям¹⁸. Почти все они близки по плотности переплетения, но выделяются две: малиновая на шубе князя (с более выраженным рубчиком, плотностью 90×24 нити на см²) и ткань более равномерного переплетения (66×50 н/см²), из которой сделан мафорий Богородицы, капли на голубых участках каймы, лики, подкладка фелони святителя, вставки-надписи и звёзды. Наличие кромок зафиксировать не удалось. По Н.Г. Николаеву, с конца царствования Михаила Фёдоровича «материалом для знамён (полотнищ) стала служить главным образом “тафта” разных цветов: лазоревая, жёлтая, зелёная, червчатая, алая и т.п. Камки стали употребляться гораздо реже. На большинстве знамён лики святых не вышиваются, как это обыкновенно делалось прежде, а пишутся»¹⁹.

Красный фон центральной части сшит из двух кусков ткани, положенных утком по длине знамени, шов проходит над буквами на уровне коленей святителя. Ширина большей части составляет 99 см, то есть ткань была минимум 101 см (если кромки не срезались, а уходили внутрь шва) или полтора аршина. Исходя из этого размера, можно предположить, что тафта полотнища знамени итальянского производства. По приведённым В.К. Клейном выпискам из торговых книг XVII в.²⁰, именно «венецийка» выпускалась шириной полтора аршина в отличие от других упоминаемых тканей, ширина которых была значительно меньше. Подтверждает предположение об итальянском происхождении тафты и Яковлев: «сделаны... знамена в тафтах широких, венецийских, разных цветов»²¹ (Рис. 2).

Швы на одеждах видны на фигурах святителя и князя. У обоих доставлены маленькие уголки у подола на нижних одеждах. Это говорит о том, что шёлк очень сэкономили. Швы на кайме сохранились в трёх местах: два на голубом, один на жёлтом шёлке. Основа каймы по верхнему краю параллельна основе фона средника. Самый длинный участок от шва до шва (на верхней кайме) на голубой ткани имеет длину 114 см. Ширина каймы 25—26 см. Если достроить утраченный угол знамени, общая длина каймы с учётом реконструированной области должна быть примерно 697 см.

¹⁸ *Иерусалимская А.А.* Словарь текстильных терминов. СПб., 2005. С. 43; *Енишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. С. 4330.

¹⁹ *Николаев Н.Г.* Указ. соч. С. 36.

²⁰ *Клейн В.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925. С. 58.

²¹ *Яковлев Лукиан.* Указ. соч. С. 42.

Памятник выполнен запошивочным швом²² в технике «интарсия» (от итал. *intarsio* — вставка). С обеих сторон знамя выглядит одинаково, как витраж. Подобная техника использована при изготовлении стрелецкого знамени 1690 г. и описана А.В. Силкиным: «Интарсия — шитьё встык — позволила создать двустороннее произведение, швы которого образуют чёткие контуры, дополнительно прописанные чёрной краской. Благодаря этой технике однослойное полотнище знамени имеет на обороте те же изображения, что и на лицевой стороне»²³. Детали знамени сшиты между собой с использованием некрученных шёлковых нитей. Нитки для работы старались подбирать в цвет тканей. Например, на кайме граница шва, приходящаяся на голубой участок, прошита голубыми нитками, на жёлтый — жёлтыми, на «белый» — «белыми». Правило соблюдения цвета сшивных нитей действует для всех фигур. Так, лик Богородицы и Младенца вшиты в одежду с соблюдением этого правила. Но финальная сборка знамени делалась немного иначе. В последнюю очередь, видимо, на красный фон монтировались заранее заготовленные фигуры, были вшиты надписи, крест, буквы. Это сделано красными нитками. Есть основания полагать, что кайма шилась отдельно, длинной узорной лентой, которую на последнем этапе изготовления нашили на готовую центральную часть знамени жёлтыми нитями. Косой нижний край средника был прошит для удобства работы «назад иголкой», чтобы избежать деформации, прежде чем прикрепить к нему кайму. Верхний край знамени обшит для надёжности лентой, сохранившейся очень плохо. Под ней имеются нити прямого шва. Уже сшитое знамя было расписано, причём контуры по швам и некоторые оранжевые элементы прописаны с обеих сторон.

О технологии пошива знамен пока удалось найти немного. Н.Г. Николаев описывает процесс изготовления знамён так: «Когда получалась материя и собиралось всё необходимое в Оружейном приказе, закройщик кроил знамя по образцу, который иногда являлся в виде чертежа с соответствующими пояснительными надписями, приложенными «к памяти». Затем знамя сшивалось и растянутое в пальцах подвешивалось для росписи на крюки в каком-нибудь свободном покое, преимущественно же в иконном покое... Роспискою знамен занимались “жалованные и кормовые

²² Курс женских рукоделий. СПб., 1902. С. 31.

²³ Силкин А.В., Семечкина Е.В. Стрелецкое знамя 1690 года из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея. М., 2004. С. 8—9.

иконописцы”, а также живописцы Оружейного приказа со своими учениками. Прежде всего на бумаге знаменился образец, который потом и переводился на выбранную для знамени материя. Надписи же, по утвержденным Государем росписям, делались особыми словописцами»²⁴. Иногда знамёна шились шатёрными мастерами: «Шатерному мастеру по распоряжению приказа Тайных дел отпущено на шитье знамени тафты разных цветов»²⁵.

На данный момент с некоторой долей уверенности можно предположить, что знамя шилось:

1. Несколькими мастерами. Швы выполнены «разной рукой». Это впечатление складывается из наблюдений над аккуратностью исполнения, размерами стежков и их направлением. Лукиан Яковлев приводит сведения о том, что одно знамя могли шить от 4-х до 20-ти человек²⁶. Н.Г. Николаев пишет, что число иконописцев могло доходить до 13-ти, особенно если работу надо было закончить «на спех»²⁷.

2. Знамя, вероятно, шили частями. То есть отдельно изготовили более сложные многосоставные части (фигуры), которые затем собрали в изделие.

3. Работу нужно было периодически переворачивать, чтобы погнуть срезы на оборотной стороне.

Отдельной темой для изучения может стать вопрос о месте изготовления знамени²⁸.

До 2019 г. знамя несколько раз реставрировалось. Ещё до того, как оно попало в музей, в целях поновления были сделаны заклейки шёлком с изнаночной и лицевой сторон авторских тканей.

²⁴ Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 80.

²⁵ Там же; С.80. Арх. Моск. Оруж. Пал. Кн. № 1024.

²⁶ Яковлев Лукиан. Указ. соч. С. 367; Примеч. 460. С. 17.

²⁷ В качестве примера приводит случай 1669 г.: «у Государева знамени с 1 по 10 сентября работало иконописцев: жалованных — 2, кормовых большой статьи 3 и малой статьи — 8». (Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 27).

²⁸ Основным местом изготовления подобных знамён был Казённый приказ. Но «бывали случаи, что государю подносились знамёна. Между прочим «ударил челом» Михайлу Фёдоровичу Крутицкий митрополит знаменем, на котором по камке был шит «Спасов образ Эммануил». Бывало, что воеводам не выдавали знамёна из Оружейного приказа, а они сами их изготавливали: «Сотенные знамёна этой категории заготавливались не только в Казённом приказе, но иногда строились и самими воеводами. Так в 1618 г. «боярин и воевода князь Иван Борисович Черкасский» по случаю предстоящей войны построил в Ярославле перед выступлением в Москву «двадцать три знамени тафтяных да знамя киндачное». При этом «воеводам, изготавливавшим полотнища знамён собственным попечением, выдавались и высылались только принадлежности к знамёнам». (Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 33, 37, 68).

Потом знамя целиком наклеили на белую хлопковую ткань. Уже в музее, в октябре 1937 г. оно поступило в мастерскую реставрации тканей, но информация о реставрационных мероприятиях не сохранилась²⁹. И ещё раз его передавали в мастерскую реставрации 2 марта 1948 г., где оно находилось в работе до 15 мая 1948 г. Об этой реставрации известно из подробного паспорта, составленного реставратором Т.Н. Протасьевой (**Рис. 3**). Татьяна Николаевна очистила поверхность знамени от пыли и загрязнений тёплой водой с помощью ватных тампонов, удалила с фигуры Богоматери полосы голубой ткани, наклеенные вместо утраченного мафория, тесьму, ткань, закрывающую нимб; белую дублировочную ткань затонировала темперой. Трещины и разрывы на ткани она укрепила «путём введения под ткань тонкого слоя рыбьего клея». Реставратор дописала темперой недостающую часть синего хитона Богоматери и многочисленные мелкие утраты и трещины в изображениях святителя и князя³⁰.

До наших дней знамя дошло в руинированном состоянии. Наиболее целой является часть знамени, ближайшая к древку. Малиновый средник ближе к углу косыни представляет собой отдельные пасмы нитей. Каймы сохранились в виде фрагментов, а в некоторых местах, как и средник, в виде нитей. Ближе к утраченному углу фрагменты каймы наклеены без соответствия узору. Мафорий Богородицы практически целиком утрачен, от него уцелело несколько небольших фрагментов. Нижняя часть лика Богородицы сильно разрушена. Одежды святителя и князя имеют большое количество утрат, сильно посечены. Лик князя более чем наполовину не сохранился. Личное на всех изображениях разрушено, посечено, имеет многочисленные утраты. Можно объяснить, почему менее разрушенной является часть знамени, ближайшая к древку. Такая неоднородность сохранности полотнища объясняется тем, что откосы на знаменах «от ветру избились»³¹. Мафорий Богородицы выпал почти полностью. Удалось установить, что причиной его разрушения могло стать крашение по железной протраве. Так же плохо сохранились каплевидные вставки на жёлтых участках каймы, но определить железо в составе их волокон не удалось, так что причина их разрушения пока не установлена.

²⁹ Мастерская реставрации тканей ГИМ. Запись из тетради поступлений вещей в реставрацию 1922—1957 гг. 13.10.1937 г. «Знамя только что купленное».

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 898. Протокол № 1294. С. 33—35.

³¹ Николаев Н.Г. Указ. соч. С. 63.

Вся поверхность знамени покрыта пятнами мучного и рыбьего клея, следами плесени. При предыдущих реставрациях дублировочную ткань в местах утрат закрашивали краской. Эта краска попала и на авторскую ткань. Знамя сильно деформировано. Дублировочные ткани наклеивались без предварительного расправления, поэтому вся поверхность знамени в заламах и складках. В результате оказался искажён рисунок фигур и размер полотнища. Некоторые фрагменты знамени наклеены друг на друга. В мастерскую реставрации тканей ОРФ ГИМ знамя поступило утратившим свою первоначальную форму «строения косыней», предыдущими реставрациями не предусматривалось восстановления первоначального размера и формы знамени.

В секторе технико-технологической экспертизы отдела реставрации Исторического музея были проведены предреставрационные исследования некоторых материалов и технологических особенностей знамени (О.Б. Лантратова, В.Б. Лукьянов). К работе были привлечены специалисты из Научного центра волоконной оптики РАН (Л.Д. Исхакова) и новосибирского Института органической химии СО РАН (Е.В. Карпова). Хроматографическое исследование 5-ти образцов шёлковых тканей показало, что все они окрашены природными красителями (Табл. 1). В красных нитях найдена кошениль с добавлением танинов (дубильных веществ), в синих и голубых — индиго (из растений индигоноска или вайда), малиновые нити окрашены смесью кошенили и индиго, зелёные — смесью жёлтых красителей из ре�еды (или серпухи красильной), индиго (синий цвет) и марены (красный цвет). Для анализа красок, которыми выполнена живопись на знамени, было отобрано три пробы пигментов — чёрного, белого и оранжевого цветов. Исследования методом рентгеновской энергодисперсионной спектроскопии показали, что чёрная краска состоит в основном из пигмента жжёная кость с добавлением свинцовых белил. Белая краска — свинцовые белила. Оранжевая — свинцовый сурик. На знамени присутствует ещё один цвет — желтовато-охристый, которым выполнены притенения на ликах, руках и власах. Но отобрать пробу этой краски не представилось возможным из-за очень тонкого лессировочного слоя, которым она нанесена на шёлк.

При определении в красках связующего задача осложнилась тем, что при поновлении шёлк знамени пропитали мучным клеем. «Но при ИК-спектрометрическом анализе удалось получить спектр, который можно интерпретировать как спектр яичного жел-

тка. Иными словами, технику живописи знамени можно отнести к яичной темпера». Исследования клея, который использовали при дублировании знамени на новую основу, проводили с помощью гистохимических и микрохимических методов. В результате выявлено, что для наклеивания знамени на холст использовали мучной клей³². В реставрационном паспорте 1948 г. записано, что для укрепления отстающих фрагментов шелка Т.Н. Протасьева использовала рыбий клей³³.

На реставрационном совете было принято решение о необходимости снятия старой дублировочной ткани и всех заклеек, очистки поверхности от загрязнений и клеев. Перед началом работы на прозрачной плёнке была изготовлена картограмма утрат. Лицевую сторону знамени очистили с помощью микротампонов, смоченных дистиллированной водой. Перед тем как приступить к раздублированию, лицевую сторону перекрыли маргиланским газом и зафиксировали с помощью энтомологических булавок. Это позволило перевернуть знамя лицом вниз. С помощью парового карандаша отделили белую хлопковую дублировочную ткань от знамени. Так же отделяли вставки дублировочного шёлка (**Рис. 4**).

После демонтажа заклеек стало возможно очистить от клея обратную сторону знамени с помощью микротампонов, смоченных тёплой дистиллированной водой. После очистки под знамя подвели изготовленный из картона обтянутый тефлоновой плёнкой планшет. На нём растянули и укрепили шёлковый газ, на котором расправили знамя, смачивая водой с помощью флейца. При этом нити утка и основы уложили строго перпендикулярно друг другу. Благодаря этому в процессе устранения деформации изменился рисунок мафория Богородицы, одна из букв аббревиатуры из И превратилась в Ю (**Рис. 5, 6**). Поскольку на знамени были обнаружены следы плесени, по совету миколога его обработали трёхпроцентным водно-спиртовым раствором Preventol. Тонкий французский газ для дублирования на него оборота и перекрытия знамени с лицевой стороны затонировали в нейтральные цвета, напылили на него клей А-45 К. Обратную сторону влажного выровненного знамени перекрыли напылённым газом, накрыли защитными слоями ткани и засыпали мелким песком в качестве пресса. После высыхания пресс был снят, и с помощью вала зна-

³² Лантратова О.Б. Отчёт «Исследование состава пигментов живописи знамени князя Ивана Никитича Одоевского, ГИМ 78659 ТМ-78». С. 8, 9.

³³ ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 898. Протокол № 1294. С. 35.

мя перенесли на вакуумный стол, перевернув лицевой стороной вверх. Сравнивая изображения на знамени с фотографиями этих участков до реставрации, разложили мелкие фрагменты знамени на их места и зафиксировали на дублировочную ткань путём проглаживания термошпателем через фторопластовую пленку.

Элементы композиции знамени в виде трёх звёзд, расположенные за фигурой князя в ряд, не имеют общей основы с фоном. Поэтому можно предположить, что их расположение при дублировании на хлопковую ткань было выполнено произвольно. Есть аналогии, когда эти элементы на знамёнах расположены треугольником в углу косыни. Но поскольку при первоначальной реставрации они были смонтированы именно в ряд и не были найдены признаки, по которым стало бы понятно, каким было авторское расположение, их разместили так, как они были смонтированы при предыдущем дублировании.

Расправленное и укреплённое на дублировочную ткань знамя уже с лицевой стороны с помощью флейца смочили водой, затем накрыли сверху тонированным газом и отпрессовали на вакуумном столе. На высушенном и расправленном знамени соединили два слоя реставрационного газа и укрепили между собой газовой нитью иглой швом «вперед иголку». При этом восстановили форму знамени в виде косыни. Набойка у древка знамени очищалась методом тампонирования дистиллированной водой на фильтровальной бумаге, дублировалась на тонированный хлопок. Сечения и разрывы укреплялись тонкой шёлковой нитью иглой.

Знамя сильно разрушено, и чтобы в местах утрат не просвечивал светлый фон обтяжки планшета, для придания экспозиционного вида была сделана подложка из раскрашенной кальки. В результате реставрации знамени было очищено от загрязнений и клея, удалены все наслоения дублировочных тканей, выровнена вся поверхность, складки и заломы расправлены, удалены искажения рисунка, букв. Оно восстановлено в первоначальных размерах и первоначальной форме косыни и сдублировано на прозрачный тонкий газ, чтобы его оборот стал доступен для обозрения, а с лицевой стороны перекрыто также прозрачным газом для более плотной фиксации к дублировочной ткани отдельных нитей и пасм (Рис. 7). Реставрация знамени почти завершена, но вопросы его истории, времени создания и принадлежности остались открытыми. Полученное в результате реставрации изменение буквы И на Ю поможет в дальнейшей работе по атрибуции знамени.

Библиография

- Большаков, С.Т.* Подлинник иконописный. М., 1904. Репринт: М.: Паломник, 1998. 424 с.
- Епишкин, Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
- Иерусалимская, А.А.* Словарь текстильных терминов. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. 95 с.
- Клейн, В.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
- Кондаков, Н.П.* Иконография Богоматери. Т. 2. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915 (Репринт: М.: Паломник, 1998). 451 с.
- Курс женских рукоделий. СПб.: Типография СПб. Акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1902 (Репринт: М.: А/О «Толика» («Российский писатель»), 1992). 541 с.
- Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 1. С. 32.
- Николаев, Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Великокняжеский и царский периоды. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1898. 341 с.
- Православная энциклопедия. Т. XVII. М., издательство Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. 745 с.
- Силкин, А.В., Семечкина, Е.В.* Стрелецкое знамя 1690 года из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея. М.: СканРус, 2004. 80 с.
- Симкин, М.П.* Знамена как исторические памятники и музейные экспонаты. Труды научно-исследовательского института музееведения. Выпуск 10. М.: Издательство НИИ музееведения, 1963. 275 с.
- Чичагов Серафим, митрополит.* Да будет воля Твоя. Кн. 2. СПб.: МП «Нева-Ладога-Онега», 1993. 672 с.
- Яковлев Лукиан.* Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М.: Синодальная типография, 1865. 383 с.

Рис. 1 – Знамя до реставрации.

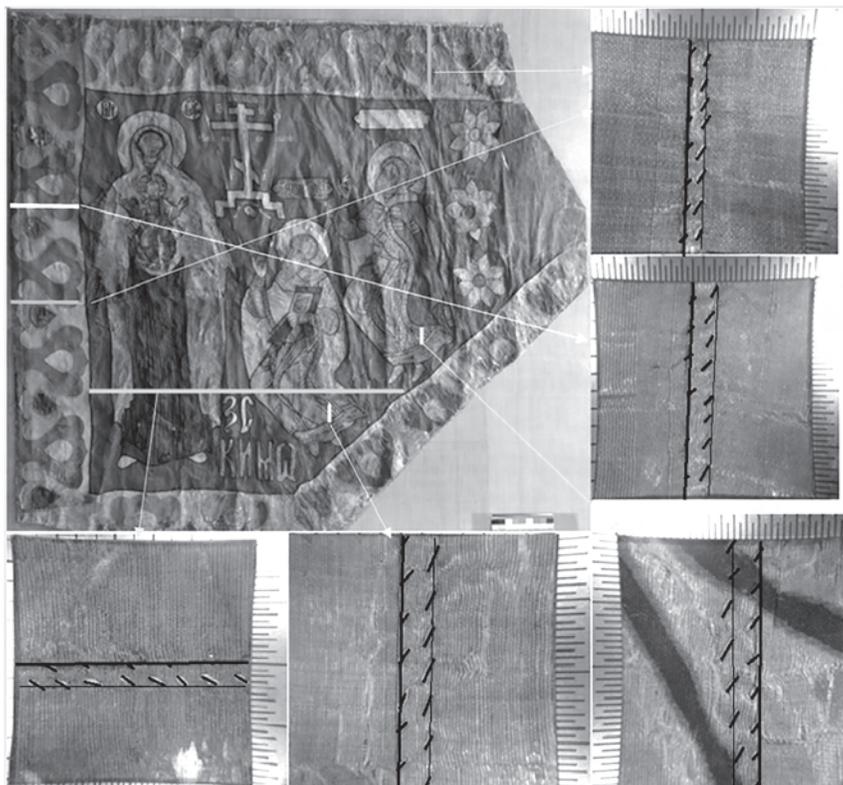

Рис. 2 – Швы на знамени.

Рис. 3 – Знамя до реставрации Т.Н. Протасьевой 1948 г.

Рис. 4 – Знамя в процессе реставрации.

Рис. 5 – Буквы до и после реставрации.

Рис. 6 – Изображение Богородицы до и после реставрации.

Рис. 7 – Знамя до и после реставрации.

Фото	Где использована	Материал	Плотность н/см ²	Цвет	Окрашена	Результаты хроматографии Карповой Е.В.
	Фон	Непряденый шелк	72x32	Красный	Таннины, Кошениль	(370 нм) 4,5–6,5 мин Оравалтаговая + Эптаговая кислоты (440 нм) 3,0 мин Карминовая кислота 12,3 мин dCl 15,8 мин Кермесовая кислота
	Плащ князя	Непряденый шелк	90x24	Малиновый	Индигоноско или Вайда, Кошениль	(440 нм) 3,7 мин Карминовая кислота 12,6 мин dCl 15,9 мин Кермесовая кислота (600 нм) 18,6 мин Индиготин 20,4 мин Индирубин (следовые)
	Плащ Богородицы, центр средней звезды	Непряденый шелк	70x40	Синий	Индигоноско или Вайда	(660 нм) 18,6 мин Индиготин 20,4 мин Индирубин (следовые)
	Одеяние святителя	Непряденый шелк	66x46	Зеленовато-голубой	Индигоноско или Вайда, Резеда/Серлук а, Марена	(370 нм) 13,9 мин Лютеолин; 15,8 мин Адригенин 16,4 мин 3-метилкверцетин; (440 нм) 17,4 мин Алкариг; 19,9 мин Пурпурин (600 нм) 18,6 мин Индиготин
	Одеяжда князя, центры звезд	Непряденый шелк	72x40	Зеленоватый	Не известно	Не изучалась
	Плащ Богородицы, Фелонь святителя, буквы, надписи, средняя звезда, подгибка и мех одежды князя	Непряденый шелк	~70x38	Белый	Не известно	Не изучалась
	Голубые участки каймы, одеяние Спасителя	Непряденый шелк	76x36	Голубой	Индигоноско или Вайда	(полоса 600 нм), 18,6 мин Индиготин, 20,4 мин Индирубин (следовые)
	Крест, нимбы, обрез евангелия, одеяние Спасителя, каймы одежд, желтые участки каймы	Непряденый шелк	88x40	Золотисто-желтый	Не известно	Не изучалась
	Капты на голубых участках каймы, лица, подгибка фелони, надписи, звезды	Непряденый шелк	66x50	Белый	Не известно	Не изучалась

Табл. 1 — Девять тканей знамени.

Сведения об авторах

Барабанова Екатерина Владимировна, художник-реставратор второй категории Государственного Исторического музея.

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Брезунова Виктория Михайловна, кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского государственного университета.

Бурцев Игорь Геннадьевич, научный сотрудник Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

Васильева Елизавета Павловна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного исторического музея.

Виноградов Александр Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Волкова Евгения Михайловна, художник-реставратор третьей категории Государственного Исторического музея.

Гоняный Михаил Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного исторического музея.

Гузеева Елена Юрьевна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Дедук Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий архивохранилищем Российского государственного архива древних актов.

Евдокимов Роман Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного университета; доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Лаврентьев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Малов Александр Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Мамонова Анна Андреевна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Матвеева Юлия Владиленовна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Медведь Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Наумова Анастасия Олеговна, художник-реставратор третьей категории Государственного Исторического музея.

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Носов Константин Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы, главный редактор журнала «Вопросы истории фортификации».

Савёлова Анастасия Викторовна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Скобелкин Олег Владимирович, доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета.

Сотскова Ольга Николаевна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Счастливая Наталья Александровна, художник-реставратор высшей категории Государственного Исторического музея.

Фомин Кирилл Николаевич, научный сотрудник Государственного военно-исторического музея-заповедника «Куликово поле».

Юркин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института истории, естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова.

Научное издание

Тульский кремль и южные рубежи России
Материалы Всероссийской научной конференции

Выпускающий редактор: М.И. Былхова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 18.09.20
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 24.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в уличном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

